

приоритет2030⁺
лидерами становятся

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Том 3

Москва

Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

X СТУДЕНЧЕСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

ПАРАДИГМА ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Том 3

Коррупционные преступления: проблемы квалификации
Обеспечение прав личности в уголовном процессе:
теория и практика на современном этапе
Криминалистические средства противодействия терроризму и экстремизму
Виктимологические особенности преступлений
Преступность и ее предупреждение в условиях современных вызовов и угроз
Правовое регулирование трансграничных частноправовых отношений
в условиях санкций
Будущее международного права
Международное частное право в условиях фрагментации мира:
новые подходы к выбору применимого права и разрешению споров
Le droit français contemporain: de la théorie à la pratique
Sustainable development paradigm in Russia: from theory to practice
Biolaw
Legal regulation of environment protection

Под общей редакцией **А. В. Сладковой**

Москва
Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2024

УДК 34(082)

ББК 67я43

Д377

Редакционная коллегия

Суспицына Т. П., к. ю. н., доц., — раздел XXI (совм. с **Радовым В. В.**); **Осипов А. В.**, к. ю. н., доц., — раздел XXII (совм. с **Щербаковой А. А.**, **Гайворонской Л. В.**); **Белов О. А.**, к. ю. н., доц., — раздел XXIII; **Клещина Е. Н.**, д. ю. н., проф., зам. зав. кафедрой, — раздел XXIV; **Афанасьева О. Р.**, д. ю. н., доц., — раздел XXV; **Шахназаров Б. А.**, д. ю. н., проф., — раздел XXVI; **Гуласарян А. С.**, к. ю. н., доц., — раздел XXVII; **Соболев И. Д.**, к. ю. н., доц., — раздел XXVIII; **Царева М. С.**, к. ф. н., доц., — раздел XXIX; **Калиновская В. В.**, к. ф. н., зав. кафедрой, — раздел XXX (совм. с **Яшиной О. В.**); **Ильина Н. Ю.**, к. ф. н., зав. кафедрой, — раздел XXXI (совм. с **Кадиллиной О. А.**); **Гузеева С. В.**, к. п. н., доц., — раздел XXXII (совм. с **Матияшиной К. Я.**).

В составлении сборника принимали участие Пасканный М. Р., Петров И. А., Пономаренко В. В., Гильванова А. В., Котовой А. С., Кошкин П. П.

Д377 X Студенческий юридический форум «Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике» : сборник статей : в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. А. В. Сладковой. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — 466 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-907670-43-3

В сборник вошли материалы X Студенческого юридического форума — ежегодного всероссийского научного мероприятия для молодых ученых — студентов всех курсов и форм обучения.

Цель форума — создание научной практико-ориентированной площадки, на которой участники смогут как персонально, так и в составе команды продемонстрировать свои знания, навыки, умения, обменяться опытом и преумножить имеющийся интеллектуальный капитал в области юриспруденции.

Форум создает условия для взаимодействия участников и потенциальных работодателей, для привлечения внимания профессионального сообщества к инициативам студентов.

УДК 34(082)

ББК 67я43

ISBN 978-5-907670-43-3

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

XXI. КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Абашков-Холодный Д. Д. Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия коррупции	10
Аллямова Г. Р. Преступные посягательства на интеллектуальную собственность, совершенные с использованием служебного положения	13
Мелкумов Э. И. Понятие и признаки коррупционного преступления	16
Миронова В. Д. Коррупционные преступления: проблемы квалификации составов, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ	20
Мухарычин С. В. К вопросу о разграничении взяточничества и обычного подарка	23
Сопова М. Д. Квалификация посреднических действий при получении и даче взятки в случае недостижения значительного размера взятки	27
Фурман К. А. Проблемные вопросы определения предмета взяточничества в коррупционных преступлениях	30
Чалышева Ю. В. Служебный подлог: проблемы квалификации	34

XXII. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Алтаев К. Б. Актуальные вопросы взаимодействия следователя с защитником на стадии предварительного расследования	39
Белозеров М. Н. Безопасность участников уголовного процесса при осуществлении уголовного производства в электронной форме	42
Васильева А. Ю. Проблемные аспекты обеспечения безопасности «анонимного свидетеля» в уголовном судопроизводстве	46
Гаршина Е. С. Свобода обжалования и запрет поворота к худшему при пересмотре решений по уголовным делам как принципы, обеспечивающие права личности в уголовном процессе	50
Головченко К. Д., Кулькова П. А. Назначение наказания через призму систем принципов уголовного права и принципов уголовного судопроизводства	54
Иванова Е. А. Защита права на охрану здоровья лиц, содержащихся в следственном изоляторе	58
Кудник Е. А. Прекращение уголовного преследования и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как механизм обеспечения прав личности в уголовном процессе	62
Лисова А. В. Особенности участия «особого свидетеля» в уголовном процессе Российской Федерации	66
Магомедова Х. Г. Электронный паспорт уголовного дела	69
Максименко Е. С. Статист как неназванный участник судопроизводства: обеспечение прав и законных интересов	73

Панасенко А. В. Институт защиты участников уголовного судопроизводства как гарантия реализации права личности на безопасность	76
Поляков В. В. Проблемы обеспечения прав обвиняемого при особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ)	80
Тузова А. А. Вопрос целесообразности проведения психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего в целях установления способности дачи показаний по делу	84
Халиков Н. А. Надлежащие основания отказа в принятии судом жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ	88
Харламова М. В. Нарушение принципа состязательности на стадии предварительного расследования	92

XXIII. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Алиев З. Г. Меры профилактики криминальной виктимизации вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность в сети Интернет	95
Галимова Э. А. Информационный терроризм как угроза национальной безопасности	98
Москвин И. С. Криминалистические средства противодействия терроризму и экстремизму	100
Халиуллин Т. М. К вопросу о современных вызовах и перспективах расследования киберэкстремизма: меры и проблемы	103
Цыренова Ю. С., Петров А. С. Современные тенденции развития террористической и экстремистской деятельности и методы профилактики в России	105

XXIV. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антипов А. А. Психологические типы потерпевших	109
Ануфриева С. В., Штина С. Д. Как «серийный убийца» выбирает жертв?	112
Богданова А. А. Виктимологические особенности преступлений в сфере интернет-мошенничества: тенденция инфоцыганства	115
Галстян Д. А. Виктимологические особенности личности жертвы доведения до самоубийства	119
Лазева Д. А., Неволлина Д. А. Виктимологические аспекты лиц, вовлекаемых в проституцию	122
Миронова Н. В. Несовершеннолетние как жертвы домашнего насилия	126
Ортабаева А. М. Взгляд на сексуальное насилие через призму криминальной виктимологии	129
Романова М. А. Виктимологические особенности организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства	132
Скиба В. О. Отличительные черты жертв потенциально невменяемых лиц	136

Таймасханов Р. Т. Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет	140
Тихомирова А. Э., Койпиш В. Д. Виктимологические особенности преступлений	142
Шатковская Е. П. Виктимологическое влияние на нормативно-правовую систему античных государств	146

XXV. ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Баладин М. В. Рост преступности в Российской Федерации на фоне проведения специальной военной операции: риски и методы противодействия	148
Будкин К. А., Хмелевский Э. С. К вопросу о социально-правовых предпосылках и последствиях коррупционных преступлений	152
Васильева А. С., Лякишева К. А. Влияние преступности на современное развитие общества	155
Гамзатова З. Р. Проблемы преступности несовершеннолетних в Республике Дагестан	159
Герасимова А. А. Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации и меры ее профилактики	163
Годлевская Д. С., Коробова А. М. К вопросу о понятии киберпреступления	168
Лукина Д. А. Уголовно-правовые аспекты и перспективы по противодействию распространения deepfake в сети Интернет	172
Еремочкина А. В. Женская преступность: общая характеристика, причины и условия совершения	176
Жук А. П. Предупреждение вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры: уголовно-правовой и криминологические аспекты	179
Калинина В. Е., Волоскова И. Д. Преступность и ее предупреждение в условиях современных вызовов и угроз	182
Полежаева К. О. Мошенничество с поддельными предметами искусства: личность преступника	186
Пронин Т. Т. Анклализация как фактор роста миграционной преступности	189
Свиридова Е. А., Москвитин Е. С. Смертная казнь: средство предупреждения преступности или мера, нарушающая право человека на жизнь	194
Сергиенко Е. А. Особенности причинного комплекса женской преступности в Российской Федерации	198

XXVI. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Ваташук Д. А. Синдицированный кредит в российском праве в условиях международных санкций	203
---	-----

Геллерт Э. В. Особенности правового регулирования отношений в сфере параллельного импорта в условиях санкций	207
Котова А. А. Защита публичных интересов при регистрации товарных знаков	209
Лановая Е. Р. Санкции и инвестиции: адаптация в условиях ограничений	213
Мелкумов К. И. Параллельный импорт как механизм преодоления санкционных ограничений, национальный и зарубежный опыт	217
Моисеенко С. А. Адаптация договоров к изменившимся обстоятельствам в условиях экономической нестабильности и санкций	221
Мороз Д. Д. Проблемы «поворота на Восток» в условиях антироссийских санкций	225
Рождков С. А. Соотношение санкционного режима и права на защиту в международном разбирательстве	229
Романова Т. В. Проблемы правового регулирования трансграничных договорных отношений в условиях санкций	233
Санина Е. С. Риски для российских компаний в случае иска на основании статьи 248.1 АПК РФ	237
Сиражитдинов А. И. К вопросу о пределах предпринимательского риска в условиях существенного изменения обстоятельств, возникших ввиду ограничений (санкций) иностранных государств	239
Федосеева А. А. Разрешение трансграничных споров в условиях санкций	243
Хващинская К. В. Обеспечение стабильных поставок в условиях санкционного давления на Россию: правовой обзор антикризисных мер	247

XXVII. БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бех О. Н. Современные проблемы взаимодействия Российской Федерации с правозащитными механизмами ООН	251
Горбатовская Ю. А. Деятельность Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин: индивидуальная жалоба	255
Иванова А. А. Концепция «международного порядка, основанного на правилах» и будущее международного права	259
Каралаш С. С. Будущее космического права: лунная стратегия	262
Колесникова А. С. К вопросу о совместимости обязательств государств по нейтралитету с обязанностями члена коллективной безопасности в современном международном праве	266
Медведев А. С., Субботкин М. Д. К вопросу о реформе Совета Безопасности ООН в условиях многополярного мира	269
Свирина Е. Д. Китайские панды: дипломатия мира	272
Терехов М. Р. Будущее международной юстиции, взгляд из прошлого: идеи международного суда в работах юриста Бориса Нольде (1876–1948) и их актуальность для международного права современности	276
Тонунц А. А. Международно-правовые проблемы исчезновения островных государств	280

Шиповской М. Е. Право народов на самоопределение как принцип международного права: анализ трансформации принципа сквозь призму времени	284
---	-----

XXVIII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫБОРУ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ

Билим М. В. Сравнительный анализ интегрированности международного права в национальные правовые системы	290
Валиева Л. В. Принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства: современные вызовы и перспективы	293
Евлашевская Е. А. Оценка возможного направления развития международного гражданского процесса в Российской Федерации	296
Ибрагимова Ф. М. Эмодзи как эквивалент подписи под документами	298
Кольцова А. С. С пересадкой в Гонконге: арбитраж в Гонконгском арбитражном центре	301
Сергеева В. В. Новые подходы к выбору применимого права и разрешению споров в условиях фрагментации мира	305
Шевченко А. С. Россия и фрагментация мира. Новый взгляд на международное частное право	309

XXIX. LE DROIT FRANÇAIS CONTEMPORAIN: DE LA THÉORIE À LA PRATIQUE

Андреева А. А. La question des relations entre la France et ses anciennes colonies en Afrique	313
Баева С. А. Le principe d'égalité des sexes en droit français et en pratique électorale en France	316
Бобоев Д. А. Le rôle des taxes et des droits de douane dans le développement durable	319
Загороднюк Ю. К. Sur la question de la possibilité de breveter les genes en France	321
Закирова С. Р. Aspects juridiques et sociaux du don en France	325
Князева А. С. Les technologies numériques en droit du travail français: questions d'actualité de la jurisprudence	328
Милованова Л. С. La lutte contre la cybercriminalité en France	330
Мирхазова А. Р. Les droits de l'homme confrontés à la crise du covid-19: évaluation des normes juridiques en termes de la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et libertés fondamentales	334
Михалюк А. Н. La préservation des droits fondamentaux à l'ère du numérique	338
Наседкин Н. А. Les problèmes liés à la constitutionnalité de l'article 49, alinéa 3 de la constitution française de la cinquième République Française sur l'exemple de la réforme des retraites de 2023	342

Хисамутдинова А. А. Les droits des migrants en France: de la théorie à la pratique	344
Шахджахан А. М. Législation de l'utilisation de l'énergie nucléaire en France aujourd'hui	349

XXX. SUSTAINABLE DEVELOPMENT PARADIGM IN RUSSIA: FROM THEORY TO PRACTICE

Абрашин Р. П. Analysis of the initiatives aimed at achieving SDG 10.3 in an educational sphere in the Russian Federation	351
Алиева Д. Т. Russia's path to sustainable development as a solution to the problem of resources allocation	355
Бардин Г. С. Sustainable development of the modern Russian banking system	358
Магомедов Р. М. Influence of geopolitics on the dynamics of the Russian stock market	361
Хатефов М. А. Neurotechnologies in Law: current state and development prospects	364
Цветова М. М. Determining the legal nature of summary under the formation conditions of a new concept of sustainable development of Russia	368

XXXI. BIOLAW

Антропова П. Э. Xenotransplantation. Medical and legal issues	371
Аршакуни Д. А. Legal aspects of cryonics in national and international law	374
Блем Э. А. Permissibility of using neurotechnologies in the field of jurisprudence	376
Брагина Д. Г. Human cloning and its legal regulation	380
Дорош Е. А. Analysis of the development of bioethics on the basis of Oviedo Convention	384
Ерошина А. В. Presumption of consent to the removal of organs from a deceased donor in the Russian Federation	386
Коротков А. Д. Sex reassignment surgery: medical and legal consequences in Russia and abroad	389
Назмутдинова А. И. Ethical and legal aspects of posthumous reproduction	391
Овсянникова С. Г. Legal Challenges of Human Gene Editing	403
Поталов А. С. Cell Therapy and Gene Therapy Products: Historical insight and Regulations	398
Репина А. С. Genomic research and criminal liability in Russia and Abroad	404
Ризаева Д. В. The problem of humane handling of laboratory animals in preclinical studies in Russia	412
Савченкова Д. С. Normative regulation of the legal status of the unborn child	408
Старцева Д. А., Щербаклова С. И. Peculiarities of the legal regulation of objects ensuring human life activity	410
Хилько А. О. Legal Regulation of Biobanking in Russia	414
Цыганкова М. А. Surrogate Mother as a Subject of Biological Law	417

XXXII. LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENT PROTECTION

Акбашева Д. Б. Strengthening of environmental requirements in the Arctic due to the intensification of its development	421
Алферьева Т. С. The necessity of legislative regulation regarding radiation hazard issues	424
Архипкин Е. И. Legal aspects of poaching	427
Бородина О. О. Modern regulation of environmental issues in China	430
Вепринцева М. А. Judicial Protection of Environmental Rights in the Russian Federation: Constitutional and Legal Basis	433
Граф Д. В. Combatting plastic pollution: foreign experience and ideas for implementation in the Russian Federation	436
Дощечникова С. С. Animal preservation: international regulation in German domestic law	441
Жукова Ю. И. The Common Land under International Protection	443
Злыдова А. А. Biological safety in the national safety system	445
Карась А. А. The devastating impact of fast fashion on people and on the environment	449
Кузнецов Г. Д., Пряхина Д. Е. Legal regulation of environmental damage compensation in the Russian Federation and in China	452
Пикалова Д. А. Legal regulation of the treatment of industrial and domestic waste in Russia	457
Сибгатуллина Е. Р. Legal issues of environmental protection from plastic pollution in the international aspect	460
Синицина А. В. Ecological code in Russia: is it necessary?	462
Шерстобитова М. В. Greenwashing	464

XXI. КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Абашков-Холодный Д. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия коррупции

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы уголовно-правового противодействия коррупции, экспертные мнения и действующее законодательство, направленное на борьбу с коррупционными преступлениями.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, антикоррупционная политика, взятка, взяточничество, посредничество в подкупе.

Проблемы коррупции волновали людей даже в Древней Греции. В собрании законов Платон говорил: «Если они [агрономы. — Д. А.-Х.] неправомерно распределят задания или попытаются захватить и унести что-либо из земледельческих орудий без согласия на то владельца... — то взяточники будут во всем государстве заклеены позором»¹.

Изучение проблем уголовно-правового противодействия коррупции необходимо начать с анализа ее влияния на современное общество. В первую очередь стоит обратить внимание на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В Преамбуле данного постановления отмечается, что коррупционные преступления, в частности, взяточничество «посягают на основы государственной власти, нарушают нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывают их авторитет, деформируют правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие»². Из этого следует, что эффективное противостояние такому социально опасному явлению — одним из основных аспектов развития нашего государства.

¹ Жебелев С. А., Карсавин А. П., Радлов Э. Л. Полное собрание творений Платона : в 15 т. 5-е изд. СПб. : Academia, 1923. С. 176.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Противодействие коррупции осуществляется при помощи различных мер, в частности, уголовно-правовых¹. Анализ действующего уголовного законодательства РФ позволяет выявить наличие проблем и пробелов, которые препятствуют эффективной антикоррупционной борьбе.

Во-первых, законодатель не предоставляет легальное определение коррупционных преступлений. Федеральный закон «О противодействии коррупции»², судебная практика и юридическая доктрина апеллируют как термином «коррупция», так и термином «коррупционные преступления», однако в случае со вторым, легального определения нет, что вызывает необходимость дополнения действующего законодательства. Необходимость данного дополнения обусловлена наличием чрезвычайно обширного списка признаков термина «коррупция», содержащегося в указанном федеральном законе. Данный недостаток может негативно сказываться на уголовно-правовом противодействии коррупции. В связи с этим предлагаем авторское определение «коррупционных преступлений», исходя из анализа признаков коррупционных преступлений, содержащихся в указании Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»: *коррупционные преступления — это совершенные специальным субъектом с прямым умыслом общественно опасные деяния с использованием им своего служебного положения, направленные на получение имущественной выгоды для себя или третьих лиц.* Под специальным субъектом понимаются: 1) должностные лица; 2) лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации; 3) работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок; 4) арбитры (третейские судьи); и др.

Во-вторых, нуждаются в совершенствовании нормы действующего уголовного закона. Так, в настоящее время УК РФ не дифференцирует ответственность в зависимости от характера действий (бездействия), за совершение которых получается взятка лицом, занимающим государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, а равно главой местного самоуправления (ч. 4 ст. 290). В то же время такая дифференциация имеет место применительно к должностным лицам: в ч. 1 ст. 290 УК РФ устанавливается ответственность за получение ими взятки за *законные* действия (бездействие) — лишение сво-

¹ Цепелев В. Ф. Коррупционные преступления : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 21.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

боды на срок до 3 лет, а в ч. 3 той же статьи — за *незаконные* действия (бездействие) — лишение свободы на срок от 3 до 8 лет. Это свидетельствует о нарушении системности дифференциации ответственности. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 290 УК РФ частью 4.1 со следующим содержанием: «Получение лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления взятки за незаконные действия (бездействие) — наказывается...». Разумеется, данное дополнение повлечет изменение редакции ч. 4 ст. 290 УК РФ: «Деяния, предусмотренные частями **первой — второй** настоящей статьи...».

В-третьих, УК РФ не предусматривает ответственность за посредничество в подкупе, предусмотренном статьей 200.5 УК РФ. Из этого следует, что передача/получение предмета подкупа возможна только лично, однако нормы о коммерческом подкупе (ст. 204.1) и о взяточничестве (ст. 291.1) предусматривают ответственность за противоправные действия в виде посредничества. Изложенное приводит к выводу о необходимости дополнения УК РФ нормой, предусматривающей ответственность за посредничество в подкупе и указании, что передача/получение предмета подкупа осуществляются лично или через посредника. Более того, квалифицирующим признаком ст. 200.5 УК РФ (ч. 2 и ч. 5) является совершение подкупа группой лиц по предварительному сговору. Между тем совершение данного преступления организованной группой не имеет юридического значения и, как следствие, не криминализовано¹.

На основании изложенного полагаем, что современная российская правоприменительная практика нуждается в некоторых законодательных изменениях, необходимых для обеспечения стабильного развития государства и всех сфер общественной жизни. Анализ законодательства, проведенный в настоящей статье, позволил выявить проблемы уголовно-правового противодействия коррупции и предложить пути их решения.

¹ Кочои С. М. Уголовно-правовое противодействие коррупции: пробелы законодательства, проблемы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-korruptsii-probely-zakonodatelstva-problemy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 23.09.2023).

Аллямова Г. Р.
МГУ имени М.В.Ломоносова
Студент

Преступные посягательства на интеллектуальную собственность, совершенные с использованием служебного положения

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения содержания квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» (применительно к составу преступления, предусмотренного частью 3 статьи 146 УК РФ).

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, охрана авторских и смежных прав, служебное положение, должностное лицо, преступления против интеллектуальной собственности.

Несмотря на сложившуюся политическую ситуацию: санкционные ограничения, уход зарубежных правообладателей с российского рынка, а также легализацию параллельного импорта, институт интеллектуальной собственности в рамках российской правовой действительности продолжает развиваться. Статистические данные Роспатента за 2022 г. свидетельствуют лишь о невысоком снижении количества поданных заявок на изобретения и промышленные образцы от отечественных заявителей по сравнению с иностранными заявителями¹. Стоит отметить, что зарубежные правообладатели продолжают успешно отстаивать свои законные интересы в гражданско-правовых спорах и в судебных инстанциях различного уровня. Именно поэтому актуальность исследований в области уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности не уменьшается. В рамках данной работы будет рассмотрен вопрос определения содержания квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» применительно к составу преступления, предусмотренного частью 2 статьи 146 УК РФ. Что же понимается под этой категорией?

Итак, часть 3 статья 146 УК РФ предусматривает отдельный квалифицирующий признак — нарушение авторских или смежных прав лицом с использованием своего служебного положения. Следовательно, здесь законодатель закрепил признаки специального субъекта общественно опасного деяния. К нему могут быть отнесены должностные лица или иные лица, которые совершают

¹ Роспатент в цифрах и фактах. Годовой отчет Роспатента за 2022 г. С. 22–24 // URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports>.

посягательства на авторские или смежные права с использованием своего служебного положения¹.

В свою очередь, состав преступления, предусмотренный статьей 147 УК РФ о нарушении изобретательских и патентных прав, не имеет подобного квалифицирующего признака, что является пробелом в уголовно-правовой охране института «промышленной собственности». При этом правоприменительная практика свидетельствует о распространенности совершения незаконных действий по использованию лицами, осуществляющими управленческие функции в организации, объектов патентных и изобретательских прав. Подтверждение данному тезису можно встретить как в гражданско-правовых спорах², так и в приговорах. По обстоятельствам одного из дел: виновный, являясь генеральным директором, использовал технические характеристики полезной модели без заключения договора на ее использование в целях организации собственного производства и сбыта моделей диодно-резисторных блоков³. Таким образом, уголовно-правовой запрет не предусматривает соответствующего квалифицирующего признака, что можно признать пробелом в законе, поскольку общественная опасность подобных посягательств значительно выше.

Вернемся к изначальному вопросу — что следует рассматривать в качестве использования служебного положения в данном случае? В пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» содержится следующая формулировка: субъектом преступления может быть признано и должностное лицо (отвечающее признакам, предусмотренным примечанием к статье 285 УК РФ), и государственный или муниципальный служащий (не являющийся должностным лицом), и иное лицо, которое соответствует требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ (например, руководитель предприятия любой формы собственности, поручающий своим подчиненным незаконно использовать авторские или смежные права).

На первый взгляд, предложенные Верховным судом разъяснения не вызывают сомнений. Однако на уровне коммерческих организаций возникают трудности при вменении данного квалифицирующего признака соответствующим

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. (постатейный) (Т. 1) (2-е изд.) / под ред. А. В. Бриллиантова. «Проспект», 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение ВАС РФ от 25.05.2011 № ВАС-3483/11 по делу № А40-57642/07-93-527 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Пермского краевого суда от 01.03.2011 по делу № 22-1096 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/84OTbRmJRIlox/>.

управленцам. Для правильной квалификации необходимо обращать внимание не только на формальный статус лица, но и на содержание его действий — виновный должен использовать для совершения преступления именно организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия. Данный тезис подтверждается материалами правоприменительной практики. Например, в одном из судебных решений по уголовному делу было прямо указано, что «не было установлено использование гражданином Р. для совершения преступления полномочий директора ООО «РД-Софт», учредителем которого он является, либо использование иных полномочий, связанных с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в организации»¹.

Нередко лица, осуществляющие управленческие функции, игнорируют полученные от правоохранительных органов предупреждения о необходимости проведения проверки программного обеспечения и продолжают незаконно использовать объекты интеллектуальной собственности в целях осуществления своей предпринимательской деятельности. В таком случае их действия обоснованно квалифицируются по п. «г» части 3 статьи 146 УК РФ. Так, Н. А. Семенова, являясь директором ООО «Горизонт», давала указания и распоряжения главному инженеру об установлении на служебные компьютеры нелегальных программных продуктов. В аналогичных делах виновные также ссылаются на «тяжелое материальное положение бизнеса»², «отсутствие лишних денег»³, что всё же не препятствует их привлечению к уголовной ответственности.

Можно сделать вывод о том, что судебная практика по данному вопросу складывается неоднозначно. В связи с этим необходимо продолжать теоретические обсуждения и поиски, чтобы обеспечить надлежащую охрану институту интеллектуальной собственности в рамках российской правовой действительности. Возможно, экономическая ситуация в дальнейшем повлияет и на декриминализацию преступлений против объектов авторских и смежных с ними прав — однако на данный момент речи об этом не идет.

¹ Приговор Ленинского районного суда города Томска № 1-30/2016 1-566/2015 от 18.05.2016 по делу № 1-30/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VAJMJOliZnbm/>.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 24.10.2019 по делу № 10-20002/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 05.12.2016 по делу № 22-9770/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Мелкумов Э. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Понятие и признаки коррупционного преступления

Аннотация. На основе исследования законодательных, правоприменительных, а также доктринальных положений, автором предложена концепция, которая позволяет преодолеть проблему, вызванную отсутствием в законе термина «коррупционное преступление», путем признания тождества между данной категорией преступлений и «преступлениями коррупционной направленности» и закрепления единого понятия для данной группы преступлений в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

Ключевые слова: Коррупция, коррупционное преступление, преступление коррупционной направленности, корыстный мотив.

Проблема коррупционных преступлений не теряет своей актуальности, представляя системную угрозу национальной безопасности России. Ей посвящены оживленные правовые дискуссии, обусловленные законодательными, правоприменительными и доктринальными решениями.

С какой бы стороны не начиналось исследование коррупционных преступлений, возникают значимые вопросы, касающиеся терминологической составляющей темы, без решения которых сложно добиться единообразия правоприменительной практики и эффективного правового регулирования.

Сложность заключается в первую очередь в отсутствии законодательно закрепленного определения понятия «коррупционное преступление». Законодатель лишь упоминает (но не раскрывает) в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ термин «коррупционное правонарушение», обозначая им отдельное проявление коррупции, приводящее к различным видам юридической ответственности. Подобным образом обстоит дело с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»², в котором употребляется термин «коррупционное преступление», но не дается его определение. Наиболее полный набор признаков иско-

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I) ст. 6228.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ, сентябрь 2013 г., № 9.

мого понятия можно встретить в Перечне № 23 указания Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 19.06.2023 № 401/11/2¹ (далее — Перечень № 23). В нем упоминаются «преступления коррупционной направленности», а также раскрываются основные признаки, необходимые правоохранительным органам, для отнесения того или иного преступления к данной группе.

Обращение к научным источникам показывает отсутствие единого взгляда на понятие коррупционного преступления. Еще в 2012 г. Л. А. Букалерева и М. Н. Копылов указывали на тот факт, что «ученые, как и законодатель, не пришли к единому мнению о понятии и видах коррупционных преступлений, несмотря на значительное количество работ по данной тематике»². С того времени мало что изменилось.

В настоящий момент можно выделить два сложившихся в уголовно-правовой доктрине подхода к определению коррупционного преступления. В соответствии с первым (узким) подходом основными признаками данного вида преступлений являются подкуп или коррупционная сделка (Н. Ф. Кузнецова, Н. А. Лопашенко, А. А. Иванова и др.)³. Широкий же подход подразумевает, что основным признаком коррупционного деяния является использование должностным лицом или иным специальным субъектом своих полномочий в личных (корыстных) интересах вопреки публичным⁴.

Необходимо отметить, что на настоящий момент широкий подход имеет особую популярность (автор также считает его наиболее обоснованным). Обусловлено это тем, что он позволяет охватить собой большее количество преступных деяний, которые подпадают в том числе под обязательные признаки, указанные в приложении № 23, что, в свою очередь, позволяет бороться с коррупцией в целом как с социальным злом, разрушающим государственную систему изнутри, а не с отдельными его проявлениями в виде подкупа.

¹ Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 19.06.2023 № 401/11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // URL: <https://mobileonline.garant.ru/#/document/407345108/paragraph/341:0>.

² Букалерева Л. А., Копылов М. Н. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» // Общество и право. 2012. № 1 (38).

³ См. также: Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 1993. № 1. С. 21–26.

Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С. 21–34.

⁴ Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в РФ: монография. М. : Проспект, 2016. 255 с.

Сложности в теоретическом анализе исследуемого понятия связаны еще и с тем, что наряду с традиционным понятием коррупционного преступления в литературе часто встречается термин «преступление коррупционной направленности». Н. В. Бугаевская проводит четкую грань между ними. По ее мнению, коррупционные преступления отражают суть коррупции, а преступления коррупционной направленности лишь тесно связаны с ней¹. На наш взгляд, такая позиция не вполне обоснована с теоретической точки зрения и едва ли полезна в практическом отношении. Разделять и противопоставлять явления (и стоящие за ними понятия), правовая природа и криминологическая сущность которых одина, неправильно. Разделение данных понятий противоречит цели выделения группы коррупционных преступлений, поскольку наличие «связи» с коррупцией само по себе является достаточным основанием, чтобы отнести их к ней.

Признав за понятиями коррупционное преступление и преступление коррупционной направленности равное значение, необходимо выделить основные их признаки, которые содержатся в ранее упомянутом Перечне № 23:

Во-первых, наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица и управленцы, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ и ст. 285 УК РФ. Включение данного критерия обусловлено наличием у них общественного положения, позволяющего извлекать из него незаконную выгоду в ущерб публичным интересам и своим обязанностям.

Во-вторых, связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей. Выражается использованием лицом для достижения противозаконной цели возможностей, предоставленных служебным, должностным или иным положением, указанным в ст. 201 и 285 УК РФ, вопреки лежащим на нем обязанностям.

В-третьих, обязательное наличие у субъекта корыстного мотива. Данный признак является определяющим, поскольку позволяет отграничить коррупционные преступления от деяний, которые сходны по субъектам, но совершаются по иным мотивам, таким как: карьеризм, месть, ревность, зависть, кумовство. На это обращает особое внимание Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 12.1, 15, 16 и др.).

В-четвертых, совершение преступления только с прямым умыслом.

¹ Бугаевская Н. В. Формирование понятия «коррупционные преступления» с точки зрения закона и уголовной статистики // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции (1–2 ноября 2013 г.). Вып. 10. Ч. 1. Тюмень : ТГАМЭУП, 2013.

Стоит оговориться, что только одновременное наличие всех вышеуказанных признаков может явиться основанием для отнесения того или иного преступления к группе коррупционных. Но и из этого правила есть исключение, о котором также говорится в Перечне № 23.

Речь идет о случаях, когда преступление хотя и не отвечает вышеназванным требованиям, но относится к коррупционным в соответствии с ратифицированными РФ международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также, когда оно связано с подготовкой условий для получения лицами, указанными в примечаниях к ст. 201 и 285 УК РФ, выгоды.

В научной среде сформировались различные позиции по вопросам нормативного закрепления понятия «коррупционное преступление», а также введения закрытого перечня деяний, относящихся к данной группе. Так, В. В. Кулыгин видит их решение в установлении закрытого перечня коррупционных преступлений в Федеральном законе «О противодействии коррупции»¹. А И. А. Цоколов считает, что для решения проблем можно выделить для данной группы преступлений отдельную главу в УК РФ либо ввести в УК РФ ст. 14.1 «Коррупционное преступление»². По мнению автора, предложения о внесении изменений в структуру УК РФ о выделении отдельной главы и (или) статьи представляют собой не вполне оправданное «вторжение» в нее. Гораздо проще и эффективней реализовать данную идею путем внесения соответствующих положений в Федеральный закон «О противодействии коррупции».

Подводя итог исследованию законодательных, доктринальных и правоприменительных положений, задействованных при написании данной статьи, автор приходит к ряду выводов, а именно:

— Отсутствие на сегодняшний день раскрытия в законе понятия «коррупционное преступление» может временно компенсироваться признаками преступлений коррупционной направленности, потому что они по своей природе и характеру тождественны.

— Для достижения целей противодействия коррупции как социальному злу необходимо рассматривать коррупционные преступления в широком смысле.

¹ Кулыгин В. В. О возможности оптимизации антикоррупционного законодательства // Проблемы формирования и реализации антикоррупционной и антикриминальной политики : сборник по материалам Шестой сессии Дальневосточной криминологической школы. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009.

² Цоколов И. А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления. Статья 1. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционное преступление» // Российский следователь. 2011. № 5.

— Чтобы в корне решить проблему с раскрытием понятия и признаками коррупционного преступления, законодателю необходимо закрепить их в Федеральном законе «О противодействии коррупции», основываясь на положениях Перечня № 23. Вследствие этого потребность в понятии «преступление коррупционной направленности» отпадет.

Миринова В. Д.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Студент

Коррупционные преступления: проблемы квалификации составов, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ

Аннотация. Коррупционные преступления являются особо опасными как для государства и общества в целом, так и для каждого человека в отдельности. На практике существует множество трудностей при квалификации таких преступлений, поэтому важно, что законодатель недвусмысленно устанавливал критерии разграничения составов, а правоприменитель эффективно их использовал.

Ключевые слова: квалификация, коррупционные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий.

«Квалификация преступления состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом», — такое определение квалификации дает советский ученый-правовед А. А. Герцензон¹.

Согласно статистике, опубликованной МВД РФ за отчетный период с января по декабрь 2022 г., количество преступлений коррупционной направленности составило 35 340, что составляет 1,8 % от общего количества совершенных преступных деяний за 2022 г.² Казалось бы, это весьма малая часть, почему же тогда так много внимания уделяется именно этим преступлениям? Коррупционные преступления представляют особую опасность ввиду того, что они парализуют работу государственных структур и коммерческих организаций, нарушая их стандартный порядок функционирования, что приводит к ухудшению качества множества других общественных отношений, выходящих за рамки даже уголовно-правового спектра. Такой маленький процент можно объяснить тем,

¹ Герцензон А. А. Квалификация преступления. Изд-во ВЮА КА, 1947. 26 с.

² МВД РФ «ФКУ Главный информационно-аналитический центр»: Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/>.

что многие такие преступления остаются не обнаруженными или квалифицированными как иные преступления экономической направленности.

Условимся о терминах. Что в современном уголовном праве понимается под коррупционными преступлениями? Для начала следует отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации такие преступления расположены не в одной главе, они не находятся систематически расположенными рядом друг с другом. В связи с этим в доктрине ведутся споры о том, какие же все-таки общественно опасные деяния стоит относить к категории коррупционных? В начале 2023 г. было Генеральной прокуратурой РФ было издано указание «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»¹, которое дает перечень преступлений коррупционной направленности. В этот перечень включены преступления, содержащие совокупность следующих признаков:

- 1) Наличие надлежащих субъектов, к которым относятся должностные лица, указанные в примечании к статье 285 УК РФ;
- 2) Связь деяния со служебным положением субъекта;
- 3) Обязательное наличие у субъекта корыстного мотива;
- 4) Совершение преступления с прямым умыслом.

Верховный Суд в постановлении Пленума установил составы преступлений, которые, по его мнению, являются коррупционно направленными: взяточничество, мошенничество, присвоение или растрата, коммерческий подкуп, служебный подлог².

Одним из специальных правил квалификации является соотношение общей и специальной нормы. Проанализируем проблему отграничения и соотношения между собой статей 285 и 286 УК РФ, так как в литературе встречается мнение о об их связи как общей и специальной. Сравним составы по объективной стороне. Злоупотребление должностными полномочиями представляет собой действие по использованию должностным лицом своих служебных полномочий в разрез с интересами службы. Важно уточнить, что формально действия субъекта (должностного лица) входят в его компетенцию, однако расходятся между собой цель, ради которой должностное лицо наделялось полномочиями и цель, которая преследуется им при фактической их реализации. Превышение должностных полномочий представляет собой действия, явно выходящие за

¹ Указание Генеральной прокуратуры России № 11/11, МВД России от 17.01.2023 № 1 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 17 июля 2013 г. № 154.

пределы полномочий должностного лица. Г. А. Есаков отмечает, что для установления признаков состава данного преступления требуется установить точный объем полномочий лица¹. В этом заключается первое и очень значимое различие составов. Именно так предлагало разграничивать статьи 285 и 286 УК РФ постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге». Однако объем полномочий как критерий разграничения только на первый взгляд выглядит решающим все трудности квалификации данных преступлений. Однако четко разделить эти деяния не так просто в случае, когда превышение полномочий включает в себе совершение действий, которые могут быть совершены только при наличии обстоятельств, поименованных в законе, поскольку по сути своей эти действия часто представляют злоупотребление полномочиями.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» иначе разграничивает злоупотребление полномочиями и их превышение. П. С. Яни заключил, что Пленум установил следующее правило: всякое злоупотребление должностными полномочиями в форме действия следует рассматривать в качестве специального случая превышения должностных полномочий². Также важно то, что особую роль в разграничении играет мотив. При наличии мотива корыстной либо иной личной заинтересованности, преступление следует квалифицировать по статье 285, а при отсутствии такого мотива — по статье 286.

Следует отметить, что мотив как критерий используется в тех случаях, когда умышленное должностное преступление состоит в совершении действий, входящих в круг служебных полномочий должностного лица, в отсутствие оснований или условий для их совершения и в результате данного нарушения оказались существенно нарушены права и законные интересы граждан, организаций, интересы общества или государства. В случаях, когда совершаются действия, которые: а) относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); б) совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; в) никто и ни при каких обстоятельствах не вправе

¹ Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2021. 608 с.

² Яни П. С. Должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий (Разъясняем, комментируем, анализируем) // Законность. 2011. № 12. С. 12–16.

совершать, проблема квалификации превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями не возникает.

Таким образом, можно сделать вывод, что злоупотребление полномочиями и превышение полномочий не соотносятся между собой как общая и специальная норма. В каждом конкретном случае крайне важно изучать не только объективную сторону составов преступлений, но и досконально анализировать субъективную сторону, а в случаях квалификации деяний по статьям 285 и 286 УК РФ обращать внимание также и на мотив совершения преступления, потому что юридико-технические несовершенства позволяют на практике избежать уголовной ответственности, что не соответствует государственной политике по борьбе с преступлениями коррупционной направленности.

Мухарычин С. В.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Студент

К вопросу о разграничении взяточничества и обычного подарка

Аннотация. В статье рассмотрены критерии, по которым можно разграничить получение или дачу взятки от обычного подарка. Основные критерии заключаются в характере служебного поведения одариваемого лица, а также в безвозмездности подарка. Рассматривается возможность определения в качестве линии разграничения размера вознаграждения, однако делается вывод о невозможности применить его на практике.

Ключевые слова: взяточничество, обычный подарок, должностное лицо, безвозмездность, разграничение.

Разграничение взяточничества и обычного подарка остается весьма непростой задачей как в науке, так и на практике. Для начала следует дать определение обычного подарка. В законодательстве такового нет, оно является оценочным, «обычность» предполагает традиционность обстановки, в которой дается подарок либо наличие неслужебных, возможно, приятельских отношений между одаряемым и дарителем¹.

Для дальнейшей характеристики потребует обратиться к Гражданскому кодексу РФ (ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой сто-

¹ Борков Р. Н. Верховный Суд РФ решил не путать взятку с подарком // Современное право. 2014. № 1.

роне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом. ГК РФ устанавливает определенное ограничение и запреты на дарение: в силу пп. 2, 3 п. 1 ст. 575 не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. От данных положений и следует отталкиваться.

Во-первых, обычный подарок по своей правовой природе безвозмезден, он не предполагает ответные действия со стороны одариваемого, хотя, как справедливо отмечает Р. Д. Шарапов, «обычный подарок, как и взятка-благодарность, вручается в связи с должностным положением чиновника или в связи с исполнением им служебных обязанностей, а не просто, скажем, на праздник или юбилей служащего»¹.

Во-вторых, еще одно отличие, также относящееся к положению одариваемого лица, заключается в том, за выполнение какого рода обязанностей передаются ценности. Этот критерий разграничения касается лиц, которые наряду с должностными полномочиями выполняют профессиональные обязанности, например, педагогические и медицинские работники. Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 09.07.2013 № 24 отдельно обращает внимание на отсутствие состава взяточничества, когда ценности передаются в связи с исполнением профессиональных обязанностей, не относящихся к полномочиям представителя власти, организационно-распорядительным либо административно-хозяйственным функциям.

В-третьих, сумма три тысячи рублей не является линией разграничения между взяткой и обычным подарком. В судебной практике встречались случаи размера взятки в 1 000 и даже 100 руб.². Наиболее обстоятельно по данному вопросу высказался В. Б. Волженкин, выделив 4 случая, когда размер «подарка» значения не имеет: 1) вымогательство вознаграждения со стороны должностного лица; 2) вознаграждение имело характер подкупа и обуславливало поведение должностного лица; 3) вознаграждение передавалось за незаконные действия (бездействие); 4) при продолжаемом преступлении, когда сумма частей превышает предел стоимости подарка. «Только в том случае, ко-

¹ Шарапов Р. Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 74.

² Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Пермского края законодательства Российской Федерации в части, касающейся ответственности за взяточничество и иные коррупционные преступления (утв. президиумом Пермского краевого суда 23.12.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

гда имущественное вознаграждение без какой-либо предварительной договоренности об этом было передано должностному лицу за его правомерное действие (бездействие) по службе, решающим для разграничения обычного подарка и взятки будет размер этого вознаграждения». — заключает В. Б. Волженкин¹.

Данная позиция обоснована и заслуживает внимания, хотя и неоспорна, поскольку ставит в зависимость наличие состава «мздоимства» от гражданского законодательства. Только уголовный закон устанавливает признаки состава преступления, а указание на нижний предел размера взятки в соответствующих нормах отсутствует. Даже если взятка и не достигает размера 3 000 руб., обязательным признакам состава преступления деяние будет соответствовать. Подтверждается это и позицией судов, согласно которой положение ст. 575 ГК РФ неприменимо к уголовному закону². Тем не менее формулировка названной нормы по своей сути подразумевает, что подарок вручается за выполнение служебных обязанностей, т.е. определенные действия должностного лица всё же имели место. А потому следует констатировать, что положения статьи 575 ГК РФ ограничивают уголовную ответственность за взяточничество³. Однако как это согласуется с принципом законности в уголовном праве, в соответствии с которым только Уголовный кодекс РФ определяет преступность и наказуемость деяний, а диспозиция соответствующих статей не носит бланкетный характер? С другой стороны, нарушается субъективное право должностного лица на получение подарка, что, впрочем, также неоспорно. Законодательство о публичной службе вообще не допускает получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения, считая подарком лишь полученное в связи с официальными мероприятиями (п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Следовательно, только внесение соответствующих изменений статьи УК РФ, например, путем дополнения примечанием, корреспондирующим по содержанию положению статьи 575 ГК РФ, позволит исключить уголовную ответственность. Правильно ли это в условиях декларируемой активной антикоррупционной политики государства, а также наличия специальных правил в служебном законодательстве? Представляется, что нет, подобный шаг стал бы непоследо-

¹ Волженкин В. Б. Служебные преступления. Комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. С. 181.

² См., например: приговор Тобольского городского суда № 1-19/2019 1-421/2018 от 10.06.2019 по делу № 1-19/2019.

³ Шарапов Р. Д. Указ. соч. С. 74.

вательным. Поэтому в нынешних реалиях получение должностным «благодарности» в размере менее трех тысяч рублей за законное действие в лучшем случае может быть признано малозначительным деянием.

Можно выделить и случаи, когда, по нашему мнению, наличие всех признаков обычного подарка не будет подвергаться сомнению. Например, при вручении подарка знакомым лицом (в том числе другом, приятелем и т.п.), желающим «поддерживать контакт», с расчетом на благосклонность в дальнейшем, но лишь с расчетом, возможность благосклонности должна быть абстрактной, неоговоренной, либо при повышении на вышестоящую должность, когда должностное лицо желают поздравить. При этом превышение суммы трех тысяч рублей не будет влечь уголовной ответственности, поскольку вознаграждение не обусловлено конкретными действиями. Данные примеры условно можно охарактеризовать как *обычные подарки в связи с должностным положением одаряемого* (в противовес вышеописанным подаркам *в связи с исполнением служебных обязанностей*).

Таким образом, основным критерием разграничения взятки и обычного подарка служит поведение лица, которому передается ценность. Сторона защиты регулярно заявляет доводы об отсутствии состава взяточничества и имевшем место обычном подарке. Аргументация строится в основном на характере полномочий. Так, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы осужденного, полагавшего, что переданный студенткой билет на концерт являлся подарком за выполнение профессиональных обязанностей, суд указал, что ценности переданы за положительную оценку по защите курсовой работе, сдачу экзамена без фактической проверки знаний, а также изготовление выпускной квалификационной работы и написание на нее отзыва, что относится именно к организационно-распорядительным обязанностям¹.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Основная линия разграничения между взяточничеством и обычным подарком проходит по существу поведения получателя ценностей.
2. Обычный подарок не может иметь места, если поведение одариваемого носит незаконный характер (в том числе при покровительстве и попустительстве), и (или) если вознаграждение имеет характер подкупа.
3. Обычный подарок вручается дарителем добровольно, без вымогательства со стороны должностного лица.

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2022 № 77-3524/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Теоретически можно выделить две разновидности обычного подарка: в связи с должностным положением одаряемого и в связи с исполнением служебных обязанностей, однако на практике реализуема только первая разновидность.

5. Допустимый размер обычного подарка, установленный статьей 575 ГК РФ в условиях нынешнего правового регулирования он служит скорее ориентиром для признания деяния малозначительным.

Сопова М. Д.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Студент

Квалификация посреднических действий при получении и даче взятки в случае недостижения значительного размера взятки

Аннотация. Статья посвящена проблемам и актуальным вопросам квалификации посредничества во взяточничестве в случае недостижения значительного размера взятки. Анализируется подход законодателя, позиция Верховного Суда по данному вопросу, формулируются предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования посредничества во взяточничестве.

Ключевые слова: коррупция, взятка, посредничество во взяточничестве, квалификация, значительный размер взятки.

Значительный размер взятки является криминообразующим признаком посредничества во взяточничестве, что означает отсутствие состава преступления, если размер взятки не превышает 25 тыс. руб. В связи с этим возникает вопрос квалификации посредничества во взяточничестве в случае незначительного размера взятки. По этому вопросу в доктрине существуют большие разногласия. Ряд ученых считает, что при недостижении значительного размера взятки необходима квалификация посреднических действий в качестве пособнических, другие не признают такое посредничество преступным в силу прямого указания на размер в законе¹.

В 2019 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 был введен п. 13.3, который внес ясность в этот вопрос. В нем указано, что исходя из диспозиции статьи 291.1 УК РФ, согласно которой уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче

¹ Жестков К. В. О криминализации посредничества в мелком взяточничестве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 116.

взятки на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственность как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве со ссылкой на статью 33 УК РФ». Законодатель фактически декриминализовал посредничество во взяточничестве в незначительном размере и запретил применять к таким случаям нормы общей части о соучастии. Указанное разъяснение внесло ясность в правоприменительную практику и исключило квалификацию посреднических действий, как это было ранее, в качестве пособнических, организаторских или подстрекательских, тем не менее остаются вопросы к применению признака о размере взятки. Во-первых, является противоречивой государственная политика по ужесточению мер противодействия коррупции, и параллельная декриминализация отдельных видов посредничества во взяточничестве¹. Во-вторых, законодатель фактически делает невозможным применение института посредничества в мелком взяточничестве и в даче/получении взятки в незначительном размере, ограничивая действие норм Общей части УК РФ. Получается парадоксальная ситуация, при которой лицо, будучи посредником, непосредственно передало взяткополучателю 25 тыс. руб., теперь не может быть привлечено к ответственности даже за соучастие в получении/даче взятки, в то время как лицу осуществившему те же действия в отношении предмета взятки, составляющему 26 тыс. руб. грозит лишение свободы на срок до 4 лет. Всё это стимулирует рост посредничества во взяточничестве на сумму взятки, не превышающую 25 тыс. руб.

Посредничество во взяточничестве в значительном размере целесообразно сделать квалифицированным составом, то есть выделить его в отдельную часть ст. 291.1 УК РФ или вовсе убрать этот криминообразующий признак из ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. С момента введения уголовной ответственности за мелкое взяточничество было вынесено 1 866 приговоров по ст. 291.2 и 115 приговоров по ч. 1 ст. 291 (дача взятки в незначительном размере) по данным сайта ГАС РФ «Правосудие»², что в сумме составляет примерно 28 % от всех вынесенных приговоров по ст. 291 УК РФ с 3 июля 2016 г. Более того, по статистике зарегистрированных преступлений на следующий год после введения уголовной ответственности за мелкое взяточничество, показатель зарегистрированных преступлений по ст. 291 УК РФ сократился в два раза, а по ст. 290 УК РФ — в 1,7 раза³.

¹ Кочина М. С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 121.

² Поиск по делам и судебным актам // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://goo.su/XLXF0I3>; <https://goo.su/qYSF>; <https://goo.su/POfm9> (дата обращения: 16.04.2023).

³ Показатели преступности России // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.03.2023).

Всё это говорит о том, что мелкое взяточничество и взяточничество в незначительных размерах составляют весомую часть в структуре коррупции, поэтому нельзя оставлять посредничество в этих преступлениях декриминализованным.

Также возникает проблема с квалификацией действий интеллектуального посредника, который имеет неопределенный умысел относительно размера взятки. По общим правилам квалификации в случае с неопределенным умыслом ответственность наступает по фактически наступившим последствиям. Значит, если размер взятки составил более 25 000 руб., то лицо будет привлечено к ответственности по ст. 291.1 УК РФ, в то время как при недостижении такого размера, исходя из актуальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, лицо не будет привлечено к ответственности. Однако нельзя сказать при этом, что первый описанный вариант более общественно опасен, чем второй, так как при неопределенном умысле посредник может предполагать и значительный, и крупный, и особо крупный размер взятки, но при этом он не будет привлечен к уголовной ответственности в случае фактического недостижения такого размера.

Кроме того, Верховный Суд не разъясняет, к какому из альтернативных действий в диспозиции относится признак «значительный размер», имеет ли он значение при квалификации непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взятополучателя или нет. Так, профессор П. С. Яни пишет, что обе разновидности посредничества наказуемы, только если взятка дается в значительном размере, считая непосредственную передачу взятки частной разновидностью «иного содействия»¹. В то же время Г. К. Буранов отмечает, что союз «либо» можно трактовать как разделяющий однородные члены предложения, и в таком случае непосредственная передача взятки не требует значительного размера². Такой же позиции придерживается М. И. Моисеенко³. Всё же стоит согласиться с первой позицией, так как не один раз Верховный Суд РФ в своих определениях указывал, что исходя из диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, определяющей понятие посредничества во взяточничестве, уголовная ответственность по статье 291.1 УК РФ наступает лишь в том случае, если размер взятки является значительным⁴. Тем не менее необходимо внести ясность по

¹ Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24.

² Буранов Г. К. Ответственность за посредничество во взяточничестве // Симбирский научный вестник. 2012. № 1. С. 108.

³ Моисеенко М. И. Субъективная сторона посредничества во взяточничестве // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. № 1. С. 145.

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.11.2012 по делу № 46-012-50 // URL:

этому вопросу через иную формулировку статьи или предусмотреть разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. На данный момент формулировка статьи делает возможным назначение наказания в виде лишения свободы до 4 лет за непосредственную передачу посредником взятки в незначительном размере, в то время как за получение и дачу взятки (ст. 290, 291 УК РФ) в незначительном размере максимальный срок составляет 3 и 2 года лишения свободы соответственно.

Таким образом, посредничество во взяточничестве при незначительном размере взятки не должно быть декриминализовано, поскольку это может привести к увеличению числа преступлений, где размер взятки не превышает 25 000 руб. В настоящее время в законодательстве установлены разные нижние пределы значений взятки для посредничества и соучастия в ее получении и даче, поэтому необходимо установить ответственность за посредничество во взяточничестве в незначительном размере.

Фурман К. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемные вопросы определения предмета взяточничества в коррупционных преступлениях

Аннотация. Предмет взяточничества в законе и в решениях высших судов достаточно четко определен. В то же время в научной среде возникают различные спорные позиции по вопросу определения предмета взяточничества. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы определения предмета в судебной практике в различных нестандартных ситуациях.

Ключевые слова: предмет взяточничества, коррупционные преступления, криптовалюта, информация, услуги.

<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=8ZI84bTCbmDkMxEu&cacheid=133BDF2E8D3CE45907C46F660F39BD18&mode=splus&rnd=PRCp8A&base=ARB&n=308559#GpJ84bTesiJBF00N22> (дата обращения: 26.03.2023) ; кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.10.2012 № 41-О12-65СП // URL:

<https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=MJf84bTzncMcyd5&cacheid=827D46312AD2709F78DB2350F70326B3&mode=splus&rnd=PRCp8A&base=ARB&n=304720#F Ny84bT2TqrRIrtg> (дата обращения: 26.03.2023).

Предмет взятничества является обязательным признаком составов преступлений дачи-получения взятки, определяющим квалификацию общественного опасного деяния как коррупционного преступления. В силу этого, особую важность приобретает точное определение данного предмета.

В отечественной истории уголовного права до недавнего времени проблема определения предмета взятки вызывала некоторые трудности в связи с чрезвычайно широким определением предмета взятки в ст. 173 УК РСФСР 1960 г., в котором предмет понимался как «получение... в каком бы то ни было виде взятки»¹. Впоследствии подход как законодателя, так и судебной практики изменился в сторону сужения предмета взятки.

На данный момент, согласно УК РФ и пункту 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013, предметом взятничества признаются: 1) деньги; 2) ценные бумаги; 3) иное имущество; 4) незаконное оказание услуг имущественного характера; 5) имущественные права². Необходимо отметить, что в определении денег, как наиболее частого предмета взятничества³, у правоприменителя, а также ученых, не возникает никаких вопросов. Вопросы также не вызывают ценные бумаги и иное имущество. Имущественные права же в судебной практике толкуются как права требования по договорам⁴.

В научной литературе в основном дискуссионным вопросом остается определение в качестве предмета взятки: 1) криптовалюты; 2) информации (сведений); 3) услуг нематериального характера, в частности сексуальных услуг.

Вопрос с определением криптовалюты в качестве предмета взятки возникает в связи с неопределенным законодательством гражданско-правовым режимом. Разные авторы определяют криптовалюту как нематериальные блага,

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 194.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2013 (дата обращения: 28.09.2023).

³ Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 года № 24 с изм., внесенными постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 декабря 2013 г. № 33/ М. А. Любавина. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. С. 26.

⁴ Приговор Ломоновского районного суда Ленинградской области от 08.02.2016 по уголовному делу № 1-174/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.09.2023) ; апелляционное определение Ленинградского областного суда от 10.06.2015 по делу № 22-1181/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

как имущественные права и как денежные суррогаты. Представляется «компромиссным», для целей уголовного права, определение, данное Р. М. Янковским, криптовалюты как иного имущества¹. В таком случае, согласно пункту 9 постановления Пленума от 09.07.2013 № 24, криптовалюту можно признать предметом взяточничества. Впрочем, стоит отметить, что действительной судебной практики, в которой бы криптовалюту признали предметом взяточничества, нет. Поэтому вопрос с определением криптовалюты в качестве предмета взяточничества представляется теоретическим.

Предметами взяточничества являются различные имущественные ценности, блага, услуги, выгоды, носящие имущественный характер, предоставляющие материальную выгоду². Соответственно, информацию, а равно и разные сведения, по общему правилу нельзя признать предметом взяточничества, поскольку они не являются объектами гражданских прав, а также не имеют имущественный характер. Ситуации, в которых должностное лицо за предоставленную информацию совершает действие (бездействие), входящие в служебные полномочия такого должностного лица, в пользу лица, предоставляющего такую информацию или представляемых им лиц, либо если должностное лицо в силу положения может способствовать указанным действиям (бездействию), либо осуществляет общее покровительство или попустительство по службе, на наш взгляд, надлежит квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), при наличии признаков состава данных преступлений. Соответственно, передача такой информации должностному лицу следует квалифицировать как подстрекательство к данным преступлениям.

Исключением в вопросе информации (сведений) как предмета взятки, с теоретической точки зрения, представляется секрет производства (ноу-хау), который имеет имущественную ценность и может выступать в качестве объекта гражданских прав. Впрочем, в судебной практике нет примеров такого «экзотичного» предмета взяточничества.

Последним вопросом остается определение предмета взяточничества как услуг нематериального характера. Б. В. Волженкин верно указывает, что такие не могут быть предметом взяточничества (например, дача устно или печатно благоприятного отзыва о его работе)³. Сложнее обстоит вопрос с услугами

¹ Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuty-v-rossiyskom-prave-surrogaty-inoe-imuschestvo-i-tsifrovye-dengi> (дата обращения: 28.09.2023).

² Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 196.

³ Волженкин Б. В. Там же.

сексуального характера. А. С. Горелик считает, что в случае, если сексуальные услуги оказывает лицо, заинтересованное в совершении в пользу него служебных действий, то состава дачи взятки не образуется¹. В случае же если лицо оплачивает услуги сексуального характера другого лица, то, по мнению автора, имеет место состав взяточничества².

Впрочем, судебная практика имеет иной подход к рассматриваемой проблеме. В апелляционном определении Владимирского областного суда должностное лицо было оправдано в даче взятки при следующих обстоятельствах: «Б. Г. Аванесян лично предпринял попытку дать Т. как *** взятку в виде выгоды имущественного характера, предложив бесплатно воспользоваться услугами сексуального характера. В ходе судебного заседания Т. уточнил, что с первых дней проверки были выявлены недостатки по линии *** и на основании действий Б. Г. Аванесяна сделал выводы о даче ему взятки в виде бесплатных сексуальных услуг с целью повлиять на ход и результаты проверки». В обосновании оправдания лица суд привел следующее: «Ссылка в апелляционном представлении на то, что совершение каких-либо действий в пользу взяткодателя не является обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного частью 1 ст. 291 УК РФ, в связи с тем, что это не предусмотрено диспозицией данной статьи, нельзя признать обоснованными. Суть взяточничества заключается в том, что должностное лицо получает от других лиц заведомо незаконное материальное вознаграждение за свое служебное поведение или в связи с занимаемой им должностью. С объективной стороны преступление, предусмотренное частью 1 ст. 291 УК РФ, составляет процесс передачи-получения предмета взятки от взяткодателя взяткополучателю»³. Соответственно, исходя из вывода суда, можно сделать заключение: суд не признал подобные «бесплатные услуги сексуального характера» в качестве предмета взятки, поскольку не усмотрел в оказании таких услуг «передачу-получение предмета взятки». С выводами суда, на наш взгляд, можно согласиться в связи с тем, что услуги сексуального характера сами по себе, в силу своей специфики, не обладают имущественным характером, не предоставляют материальную выгоду. Принятие таких услуг удовлетворяет скорее не корысть принимающего лица, которая предопределяет взяточничество как корыстное преступление⁴, а сексуальные потребности такого лица, что взяточничество уже не образует. Поэтому

¹ Горелик А. С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп 11 Юридический мир. 1999. М 1-2. С. 16.

² Горелик А. С. Там же.

³ Апелляционное определение Владимирского областного суда от 18.09.2013 по делу № 22-3188/2013. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 196.

обоснованно считать, что сексуальные услуги не могут являться предметом взяточничества. В силу этого верно квалифицировать принятие услуг сексуального характера как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) или как понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), при наличии признаков состава преступления. Соответственно, оказание подобных услуг следует квалифицировать как подстрекательство к злоупотреблению должностными полномочиями или к превышению должностных полномочий.

Рассмотрев вышеописанные проблемные вопросы в определении предмета взяточничества, можно сделать вывод, что данные проблемы могут быть решены посредством толкования и применения УК РФ, без внесения каких-либо изменений в закон. Законодательное регламентирование предмета взяточничества является достаточным.

Чалышева Ю. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Служебный подлог: проблемы квалификации

Аннотация. Изучение судебной практики показывает, что квалификация служебного подлога вызывает у правоприменителей некоторые проблемы, именно разрешению некоторых из них и посвящена данная статья. Так, исследуется предмет преступления как признак, вызывающий наибольшие сложности при его установлении, а также разрабатываются правила квалификации служебного подлога по совокупности преступлений и его отграничению от смежных составов.

Ключевые слова: коррупционная преступность, должностное преступление, служебный подлог, официальный документ, совокупность преступлений.

Служебный подлог на сегодняшний день является одной из самых опасных форм проявления коррупционной преступности. Опасность прежде всего состоит в поведении представителей государственного аппарата, превращающих свои властные полномочия в своеобразный товар. Для служебного подлога, как проявления коррупции, характерны все ее основные черты (извлечение выгод из должностного положения, поражение аппарата публичной власти).

Научный интерес к изучению данного состава преступления вызван его широкой распространенностью, а также отсутствием однозначного решения по ряду вопросов правоприменения.

Анализ судебной практики по ст. 292 УК РФ показал, что при квалификации служебного подлога возникают проблемы и расхождения при толковании нормы. К проблемам, которые обсуждаются научным сообществом совместно

с практиками, относятся: 1) определения предмета преступления, 2) квалификация по совокупности с иными должностными преступлениями, 3) соотношение служебного подлога со смежными составами преступлений.

Одним из обязательных признаков состава служебного подлога является предмет преступления, а именно официальный документ. Однако его общепринятого понятия не существует, что ведет к полемике в науке уголовного права и не одинаковому правоприменению на практике.

Действующее законодательство определяет официальный документ как «принятый органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени документ»¹. Именно на это определение ссылался Конституционный Суд РФ при формировании правовой позиции об отсутствии неопределенности в предмете служебного подлога при рассмотрении жалобы гражданки Ю. С. Мигутиной².

Представленное положение было раскритиковано, так как определение официального документа в Федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» дается для целей соответствующего нормативного правового акта. Кроме того, другие федеральные законы³ содержат свои дефиниции официальных документов, которые не являются универсальными и не отвечают признакам официальных документов как предмета служебного подлога.

В. В. Романова пишет, что в российском законодательстве отсутствует общее определение не только понятия «официальный документ», но и термина «документ», в связи с чем отсутствуют и четкие критерии отнесения документов к категории официальных, что порождает вопросы о форме, источнике происхождения официального документа, о его содержании и направленности⁴.

¹ Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»: офиц. текст // СПС «КонсультантПлюс» ;

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 13.10. 2009 № 1236-О-О // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision9066.pdf> (дата обращения: 19.09.2023) ;

³ См.: Федеральные законы: от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», Трудовой кодекс Российской Федерации.

⁴ Служебный подлог : учеб. пособие / В. В. Романова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 17.

Верховный Суд РФ указывал, что «предметом преступления, предусмотренного статьей 292 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля»¹. Вместе с тем данное разъяснение не урегулировало все сложности, возникающие при применении ст. 292 УК РФ.

Исследование материалов судебной практики показало, что суды в качестве официальных документов признавали: акт таможенного допроса², акт об оказанных переводчиком услугах по уголовным делам в отношении лиц, не владеющих русским языком³, свидетельство о регистрации транспортного средства⁴, авансовый отчет⁵, путевой лист⁶, акт принятия строительных материалов⁷.

Другая сложность в применении ст. 292 УК РФ связана с решением дилеммы о необходимости квалификации служебного подлога с другими должностными преступлениями. Так, у судов возникают вопросы в разграничении

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 19.09.2023).

² Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 02.08.2017 по уголовному делу № 1-220/17 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/420326.html?ysclid=ln3lbom75t754490158> (дата обращения: 19.09.2023).

³ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 15.10.2017 по уголовному делу № 1-513/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/420834.html?ysclid=ln3lei55cs879040711> (дата обращения: 19.09.2023).

⁴ Приговор Индустриального районного суда г. Перми от 26.06.2017 по уголовному делу № 1-209/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4JzGfgCM3sb8/?ysclid=ln3lfm58rx613572785> (дата обращения: 19.09.2023);

⁵ Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 26.06.2017 по уголовному делу № 1-226/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZNghl5H7kDJv/?ysclid=ln3lid57ag761196534> (дата обращения: 19.09.2023).

⁶ Приговор Первомайского районного суда г. Краснодара от 27.03.2017 по уголовному делу № 1-15/17 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6i0cWOMjYpZv/?ysclid=ln3ljncl9778178358> (дата обращения: 19.09.2023).

⁷ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16.02.2018 № 44у-9/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hY91RiNHBrh/?ysclid=ln3lkmxef6975351391> (дата обращения: 19.09.2023).

действий виновного, являющихся самостоятельным преступлением, ответственность за которое предусмотрена статьей 292 УК РФ, с действиями, когда служебный подлог является частью основного преступления (конструктивным признаком), и не требует самостоятельной квалификации, например, по ст. 285.3 УК РФ.

В практике применения уголовного закона сложности вызывает вопрос о соотношении служебного подлога с получением взятки. Иными словами, должностное лицо, используя свои служебные полномочия, совершает за взятку деяние, которое само по себе является преступлением. В этих случаях имеет место реальная совокупность преступлений¹. Данное положение нашло закрепление в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.06.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Из ст. 290 УК РФ, предусматривающей ответственность за получение взятки, не следует, что внесение в официальные документы заведомо ложных сведений охватывается рассматриваемым составом преступления². Исходя из этого в том случае, если заведомо ложные сведения вносятся в официальные документы с целью получения взятки, действия должностного лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 292 и 290 УК РФ³.

Вопрос о соотношении служебного подлога и иных преступлений имеет практическое значение при разграничении служебного подлога со смежными преступлениями (например, фальсификация избирательных документов, документов референдума (ст. 142 УК РФ), изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ), фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ), подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ)).

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2020. С. 1317.

² Служебный подлог как состав преступления (подготовлено для системы КонсультантПлюс на основе материалов. Т. Н. Долгих, канд. юрид. наук, судьи Калининградского областного суда). 2023.

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13.11.2012 № 47-О12-50 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=514482 (дата обращения: 19.09.2023).

Как правило, смежные составы преступлений различаются по одному или нескольким признакам и родственны по характеру общественной опасности¹. Так, если в содеянном отсутствует хотя бы один из признаков, обязательных как для состава служебного подлога, так и для состава преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ, указанные нормы должны рассматриваться как смежные. Например, отсутствует цель использования подложного официального документа, но остальные признаки двух составов совпадают. В этом случае норма, предусмотренная статьей 327 УК РФ, утрачивает общий характер, поскольку именно в этой норме цель конкретизирована, нормы рассматриваются как смежные и, следовательно, квалификация содеянного осуществляется по правилам разграничения смежных норм².

Сходная ситуация прослеживается и при сопоставлении признаков служебного подлога и преступлений, ответственность за которые предусмотрена в ст. 142 и 142.1, 303 УК РФ.

В заключение сто́ит отметить, что искажение официальных документов нарушает законную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, является барьером в выстраивании результативной государственной политики. Преступления коррупционной направленности подрывают доверие населения к власти, ее авторитету и в конечном счете препятствуют реализации общественных интересов.

¹ Уголовное право России. Особенная часть. Первый полутом : учебник для вузов / под ред. доктора юридических наук, профессора Г. Н. Борзенкова и доктора юридических наук, профессора В. С. Комиссарова. М. : ИКД Зерцало-М, 2005. С. 28.

² Романова В. В. Указ. соч. С. 43.

XXII. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Алтаев К. Б.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
Студент

Актуальные вопросы взаимодействия следователя с защитником на стадии предварительного расследования

Аннотация. В статье исследуются проблемы взаимодействия следователя с защитником на стадии предварительного расследования в современном аспекте. Актуальность темы статьи составляет необходимость в разрешении теоретических и практических проблем, связанных с указанным взаимодействием. Противостояние установленному законодательством РФ порядку со стороны защиты нередко. При этом сами следователи могут совершать следственные ошибки, нарушающие право подозреваемого (обвиняемого) на защиту, гарантированную Конституцией РФ, что является недопустимым и требует повышения профессиональных и личных качеств и навыков следователей.

Ключевые слова: следователь, защитник, адвокат, подозреваемый, обвиняемый, следственная ошибка, предварительное расследование.

Для эффективного производства процессуальных действий на стадии предварительного расследования у следователя существует масса полномочий. На следователе лежит огромная ответственность за судьбы людей, он всегда находится под давлением, поскольку каждое его решение порождает значимые последствия¹.

Важным участником на стадии досудебного производства, так же как и на последующих, является защитник. Конституция РФ признает гарантированность права на получение квалифицированной юридической помощи, а также право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления на пользование помощью адвоката с фактического момента наступления данного статуса у вышеперечисленных лиц. Защитником является лицо, которое осуществляет защиту прав и интересов подозреваемых (обвиняемых), а также оказывает им юридическую помощь при уголовном судопроизводстве в установленном законом порядке, в качестве защитников участвуют адвокаты (ст. 49 УПК РФ). Помимо данной обязанности, защитник также дол-

¹ Кардашевская М. В. Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы // Matters of Russian and International Law. 2018. № 8. С. 245.

жен взаимодействовать с органами предварительного расследования, являться по их вызовам, поскольку должен оказывать защиту и во время производства следственных действий.

Известна проблема об отсутствии законодательного закрепления обязанности предоставления подтверждающих документов адвокатами о невозможности их явки на процессуальные действия. Этим часто пользуются адвокаты, объясняя тем, что данные сведения составляют адвокатскую тайну. Неизвестно должны ли стороны, в том числе адвокат, предоставлять подтверждающие документы об их нахождении в отпуске или на больничном. Неизвестно и то, являются ли данные сведения адвокатской тайной. При этом отсутствует единая практика по данному вопросу, во всех регионах она разная. На практике также встречаются ситуации, когда адвокат по соглашению находится в отпуске в период 5 суток, предшествующих назначенному следственному действию, при этом подозреваемый (обвиняемый) не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении. Следователь принимает решение назначить адвоката. Адвокат по назначению же не является, или покидает место проведения процессуальных действий, или заявляет ходатайство, ссылаясь на то, что следователь нарушил процессуальный порядок и не уведомил надлежащим образом адвоката по соглашению. Адвокат по назначению, который принял поручение по защите подозреваемого (обвиняемого), обязан явиться к заявителю, предъявив ордер и удостоверение, так он вступает в уголовное дело в качестве защитника. В соответствии со ст. 49 УПК РФ он не вправе отказаться от принятой на себя защиты. В случаях, если у обвиняемого есть защитник по соглашению, адвокат по назначению обязан удостовериться в надлежащем уведомлении первого и потребовать мотивированного процессуального решения следователя о назначении адвоката. В случае его отсутствия, постановление следователя о назначении защитника может быть признано немотивированным. Существует общее правило допущения к участию в деле того защитника, который был непосредственно выбран обвиняемым (подозреваемым). ВС РФ и КС РФ неоднократно указывали в своих актах о том, что противоречие данному правилу свидетельствует о существенном нарушении прав, которые гарантированы Конституцией РФ участнику уголовного процесса как личности. Следователь не может нарушить данное правило в пользу назначаемого защитника без уважительных причин. Если доверитель выбрал защитника, то это подразумевает, что доверитель заинтересован в нем и считает, что только он обеспечит ему полную защиту своих прав и интересов. Подозреваемый (обвиняемый) по общему правилу вправе отказаться от защитника по своему волеизъявлению посредством написания заявления и указанием в протоколе соответствующего следственного действия, при котором следователь выясняет причины данного отказа. Однако существуют случаи, когда не принятие следователем отказа от

защитника по назначению является правомерным и соответствует законному порядку. В соответствии со ст. 52 УПК РФ следователь может по своему усмотрению принять или не принять отказ от защитника подозреваемым (обвиняемым), если сочтет это необходимым, поскольку данный отказ является для него не обязательным. При принятии данного решения следователь должен обеспечить реализацию прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства, он не вправе злоупотреблять своим положением и ущемлять конституционное право на защиту участников процесса. Право подозреваемого (обвиняемого) на защиту при наличии защитника не считается нарушенным, когда следователь не удовлетворяет заявление об отказе от защитника, если указанные участники пользуются своим правом в недобросовестных целях. Так, если подозреваемый (обвиняемый) отказывается от адвоката, адвокат заявляет самоотвод, следователь незамедлительно его рассматривает и выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства и продолжает следственные действия¹. В соответствии с Конституцией РФ: осуществление лицами своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Так, реализация права подозреваемого (обвиняемого) на свободный выбор защитника может быть ограничена следователем. Действие (бездействие) защитника по соглашению может быть признана незаконной и выраженной в форме злоупотребления правом на защиту подозреваемым (обвиняемым).

Если защитник по назначению не является или не участвует в следственных действиях по каким-либо допускающим законом причинам, следователь может решить данную проблему привлечением понятых для участия в следственном действии, которые подтверждают законность его осуществления следователем. Однако при этом УПК РФ не предусматривает конкретного ответа на вопрос, может ли назначенный следователем адвокат отказаться от представления интересов подозреваемого (обвиняемого) в случае ненадлежащего уведомления адвоката по соглашению и что следует предпринять следователю. Внедрение данной нормы в УПК РФ также было бы обоснованно. Работа следователя нередко сопровождается ошибками различного рода, в том числе и уголовно-процессуальными в части реализации права на защиту, что можно также именовать, как следственные ошибки. Их совершение влечет к отмене незаконных процессуальных решений, возвращению дел для производства дополнительного расследования или устранения препятствий их рассмотрения судом либо к вынесению оправдательных приговоров, что отрицательно сказывается на

¹ Новейшие следственные ошибки : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность / [авт.-сост. В. О. Захарова [и др.]] ; под ред. Ю. А. Цветкова. М. : Юнити-Дана, 2021. С. 9.

статистических показателях работы следственного органа. В то же время не все нарушения следователем квалифицируются как следственные ошибки. Следователем может преднамеренно нарушить уголовно-процессуальный закон, при нарушении права подсудимого на защиту, не ознакомив с материалами уголовного дела в предусмотренном УПК РФ порядке¹.

В связи с чем обосновано предложение внести изменения в ч. 4 ст. 29 УПК РФ в части наделения суда правом вынесения частного постановления по факту нарушений, допущенных защитником, с обязательным информированием об этом адвокатской палаты. В заключение следует отметить следующее: защитник, несомненно, является одним из активных участников в собирании доказательств, имеющих значение для защиты подозреваемого (обвиняемого). Так, адвокат способствует защите граждан от необоснованного и незаконного обвинения или несправедливого наказания, что важно не только для конкретного человека, но и в целом для общества и государства. Однако в законодательстве существуют некоторые упущения, в части урегулирования прав и обязанностей защитников, которыми они могут пользоваться, злоупотребляя своим положением. К таким пробелам можно отнести отсутствие урегулирования надлежащего уведомления следователем защитников, заблаговременность уведомления о невозможности участия в процессуальных действиях защитника, отсутствие уголовной ответственности за консультации «криминального характера» и иные. Значимость данной проблемы обусловлена противодействием защитников законному порядку предварительного расследования, воспрепятствованием следователю при его осуществлении. Немаловажную роль играют профессиональные и личные качества, как самих защитников, так и следователей.

Белозеров М. Н.

Омская академия МВД России
Курсант

Безопасность участников уголовного процесса при осуществлении уголовного производства в электронной форме

Аннотация. В настоящее время цифровая трансформация проявляется во всех сферах общества и уголовно-правовая сфера не исключение. С одной стороны, это

¹ Черемисина Т. В. Нарушение права обвиняемого на защиту: кто виноват? // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 1 (16). С. 124.

позволяет наиболее эффективно осуществлять уголовный процесс, но с другой появляются риски, касающиеся безопасности участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, безопасность участников уголовного судопроизводства, конфиденциальность данных, уголовный процесс, цифровая трансформация.

В современных условиях в мире происходит интенсивная цифровая трансформация. Новые технологии не стоят на месте, и постоянно внедряются в нашу повседневную жизнь, уголовное судопроизводство не является исключением. В настоящее время в уголовном процессе все большее значение приобретает использование современных информационных технологий, в частности, электронного уголовного дела. С одной стороны, это позволяет существенно оптимизировать процессы, связанные с обработкой информации и ускорить рассмотрение дел в суде, а с другой стороны, использование электронных технологий может иметь негативное влияние на безопасность участников уголовного процесса.

В научной литературе само электронное делопроизводство в уголовном процессе исследуется достаточно активно, поэтому обсуждение заявленного нами частного вопроса построим на имеющихся в доктрине значениях и признаках электронного уголовного дела. Так, И. И. Шереметьев определяет электронное уголовное дело как способ ведения уголовного дела, при котором использование информационно-коммуникационных технологий позволяет автоматизировать процессы сбора, обработки, хранения и передачи информации в рамках уголовного процесса¹.

З. С. Лебедев, давая определение того же явления делает акцент на экономичности и скорости расследования (рассмотрения) дела. В частности, автор отмечает, что электронное уголовное дело позволяет сократить расходы на бумажные носители и пересылку документов, а также ускоряет процесс передачи информации между участниками уголовного процесса. Однако указываются и негативные стороны электронного делопроизводства — при использовании электронных систем возможны утечки информации и хакерские атаки, что может негативно сказаться на безопасности участников уголовного процесса².

¹ Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica (Русский закон). 2020. № 73 (10). С. 81–90. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.167.10.081-090> (дата обращения: 13.04.2023).

² Лебедев З. С. Электронное уголовное дело как форма уголовного судопроизводства: способ реализации и перспективы внедрения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 37–41.

Сказанное предопределяет актуальность темы исследования, так как обеспечение безопасности участников уголовного процесса — это одна из главных задач уголовного судопроизводства. Участники уголовного процесса должны чувствовать себя защищенными и уверенными в том, что их права и интересы будут защищены на всех этапах уголовного процесса. Однако существующие угрозы, связанные с использованием электронных технологий в уголовном процессе, могут привести к серьезным последствиям и угрозам для безопасности участников процесса.

Электронное и обычное уголовное дело хотя и сходны по своему назначению, однако имеют свои различия.

Электронный формат ведения дела предполагает значительно сократить время и уменьшить затраты на обработку и передачу документов, а также обеспечивает более быстрый доступ к информации. Также в случае электронного уголовного дела возможно ускорение процесса подачи и рассмотрения обвинения, а также более эффективное управление процессом.

В то же время преимущество электронного уголовного дела может оказаться и его недостатком. Возможность быстрого доступа к информации и документам может привести к тому, что конфиденциальная информация может быть украдена или взломана. Это, в свою очередь, однозначно является риском безопасности для участников уголовного процесса. Кроме того, могут возникнуть проблемы с защитой личных данных и конфиденциальной информации, которые могут быть уязвимы для взлома или несанкционированного доступа.

Кроме того, хранение и передача конфиденциальной информации в электронном виде может быть уязвимым к кибератакам и хакерским атакам, что может привести к утечке личных данных, включая адреса, фотографии, номера телефонов и другую чувствительную информацию. Решением данной проблемы, нам видится в разработки новых технологических решений, таких как блокчейн и защита данных с помощью криптографии. Это может включать в себя реализацию более сложных методов аутентификации, защиты от вредоносного программного обеспечения и защиты от DDoS-атак.)

Электронное уголовное дело является технически сложным и ограниченным. Не все участники уголовного процесса могут иметь доступ к необходимым техническим средствам, таким как высокоскоростной Интернет и специализированные программы, что может затруднить ведение электронного уголовного дела (важно применять меры по обучению лиц, осуществляющих производство по уголовному делу не только в рамках использования специальной техники, но и в области информационной безопасности, что может помочь предотвратить несанкционированный доступ к уголовным делам.). Кроме того, важно разработать и внедрить новые технические решения, которые повысят уровень безопасности электронных систем уголовного процесса. Это могут быть новые

методы аутентификации, улучшение защиты от взлома и вирусов, улучшение методов резервного копирования и т.д. Важно также учесть мнение специалистов в области информационной безопасности при разработке новых систем и технологий для электронного уголовного дела.

Таким образом, проблемы, связанные с электронным уголовным делом, могут быть решены путем комплексного подхода, включающего в себя как технические, так и организационные меры, а также участие специалистов в области информационной безопасности.

В настоящее время электронное уголовное дело уже применяется в некоторых странах, таких как США, Германия, Франция и Япония, и с каждым годом всё больше стран переходят на эту форму уголовного судопроизводства¹.

В США, например, электронное уголовное дело (Electronic Case Files) было введено в Федеральных судах еще в 2001 г., а к 2018 г. оно было полностью реализовано во всех 94 федеральных судах. Оно также используется во многих штатах, но на уровне штатов может отличаться от того, что используется на федеральном уровне. В Европе электронное уголовное дело также начинает становиться всё более распространенным. В Германии, например, система электронного уголовного дела (elektronisches Strafverfahren) была введена в 2018 г.

Таким образом, видно, что практика электронного уголовного дела уже получила широкое распространение в различных странах мира, и она продолжает развиваться, обеспечивая безопасность участников судопроизводства.

В заключение можно отметить, что электронное уголовное дело является новым этапом в развитии уголовного судопроизводства, который предлагает более эффективный и быстрый доступ к информации, сокращает временные и финансовые затраты, и может значительно ускорить процесс рассмотрения уголовных дел. В то же время считаем, что электронный документооборот должен стать дополнением тому порядку, который есть сейчас. Так, материалы уголовного дела, подтверждающие различные ходатайства перед судом могут представляться в электронном виде. Если же суду потребуется ознакомиться с оригинальным документом, то он всегда может быть запрошен. Кроме того, решения, которые подразумевают уведомительные действия об их принятии (уведомление прокурора о задержании в порядке ст. 91 УПК РФ) также могут быть направлены адресату в электронной форме. Также нельзя забывать об уникальности некоторых бумажных носителей, что исключает их перевод в электронный формат.

¹ Лебедев З. С. Электронное уголовное дело как форма уголовного судопроизводства: способ реализации и перспективы внедрения // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (5). С. 37–41.

Таким образом, новые технологии не должны исключать обычное уголовное дело, а вполне могут сосуществовать наравне с электронным делопроизводством. Это позволит сохранить документы и материалы в их оригинальном виде, а также обеспечить публичность процесса и защиту прав участников уголовного дела.

Васильева А. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемные аспекты обеспечения безопасности «анонимного свидетеля» в уголовном судопроизводстве

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации права на анонимность участников уголовного судопроизводства. Особое внимание автор уделяет сложностям, возникающим при практической реализации норм, содержащим меры обеспечения безопасности, а также ставится вопрос об эффективности способов засекречивания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры безопасности, право на анонимность, «анонимный свидетель», засекречивание.

Человек, его права и свободы на конституционном уровне признаны высшей ценностью¹. Поэтому со стороны государства гарантируется неприкосновенность личности и собственности, что в свою очередь, возлагает на государство обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Одним из средств защиты прав и законных интересов личности является право на анонимность, которое закрепляется в ряде статей Конституции Российской Федерации: право на личную и семейную тайну, право на врачебную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров и др. Гарантированные на конституционном уровне права находят свою реализацию в иных источниках права, так Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» устанавливает систему мер государственной защиты указанных лиц, в том числе и меры безопасности².

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

² Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

Трудно не согласиться с Л. В. Брусницыным, который отмечает, что достаточно часто именно показания свидетелей, а также потерпевших позволяют доказать виновность лиц в совершении преступления. Поэтому лишь надлежащее обеспечение защиты личности предоставит возможность получения необходимых доказательств по уголовному делу¹. В связи с этим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает ряд положений, позволяющих обеспечить безопасность свидетеля, потерпевшего, а также иных участников уголовного судопроизводства в том случае, если им угрожают убийством, насилием, повреждением имущества или иными опасными противоправными деяниями. Данные положения содержат меры, направленные на то, чтобы предотвратить узнавание лицами, которые потенциально могут причинить им вред.

В своем социологическом исследовании А. Ю. Мягков отметил, что отсутствие у респондентов гарантии неразглашения их ответов приводит к тревогам и опасениям по поводу анонимности и как следствие — к отказам от участия в исследовании, а также пропускам некоторых вопросов и различным формам редактирования озвучиваемых мнений². Отсюда следует, что гарантия анонимности, которая действительно будет реализована, позволит сократить число отказов от участия в опросе, и тем самым поспособствуют большей искренности. Аналогично, при гарантии анонимности в уголовном судопроизводстве — удастся сократить число случаев лжесвидетельства и отказов свидетелей от показаний, поскольку большинство лиц, которые дают уличающие показания, испытывают страх перед дальнейшим общением с ними в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства. Необходимо отметить и тот факт, что в зале судебного заседания зачастую свидетелям и потерпевшему приходится сталкиваться с неблагоприятной психоэмоциональной обстановкой, поскольку помимо самого подсудимого, присутствовать могут друзья и родственники, что в свою очередь, негативно влияет на объективность дачи показаний. Вполне уместно обратить внимание на то, что даже А. Ф. Кони, будучи, имея огромный опыт выступления в судебных заседаниях, когда был допрошен в качестве свидетеля отметил тяжелое психологическое состояние свидетеля при допросе в судебном заседании. А именно, после того как ему были заданы вопросы о его личности, состоит ли он в родстве и свойстве с подсудимым, а

¹ Брусницын Л. В. «Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК» // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 48.

² Мягков А. Ю. «Механизмы редактирования ответов респондентами (анализ зарубежных социологических теорий)» // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. Вып. 1. С. 2.

также сообщили, что все сказанное А. Ф. Кони должен будет подтвердить присягой, то после этого он почувствовал «невольное смущение»¹.

Однако на современном этапе практическая реализация уголовно-процессуальных положений, содержащих меры безопасности свидетелей и потерпевших, сталкивается со значительными проблемами ввиду отсутствия комплексного подхода к обеспечению безопасности указанных лиц. Так, например, И. А. Суровенко и О. А. Чабукиани в рамках научной работы, посвященной проблемным аспектам обеспечения безопасности свидетеля, был проведен опрос практических работников, в результате которого было выявлено, что только 20 % из 140 опрошенных следователей органов внутренних дел подробно разъясняют все возможные меры безопасности, 38 % — лишь прочитывают права свидетеля; 37 % — ограничиваются разъяснением процессуальные меры безопасности без раскрытия содержания положений специального Федерального закона. Таким образом, уже на данном этапе свидетель или потерпевший может быть не осведомлен о возможности остаться анонимным, что является существенным упущением.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что некоторыми авторами выделяется отдельный институт анонимных свидетелей как составной части института защиты свидетелей и иных участников судопроизводства. На наш взгляд, не совсем целесообразно утверждать о существовании данного института, так как уголовно-процессуальные нормы, касающиеся закрепления права на анонимность, отличаются бессистемностью и отсутствием целостного подхода, что и вызывает затруднения при их применении.

Часть 9 ст. 166 УПК РФ закрепляет возможность засекречивания данных потерпевшего, его представителя, а также свидетеля в протоколе следственного действия. Следователь, получив согласие руководителя следственного органа, либо же дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, где излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, а также указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он в дальнейшем будет использовать в протоколах следственных действий. Далее данное постановление необходимо поместить в конверт, который печатывается и приобщается к материалам уголовного дела, но при этом хранится в условиях, исключающих возможность ознакомления другими участниками уголовного судопроизводства. Но важно отметить, что обеспечивать безопасность необходимо не только на этапе предварительного расследования при проведении следственных дей-

¹ Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Из записок судебного деятеля. Т. 1 // Юридическая литература. 1996. С. 126.

ствий, но и в зале судебного заседания. Поэтому часть 5 ст. 278 УПК РФ регламентирует, что в случае необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, которые исключают визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства¹.

Серьезным упущением является и тот факт, что не указываются способы исключения визуального наблюдения в зале судебного заседания, поэтому достаточно часто судьи самостоятельно применяют различные варианты засекречивания лица, вырабатывая тем самым судебную практику². Но не во всех судах имеется необходимая материально-техническая база, поэтому альтернативой специально оборудованным помещениям служат самодельные ширмы, либо же лицо вовсе допрашивается вне зала судебного заседания, что не обеспечивает безопасность лица должным образом, а также вступает в противоречие с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Заслуживает внимания и тот факт, что уголовно-процессуальный закон не закрепляет особенности реализации потерпевшим, который использовал псевдоним, в дальнейшем права на обжалование приговора суда, поскольку как в апелляционной, так и в кассационной жалобе необходимо указывать свои персональные данные. Так, копии жалобы должны быть направлены другим участникам судопроизводства, поэтому данные личности потерпевшего становятся известны, как осужденному, так и его защитнику.

Следует отметить, что закрепление права на анонимность несмотря на то, что обеспечивает безопасность свидетеля и потерпевшего, в то же время нарушает принципы уголовного судопроизводства, такие как, непосредственность и состязательность. Кроме того, поскольку у стороны защиты отсутствует возможность установить неспособность засекреченного лица реально воспринимать окружающую действительность — ограничивается право обвиняемого на защиту. В таких условиях, требуется достаточно осторожный и внимательный подход в правовой регламентации оснований и способов обеспечения мер безопасности.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Долгова М. В. Особенности обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. С. 81.

Гаршина Е. С.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Студент

Свобода обжалования и запрет поворота к худшему при пересмотре решений по уголовным делам как принципы, обеспечивающие права личности в уголовном процессе

Аннотация. Свобода обжалования и запрет поворота к худшему являются важнейшими принципами, обеспечивающими права личности, при пересмотре решений по уголовным делам. Для того чтобы понять их сущность, необходимо провести сравнительно-правовой анализ норм, регулирующих положения данных принципов, в УПК РФ с УПК некоторых зарубежных стран, а также проследить динамику развития заявленных в статье принципов в ретроспективе.

Ключевые слова: принципы, свобода обжалования, запрет поворота к худшему, пересмотр решений по уголовным делам.

Во второй главе УПК РФ, в ст. 19, закреплён принцип «право на обжалование процессуальных действий и решений», провозглашающий свободу обжалования судебных решений и закрепляющий право на пересмотр приговора вышестоящим судом. Вышеуказанный принцип основан на ряде положений, содержащихся как в международно-правовых актах¹, так и в Конституции РФ, например, гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45), право на обжалование решения и действия (бездействия) перечисленных в данной норме субъектов (ч. 2 ст. 46)².

При анализе уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, были выявлены два подхода к регламентации принципа свободы обжалования судебных решений. Первый — закрепление его в качестве отдельного принципа в соответствующей главе УПК³. Второй — отсутствие закрепления, но

¹ Например, в п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (действие настоящего документа прекращено в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 г. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ. Тем не менее данный фактор не позволяет умилять значимость данного документа), ст. 8 Всеобщей декларации прав человека и пр.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2020. № 31, Ст. 4398.

³ См., например: в ст. 31 УПК Республики Казахстан, ст. 14 УПК КНР, п. 17 ч. 1 ст. 17 УПК Украины и т.д.

презюмирование¹. Как правило, свобода обжалования судебных решений содержит в себе несколько аспектов, а именно: минимальные требования к жалобам, разумные сроки для их подачи, широкий перечень лиц, имеющих право на обжалование, а также право обжаловать практически любое судебное решение. Таким образом, создаются условия, в которых реально возможно реализовать право на обжалование.

При анализе ч. 1 ст. 389.1 и ч. 1 ст. 401.2 УПК РФ выявили, что в настоящее время в российском уголовно-процессуальном законодательстве закреплён широкий круг субъектов, наделённых правом обжалования судебных решений. Однако такое положение существовало не всегда. Проследим развитие в ретроспективе.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не содержал в себе принципа свободы обжалования судебных решений, однако презюмировал. Об этом могут свидетельствовать положения ст. 856–861, они закрепляли достаточно широкий перечень лиц, которые имели право на обжалование, среди них: «подсудимый, частный обвинитель, прокурор, гражданские истец и ответчик, а также законные представители, защитники и поверенные»². УПК РСФСР 1923 г. в ст. 349 отдельных лиц (кроме прокурора), имеющих право на обжалование не поименовывал, однако вышеупомянутая статья содержала такую формулировку *«жалобы...могут быть принесены каждой из заинтересованных сторон...»*. Под словом «стороны» понимались: «прокурор, поддерживающий в процессе обвинение, гражданский истец и представители его интересов, обвиняемый, его законные представители и защитники, потерпевший в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение и представители его интересов»³ (п. 6 ст. 23 УПК РСФСР). УПК РСФСР 1960 г. в ст. 325 содержался также закрытый перечень, по сути, поименовывались те же субъекты, что и в УПК РСФСР 1923 г., однако впредь право обжалования предоставлялось не только потерпевшему по делам частного обвинения, но и по другим делам, а также такое право появилось у осуждённого и оправданного.

¹ См., например: в УПК Республики Армения (ст. 156), УПК Республики Беларусь (Раздел X, Раздел XII), ст. 256 УПК КНДР, УПК Федеративной Республики Германия (Третий, Четвертый разделы), ст. 52 УПК Греции, Глава 11 УПК Финляндии и т.д.).

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=ln374mhobo896959401>. (дата обращения: 20.09.2023).

³ УПК РСФСР 1923 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551&ysclid=ln376n0tue11538093#00Yo9rTkd99fktMm> (дата обращения: 22.09.2023).

При сравнении с УПК зарубежных стран, можно выделить два типа закрепления субъектов, наделенных правом обжалования судебных решений по уголовным делам: 1) «широкий круг субъектов»¹; 2) «закрытый перечень субъектов»². Немного подробнее остановимся на положениях УПК КНР. В статье 218 УПК КНР указано, что потерпевший и его законный представитель не могут самостоятельно обжаловать судебное решение, для этого им необходимо получить в течение 5 дней разрешение Народной прокуратуры, в случае отказа первые лишаются своего права на обжалование судебных решений³.

Следующим критерием, который необходимо рассмотреть, выступает возможность обжалования любого судебного решения. Статья 853 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. запрещала обжаловать приговоры, которые были вынесены окружным судом при участии присяжных заседателей (они провозглашались окончательными (ст. 854)) и могли быть отменены только в кассационном порядке кассационном — в кассационном департаменте Сената (ст. 855, 910) и только по причинам, установленным в ст. 912. Изначально может показаться, что это совершенно противоречит принципу свободы обжалования, однако в то время нельзя было отказаться от рассмотрения дела с участием присяжных заседателей, а последние были особенно независимы от стороннего влияния и несли личную ответственность, поэтому в их интересах было вынести приговор, отвечающий критериям законности, обоснованности и справедливости. УПК РСФСР 1923 г. в ст. 347 содержал судебные решения, которые не могли быть обжалованы, но могли быть изменены или отменены в порядке надзора губернским судом (ст. 201, 267, 341 УПК РСФСР 1923 г.). Здесь уже прослеживается явное ущемление права свободы обжалования судебных решений, которое впоследствии, к сожалению, будет только возрастать. В УПК РСФСР 1960 г. в ч. 2 ст. 331 содержался перечень судебных решений, которые не подлежали обжалованию, но тем не менее могли быть опротестованы прокурором. Данный факт является ярким примером ущемления прав не только свободы обжалования, но и состязательности в принципе, так как прокурор, сторона обвинения, здесь в явно преимущественном положении, что является

¹ См., например: ст. 353 УПК Республики Армения, ст. 393, ст. 425 УПК Украины, ст. 384 УПК Эстонии и т.д.

² См., например: ст. 370, 405 УПК Республики Беларусь, ст. 216–218 УПК КНР и пр.

³ УПК КНР. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026?ysclid=ln3782kx1f121037853> (дата обращения: 23.09.2023).

в корне неправильным. Поэтому позже по данному вопросу было вынесено постановление КС РФ¹, которым КС РФ признал вышеупомянутое положение противоречащим Конституции РФ, поэтому в новом (действующем) УПК РФ подобного положения нет.

Теперь перейдем к анализу запрета поворота к худшему при пересмотре решений по уголовным делам. В части 2 ст. 252 УПК РФ указано, что «изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшится положение подсудимого и не нарушается его право на защиту»². В УПК РСФСР 1923 г. запрета поворота к худшему не существовало, впервые он нашел свое отражение в советском УПК РСФСР 1960 г., в ст. 465.

Запрет поворота к худшему имеет несколько значений, разберем одно из них, а именно то, что сторона защиты может подать жалобу, не опасаясь при этом того, что суд ужесточит наказание или иным образом ухудшит положение соответствующего лица³. Достаточно интересное положение по данному поводу содержится в УПК КНДР. В статье 380 УПК КНДР действительно содержится запрет на поворот к худшему, однако в нестандартной формулировке, из которой следует, что не только протест стороны обвинения может впоследствии ухудшить положение стороны защиты, но и сама жалоба обвиняемого, в которой содержится ссылка на суровость приговора⁴. Поэтому обвиняемый, боясь «разгневать суд», который может назначить ему еще более суровое наказание, просто не реализует свое право на обжалование.

Подводя итог, необходимо сказать о том, что такие принципы уголовного процесса, как свобода обжалования и запрет поворота к худшему при пересмотре решений по уголовным делам, существуют практически в каждом государстве, но с особенностями конкретного правопорядка. Свобода обжалования судебных решений заключается в широте перечня субъектов, наделенных правом обжалования, в их возможности обжаловать практически любое решение суда, минимальных требованиях к жалобам, а также разумные сроки для их подачи.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251546/?ysclid=ln37iygw6h599958214> (дата обращения: 19.09.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Килина И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке : дис. ... кан. юрид. наук. Ижевск. 2017. С. 116.

⁴ УПК КНДР. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14724> (дата обращения: 20.09.2023).

Запрет на поворот к худшему при пересмотре судебных решений предусмотрен практически в каждом уголовно-процессуальном законодательстве конкретного государства. Данный принцип является неким сдерживающим фактором в отношении ревизионных начал при пересмотре судебных решений в вышестоящей инстанции¹. Однако не во всех странах он исполняется, то есть принцип-то закреплен, но сами положения, регулирующие его исполнения дают широкие полномочия суду для того, чтобы его нарушать — яркий пример УПК КНДР.

Головченко К. Д., Кулькова П. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Назначение наказания через призму систем принципов уголовного права и принципов уголовного судопроизводства

Аннотация. В научной работе рассматриваются проблемные аспекты и задачи назначения наказания через призму систем уголовного права и уголовного судопроизводства. Исследуется влияние принципов уголовного права и уголовного судопроизводства на назначение наказания и на формирование законодательства. Выявляется роль принципов в назначении наказания.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное судопроизводство, назначение наказания, принципы уголовного права, задачи уголовного судопроизводства.

Одним из важнейших институтов уголовного права является институт назначения наказания, который содержит в себе фундаментальные правовые основы, выполняющие направляющую роль в развитии данной отрасли права². Назначение наказания напрямую зависит от правильного применения не только уголовно-правовых, но и уголовно-процессуальных норм, от которых будет зависеть окончательное решение суда: будет ли оно правомерным или же будет вынесен несправедливый приговор. По нашему мнению, проблема вынесения судом необъективных решений актуальна на сегодняшний день. Она связана с некорректным применением принципов уголовного права и уголовного судопроизводства. Это происходит из-за того, что системы принципов уголовного и уголовно-процессуального права находятся в тесной взаимосвязи.

¹ Мотовиловкер Я. Пределы действия преобразования к худшему // Советская юстиция. 1974. № 14. С. 8.

² Уголовное право России. Общая часть : учебник / Л. В. Бакулина, А. М. Балафендиев, Б. С. Волков; ред.: Ф. Р. Сундугов [и др.]; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 590 с.

Основной задачей уголовно-процессуального права является реализация уголовно-правовых норм. Так, при несоблюдении предписаний, которые содержатся в принципах уголовного права, будет нарушаться реализация назначения наказания как одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

Для того чтобы понять, какие принципы уголовного права и уголовного судопроизводства влияют на назначение наказания, обратимся к статье 60 УК РФ. Из анализа данной статьи мы пришли к выводу, что основой института уголовного права являются принципы обоснованности, законности, целесообразности, гуманизма, равенства всех перед законом. Одним из ведущих принципов, на наш взгляд, является принцип обоснованности. Для принятия решения и применения на практике уголовно-правовой санкции необходимо наличие достаточных фактических и юридических оснований¹. При верном установлении уголовно-правовой санкции следует исходить прежде всего из характера и степени общественной опасности, личности виновного, а также из степени тяжести вреда, нанесенного охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Ведь по итогу именно эти обстоятельства будут определять характер, пределы уголовно-правовой санкции, и как следствие — их реализация на практике.

Большое значение имеет общеправовой принцип законности. Он является базовым для многих отраслей права, в том числе для уголовного права (статья 3 УК РФ) и уголовно-процессуального права (статья 7 УПК РФ). Принцип законности при назначении наказания в первую очередь предполагает, что наказуемость и пределы назначения наказания определяются только законом, следовательно, применение уголовного закона и назначение наказания по аналогии не допускается². Данный принцип во многом предопределяет и реализацию других принципов, являясь основополагающим. Одним из универсальных принципов можно также назвать целесообразность. Целесообразным может быть только законное, справедливое, гуманное и обоснованное наказание. Назначение гуманного наказания, в свою очередь, будет вытекать из принципа гуманизма. Так, согласно ст. 7 УК РФ гуманизм в уголовном праве проявляется в том, что наказание исходит из учета личности виновного, учитывается как наказание повлияет на семью осужденного и ее жизненные условия.

Принципы уголовного права и уголовного судопроизводства являются основополагающими производными для формирования законодательства.

¹ URL: <https://center-yf.ru/data/economy/princip-obosnovannosti.php> (дата обращения: 20.09.2023).

² Набиев И. Г. Принципы назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 : Казань, 2004 171 с.

И. Г. Набиев в своей работе сделал акцент на понятие принципа и назвал его путеводной звездой, на которую сто́ит ориентироваться законодателю и суду при назначении наказания¹. Л. Л. Кругликов также отмечает, что назначение наказания — это один из институтов уголовного права, которому присущ свой отдельный круг принципов, исходных нормативно-руководящих идей².

Уголовное право и уголовное судопроизводство тесно между собой связаны. На наш взгляд, назначение справедливого наказания есть назначение уголовного судопроизводства, о чем говорится в ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Уголовный процесс — это форма жизни уголовного закона. И. Я. Фойницкий писал в своих трудах, что уголовный процесс имеет приоритетное значение для применения уголовно-правовых норм³. Нормы уголовного права определяют деяния (действие или бездействие), являющиеся преступлениями и в последующем — наказания, подлежащие применению за совершение этих преступлений. Нормы уголовно-процессуального права прописывают те средства, способы, которыми устанавливаются факты совершенных преступлений и виновность совершивших их лиц. Предлагаем подробно рассмотреть взаимосвязь принципов уголовного права и уголовного судопроизводства на судебном приговоре. Так, ст. 297 УПК РФ говорит нам о свойствах приговора, что приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. ВС РФ разъясняет, что приговор признается законным, обоснованным и справедливым тогда, когда он «соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона», что «приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства»⁴. Именно здесь прослеживается взаимосвязь принципов. Приговор суда — это решение, которое базируется на доказательствах, предоставленных суду следователем, как субъектом уголовно-процессуальных отношений, которые, в свою очередь, были основаны на принципах уголовного права, так как при назначении наказания следует учитывать характер и степень общественной опасности и т.д. (ст. 60 УК РФ).

¹ Набиев И. Г. Принципы и общие начала назначения наказания И. Г. Набиев // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 144 : Юридические науки. Казань, 2003. С. 551–560.

² Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. М. : Проспект, 2012. С. 389.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т.1. С. 4.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 г. Москва «О судебном приговоре».

Наказание должно назначаться виновному в соответствии со статьей 60 УК РФ. ВС РФ неоднократно указывал, что для определения справедливого наказания необходимо учитывать общие начала наказания¹. Общие начала назначения наказания — это правила, которыми должен руководствоваться суд для верного и беспристрастного приговора. Таким образом, основой для этого служат принципы уголовного права и уголовного судопроизводства. То есть общие начала предписывают суду учитывать при назначении наказания, а принципы, в свою очередь, раскрывают как, почему и для чего он должен это сделать.

Если не основываться на принципы как на фундамент всех правовых наук, то толкование нормативных правовых норм будет ошибочным, из-за чего суд может вынести несправедливый приговор (ст. 389.18 УПК РФ). В последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция к снижению ошибок в деятельности судов. Так, в России на 12 % уменьшилось количество несправедливых приговоров. Однако по некоторым регионам наблюдается отрицательная динамика. Например, в Смоленской области прирост ошибок увеличился на 217 %, что естественно не может вызвать волнения².

Подводя итог вышесказанному, необходимо повторить, что принципы уголовного права и судопроизводства играют большую роль в назначении справедливого, целесообразного и законного наказания. Именно принципы выполняют роль ориентира в правоприменительной деятельности, гарантируя гражданам беспристрастное разбирательство по делу, логичность и последовательность самого процесса доказывания виновности или невиновности, а также правильную классификацию деяния. Для дальнейшей успешной борьбы с преступностью важна эффективность уголовного закона, которая базируется как раз на принципах. Также хочется отметить, что значимость института назначения наказания заключается как раз в том, что он затрагивает и влияет на судьбы граждан.

¹ Назначение наказания в уголовном праве /Донец С. П., Герасимова Е. В., Петрова И. А.; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Сев.-Зап. ин-т (филиал) ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в г. Вологде, 2019. 184 с. С. 17.

² URL: <https://pravo163.ru/principy-naznacheniya-nakazaniya-kak-odin-iz-kriteriev-ego-spravedlivosti/> (дата обращения: 20.09.2023).

Иванова Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Защита права на охрану здоровья лиц, содержащихся в следственном изоляторе

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением и реализацией права на охрану здоровья подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Поднимаются вопросы об избрании альтернативной меры пресечения вместо заключения под стражу, а также проведения медицинских освидетельствований в контексте этого права.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, изменение меры пресечения, заключение под стражу, право на охрану здоровья, медицинское освидетельствование.

Сегодня актуальным является вопрос создания безопасных условий для лиц, находящихся под стражей и столкнувшихся с угрозой для своего здоровья и жизни. В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах¹, «содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом». Это означает, что каждый случай избрания меры пресечения подозреваемым или обвиняемым лицам требует индивидуального рассмотрения с учетом законности ареста, состояния здоровья и возраста задержанного.

Уголовно-процессуальный кодекс² предусматривает возможность изменения меры пресечения для лиц с тяжелыми заболеваниями, позволяющими им находиться вне изолятора временного содержания (согласно статье 110). Однако для подтверждения наличия таких заболеваний требуется медицинское освидетельствование и заключение медицинской комиссии. Эти заболевания

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)/ «Ведомости Верховного Совета СССР», 28.04.1976, № 17. Ст. 291/ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

также должны быть перечислены в «Перечне тяжелых заболеваний»¹, исключая содержание под стражей. Таким образом, российское законодательство обеспечивает право на охрану здоровья каждого человека.

Тем не менее на практике существуют проблемы в реализации этого права. Основной проблемой является получение достоверной информации о состоянии здоровья лица, подвергшегося аресту. С одной стороны, некоторые медицинские работники могут фальсифицировать информацию о болезнях, чтобы помочь избежать ареста, что вызывает недоверие к заявлениям подозреваемых и их защитников. С другой стороны, сомнения в правдивости медицинских заключений могут препятствовать лицам в полной мере воспользоваться своим правом на охрану здоровья, включая запрос медицинского освидетельствования.

Анализ судебной практики также показывает, что следователи, дознаватели и начальники СИЗО могут отказывать в назначении медицинского освидетельствования, ссылаясь на формальные причины, такие как «Заболевание не соответствует Перечню тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей»², «Не представлены медицинские документы, подтверждающие стационарное лечение»³, «Отсутствуют основания для направления на медицинское освидетельствование»⁴. Это не соответствует правилам, которые предусматривают мотивированный отказ только в случае отсутствия медицинских документов. Такое поведение является недопустимым и может ограничивать доступ подозреваемых и обвиняемых к медицинской помощи.

Таким образом, необходимо усовершенствовать процедуры и подходы к обеспечению права на охрану здоровья для лиц, находящихся под стражей, и разработать механизмы для более надежного определения состояния их здоровья.

¹ Постановление Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 (ред. от 04.09.2012) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 24.12.2018 по делу № 33а-9473/2018 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.09.2017 по делу № 33а-12589/2017 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2020 № 88а-15231/2020 по делу № 2а-2150/2018 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Несоблюдение прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в области охраны здоровья приводит к необходимости обращения в суд для восстановления их неотчуждаемых прав и проведения надлежащей оценки состояния здоровья. После успешного обжалования незаконного отказа возникает еще одна проблема. Согласно вышеуказанным Правилам (пункт 3), медицинское освидетельствование должно проводиться в государственных или муниципальных медицинских учреждениях. Однако на практике часто осуществляется только поверхностный осмотр врачом, работающим в месте содержания под стражей, с составлением формальных справок об отсутствии болезней, препятствующих заключению под стражу. Эти документы, кроме решения медицинской комиссии, не должны учитываться при решении вопроса о смене меры пресечения, согласно статье 110 Уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, права подозреваемых и обвиняемых на проведение надлежащего медицинского освидетельствования в установленном порядке подвергаются ограничению, что может негативно сказаться на их здоровье и даже угрожать их жизни, в некоторых случаях. Дело ЕСПЧ «Магнитский и другие против России»¹ может служить ярким примером такой недоработки.

Кроме того, остается актуальным вопрос о лицах, обвиняемых в совершении преступлений и страдающих различными заболеваниями, которые не исключают заключения под стражу. Обеспечение необходимых условий и своевременной специализированной медицинской помощи становятся сложными задачами, так как условия предварительного содержания могут ухудшить состояние здоровья таких лиц. Однако можно отметить положительные изменения в данной сфере, такие как указание Генпрокуратуры России от 09.11.2011², которое призывает прокуроров более внимательно рассматривать вопросы содержания под стражей лиц, нуждающихся в особой медицинской заботе, включая пожилых, женщин и других, для которых могут быть применены альтернативные меры пресечения.

В итоге можно заключить, что данная область законодательства требует дальнейшей доработки и усовершенствования, поскольку на данный момент она остается неполной и недостаточно разработанной.

¹ Постановление ЕСПЧ от 27.08.2019 «Дело «Магнитский и другие (Magnitskiy and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 32631/09 и 53799/12) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 12.

² Указание Генпрокуратуры России от 09.11.2011 № 392/49 (ред. от 22.02.2023) «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей» // Доступ из справочной правовой системы «Консультант-Плюс».

Для устранения системных нарушений и ограничений в праве на охрану здоровья определенной категории лиц в российской практике следует провести существенные изменения в порядке назначения медицинского освидетельствования подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений. С учетом принципов равноправия сторон, разумности и гуманности, рекомендуется делегировать компетенцию по вынесению постановлений о проведении медицинского освидетельствования или об отказе в нем независимому должностному лицу, которое не имеет интересов в уголовно-процессуальных отношениях, связанных с конкретным делом.

На данный момент, когда такое постановление принимается следователем или дознавателем, участвующими непосредственно в расследовании дела, это может создавать конфликт интересов и подвергать обвиняемого или подозреваемого некорректным воздействиям, ставящим подозреваемого в зависимое положение. Это противоречит общим нормам правовой системы России, изложенным в Конституции¹.

Однако предложенные изменения потребуют серьезной переработки существующего законодательства. Следовательно, первым шагом следует обеспечить более строгий контроль за действиями должностных лиц, ответственных за вынесение решений о назначении или отказе в медицинском освидетельствовании. Это может включать в себя ужесточение санкций за нарушение норм, регулирующих данный вопрос, а также более тщательный мониторинг процедур в рамках оценки правильности и законности принимаемых решений.

Кроме того, должностным лицам органов государственной власти следует придавать большее внимание положениям, статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ, особенно в случаях, касающихся лиц с ослабленным здоровьем. Использование мер принуждения, таких как заключение под стражу, должно рассматриваться только как крайняя мера и применяться лишь в особых случаях, когда другие альтернативные меры не могут обеспечить выполнение уголовного процесса.

В заключение можно сказать, что в настоящее время данная область законодательства нуждается в серьезных изменениях и доработке, чтобы обеспечить соблюдение прав на охрану здоровья всех лиц, подвергающихся уголовному преследованию.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Кудник Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Прекращение уголовного преследования и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как механизм обеспечения прав личности в уголовном процессе

Аннотация. Реализация уголовного судопроизводства существенно затрагивает сферу прав и свобод граждан, что обуславливает постоянное изменение закона и практики его применения в целях усиления защиты личности как от незаконного и необоснованного обвинения, так и от общественно опасных посягательств. Вследствие этого в уголовно-процессуальное законодательство в 2016 г. были внесены изменения посредством включения в качестве оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования дополнительного основания — в связи с назначением судебного штрафа. Уже к 2020 г. по этому основанию суды прекратили уголовные дела в отношении более, чем 57 тыс. лиц¹, что говорит об актуальности и эффективности реализации введенного института в нашем государстве. В связи с этим особое внимание в статье уделяется вопросу совершенствования судебного штрафа с точки зрения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: судебный штраф, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, назначение уголовного судопроизводства.

По своей правовой природе судебный штраф не является мерой уголовного наказания и, следовательно, не применяется при осуждении виновного лица по обвинительному приговору². Соответственно, уголовное преследование лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, прекращается, но освобождается оно от уголовной ответственности по не реабилитирующим основаниям. Поэтому возможность применения рассматриваемой иной меры уголовно-правового характера зависит от наличия согласия подозреваемого (обвиняемого), поскольку к нему в таком случае так или иначе

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей: за 2018, 2019, 2020 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083/>.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. № 295. 29.12.2015.

применяется некоторая доля уголовной репрессии в виде штрафа, но при этом последствия ее применения лояльны¹.

Отсюда возникает вопрос: является ли непризнание подозреваемым (обвиняемым) вины в инкриминируемом ему деянии препятствием для назначения такой меры, как судебный штраф? Так, Е. В. Елагина, Т. Г. Николаева отмечают, что поскольку цель института освобождения от уголовной ответственности заключается в стимулировании граждан к позитивному посткриминальному поведению, то наличие условия в виде признания вины в качестве необходимого целесообразно². Однако, исходя из анализа ч. 2 ст. 27 УПК РФ, следует, что назначению судебного штрафа препятствует исключительно возражение подозреваемого (обвиняемого) против применения указанной меры, а не отрицание им своей вины.

Также не является препятствием для назначения судебного штрафа и имущественное положение подозреваемого (обвиняемого), в том числе отсутствие у него заработка, что может быть подтверждено содержанием статьи 19 Конституции РФ, закрепляющей равенство прав и свобод человека перед законом и судом, в частности, вне зависимости от имущественного положения лица³.

Из этого следует, что суды могут принимать во внимание имущественное положение лица, подлежащего освобождению от уголовной ответственности, лишь для определения суммы налагаемого судебного штрафа. Однако законодатель не устанавливает ее минимальный предел, тем самым предоставляя свободу определения размера судьям, что ведет к безграничности судебского усмотрения, а значит, к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом⁴. Поэтому в целях обеспечения прав личности законодателю следует конкретизировать данное положение, указав минимальный размер судебного штрафа.

Согласие же потерпевшего, напротив, при назначении судебного штрафа в качестве обязательного условия не требуется, что, на наш взгляд, объясняется

¹ Кравцова А. Н., Севостьянова О. В., Судникова А. А. К вопросу о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Юридический вестник. 2019. Т. 30. № 2. С. 112–116.

² Елагина Е. В., Николаева Т. Г. Некоторые проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Криминалистика. 2021. № 4. С. 68–74.

³ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

⁴ Кострова М. Б. Назначение судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера в условиях формальной определенности // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12. С. 99–105.

устранением возможности злоупотреблений с его стороны, поскольку потерпевший в этом случае мог бы требовать возмещения вреда в большем объеме по сравнению с размером установленного ему штрафа. Тем не менее правоприменитель не оставляет позицию потерпевшего без внимания: на этапе предварительного расследования выясняется мнение потерпевшего о его отношении к освобождению лица, причинившего ему вред¹. Полагаем, это обусловлено сущностью назначения уголовного судопроизводства, которому, в соответствии с ч. 2 ст. 6 УПК РФ, в равной степени отвечают не только назначение справедливого наказания виновному лицу, но и освобождение невиновного.

При этом, исходя из смысла ст. 25.1 УПК РФ, суд обязан выяснить у потерпевшего, какие меры были приняты подозреваемым (обвиняемым) для компенсации нанесенного ущерба либо для заглаживания вреда. Законодательство не содержит ограничений по поводу возможных способов и форм, позволяющих снизить неблагоприятные последствия преступления, поэтому судья с учетом всего комплекса обстоятельств уголовного дела, а также изменением степени общественной опасности деяния в результате таких действий, принимает соответствующее решение.

Так, например, ВС РФ не согласился с постановлением о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого Д. В. Вагина по ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти) на основании ст. 25.1 УПК РФ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, указав, что само по себе принесение извинений сотруднику полиции не может устранить наступившие последствия и снизить уровень общественной опасности указанного преступления². В рассматриваемой ситуации принесение извинений нельзя отнести к мерам по заглаживанию вреда, причиненного преступлением.

Отсюда следует, что, несмотря на необязательность согласия потерпевшего, его права, нарушенные в результате преступления, должны быть восстановлены. В частности, такие действия обвиняемого, как погашение сотрудникам задолженности по выплате заработной платы, добровольное возвращение похищенного имущества, возмещение расходов на лечение и восстановление,

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 10.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2021 № 1-УДП21-15-К3 // Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

предоставление иного имущества взамен утраченного, на наш взгляд, соответствуют интересам потерпевших, а значит, могут стать основанием для применения судом к виновному лицу судебного штрафа.

Помимо этого, важным аспектом является и факт обязательного участия прокурора при рассмотрении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, что обусловлено необходимостью изложения им своей точки зрения относительно законности и обоснованности ходатайств следователя или дознавателя. Но в соответствии с ч. 1 ст. 25.1 и ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, постановление о возбуждении перед судом такого ходатайства дознаватель должен выносить с согласия прокурора, в то время как для следователя требуется лишь согласие начальника следственного органа, т.е. прокурор не участвует при решении данных вопросов. Данное положение вызывает критику со стороны многих авторов. Так, например, Ф. Багаутдинов и А. Хайдаров указывают, что отсутствие у прокурора полномочий по утверждению итогового процессуального акта в виде постановления следователя о направлении в суд ходатайства о назначении судебного штрафа не соответствует утвердившемуся в законодательстве подходу¹.

Так, суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя, поскольку, несмотря на формальное соблюдение положений ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ, предоставленные по делу доказательства, не соответствуют обвинению, которое было выдвинуто в отношении К². Этот пример наглядно иллюстрирует пресечение судом обоснованного назначения судебного штрафа.

В связи с этим для того, чтобы правовое регулирование компетенции прокурора при применении такой меры, как судебный штраф было последовательным, целесообразно установить единый подход в регламентации действий прокурора при направлении дела в суд с назначением судебного штрафа.

Мы считаем, закрепление положения о необходимости согласования ходатайств следователей прокурором будет способствовать, с одной стороны, пресечению на этапе предварительного расследования необоснованного инициирования следственными органами вопроса относительно назначения судебного штрафа по отношению к лицам, чья вина к преступному деянию не доказана, либо лицам, в действиях которых отсутствует состав преступления; с другой стороны, — возмещению вреда потерпевшим, защищая тем самым их

¹ Багаутдинов Ф. Н., Хайдаров А. А. Роль и полномочия прокурора в механизме реализации положений уголовно-процессуального закона о судебном штрафе // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 31–36.

² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2022 по делу № 77-4390/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

законные интересы, что в полной мере соответствует ст. 6 УПК РФ и обеспечивает права личности в уголовном судопроизводстве.

Подводя итог всему вышеуказанному, сто́ит отметить, что рассмотренный институт является актуальным, поскольку он направлен на взаимный учет интересов потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), а значит, в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства. Но в связи с тем, что конструкция назначения судебного штрафа является относительно молодой для российского законодательства, она требует дальнейшего усовершенствования, конкретизации некоторых положений, стремясь к наиболее полному обеспечению прав личности.

Лисова А. В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Курсант

Особенности участия «особого свидетеля» в уголовном процессе Российской Федерации

Аннотация. Автор статьи обращает внимание на особенность правового статуса лица, участвующего в расследовании уголовного дела, с которым было заключено соглашение о сотрудничестве. Так, при рассмотрении данного вопроса возникает ряд проблем, связанных с применением некоторых положений УПК РФ к участию «особого свидетеля». При этом в данной статье автор анализирует введенные в УПК РФ новые положения, касающиеся определения правового статуса лица, заключившего соглашение о сотрудничестве.

Ключевые слова: соглашение, процессуальный статус, ходатайство, уголовный процесс РФ, особый порядок, уголовная ответственность, двойственность.

С момента возбуждения уголовного дела лица, которые принимают непосредственное в нем участие, наделяются закрепленным в уголовном кодексе РФ процессуальным статусом, приобретая при этом определенный круг прав и обязанностей. Актуальной проблемой является наделение процессуальным статусом лица, которое в ходе совершения преступления в соучастии, в последующем заявило ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и проведения судебного разбирательства в особом порядке. По данному заключению дело выделяется в особое производство, что наделяет лицо, заявившее ходатайство, определенным, особым, статусом, которое ранее не было закреплено. Именно поэтому правоприменительная практика

сталкивалась с рядом проблем по наделению лица определенным статусом и внесению его в протокол проведения следственных действий¹.

С одной стороны, данные лица в ходе проведения следственных действий допрашивались по правилам обвиняемого, но без определения их процессуального положения, который при составлении протоколов проведения следственных действий или обвинительного заключения, или обвинительного приговора, не указывался. Применение к данному лицу положений, касающихся обвиняемого, можно объяснить тем, что данное лицо является участником совершения преступления и в его действиях имеются все признаки состава преступления, а значит, что оно признает свою вину и соглашается с предъявленным ему обвинением.

С другой стороны, к данным лицам применялись общие правила проведения допроса свидетеля по уголовному делу, но с учетом некоторой особенности, заключающейся в том, что, данные лица, находящиеся в статусе обвиняемого/подозреваемого, не предупреждаются об уголовной ответственности по статьям 307, 308 УК РФ. Рассмотренная правовая неопределенность применения к «особому свидетелю» некоторых положений УПК РФ, привела к тому, что в Конституционный Суд РФ стали поступать жалобы по рассматриваемому процессуальному статусу при расследовании уголовного дела.

Так, например, в постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко»² было определено, что лицо, которое совершило преступление, находясь при этом в любой форме соучастия, заключив с органами предварительного расследования досудебное соглашение о сотрудничестве, не должно предупреждаться об уголовной ответственности, предусмотренной соответствующими нормами УК РФ. При этом не определяется и статус лица при расследовании уголовного дела, т.е. по такому делу лицо, заключившее соглашение, не является ни обвиняемым, ни свидетелем. Исходя из данного решения Конституционного Суда РФ, Федеральным законом от 30.10.2018 № 376-ФЗ³ в

¹ Авдеев В. Н. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса / В. Н. Авдеев, И. О. Воскобойник // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 42–44.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко».

³ Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

УПК РФ дополнительно была введена статья 56.1, которая юридически и фактически урегулировала процессуальный статус лица, заключившее соглашение о сотрудничестве. Однако важно отметить, что введенная в УПК РФ норма до конца всё же не решила проблему правового статуса лица, заключившего соглашение.

Стоит также обратить внимание на то, что законодатель, таким образом, приравнивает статус лица, заключившего данное соглашение, со статусом свидетеля по уголовному делу, при этом к которому применяются положения обвиняемого лица. Проанализировав вышеуказанное, стоит не согласиться с введенными положениями ввиду того, что свидетель является лицом, которое по своей натуре не обладает высоким интересом к исходу расследования уголовного дела, он лишь сообщает те данные, которые стали ему известны в момент совершения лицом того или иного преступления. Абсолютно противоположный интерес к исходу уголовного дела у обвиняемого лица, ввиду того, что от его показаний и показаний других лиц, решится его дальнейшая судьба¹.

Таким образом, целесообразно было бы говорить о том, что лицо, с которым заключили соглашение о сотрудничестве, объединяет в себе два самостоятельных процессуальных статуса: обвиняемого и свидетеля, так как до заключения соглашения данное лицо находилось в статусе обвиняемого, а уже после дополняется статусом свидетеля, т.е. приобретая при этом статус «особого свидетеля».

Как уже отмечалось выше, «особый свидетель» не предупреждается об ответственности, предусмотренной статьями 307, 308 УК РФ², что вызывает ряд проблемных моментов, а именно: обвиняемый имеет свой личный интерес в уголовном деле, а значит, что ему ничего не мешает оговорить своих подельников для смягчения наказания; для «особого свидетеля» проводится отдельное судебное разбирательство, что заранее ставит других обвиняемых в невыгодную для себя ситуацию. На основании изложенного можно сказать, что внесенные поправки в положения статей УПК РФ ограничивают основных обвиняемых в праве на полную защиту своих прав и законных интересов.

Таким образом, подводя итог выше сказанного, следует остановиться на том, что введение данного процессуального статуса, с одной стороны, разрешило вопрос о процессуальном оформлении в протоколах проведения следственных действий и иных решений, а с другой — внесенные изменения создали еще больше вопросов и спорных моментов у ученых-юристов. Например,

¹ Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16–19.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

изменения не учитывают двойственность правового положения данного лица, что вызывает вопросы по определению, во-первых, допустимости доказательств, полученных в ходе проведения следственных действий с «особым свидетелем», полагая, что данные показания будут рассматриваться как показания свидетеля через аналогию закона, а во-вторых, порядка и механизма оглашения показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

В том числе стоит обратить особое внимание на то, что в связи с введением нового правового положения «особого свидетеля», изменениям подверглась ст. 113 УПК РФ¹, которая теперь распространяется и на лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве. Однако данное дополнение является избыточным, поскольку вызов и допрос «особого свидетеля» осуществляется в порядке, предусмотренном статьями 187, 188, 189, 190 УПК РФ, когда ч. 3 ст. 188 УПК РФ изначально содержит норму, позволяющую осуществить привод лица в случае неявки его по указанию следователя или иных лиц, уполномоченных на совершение данного действия.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, стоит обратить особое внимание на то, что закрепленный в УПК РФ правовой статус лица, с которым заключили соглашение о сотрудничестве, не в полной мере раскрывает сущность данного статуса, так как такое лицо совмещает в себе два самостоятельных правовых положений: обвиняемого и свидетеля. Так, необходимо выделить отдельную статью или главу в УПК РФ, которая в полной мере определяла бы особенности работы с «особым свидетелем», его правовым статусом, правами, обязанностями и последующей уголовной ответственности за свои действия.

Магомедова Х. Г.

СКИ ВГУЮ (РПА Минюста России)

Студент

Электронный паспорт уголовного дела

Аннотация. В настоящее время IT-технологии играют определяющую роль в обществе. Электронные информационные системы и программы не только значительно увеличивают объем информации, но и позволяют улучшить различные процессы. В связи с этим становится актуальным вопрос о внедрении современных IT-технологий в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: электронный паспорт, уголовное дело, информационные технологии.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

Вопрос о необходимости повсеместного внедрения электронного паспорта уголовного дела является дискуссионным. Необходимо отметить, что во многих европейских странах порядок ведения электронного паспорта, а также взаимодействие правоохранительных органов в электронной среде имеет положительный опыт и широкое распространение, например в Германии. В нашей стране предпринималась попытка внедрения данного института в правоприменительную деятельность на территории СКФО. Но повсеместного развития, к сожалению, не получил, продолжая применяться только в тестовом режиме.

Предполагается, что в результате активной разработки современных информационных технологий и использования системы электронного паспорта уголовного дела можно сократить риски, связанные с утечкой и потерей информации о преступлениях. Однако возможность хакерских атак остается одним из негативных последствий этой новой технологии. Несмотря на это, внедрение электронного паспорта уголовного дела считается актуальным и полезным шагом в настоящее время. Это позволит улучшить эффективность и безопасность уголовного процесса¹.

Квалификация профессиональных участников уголовного процесса — следователя, прокурора, адвоката и судьи, является одним из основных препятствий для внедрения электронного уголовного дела. Согласно М. С. Сергееву, субъекты уголовного судопроизводства должны уметь обнаруживать, фиксировать и сохранять информацию в цифровом формате, которая после приобретает статус доказательства². В связи с этим необходимо обучать профессиональных участников уголовного процесса основам работы с электронным уголовным делом и развивать навыки работы с электронными носителями информации.

По мнению П. С. Пастухова, одной из главных проблем в области цифровой информации является риск ее фальсификации и потери, а также возможность

¹ Вилкова Т. Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция : материалы конференции. 2019. С. 236–240.

² Сергеев М. С. Правовое регулирование применения электронной информации электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 17.

ее раскрытия¹. В первом случае, основной причиной этого является возможность постоянного доступа следователя к цифровым данным, что вызывает сомнения в их соответствии с реальностью. Во втором случае, несмотря на различные методы защиты информации, такие как пароли и электронная подпись, всегда существует возможность раскрытия личных данных или кражи секретов путем взлома компьютерных систем.

Важно отметить, что электронный паспорт уголовного дела должен быть основным источником информации. В программе должны содержаться файлы в pdf формате, которые будут рассматриваться как доказательства в суде. Как нам видится должна быть создана специальная программа — база данных, а не просто скан копии готовых процессуальных документов.

Создание типовых шаблонов для часто встречающихся дел позволит значительно сократить время, затрачиваемое на выполнение бюрократических процедур. Автозаполнение полей в этих шаблонах будет облегчать процесс заполнения документов, а всплывающие окна будут служить для разъяснения прав обвиняемому, свидетелю и другим участникам процесса, указывая на конкретные нормы права.

Созданная система сможет контролировать процессуальные сроки, информируя уполномоченных лиц о необходимости совершения процессуальных действий или же информировать надзирающие органы о их нарушении.

Важно отметить, что доступность информации по делу, которое находится в производстве следователя или дознавателя для прокурора откроется только после подготовки обвинительного заключения, а для суда, только после утверждения этого заключения. В системе, которая должна быть поддержана как Следственным комитетом РФ, так и прокуратурой и судом, следовательно, доступ к материалам дела будет ограничен и зависеть от этого момента. Один из интересных аспектов — это оценка доказательств, собранных следователем. Суд будет оценивать доказательства, исходя из материалов, подготовленных следователем. Таким образом, суд будет иметь ограниченный взгляд на доказательства, так как они будут представлены через призму следователя, и все, что было собрано в материалах дела, будет результатом наблюдения самого следователя.

Необходимо отметить, что в настоящее время уголовное судопроизводство не имеет возможности реализовать принцип свободной оценки доказа-

¹ Пастухов П. С. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства / П. С. Пастухов, М. Лосавио // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 231–236.

тельств. Однако в настоящее время следователями оцениваются только «первоначальные» доказательства, в то время как другие участники уголовного процесса оценивают информацию, уже подготовленную следователем.

Для того чтобы обеспечить принцип свободы оценки доказательств, видео фиксация процессуальных действий фиксируется в программе и вносится в базу электронного уголовного дела. Такая система должна однозначно повысить качество расследования. Также это позволит избежать фальсификацию фактических данных и дисциплинирует уполномоченные органы и должностных лиц. Как нам видится, это позволит уменьшить количество обжалованных процессуальных решений и действий, а также укрепит доверие к органам следствия и правосудию в целом.

Оперативный контроль за действиями следователя контролирующими лицами и прозрачные стадии уголовного процесса обеспечиваются предусмотренной надежной системой идентификации лиц, допущенных к ознакомлению с материалами электронного паспорта уголовного дела. Система эффективно контролирует каждое действие следователя и делает доступными все этапы уголовного процесса. Создание шаблона для ввода любого документа является сложной задачей, так как некоторые документы получаются из внешних источников, например, заключения эксперта. Однако это не препятствует их отражению в системе, достаточно просто отсканировать документ и приложить его к остальным.

Как нам видится отрицательным фактором внедрения этого института является недостаточное проведение регулярного обучения новых пользователей системы. В этой связи может возникнуть ситуация, когда недостаточно обученных пользователей допускают к системе и требуют высокоэффективную работу. Чего, конечно, не происходит. Всё это вызывает негативное отношение к данной процедуре и отрицательно влияет на работу всей системы. Для успешного развития системы необходимо проводить регулярное углубленное обучение пользователей.

По итогам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Создать программу, которая содержала бы строго регламентированный порядок производства по делу и методические рекомендации.
2. Программа должна содержать базу данных рассмотренных уголовных дел на случай необходимости получения информации о них
3. Проводить обучение должностных лиц, использующих программу и работников технического обеспечения
4. Расширять материально-техническую базу территориальных подразделений следствия, прокуратуры и суда для качественной работы программы

В заключение хотелось бы отметить, что разработка системы электронного паспорта уголовного дела оптимизирует работу следственных органов и повышает ее качество. Обслуживание системы высококвалифицированными специалистами позволит свести возможные риски к минимуму, а внедрение данной системы станет шагом вперед на пути к защите прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Максименко Е. С.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД)
Курсант

Статист как неназванный участник судопроизводства: обеспечение прав и законных интересов

Аннотация. В статье анализируется проблема необеспечения прав и законных интересов статистка как участника уголовного процесса. Отмечается важность его роли в проведении отдельных следственных действий и вытекающая из этого необходимость закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации его процессуального статуса в качестве гарантии обеспечения его безопасности.

Ключевые слова: статист, уголовный процесс, участник, следственное действие, предъявление для опознания, следственный эксперимент

Законодатель в качестве обеспечения состязательности стороны защиты и обвинения, закрепленной как один из основополагающих принципов, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации перечисляет участников уголовного судопроизводства, обозначает их процессуальный статус через указание прав и обязанностей, тем самым, к тому же, защищая их законные интересы. Так, в УПК РФ закреплены: суд, не относящийся ни к одной из сторон, но играющий ключевую роль, вынося итоговое решение по делу; сторона обвинения, выражающая позицию государства относительно совершенного преступления; сторона защиты, целью участия которой является предупреждение нарушения прав подозреваемого или обвиняемого лица; и иные участники, не относящиеся ни к одной из сторон, чье участие становится обязательным только в установленных законом случаях.

При обращении к 8 главе можно заметить отсутствие одного из участников, пусть и не всегда обязательного, но настолько необходимого для отдельных следственных действий, что без него теряется смысл их проведения. Речь идет о статисте. Толковый словарь Ожегова дает следующую дефиницию: «статист — это человек, чье участие в каких-либо действиях ограничивается только

присутствием, а его действия не влияют на ход событий»¹. Но в рамках уголовного процесса мы можем предложить свое определение понятия «статист»: «Статист — это лицо, незаинтересованное в ходе уголовного дела, своими действиями не влияющее на результаты расследования, частично или полностью сходное по внешнему облику с опознаваемым лицом, привлекаемое стороной обвинения для воспроизведения хода действий, обстановки или других обстоятельств устанавливаемого события, а также для отождествления опознаваемого лица».

В рамках изучения данной темы был проведен социологический опрос среди молодежи. Ключевыми вопросами были:

1. Знаете ли Вы, кто такой статист?

Большинство опрошенных (более 50 %) ответили, что статист — это человек, снимающийся в кино, но не влияющий на сюжетную линию, и являющийся частью массовой культуры.

2. Знаете ли Вы о роли статиста в раскрытии и расследовании уголовных дел?

При ответе на вопрос, мнения разделились: а) 30 % ответили положительно; б) 35 % ответили отрицательно; в) оставшиеся 35 % сказали, что «что-то слышали, но представления как такового не имеют».

3. Как Вы думаете, возможно ли заменить его манекеном?

Большая часть опрошенных ответила «нет», и это верная, на наш взгляд, позиция.

Наличие статиста требуется в «предъявлении для опознания»: часть 4 статьи 193 УПК указывает, что лицо предъявляется одновременно с другими, сходными с ним по внешним данным лицами, если имеется такая возможность, а общее их число должно быть от трех и более лиц. Так, в следственном действии принимает участие минимум два человека, не имеющих никакого процессуального статуса. В статье 193 УПК РФ действительно нет ни одного слова о том, какие есть права и обязанности у привлекаемых лиц, не указываются гарантии их безопасности. Также участие статиста может быть необходимым при проведении следственного эксперимента. С одной стороны, его можно заменить манекеном, но это возможно только в том случае, если жертва не оказывала никакого сопротивления или эксперимент направлен на установление действий подозреваемого с трупом. С другой стороны, обозначать процессуальный статус лица, который привлекается на несколько часов, а иногда — и меньше, и посвя-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997.

щать этому главу Уголовно-процессуального кодекса может казаться нецелесообразным, а документальное оформление его участия только замедлит процесс предварительного расследования.

Именно вторая точка зрения приводит к появлению следующих новостей: «Человек, привлекавшийся на роль статиста в уголовном расследовании, погиб во время его участия в следственном эксперименте: сотрудник полиции получил статус обвиняемой в судебном разбирательстве по делу о халатности»¹. Мужчину пригласили в качестве статиста. Он должен был на мотоцикле воссоздать сцену дорожно-транспортного происшествия в рамках уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью). Инсценируя ДТП, мужчина превысил скорость — о чем его попросила сотрудница полиции — и не справился с управлением из-за того, что дорога на момент эксперимента была мокрой. Его жена, оставшаяся с двумя маленькими детьми, подала иск в суд на 4,5 млн руб. для компенсации ущерба. Сотрудница полиции, по чьей просьбе мужчина превысил допустимую скорость, вследствие чего не справился с управлением и погиб, не признала своей вины, а после утверждала, что мужчина поехал без ее команды, пока она ходила за понятыми, что в свою очередь, невозможно, ведь без сотрудника полиции и понятых эксперимент де-факто и де-юре не мог начаться.

Как можно было предотвратить гибель мужчины? Следователь обязан обеспечивать безопасность всех лиц, которые принимают непосредственное участие в расследовании: это касается и членов следственно-оперативной группы, и свидетелей, и понятых. Почему же тогда можно подвергать опасности статиста и требовать увеличения скорости на и без того опасном транспортном средстве? Отсутствие в Законе даже упоминания о статистах приводит к тому, что привлекаться для участия могут лица любого пола, любого возраста, в состоянии беременности, болезни. Со стороны закона — абсолютная незащищенность.

Принимая все сказанное, предлагается дополнить главу 8 УПК РФ статьей 60.1 «Статист» в следующей редакции: в части первой названной статьи дать определение понятия «статист» с вышеизложенной дефиницией -

«1. Статистом является лицо, незаинтересованное в ходе уголовного дела, своими действиями не влияющее на результаты расследования, частично или полностью сходное по внешнему облику с опознаваемым лицом, привлекаемое стороной обвинения для воспроизведения хода действий, обстановки или других обстоятельств устанавливаемого события, а также для установления и опознаваемого лица».

¹ Статист погиб по просьбе следствия // URL: <https://kommersant.ru> 28.04.2021.

В части второй изложить перечень лиц, которые не могут участвовать в качестве статистов:

а) лица, не достигшие на момент проведения следственного действия восемнадцатилетнего возраста, а также лица, находящиеся в состоянии беременности или болезненном состоянии физического или психического здоровья;

б) лица, заинтересованные в ходе расследования уголовного дела;

в) лица, находящиеся в родственных или иных связях с участником уголовного дела;

г) лица, являющиеся сотрудниками правоохранительной системы Российской Федерации;

В третьей части составить перечень прав, которыми должен обладать статист, основываясь на уже указанных в УПК РФ правах иных участников, но дополнить их следующим пунктом:

«Не принимать участие в ходе следственного действия, если его проведение создает реальную угрозу его жизни и здоровью или может ее создать».

В части четвертой изложить обязанности статиста, также основываясь на правах иных участников, указанных в УПК РФ, и дополнить пункт о неукоснительном выполнении законных требований следователя с ключевым условием: «если такие требования не являются опасными для лица и не могут угрожать его жизни и здоровью», а также — пометкой об ответственности за разглашение сведений, имеющих отношение к ходу уголовного расследования.

В заключение вышесказанного хочется еще раз обозначить важность статиста как участника следственного действия, так как без него «предъявление для опознания» и другие следственные действия попросту теряют смысл и возможность проведения. Именно из-за такой существенной необходимости и предлагается дополнить главу 8 УПК РФ новой статьей, закрепляющей процессуальный статус статиста.

Панасенко А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Институт защиты участников уголовного судопроизводства как гарантия реализации права личности на безопасность

Аннотация. Право личности на безопасность является одним из базисных прав человека, которое неотъемлемо следует за человеком на протяжении всей его жизни. Нередко при приобретении определенного правового статуса в уголовном судопроизводстве (например, понятого или свидетеля) безопасность личности может подвергнуться риску, для недопущения этого существуют различные правовые

механизмы, а также государственные программы, которые направлены на обеспечение реализации права личности на безопасность.

Ключевые слова: право личности на безопасность, участники уголовного судопроизводства, меры безопасности, уголовное судопроизводство.

Зарождение права личности на безопасность неразрывно связано с первым поколением прав человека — гражданскими и политическими правами, формирование которых пришлось на конец XVIII в. в связи с историческими событиями мирового масштаба, определившими вектор развития правовых идей и концепций.

На современном этапе право личности на безопасность признается фундаментальным правом человека, которое тесно связано и с иными важнейшими правами человека.

Однако немаловажно отметить следующую особенность: прямого закрепления данного права во многих нормативных правовых актах Российской Федерации нет. В Конституции Российской Федерации его можно вывести только из общей нормы, говорящей о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина (ст. 18).

Анализируя это положение Конституции, можно прийти к выводу о том, что один из принципов уголовного судопроизводства, именуемый как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, основан на данной норме права.

Ярким примером проявления нормативного закрепления права личности на безопасность является ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая носит ключевой характер в формировании института защиты участников уголовного судопроизводства на его разных стадиях, а также в ряде вопросов, определяющих применение мер безопасности в отношении субъектов уголовного судопроизводства, на которых потенциально, возможно оказание давления и иных негативных деяний.

Основаниями для применения данных мер могут быть различные доказательства, свидетельствующие о применении насилия либо иных опасных противоправных деяниях, которые могут причинить вред, а также соответствующие данные о наличии угроз, полученные в рамках ОРД.

Анализируя указанную норму УПК РФ, можно проследить определенный правовой алгоритм, выстроенный законодателем с целью формирования института защиты участников уголовного судопроизводства, а также механизма реализации права личности на безопасность.

В подтверждение данного вывода стоит привести позицию Верховного Суда РФ, которая изложена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.07.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о со-

трудничестве»: Если в ходе исследования судом степени угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороны обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица (пункт 4 части 4 статьи 317.7 УПК РФ), установлено наличие оснований, предусмотренных в части 3 статьи 11 УПК РФ, суд вправе применить к ним любые меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные законодательством Российской Федерации, если такое решение не было принято органами предварительного расследования или прокурором (абз. 1 п. 17)¹.

Немаловажным элементом в формировании института защиты участников уголовного судопроизводства в России является Государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Впервые данная программа на территории Российской Федерации была запущена в 2006 г.² Она направлена на реализацию мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Действует каждая программа в течение нескольких лет, определенных в постановлении Правительства РФ.

Последнее вышедшее в свет постановление Правительства РФ установило обновленные цели, задачи и новые сроки реализации Программы на период с 2024 по 2028 г.³

Правовой основой Государственной программы является Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ от 10.04.2006 № 200 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» (вместе с Государственной программой Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

В данном нормативном правовом акте представлен ряд механизмов, а также мер, направленных на обеспечение безопасности, помимо этого в нем содержится регламентация оснований для осуществления данных мер.

Говоря об анализе информации, стоит привести статистические данные, упомянутые в Государственной программе на 2024–2028 годы. Так, в период реализации государственных программ с 2006 по 2022 г. число лиц, подпадающие под защиту, которые являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тыс. человек. За указанный период в отношении защищаемых лиц осуществлено более 94 тыс. мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место¹.

Исходя из вышеуказанного, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации благодаря созданным условиям и механизмам, которые эффективно влияют на обеспечение мер безопасности личности, потенциально подпадающей под угрозу, сформировался реально работающий институт защиты участников уголовного судопроизводства. На это указывает то количество лиц, к которым применены меры безопасности, и само количество использованных мер безопасности.

Проанализировав сложившуюся практику реализации данной программы в период с 2006 по 2023 г., следует отметить тот факт, что актуальность проблемы обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства велика, и она будет возрастать. На это влияют социально-политические условия жизни в современном российском обществе, которые привели к обострению организованной и транснациональной преступной деятельности. Важно подчеркнуть, что право на безопасность является неотъемлемой частью общего правового порядка и обеспечивает участникам уголовного судопроизводства не только защиту от возможных угроз и опасностей, но и способствует соблюдению основных принципов справедливого судопроизводства.

Однако, как представляется, институт защиты участников уголовного судопроизводства должен развиваться по траектории, отличной от сегодняшней. Государство должно более активно принимать меры по предупреждению и

¹ Постановление Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» (вместе с Государственной программой Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы) // СПС «Консультант-Плюс».

пресечению преступной деятельности для недопущения роста преступности, которая разлагает безопасную среду в обществе.

Безусловно, механизм в виде Государственной программы, специальных мер безопасности нужен в Российской Федерации, однако также необходимо заботиться и о других правовых механизмах, которые должны включаться на более ранних стадиях, чтобы предотвращать рост преступности и формировать стабильную и безопасную среду в обществе.

Важно отметить, что защита участников уголовного судопроизводства — это не только вопрос обеспечения безопасности, но и создания условий для их реализации. Это означает, что необходимо разрабатывать и осуществлять политику, направленную на предупреждение давления на участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, следует обратить внимание на социальные и экономические аспекты, влияющие на уровень преступности. Эффективная борьба с преступностью также зависит и от вклада в развитие социума внутри государства, которое будет способствовать социальной стабильности и уменьшению мотивации к совершению преступлений.

Поляков В. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Проблемы обеспечения прав обвиняемого при особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ)

Аннотация. Особый порядок в рамках главы 40 УПК РФ таит в себе большое количество угроз для обвиняемого. В статье анализируется судебная практика и статистика судов общей юрисдикции, раскрываются проблемы, связанные с заявлением ходатайства на особый порядок, с отношением судей к главе 40 УПК РФ, с проблемой назначения наказания.

Ключевые слова: особый порядок, заявление ходатайства, преступления небольшой и средней тяжести, ограничение принципа состязательности, назначение наказания.

С 2020 г. особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением не применяется по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы, и может применяться только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Указанное новшество значительно повлияло на количество дел, рассматриваемых с применением такого порядка. Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 1 полугодие 2022 г. показывает,

что количество уголовных дел, рассмотренных по существу в общем порядке, составляет 360 142, а с применением особого порядка судебного разбирательства — 144 438 дел¹. Таким образом, количество уголовных дел, рассмотренных по правилам главы 40 УПК РФ, составляет около 40 % дел от всех рассмотренных по существу.

Казалось бы, механизм, который гарантирует обвиняемому целый ряд гарантий, например, наказание не может превышать две трети максимального срока или размера и процессуальные издержки не взыскиваются, в то же время особый порядок не всегда идет на пользу обвиняемому. В связи с этим необходимо выделить проблемы, возникающие при реализации права на особый порядок судебного разбирательства.

Не бесспорным остается вопрос относительно статьи 315 УПК РФ, где раскрывается порядок заявления ходатайства о рассмотрении дела в рамках главы 40 УПК РФ. У обвиняемого есть всего 2 шанса реализовать свое право, в частности, лицо может заявить ходатайство в момент ознакомления с материалами уголовного дела или на предварительном слушании. На практике встречаются случаи, когда следователь не разъясняет или забывает разъяснить обвиняемому и его защитнику право ходатайствовать о проведении особого порядка, причем обвиняемый не сможет воспользоваться вторым шансом, т.е. заявить ходатайство на предварительном слушании, если не будет оснований, указанных в статье 229 УПК РФ. Допустим следователь не разъяснил права, предусмотренные статьей 217 УПК РФ, да и оснований для проведения предварительного слушания нет, тогда судья в рамках подготовки дела к судебному разбирательству должен выявить нарушение и на основании п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ вернуть дело прокурору. Как справедливо отмечает В. Т. Цогоева, указанный процессуальный механизм не позволяет соблюсти положения закона о разумном сроке уголовного судопроизводства². Необходимо внести поправки в статью 315 УПК РФ, в частности, предоставить обвиняемому возможность заявлять ходатайство в подготовительной части судебного разбирательства, а также изменить п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и изложить в следующей редакции: *«...при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные пунктами 1, 1.1, 3 части пятой статьи 217 настоящего Кодекса...»*.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 16.09.2023).

² Цогоева В. Т. Особый порядок судебного разбирательства. Сколько ответов, столько вопросов // Юрист. 2006. № 1. С. 53.

Не менее актуальным вопросом остается проблема отношения судей к особому порядку. В юридической литературе высказывается мнение о том, что особый порядок нельзя назвать правосудием, поскольку дело по существу не рассматривается, это всего лишь деятельность по назначению наказания¹. С учетом данного обстоятельства, на практике возникает много примеров невнимательного отношения судей к данному порядку. Так, в судья, назначая подсудимому наказание по делу, рассмотренному по правилам главы 40 УПК РФ, применил положения ч. 2 ст. 62 УК РФ, в то время как оснований для этого не имелось. В итоге прокурором Дзержинского района г. Ярославля было внесено апелляционное представление. Однако судья Ярославского областного суда указанное нарушение посчитал «*явной технической ошибкой*» и внес изменения лишь в описательно-мотивировочную часть приговора². В другом случае, в Республике Алтай судья указал в апелляционном постановлении: «...*их фактических обстоятельств, данных о личности мировой судья обоснованно пришел к выводу...*»³. Ради справедливости следует отметить, что такие формулировки практически не встречаются в других апелляционных постановлениях, поскольку исследование здесь фактических обстоятельств дела судом не предусмотрено. С учетом изложенного следует предложить квалификационной коллегии судей субъектов РФ при осуществлении квалификационной аттестации судей учитывать качество вынесенных приговоров в особом порядке судебного разбирательства в рамках главы 40 УПК РФ.

Одной из самых интересных проблем обеспечения права обвиняемого на особый порядок является вид и размер наказания, назначаемого судом. Как уже указывалось, в судебном разбирательстве доказательства судом не исследуются, кроме обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание и сведений о личности подсудимого. В юридической литературе можно встретить тезис о том, что в особом порядке судебного разбирательства в рамках главы 40 УПК РФ не реализуется принцип состязательности. Однако А. П. Тенишев в своем диссертационном исследовании опровергает данное положение⁴. Автор

¹ Брестер А. А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 142.

² Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 29.06.2022 по делу № 1-103/2022. URL: <http://oblsud.jrs.sudrf.ru/> (дата обращения: 16.09.2023).

³ Апелляционное постановление Шебалинского районного суда от 21.02.2022 по делу № 10-1/2022. URL: <http://shebalinsky.ralt.sudrf.ru/> (дата обращения: 31.03.2023).

⁴ Тенишев А. П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: М., 2018. С. 9.

данной статьи исходит из ограниченного понимания принципа состязательности в особом порядке главы 40 УПК РФ. С одной стороны, подсудимый признал свою вину и не спорит со стороной обвинения, да и обжаловать приговор в связи с несоответствием фактических обстоятельств выводам суда нельзя. С другой стороны, можно оспорить в апелляции справедливость приговора. Подсудимый, в определенном роде, идет на не всегда оправданный риск. Проанализировав судебную практику, можно выявить тенденции, связанные с видом и размером назначенного судом наказания. В основном особый порядок применяется в связи с совершением преступлений против собственности. Так, Находкинский городской суд назначил подсудимому Ш. по ч. 2 ст. 167 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок 2 года¹. За квалифицированный вид кражи подсудимый Ш. по приговору Тербунского районного суда Липецкой области получил 2 года лишения свободы, с ограничением свободы на 1 год². Относительно большой срок для особого порядка был назначен подсудимому В. за мошенничество в особо крупном размере, суд приговорил его к 3 годам 6 месяцам лишения свободы³.

Несомненно, подсудимый, решаясь на особый порядок, ставит цель смягчить уголовную ответственность за свое противоправное деяние, но как мы видим, суды активно назначают наказание в виде лишения свободы. В 2020 г. законодатель запретил использовать особый порядок в рамках главы 40 УПК РФ для тяжких преступлений, предоставив подсудимым гарантию не быть приговоренным к большому реальному сроку без исследования доказательств. По справедливому замечанию профессора Л. В. Головки, главу 40 УПК РФ не стоит распространять на все преступления небольшой и средней тяжести⁴. С одной стороны, наказание по некоторым преступлениям назначается в среднем даже более строгое, чем в общем порядке, а с другой стороны, полностью отказаться

¹ Приговор Находкинского городского суда от 8 сентября 2020 г. № 1-339/2020 по делу № 1-339/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3W4rww54jXZt/> (дата обращения: 16.09.2023).

² Приговор Тербунского районного суда Липецкой области от 28.07.2020 № 1-A24/2020 по делу № 1-A24/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2sUPvfxTz2WP/> (дата обращения: 16.09.2023).

³ Приговор Прохладненского районного суда от 30.07.2020 № 1-312/2020 по делу № 1-312/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RbWZivKKH95H/> (дата обращения: 17.09.2023).

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 1042.

от особого порядка нельзя, поскольку 21 % уголовных дел рассматривается более 3 месяцев¹, кроме того, необходимо разгружать суды от простых и «шаблонных» уголовных дел, реализуя один из принципов уголовного процесса — разумный срок уголовного судопроизводства. Стоит предложить законодателю распространить действие главы 40 УПК РФ только на преступления небольшой и средней тяжести против собственности (глава 21 УК РФ).

Подводя итог, стоит отметить, что особый порядок при согласии с обвиняемого с предъявленным обвинением также таит в себе много проблем. Все начинается еще при заявлении ходатайства, когда следователь или дознаватель заранее начинает добиваться признательных показаний различными способами, в том числе подкупая обвиняемого особым порядком. Судебная практика приводит примеры порой невнимательного отношения судей к вынесению приговоров в рамках главы 40 УПК РФ, да и наказание можно получить в средней более строгое, чем при особом порядке. Таким образом, указанные выше поправки к ст. 314 и 315 УПК РФ позволят как ускорить уголовное судопроизводство, так и смогут гарантировать подсудимому его право на справедливое судебное разбирательство.

Тузова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Вопрос целесообразности проведения психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего в целях установления способности дачи показаний по делу

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы целесообразности и необходимости проведения комплексного психолого-психиатрического исследования в целях установления способности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства давать показания. Автором предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, касающиеся введения нового повода для обязательного назначения судебной экспертизы.

Ключевые слова: несовершеннолетний, способность давать показания, судебно-психолого-психиатрическая экспертиза, заключение эксперта, показания несовершеннолетнего, недопустимость.

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 17.09.2023).

Уголовная ответственность в соответствии со статьей 20 УК РФ наступает по общему правилу — с 16 лет, за совершение преступлений перечисленных в части 2 данной нормы — с 14 лет¹. Вследствие этого предполагается, что допрос несовершеннолетнего лица, не достигшего возраста 14 лет, в качестве подозреваемого или обвиняемого исключается. Однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ не устанавливает минимального возраста, с которого считается допустимым осуществлять допрос в качестве потерпевшего или свидетеля. В связи с законодательной неурегулированностью данного вопроса возникает проблема соблюдения прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, поскольку производство следственных действий может оказаться для них достаточно стрессовой ситуацией. Особенно это актуально для детей дошкольного возраста. Поэтому прежде чем принять решение о проведении в отношении них допроса следует оценить необходимость и потенциальную пользу данного следственного действия для расследования дела.

В теории также на настоящий момент не сформировалось единого мнения о том, с какого возраста можно допрашивать детей в процессе производства по уголовному делу. Еще в советский период Б. М. Шавер предположил возрастной предел — 6–7 лет². С. В. Кузнецова, Т. С. Кобцова считают, что минимальный возраст для допроса — 1 год и 7 месяцев³, такая позиция обоснованно вызывает недоумение. Г. А. Миронова высказала позицию о необходимости введения запрета на допрос несовершеннолетних, не достигших возраста семи лет⁴.

Стоит оговориться, что, рассматривая вопрос возможности и целесообразности допроса несовершеннолетнего, стоит оперировать не одним лишь возрастным критерием. Более показательным является критерий способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, а уже как следствие — давать показания. В связи с этим наиболее обоснованной является позиция Н. И. Порубова, который не привязывает возможность проведения допроса к определенному возрасту, отталкиваясь от того, понятен ли ребенку предмет допроса, при положительном ответе на указанный вопрос можно проводить допрос. Иными словами, необходимо определить

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Шавер Б. М. Допрос несовершеннолетних // Социалистическая законность. 1938. № 10. С. 38.

³ Кузнецова С. В., Кобцова Т. С. Тактика допроса несовершеннолетних. М.: Экзамен, 2004. С. 36.

⁴ Миронова Г. А. Показания несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы формирования, исследования и использования в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09, Краснодар, 2022. С. 68.

способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. К тому же это имеет принципиальное значение для оценки достоверности показаний несовершеннолетнего.

На практике проводится комплексная судебно-психолого-психиатрическая экспертиза с целью установления потенциальной способности и актуальной возможности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания¹.

Однако проводить такие исследования в отношении всех несовершеннолетних нецелесообразно и потребует достаточно больших как материальных, так и временных затрат. В связи с этим логично обратиться к возрастной дифференциации, уже закрепленной законодателем в отношении вопроса временной продолжительности их допроса (часть 1 статьи 191 УПК РФ) — установить обязательное требование проведения комплексной судебно-психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших до семи лет.

На сегодняшний день такую комплексную судебно-психолого-психиатрическую экспертизу зачастую проводят на основании пункта 4 статьи 196 УПК РФ. Согласно данной норме обязательным случаем назначения экспертизы является необходимость установления психического или физического состояния потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания.

Анализируя вышеуказанную законодательную регламентацию, отметим ее недостаточность. Во многом это связано с тем, что п. 4 ст. 196 УПК РФ предусматривает проведение судебной экспертизы только в отношении потерпевшего. В отношении свидетеля такая норма отсутствует. Хотя особую значимость показания несовершеннолетних свидетелей приобретают в том случае, если они являются единственными очевидцами произошедшего. Тогда производство судебной экспертизы целесообразно по двум причинам: во-первых, обеспечение прав и интересов несовершеннолетнего, во-вторых, возможность всесторонней и правильной потенциальной оценки показаний несовершеннолетнего в качестве доказательств.

Так, необходимо дополнить часть 1 статьи 196 УПК РФ пунктом 4.1 следующего содержания:

¹ Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы», утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН имени В. П. Сербского» Минздрава России // Электронный журнал «Психология и право». 2016. № 3. Т. 6. С. 62–63.

«4.1) психическое или физическое состояние несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля до семи лет с целью установления способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания».

Однако в последнее время на практике возник новый вариант использования специальных знаний в отношении показаний несовершеннолетних — проведение экспертизы в отношении показаний несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства с целью установления их «психологической достоверности»¹. Кроме того, данное исследование проводится при анализе видеоматериалов следственных действий с участием данного несовершеннолетнего².

При этом, даже не вникая в сущность подобного исследования, следует обозначить категоричную позицию о недопустимости назначения и проведения судебной экспертизы такого рода по следующим причинам.

Во-первых, следственные и иные процессуальные действия не могут являться предметом судебно-психологической (судебно-психолого-психиатрической) экспертизы.

Во-вторых, заключение эксперта о достоверности или недостоверности показаний несовершеннолетнего, по существу, означает оценку доказательства. Это напрямую противоречит положениям статьи 88 УПК РФ, которые устанавливают прерогативу дознавателя, следователя, прокурора и суда на оценку доказательств.

На основании этих причин, считаем необходимым признавать недопустимыми доказательства в виде заключений экспертов на предмет достоверности показаний несовершеннолетних.

Анализ судебной практики позволяет вывить еще более интересные случаи применения специальных знаний за пределами возможностей, предписанных Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Так, по уголовному делу № 10-271/2022 сторона защиты ссылалась на такое доказательство, как «заключения специалиста по результатам проведенных ею по запросу адвоката психологических исследований несовершеннолетних»³. Судом кассационной инстанции

¹ Ситковская О. Д. Психология свидетельских показаний: науч.-метод. пособие. М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. С. 56–58.

² Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : науч.-практ. пособие / А. М. Багмет [и др.]. М., 2017. С. 88.

³ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 17.02.2022 по делу № 10-271/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

отмечено, что «специалист фактически дала оценку имеющимся в материалах уголовного дела доказательствам, что выходит за пределы ее компетенции, определенной в ст. 58 УПК РФ»¹. Кроме того, согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ специалист, в отличие от эксперта, не проводит никаких исследований, в связи с чем отметим недопустимость подмены заключения эксперта заключением специалиста.

В заключение данного исследования обозначим следующие выводы:

1. На настоящий момент имеется необходимость и целесообразность проведения комплексных судебно-психолого-психиатрических экспертиз в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших до семи лет на предмет их способности правильно воспринимать значимые для уголовного дела обстоятельства и давать показания.

2. Следует внести изменения в статью 196 УПК РФ, дополнив ее новым самостоятельным поводом для обязательного назначения такого рода исследования.

3. Практика проведения исследований в отношении показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на предмет их достоверности противоречит как научным основам, так и положениям процессуального законодательства. В связи с этим заключения экспертов (а иногда, как показывает практика, и специалистов), содержащие выводы о достоверности показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства следует признавать недопустимыми доказательствами.

Халиков Н. А.

МГУ имени М.В.Ломоносова

Студент

Надлежащие основания отказа в принятии судом жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ

Аннотация. Такое процессуальное решение, как отказ в принятии жалобы, уголовно-процессуальному законодательству неизвестно. Вместе с тем оно имело место в судебной практике и было закреплено Пленумом Верховного Суда по определенным основаниям. В статье рассматриваются встречающиеся в судебной практике иные основания отказа в принятии жалобы, прямо не предусмотренные указанным постановлением.

Ключевые слова: жалоба, судебный контроль, досудебное производство, отказ в принятии, обжалование.

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2022 № 77-5173/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Отказ в принятии жалобы — возвращение ее заявителю без рассмотрения, препятствующее обращению с тождественной жалобой. Вывод об этом возможно сделать в связи с тем, что Пленум Верховного Суда отдельно предусматривает возвращение жалобы (п. 7)¹, а УПК РФ не содержит прямо положения о возможности обращения с повторной жалобой во всех случаях, так что при рассмотрении по аналогии терминологии других процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ) возможно разграничить отказ в принятии и возвращение жалобы таким же образом.

Пленум Верховного Суда предусмотрел принятие судом решения об отказе в принятии жалобы по двум основаниям: когда жалоба уже удовлетворена прокурором или руководителем следственного органа или обжалуемое решение ими отменено (п. 8), а также когда уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу либо по делу постановлено итоговое судебное решение (п. 9). Оба основания имеют свои исключения, причем второе по существу не препятствует рассмотрению доводов жалобы по существу, а лишь требует соблюдения иной процессуальной формы (постановка вопроса перед судом в ходе судебного разбирательства). Вместе с тем в решениях судов встречаются иные, вызывающие больше вопросов, основания отказа в принятии жалобы.

Так, суд отказал в принятии жалобы на передачу прокурором уголовного дела из одного органа предварительного следствия в другой при соединении уголовных дел². Конституционный Суд подтвердил правомерность передачи³, однако не рассматривал вопрос о правомерности отказа в принятии такой жалобы. В другом деле, где также состоялся отказ в принятии, Конституционный Суд указал на невозможность обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю в том числе и при условии, когда это затрагивает интересы потерпевшего⁴, что ранее также было закреплено в п. 3.1 вышеуказанного постановления Пленума, причем оба высших суда отмечают, что не подлежат обжалованию процессуальные решения, для которых предусмотрен

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

² Суд отказался рассматривать жалобу Никандрова на расследование его дела ФСБ // ТАСС. 2016. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/3529811> (дата обращения: 28.09.2023).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 2075-О // Конституционный Суд РФ. 2022. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 5-О // Конституционный Суд РФ. 2020. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

специальный порядок обжалования в досудебном производстве. Конституционный Суд в указанном определении также добавил, что процессуальное решение, принятое в рамках прокурорско-надзорных полномочий, само по себе не ведет к причинению ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо реальному ограничению их доступа к правосудию.

В указанных примерах речь идет о т. н. ведомственных процедурах, вмешательство в которые со стороны судебной власти недопустимо, поскольку суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения и стороне защиты (ст. 15 УПК РФ), а соответственно не вправе в ходе досудебного производства решать вопросы о доказанности определенных обстоятельств, квалификации содеянного, виновности и т.д., именно поэтому законодателем и был предусмотрен исключительно ведомственный характер обжалования таких решений и только самим должностным лицом (следователем и т.д.), что не лишает заинтересованное лицо при действительном нарушении его прав заявить соответствующие доводы в ходе судебного производства.

В другом деле суд прекратил производство по жалобе (влечет такой же правовой эффект, что и отказ в принятии), указав, что предметом жалобы является неисполнение следователем требований УПК РФ о рассмотрении сообщения о преступлении, что должно обжаловаться в порядке административного судопроизводства; вышестоящим судом такое решение было отменено¹, но фактически признан правомерным отказ в принятии жалобы, если она действительно подлежит рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Встает вопрос о соотношении судебного контроля в рамках уголовного судопроизводства и административного судопроизводства. Если предмет жалобы входит в сферу последнего, это дает суду обоснованное основание для отказа в принятии такой жалобы. В приведенном примере предмет жалобы касался досудебного производства по уголовному делу, которое начинается с момента сообщения о преступлении (ст. 5 УПК РФ). Пленум Верховного Суда расширяет допустимость жалобы и за пределы досудебного производства: это жалобы на решения и действия лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в отношении преступлений и проверку сообщения о преступлении, а также на решение прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Пленум Верховного Суда указывает, что не подлежат обжалованию действия и решения должностных лиц, полно-

¹ Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) за 2018 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия) 19 апреля 2019 г.).

мочия которых не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве (например, начальника следственного изолятора) (п. 3), такие действия и решения подлежат обжалованию в порядке административного судопроизводства. Таким образом, основополагающим критерием будет статус субъекта, принявшего обжалуемое решение или совершившего действие.

Еще в одном деле, ставшем впоследствии предметом рассмотрения Конституционного Суда, суд отказал в принятии жалобы на постановления следователя, отказавшего в удовлетворении ходатайств обвиняемого о направлении на медицинское освидетельствование. Суд исходил из того, что вопрос не связан с уголовным преследованием и не образуют предмета контроля в порядке ст. 125 УПК РФ. Добавив к своей аргументации и формальное основание об окончании досудебного производства по делу, суд обеспечил своему решению оставление без изменения в вышестоящих инстанциях, однако первая часть его доводов является несостоятельной, и Конституционный Суд, пусть и в порядке гл. 45.1 УПК РФ, признал невозможность обжалования отказа в медицинском освидетельствовании отдельно от итогового судебного акта неконституционной¹.

Как видим, строго установленного перечня оснований отказа в принятии жалобы не предусматривают ни законодательство, ни разъяснения Пленума Верховного Суда. Несмотря на то что на первый взгляд основания применения данного института должны носить формальный характер (по аналогии с ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), на самом деле, что подтверждается в том числе решениями Конституционного Суда, основания отказа в принятии жалоб носят содержательный характер. Тем сложнее провести границу между отказом в принятии и отказом в удовлетворении. Суд должен отказать в принятии жалобы, когда отсутствуют основания для ее рассмотрения, в частности, отсутствует предмет обжалования (п. 7 постановления Пленума). Однако у судов возникают вопросы, связанные со слишком неоднозначным термином «отсутствие предмета», которые возможно трактовать по-разному. В спорных случаях суд, как представляется, должен принять жалобу к производству и рассмотреть ее по существу, то есть сделать выбор в пользу более отвечающего обеспечению прав участника судопроизводства института.

В частности, не могут быть основанием для отказа в принятии жалобы содержащиеся в ней доводы, заставляющие суд предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу

¹ Постановление Конституционного Суда от 19.04.2022 № 16-П // Конституционный Суд РФ. 2022. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

дела, поскольку для того, чтобы убедиться в таком характере доводов, судье надлежит произвести рассмотрение жалобы по существу.

Неоднократно предпринимаются попытки доктринального формулирования критериев приемлемости жалобы, например: надлежащая форма жалобы, соблюдение правил подсудности, надлежащий предмет обжалования, актуальность требования об устранении нарушения, надлежащие субъект и момент обжалования¹. Вместе с тем отсутствие такого перечня в законодательстве и разъяснениях высшей судебной инстанции будет приводить к дальнейшему нарушению судами прав участников уголовного судопроизводства и жалобам в Конституционный Суд, который уже неоднократно вставал на позицию защиты заявителя от неправомерного отказа в принятии его жалобы.

Харламова М. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Нарушение принципа состязательности на стадии предварительного расследования

Аннотация. Состязательность является важным принципом уголовного судопроизводства, однако данный принцип не распространяется на стадию досудебного производства, что приводит к пассивной роли защитника в доказывании и нарушении прав личности.

Ключевые слова: принцип состязательности, доказывание, права личности, защитник.

В современном уголовном процессе состязательность является одним из наиболее важных, но при этом спорных принципов. Данный принцип реализуется посредством разграничения функций обвинения, защиты и разрешения дела, при этом стороны имеют равные права защищать свои интересы, отстаивать свою позицию, участвовать в процессе доказывания и т.д. Из этого следует, что состязательность сторон — это такой порядок судопроизводства, при котором уголовно-процессуальные функции строго разделены между сторонами и не могут быть возложены на одного и того же участника, а суд при этом лишь разрешает возникший правовой спор².

¹ Дикарев И. С., Юткина С. М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2. С. 48–51.

² См.: Россинский С. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. М., 2007.

По мнению И. Я. Фойницкого, публичность уголовного процесса поглощает права личности, делая из обвиняемого предмет некоего исследования¹. Ученый выделял следующие черты состязательного процесса: подсудимый в данном типе уголовного судопроизводства уже становится полноценной стороной, получая право на защиту, а деятельность суда при этом сводится к естественной для нее функции оценки уже собранных доказательств и разрешения дела². Таким образом, он считал, что исключительно в состязательном процессе возможно полноценно, в полной мере, реализовать права личности, в том числе и такое важное право, как право на защиту. Сходное мнение высказывал и Е. В. Васьковский, рассуждая о том, что только в состязательном процессе, где суд — беспристрастный наблюдатель за борьбой сторон, для адвокатов, как уполномоченных представителей общества, открывается достаточно широкое поле для деятельности³. Тем не менее принцип состязательности до сих пор не распространяется на весь уголовный процесс и, по мнению некоторых ученых, на данный момент пока что не складываются условия для внедрения состязательности на этап досудебного производства. Это происходит по причине того, что субъекты, которые ответственны за ведение дела, совмещают функции и обвинения, и расследования, а прокурор — еще и функцию надзора⁴. Факт сосредоточения различных функций в руках одних и тех же лиц следует считать прямым нарушением принципа состязательности.

Далее, рассмотрим реализацию принципа состязательности с точки зрения участия защитника в доказывании. В части 3 ст. 86 УПК РФ закреплено его право собирать доказательства путем получения определенных предметов, документов и иных сведений, опроса лиц, истребования справок, характеристик и иных документов. В данной статье буквально говорится о праве адвоката собирать именно доказательства, а потому возникает несоответствие с ч. 1 ст. 74 УПК РФ, согласно которой доказательствами по делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливают наличие или же отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по конкретному уголовному делу. По-другому данное право раскрыто в п. 1 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где идет речь о праве адвоката собирать

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 17.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. С. 71.

³ Васьковский Е. В. Организация адвокатуры // Адвокат в уголовном процессе / под ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 17.

⁴ Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1.

«сведения», необходимые для оказания юридической помощи. Такая формулировка лучше и точнее отражает смысл понятия «доказательство», ведь доказательствами эти сведения становятся только после их приобщения прокурором, следователем, дознавателем или судом к материалам уголовного дела. Факт того, что лица, указанные в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, решают, какие сведения следует считать доказательствами по делу, может влечь достаточно серьезное нарушение принципа состязательности, что приводит к пассивной роли защитника в процессе доказывания и, как следствие, нарушению права на защиту¹. Е. Г. Мартыничик считает, что описанная выше деятельность адвоката является не чем иным, как расследованием, которое осуществляет адвокат и указывает на то, что такая деятельность должна получить адекватное наименование в законодательстве².

Так, из вышесказанного можно сделать вывод, что в связи с ограничением участия защитника в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса, принцип состязательности реализуется в усеченном формате. Это ставит сторону обвинения в более приоритетное, можно сказать, господствующее положение над стороной защиты, что недопустимо с точки зрения самой идеи состязательности, так как прокурор, следователь и дознаватель являются стороной обвинения, и наделение их возможностью не приобщать к материалам дела сведения, собранные адвокатом по причине их противоречия позиции обвинения, может влечь серьезные последствия для обвиняемого в виде, например, нарушения ст. 6 УПК РФ — незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, нарушения прав и свобод личности. По нашему мнению, любые сведения, полученные защитником, должны приобщаться к материалам дела и решение о значимости таких сведений должно приниматься именно судом, как независимым, не занимающим сторону обвинения или защиты участником уголовного судопроизводства.

¹ Демидов В. А., И. А. Раменнов И. А. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник магистратуры. 2021. № 5-6.

² Мартыничик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. М., 2017. С. 64.

XXIII. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Алиев З. Г.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
Студент

Меры профилактики криминальной виктимизации вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность в сети Интернет

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов вовлечения в террористическую деятельность. Приведены статистические данные о динамике вовлечения в террористическую деятельность. Проанализированы меры профилактики криминальной виктимизации вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность в сети Интернет.

Ключевые слова: вовлечение в террористическую деятельность, детерминанты и способы вовлечения в террористическую деятельность, вовлечение с использованием сети «Интернет».

Проблема терроризма как социально опасного явления присуща всем мировым государствам в том числе и Российской Федерации.

Современный терроризм очень многогранен, он имеет огромное количество черт, которые присущи только ему, и к таким можно отнести:

1. значительное наличие денежных средств;
2. многогранные знания в сфере технологий;
3. жесткая внутренняя организация;
4. объединение террористических формирований с некими преступными объединениями.

Значимой изюминкой современного терроризма является его транснациональный, неограниченный территорией одного государства, характер. Терроризм как быстрорастущее явление, со своими системными, многоуровневыми элементами, имеет свою классификацию в зависимости от идеологической основы, используемых средств, методов, субъектов, целей и прочих критериев.

По мнению А. К. Микеева, большое количество террористических формирований владеют изотопной продукцией, отходами ядерного производства, ядерными материалами, что на сегодняшний день является угрозой, которую можно отнести к радиационному терроризму.

При анализе статистики преступности складывается впечатление, что преступления террористического характера имеют маленький показатель от об-

щей преступности. Однако их опасность заключается не в количестве совершенных террористических актов, а в их массовом характере, системности, посягательстве на жизнь, здоровье, права и свободы, имущество, а также на правовую, политическую религиозную и национальную стабильность.

Современный терроризм постоянно развивается, приобретает новые возможности, оснащается самыми новыми технологиями, также отмечается слияние террористических организаций с преступными с различного рода преступными группировками.

В условиях современности, террористические и экстремистские организации используют информационную среду сети Интернет с целью последовательного изменения структуры мышления и восприятия существенных элементов действительности лица и группы лиц. Например, подстрекательство в организации массовых беспорядков, вовлечение лиц в последующее участие в деятельности экстремистской и террористической организации и т.д.

Техническая сторона вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность обычно эффективно организована: доменные имена сайтов, анонимное регистрирование, размещение информации осуществляется на серверах зарубежных провайдеров.

С целью обеспечения безопасности террористических сайтов используются все возможные средства: технологии VPN, криптографические программы, программы «анонимизаторы», выход в Интернет из пунктов коллективного доступа (интернет-кафе, учебные заведения и т.д.), мобильный Интернет с обезличенных sim-карт и многое другое.

За последние три года доля преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, возросла до 25,8 % от общей массы всех зарегистрированных преступных посягательств.

По нашему мнению, к причинам, детерминирующим виктимное поведение в сети Интернет, можно отнести следующее:

- падение нравственной сферы;
- правовой нигилизм;
- проблемы в области образования и воспитания молодежи;
- стрессы, депрессия с необходимостью «уйти» в виртуальный мир для достижения комфортного состояния;

Формами викимного поведения нередко являются:

- особый стиль поведения, который с высокой степенью вероятности может привести к вреду здоровья и социального благополучия, к психической или физической зависимости (включая виртуальную зависимость), к насилию, суицидальному поведению;

- кибераддикция, то есть психическое расстройство, выражающееся в компьютерной и интернет-зависимости);

— приобщение к антисоциальным и иным группам с лично значимыми целями, поиск людей близких по духу;

— киберсоциализация, то есть процесс становления личности под непосредственным влиянием информационно-телекоммуникационных технологий и информационной сети Интернет.

Проблема виктимности в сети «Интернет» на повестке сегодняшнего дня стоит крайне остро. Достаточно часто мы наблюдаем одну и ту же закономерность в возникающих процессах, вызванных влиянием террористических и экстремистских групп по отношению к личности.

По нашему мнению, возникает процесс преобразования виктимного поведения лица в криминальное. Такое изменение происходит за счет смещения неустойчивых факторов личностного целеполагания и традиционных ценностей, передаваемых обществом в ходе социализации. Ярким примером этого является криминализация подростков путем вовлечения их в группы различной криминальной направленности в социальных сетях в связи с их личностной несформированностью и с неосознанием своего поведения.

Считаем необходимым предложить следующие меры профилактики криминальной виктимизации в сети Интернет:

1. Обеспечить суверенное от зарубежных партнеров развитие и использование информационного пространства сети Интернет, ее инфраструктуры в культурных и образовательных целях. Данные цели обусловлены высоким приоритетом для нашего государства воспитания патриотически-настроенной, творческой и автономной личности.

2. Повысить компьютерную грамотность и проводить специальные курсы по безопасному поведению в информационной сети Интернет.

4. Включить в положение, предполагающее основания освобождения от уголовной ответственности, то есть в положение ст. 75 УПК РФ, содержания примечаний статей преступлений террористической направленности.

Данные изменения обеспечат единство толкования и применения положений уголовного права, а также сыграют положительную роль в развитии правосознания и ответственного поведения граждан, раскаявшихся в содеянном и вставших на путь исправления.

Проблема виктимизации молодежи продолжает вызывать дискуссии в научных кругах, что свидетельствует о серьезности и значимости рассматриваемой темы. Подводя итог, мы склонны полагать, что именно комплексное решение проблемы способно принести положительный результат, а значит, только последовательное совершенствование отечественного законодательства с усилением влияния государства в вопросах цифровизации социальных институтов и образования молодежи, может быть нацелено на создание гармоничного общества будущего.

Галимова Э. А.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ

(РПА Минюста РФ)

Студент

Информационный терроризм как угроза национальной безопасности

Аннотация. В статье рассматривается степень опасности информационного терроризма, обосновывается актуальность изучения данной проблемы.

Ключевые слова: информационный терроризм, терроризм, национальная безопасность, общество, информация, пропаганда.

В настоящее время терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности, поскольку он является самой сутью насильственной преступности, подрывает власть и разрушает политическую систему государства.

Терроризм отражает культ насилия и способствует его развитию, давая ему преимущества перед правовыми, социальными методами разрешения конфликтов в обществе. Он формирует и усиливает в обществе чувства страха, незащищенности и неуверенности граждан в своей безопасности, которое подавляет, в свою очередь, позитивную активность личности. Как и всякое иное действие, направленное на причинение смерти, и даже в большей степени, чем другие действия такого рода, терроризм обесценивает человеческую жизнь¹.

Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий послужило толчком к развитию общества, а также к появлению такого социального феномена, как информационный терроризм. В нынешних реалиях данный вид терроризма среди угроз национальной безопасности занимает ведущее место, поскольку воздействие, оказываемое на людей, осуществляется через сеть «Интернет», а также с использованием СМИ или локальной информационной сети. Современное общество всё больше полагается на информационные технологии в своей повседневной жизни, будь то электронная коммерция, интернет-банкинг, социальные сети и другие платформы. Такая зависимость делает общество более уязвимыми перед информационными атаками, которые могут нанести значительный ущерб.

Информационный терроризм может выражаться в вербовке, обучении теракту, его планировании и исполнении. Помимо всего прочего выделяют компьютерные атаки, т.е различного рода вирусы, которые так или иначе воз-

¹ Молдажиев А. И. Терроризм как угроза национальной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2. С. 74.

действуют на человека с целью пропаганды терроризма. Необходимо отметить, что именно через сеть «Интернет» посредством вербовки происходит набор новобранцев в ряды террористических и экстремистских организаций. Они используют Интернет в качестве средства для публикации экстремистских материалов, а также как способ установления отношений с теми, кто наиболее склонен поддаваться на целенаправленную пропаганду, и теми, кто ищет поддержку в Интернете¹.

Можно сказать, что информационный терроризм выступает в форме определенного насильственного воздействия на психику индивидуума или группы лиц, тем самым навязывая идеологию терроризма, что не дает личности всесторонне критично оценить ту или иную информацию. В большинстве случаев, информация террористических группировок направлена на дестабилизацию общества путем распространения ужасающей информации на фоне как реально происходящих событий, так и при имитации их.

Посягательство в первую очередь идет на несовершеннолетних, составляющие значительную часть пользователей сети «Интернет». В данном случае вербовка таких лиц может происходить в различных формах, например компьютерные игры. Информационный терроризм имеет серьезные негативные последствия, физические и эмоциональные, а также создает опасность для безопасности и благополучия лиц, подвергшихся данному воздействию. Однако в нынешних реалиях не представляется возможным полностью отграничить несовершеннолетних, а также иных лиц от всевозможных террористических кибератак, что порождает уязвимость государства перед данным видом угроз национальной безопасности.

Соответственно, считаю необходимым принять следующие меры для борьбы с информационным терроризмом:

1. Анализ социальных сетей и мониторинг интернет-пространства: Программы и алгоритмы, способные отслеживать и анализировать информацию, позволяют идентифицировать потенциальные угрозы и преступные группировки, которые занимаются информационным терроризмом.

2. Отслеживания финансовых потоков и идентификации возможных финансовых спонсоров информационного терроризма.

3. Международное сотрудничество: Борьба с информационным терроризмом требует международного сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. Обмен информацией и совместные расследования могут эффективно бороться с преступлениями информационного терроризма.

¹ Кучебо И. В. Информационный терроризм // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 350.

Таким образом, в современном информационном обществе информационный терроризм становится всё более актуальной проблемой, требующей не только внимания со стороны правительств и организаций, но и активного вовлечения общества, чтобы защититься от таких атак и бороться с дезинформацией.

Москвин И. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Криминалистические средства противодействия терроризму и экстремизму

Аннотация. Террористические и экстремистские мероприятия с каждым годом становятся всё более частным явлением, так как обстановка в мире в настоящее время нестабильна. У преступников появляются новые идеи, способы и средства для реализации и удовлетворения своих потребностей. При раскрытии преступлений могут возникнуть трудности, которые связаны с криминалистическими средствами и методами. Это тема является значимой и актуальной, поскольку эти средства непосредственно связаны с антитеррористическими и антиэкстремистскими мероприятиями. В статье рассмотрены современные криминалистические средства для предотвращения экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: криминалистические средства, информационные технологии, безопасность, аппаратно-программный комплекс.

Терроризм и экстремизм всегда представляли угрозу для мирного существования, ведь их цель состоит из утверждения своих идеалов и разрушения основ конституционного строя и целостности государства насильственным путем. Жестокость, безжалостность и высокая общественная опасность превратили данные преступления в одну из серьезных проблем человечества. Для эффективного противодействия, криминалистические средства должны соответствовать нескольким принципам, а именно: этичности — не допускать унижения чести и достоинства человека и гражданина; безопасности — сохранение здоровья и жизни людей, а также экологического состояния природы; современности — использование новейшей профессиональной технологии и техники для упрощения оперативно-следственных мероприятий; научного познания — изучение статистики преступлений данного характера для прогнозирования исхода и предотвращения возможных преступлений.

Большинство террористических актов совершается с помощью взрывных устройств и взрывчатых веществ. Они имеют малые габариты, но в то же время обладают большой площадью поражения. Для изготовления и приведения в действие данные устройства скрытно доставляются почтой, транспортом или

людьми, на место планируемого теракта. Для предотвращения неблагоприятных последствий, службы безопасности «отрезают» каналы доставки и осуществляют спецмероприятия, такие как: контроль граждан, багажа, грузов, почтовых отправлений, транспорта, а также при необходимости проводят досмотр.

Самыми распространенными и эффективными средствами досмотра являются рентгенотелевизионные интроскопы, металлодетекторы, ручные металлоискатели, переносной газоанализатор, ручной радиометр-дозиметр, томографические системы, досмотровые зеркала, электрофонари, эндоскопы, радиоизотопные отражательные толщиномеры и т.п.¹

Исполнителей преступлений могут курировать и направлять люди, которые фактически не исполняют данные мероприятия, но начало противоправным деяниям дают именно они. Нормы ст. 185 и 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) позволяют органам предварительного расследования, при наличии достаточных оснований, произвести осмотр и выемку сведений, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, имеющих значение для уголовного дела; осуществить контроль и запись телефонных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц; получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами².

У правоохранительных органов, имеются технико-криминалистические средства которые считывают информацию, содержащуюся на электронных устройствах и в сети «Интернет».

Следователи криминалисты, применяют специальные аппаратно-программные комплексы для получения доказательной информации с устройств и нужных для раскрытия преступления материалов. Органы используют такие АПК, как Universal Forensic Extraction Device (UFED), Мобильный Криминалист Эксперт, XRY, MOBILedit Forensic, Tarantula, CellXtract и др. Эти приборы помогают работать даже с выключенными устройствами, без наличия аккумуляторов, а также содержащими пароли.

У Следственного комитета (далее — СК) России имеется в наличии специальный АПК «Сегмент-С», который позволяет проводить аналитическую работу

¹ Приказ Министерства транспорта РФ от 23.07.2015 № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» (с изм. и доп.), ст. 154, ст. 48.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023), ст. 185, ст. 186.

с биллинговой информацией, выявлять возможное периодическое пересечение абонентов, их совместное нахождение, маршруты движения, точки последней регистрации и т.д.¹

АПК Universal Forensic Extraction Device «UFED» (универсальное извлечение судебных данных) израильской фирмы «Cellebrite», предназначенный для проведения оперативного исследования мобильных средств коммуникации (далее — МСК). АПК поставляется с периферийными устройствами и аксессуарами, для эффективного исследования. Он также включает набор приложений, позволяющих использовать несколько механизмов анализа и в комплексе создающих унифицированный технологический поток: UFED Physical/Logical Analyzer — приложение для комплексного анализа, составления отчетов и логического извлечения данных; UFED Link Analyzer — приложение, которое определяет и визуализирует связи и коммуникационные методы между различными МСК, основываясь на отчетах; UFED Phone Detective — приложение для моментальной идентификации телефона; UFED Reader — приложение, обеспечивающее обмен информацией со всеми уполномоченными сотрудниками².

Российская компания «МКО Системы» разработала для исследования электронных средств связи АПК «Мобильный Криминалист Эксперт». АПК позволяет: исследовать несколько устройств одновременно; построить события в хронологическом порядке; построить маршруты передвижения; определить самые посещаемые и общие места пребывания; устанавливать связи между приложениями, владельцами устройств и контактами; находить персональные данные участников дела; отобразить все действия, активности на устройствах; получить с МСК, облачных сервисов, баз данных и мессенджеров полный набор данных и проанализировать их; восстановить удаленные данные; обходить шифрование, выстраивать связи информации; создавать отчеты в популярных форматах — XLS, DOCX, PDF, XML и др.³

При использовании вышеуказанных устройств можно определить следующие данные: сведения о МСК (IMEI/ESN); сведения о SIM-карте (ICCID и IMSI); журнал входящих и исходящих вызовов; историю поиска, ссылки и использования сети «Интернет»; файлы Cookie; SMS, MMS, голосовые сообщения, фото-,

¹ Дерюгин Р. А. Специальная криминалистическая техника, предназначенная для анализа и обработки информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Полицейская и следственная деятельность. 2016. № 3. С. 32–35. DOI: 10.7256/2409-7810.2016.3.18711. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18711.

² Сайт компании-представителя ООО «Целевые технологии». URL: http://aimtech.ru/catalog?manufacturer_id=27.

³ П. С. Пастухов. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 450–459. УДК 004.92:343.98.

видео-, аудиофайлы из разных источников; данные о местоположении (сети WiFi, ретрансляторы мобильной связи и т.п.), маршрутах перемещения; коды блокировки; данные журнала «Lifeblog», содержащего список действий с телефоном и многое другое.

Заключение. Уровень развития высоких технологий настолько вырос, что применение криминалистических средств в системе противодействия терроризму и экстремизму поможет правоохранительным органам эффективно реагировать на малейшие признаки преступлений. Именно технологический прогресс позволяет упреждать и сокращать количество преступлений. Комплексное использование данных средств поможет обеспечить защиту основ конституционного строя России и гарантировать права и свободы человека и гражданина.

Халиуллин Т. М.

Уфимский университет науки и технологий

Студент

К вопросу о современных вызовах и перспективах расследования киберэкстремизма: меры и проблемы

Аннотация. В статье обсуждаются сложности, с которыми сталкиваются следователи при расследовании киберпреступлений, включая недостаток специализированных знаний и навыков, а также юридические аспекты и сбор цифровых доказательств. Предлагаются меры, включая разработку методологии расследования, обучение следователей и создание специализированных курсов.

Ключевые слова: киберпреступности, следователи, расследование, цифровые доказательства, обучение, криминалистическая методология.

В начале XXI в. возникла проблема криминального экстремизма, вызванная деятельностью радикальных организаций, использующих экстремистские идеологии для своих целей. Глобализация и размытие границ усугубили эту проблему. Отсутствие четких определений «экстремизма» и связанных терминов в законодательстве разных стран мешает сотрудничеству. Борьба с экстремизмом соответствует принципам ООН, но неоднозначность международного права затрудняет борьбу с онлайн-экстремизмом. Приблизительно 70 % экстремистского контента онлайн размещается в европейских странах. Установление общих международных определений экстремизма и критериев его деятельности поможет в борьбе с этой проблемой и сотрудничеству между странами.

В прошлом, термин «СМИ» ограничивался официальной регистрацией интернет-ресурса как средства массовой информации и влиял на применение статьи 280 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако статья 282 была расширена, чтобы включить Интернет в определение «средств массовой информации» через Федеральный закон № 179-ФЗ в 2014 г. Этот закон также приравнивал публичные призывы к экстремистской деятельности в онлайн-среде к общественной опасности, а статья 282 была изменена, чтобы различить «средства массовой информации» и «информационные и телекоммуникационные сети».

Термин «информационно-телекоммуникационная сеть» был определен в отдельном законе и описывает технологическую систему передачи информации через линии связи с доступом через компьютерное оборудование. Однако в уголовном законодательстве используется термин «информационно-телекоммуникационная сеть», который не учитывает разнообразие онлайн-ресурсов, таких как новостные сайты, чаты и социальные сети.

В 2014 г. поправка к статье 282.1 Уголовного кодекса РФ расширила сферу действия преступлений в онлайн-среде, включая любые действия, считающиеся экстремистскими, когда они совершаются публично или через средства массовой информации или информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет. Это изменило требование наличия элементов рекламы или использования средств массовой информации.

Однако широкое включение Интернета как квалифицирующего признака вызвало беспокойство, поскольку не все онлайн-действия представляют одинаковую общественную опасность. Поэтому были внесены изменения в судебную практику в 2016 г., чтобы учитывать полный контекст, форму, содержание и комментарии при оценке онлайн-действий, направленных на разжигание ненависти, унижение или вражду.

Статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает критерии для оценки подобных правонарушений, описанных в других статьях Уголовного кодекса. Эти критерии оценивают возможность совершения экстремистских или террористических актов в результате действий, предусмотренных законом.

Для обеспечения единообразного применения законов, таких как статья 282 УК РФ и связанные с ней статьи, важно учитывать факторы, такие как количество и содержание комментариев, контекст, форма и содержание размещаемой информации. Это помогает учесть обстоятельства, в которых размещены контент и комментарии. Киберпреступность стала серьезной глобальной проблемой, и официальная статистика указывает на значительный рост компьютерных преступлений, но реальное количество таких преступлений может быть выше из-за незарегистрированных случаев.

Расследование киберпреступлений представляет собой сложную задачу, требующую специализированных знаний и навыков. Недостаточное количество следователей имеют экспертизу в области компьютерных технологий, что создает препятствия в борьбе с киберпреступностью. Кроме того, следователи сталкиваются с юридическими и процедурными трудностями при сборе цифровых доказательств.

Для решения этих проблем предлагаются следующие меры:

1. Разработка комплексной методологии для криминалистического расследования компьютерных преступлений.
2. Проведение программ обучения и повышения квалификации для следователей в области расследования киберпреступлений.
3. Введение специализированных курсов в учебные программы для подготовки следователей, направленных на выявление, расследование и предотвращение компьютерных преступлений.
4. Рассмотрение возможности создания централизованного экспертно-криминалистического центра для эффективной координации и решения проблем, связанных с киберпреступностью.

Учитывая глобальную угрозу киберэкстремизма, важна проактивная работа по его предотвращению. Это включает в себя регулирование распространения киберэкстремизма на государственном уровне, обучение педагогов и психологов методам проведения профилактических мероприятий, а также контроль доступа детей в Интернет при помощи специализированного программного обеспечения. Важны также крепкие семейные отношения и информированность родителей о деятельности и безопасности их детей в онлайн-среде.

Предотвращение киберэкстремизма требует совместных усилий государства, педагогов и психологов, а также информированных родителей для эффективной борьбы с этой серьезной проблемой.

Цыренова Ю. С., Петров А. С.

Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова (БГУ)

Студенты

Современные тенденции развития террористической и экстремисткой деятельности и методы профилактики в России

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние террористической и экстремисткой деятельности в России. В настоящее время эти общественно опасные явления представляют серьезную проблему для безопасности стран всего мира. Анализируются способы вовлечения в террористические организации в социальной сети «Интернет».

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, профилактика, молодежь, опасный контент, позитивный контент.

Понятие «экстремизм» тесно связано с понятием «терроризм». Экстремизм является более широким понятием, чем терроризм. Терроризм вытекает из экстремизма, террор — это крайняя мера экстремистской деятельности. Стоит понимать, что главной составной частью экстремизма является террор, поскольку из широкого спектра проявлений (бунт, акты неповиновения, создание параллельных силовых структур, выдвижение ультиматумов) он вобрал в себя самые жесткие методы достижения политических целей, в результате которых можно лишить жизни других граждан, уничтожить имущество и т.д.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «О противодействии терроризму» терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий. Терроризм есть способ достижения целей в политической борьбе и достигается с помощью физического насилия и морального давления. На сегодняшний день терроризм является одной из глобальных проблем всего человечества. И Россия оказалась в числе стран, которая столкнулась с наиболее агрессивными его проявлениями¹.

Современный терроризм представляет собой сильные и многочисленные объединения с колоссальным оснащением. Сейчас на территории Российской Федерации насчитывается 48 официально признанных и запрещенных террористических организаций. Яркие примеры государства, где активно развивается террористические соединения — это Афганистан, Таджикистан, Косово и в Республике Чечня. Данные примеры показывают, что современный терроризм способен вести диверсионно-террористические войны, участвовать в масштабных вооруженных конфликтах². Терроризм как явление имеет давнюю историю. Можно вспомнить террористические акты, которые были совершены еврейской политической группировкой еще в 66–73 гг. до н. э. против римлян в борьбе за автономию Фессалонии. Проявление терроризма вошел в историю: Французская буржуазная революция, Варфоломеевская ночь и т.п. Однако сам термин терроризм появился недавно.

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (последняя редакция).

² Ахьядов Э. С. Современные тенденции формирования международного терроризма // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 529–532.

Современный терроризм представляет собой развитую структуру, которая состоит из лагерей, где проходят специальную (военную, техническую т.п.) подготовку. Располагая современными технологиями, терроризм способен контролировать действия правоохранительных органов, которые ведут с ними борьбу. Кроме того, у них имеются компоненты химического и биологического оружия, современные средства осуществления террористических актов.

Терроризм в России имеет длительную историю, формально точкой отсчета террористической деятельности в России можно и нужно считать 4 апреля 1866 г. В тот день было совершено покушение на императора Александра II Преступника удалось задержать — им оказался дворянин саратовской губернии — Дмитрий Каракозов, который причислял себя к членству московскому народническому тайному кружку.

Второй крупный теракт в России случился 1-ого марта 1881 г., в тот день народовольцами была взорвана карета Императора, что привело к его смерти.

В современном мире можно выделить ряд факторов, которые прямо или косвенно влияют на распространения террористических угроз в современном мире. К ним относятся:

А) экономический фактор: конкретно жизненные ситуации, в которых оказываются молодые люди. Они становятся вынужденными расадам террористической угрозы. Так, они из-за нужды и ради легких денег идут на отчаянный шаг.

Б) Под воздействием пропаганды в информационном мире, люди идут на совершения террористических действий. В качестве примера, можно привести лозунг, который миллиардами тиражировался во время конфликта между Палестиной и Израилем — отдать жизнь за дело арабов Палестины.

В) наличие «Горячих точек». Афганистан, Чечня Черногория все эти бой-столкновения привели к священной войне против шурави — неверных. Люди, которые фанатично преданы идее, готовы убивать и рвать на куски ради своей цели — побороть неверных.

Поэтому экстремистские объединения, дающие новые идеи, твердую уверенность в их существовании — популярно сегодня у молодежи. Один из самых рациональных способов вырваться из порочного круга — создать новые ценности, а именно распространять позитивный контент. «Позитивный контент» — это не только познавательный, но и развлекательный контент, который не несет тех или иных цифровых угроз, по словам координатора Центра безопасного Интернета, Урвана Парфентьева¹. Особенность «позитивного контента» заключается в побуждении позитивных эмоций потребителя через различные

¹ Урван Урванович Парфентьев — координатор Центра безопасного Интернета в России, ведущий аналитик РОЦИТ.

форматы. Именно в этом заключается главная задача СМИ и государства — создание позитивных общественных взглядов. Важно понимать, что никто не может предугадать направления, в котором будет развиваться экстремизм. Теоретический анализ полон крутыми поворотами.

Проявление общественных явлений особо опасно в молодежной среде, поскольку подрастающее поколение России находится в своеобразном вакууме (духовном, ценностном) и поэтому оказывается самой незащищенной ячейкой нашего общества. Стоит признать, что молодежь дезорганизована. Наблюдается проявление социально-политической инфантильности, эгоцентризма, девиантное поведения, проблема перспективы самореализации. Особую тревогу бьет увеличенное количество неформальных молодежных объединений экстремисткой направленности. В связи с этим принимаются особые профилактические меры. Например, в Бурятском Государственном университете имени Доржи Банзарова организуют семинары и конференции, на которых подробно обсуждается данная проблема. На кафедре уголовного процесса и криминалистики активно действует кибердружина — волонтерское движение, деятельность которого заключается в поиске опасного контента в социальной сети «Интернет». Подобные организации существуют в 38 регионах России и помогают правоохранительным органам привлекать к ответственности преступников в социальной среде.

Игнорирование экстремизма и применение только карательных мер, разумеется, не дает положительного эффекта, требуется специальный подход, который направлен на уменьшение факторов, содействующего росту призывов, насилия и угроз. Важно проводить диалоги, дискуссии с участниками неформальных объединений.

XXIV. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антипов А. А.

НИУ ВШЭ

Студент

Психологические типы потерпевших

Аннотация. В данной работе рассматриваются различные психологические типы потерпевших в уголовно-правовом контексте. Представленные классификации позволяют лучше понять виктимологическую специфику жертвы, что, в свою очередь, способствует созданию методов профилактики уголовно наказуемого насилия.

Ключевые слова: психология, личность, уголовное право, методы, особенности, виктимология, насилие.

Под виктимным поведением понимаются поведение потерпевшего, приводящее к совершению преступного деяния. Данное поведение имеет различное внешнее выражение, анализируя которое были классифицированы психологические типы потерпевших¹.

Психологический тип потерпевших — это совокупность факторов, имеющих определяющее значение в процессе формирования человека как личности.

Выработка единого психологического типа потерпевшего вызывает определенные затруднения, ибо всякий человек уникален, обладая рядом характерных особенностей. Вместе с тем в результате психологических исследований проводится поведенческий анализ мыслей и эмоций потерпевшего, что позволяет выявить наиболее общие поведенческие реакции у лиц, подвергнувшихся преступному воздействию. Для этого следует подвергнуть указанные типы классификации.

Под классификацией понимается метода систематизации знаний, направленный на организацию совокупности изучаемых объектов².

¹ Анафиева Э. Э. Механизмы формирования психологической природы виктимного поведения // Форум молодых ученых. 2018. № 6-1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanzimy-formirovaniya-psihologicheskoy-prirody-viktimnogo-povedeniya> (дата обращения: 28.09.2023).

² Перцева А. Д. Классификация и типология личности потерпевших от преступлений против жизни и здоровья // Вестник науки. 2022. № 12 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-i-tipologiya-lichnosti-poterpevshih-ot-prestupleniy-protiv-zhizni-i-zdorovya-1> (дата обращения: 28.09.2023).

Для выявления психологических особенностей потерпевших психологи используют различные методики, к которым относятся беседы, анкетирование, тесты и наблюдение.

Само понятие «психологического типа потерпевшего» стоит понимать в 2 категориях:

- 1) оно может относиться к конкретной человеческой личности, соответствующей определенному сочетанию психологических черт;
- 2) оно может означать типологическую модель, ориентированную на суммирование повторяющихся поведенческих актов.

I. Агрессивный тип потерпевшего.

К данному типу можно отнести лиц, попавших в разряд потерпевших в результате проявленной ими агрессии в формате нападения на причинителя вреда. Для потерпевших из этой категории характерно целенаправленное создание конфликтной ситуации. Их поведенческие реакции являются реализацией антиобщественной направленности личности. Зачастую подобный тип поведения коррелирует с низким интеллектуальным уровнем, неспособностью осознавать виктимность своего поведения. Подобное состояние характерно для лиц, находящихся под воздействием алкогольного или наркотического опьянения.

При некоторых обстоятельствах поведение этого типа потерпевшего может носить противоправный или аморальный характер, что влияет на материально-правовую квалификацию преступного деяния. Согласно ст. 61 УК РФ аморальность или противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, является одним из обстоятельств, смягчающих наказание.

II. Активный тип потерпевшего. К потерпевшему этого типа относится лицо, поведение которого не является конфликтным, однако в конечном итоге приводит к причинению вреда им самим. Поведение данного лица сознательно или бессознательно направлено на причинение себе вреда.

В рамках данного типа представлены:

- неосторожный подстрекатель (поведение подстрекателя провоцирует преступника на причинение вреда, но сам преступник может это не осознавать). Типичным примером может являться поведение лица, предложившего сесть за руль пьяному водителю и в конечном счете пострадавшего в аварии;
- сознательный самопричинитель. Хрестоматийной является ситуация, когда лицо причиняет себе травмы с целью уклонения от воинской службы;
- неосторожный самопричинитель (человек, пострадавший при подготовке взрывного устройства в криминальных целях);

III. Пассивный тип потерпевшего. Потерпевшие этого типа — лица, которые в силу ряда обстоятельств (возраст, инвалидность, беспомощность) не оказывают сопротивления преступным посягательствам. Существенной чертой пассивного типа потерпевшего может быть эмоциональная подавленность, беспомощность, отсутствие активности. Люди данного типа проявляют низкую эмоциональную реакцию на травму, что позволяет им избежать дальнейшей боли и снять стресс.

В рамках пассивного типа потерпевших можно выделить:

1) объективно не способных к сопротивлению (вследствие тех или иных физиологических особенностей);

2) объективно способных к сопротивлению, но не оказывающих его вследствие трусости, боязни огласки, страха за судьбу близких, религиозным причинам и т.д.

IV. Инициативный тип потерпевшего. К потерпевшим инициативного типа относятся лица, поведение которых безупречно с точки зрения морали и права, но несмотря на это приводит к причинению им вреда. К таковым можно отнести лиц, чье служебное или общественное положение делает для них обязательным вмешательство социально опасные ситуации.

В качестве примера можно привести сотрудника правоохранительных органов, пострадавшего при задержании правонарушителя. Еще одним примером может быть журналист, подвергнувшийся нападению за негативную публикацию о деятельности местной криминальной группировки.

В парадигме юридической психологии потерпевший рассматривается в качестве одного из обязательных элементов совершенного преступного деяния.

Зачастую жертва — активный элемент в динамике преступного деяния. Иногда лишь случай решает, кто будет потерпевшим, а кто — преступником. Так бывает в обоюдной драке или при сведении счетов между конкурирующими преступными сообществами, мести их членам и т.д.

Стоит отметить, что для каждого психологического типа потерпевшего имеются свои специфические методы профилактики виктимности. Вместе с тем можно выделить ряд общих принципов профилактики, относящихся к каждому из вышеописанных типов. К таковым относятся:

— информирование о возможных опасностях и способах защиты от них путем проведения лекций, семинаров, тренингов;

— создание безопасной среды (патрулирование, видеонаблюдение).

Следует упомянуть, что профилактика виктимного поведения должна сопровождаться разработкой реабилитации потерпевших. Основной задачей подобных программ является помощь людям, уже подвергнувшимся негативному воздействию.

В заключение разумно отметить, что сопровождаемая классификацией профилактика виктимного поведения является значимой составляющей в общей системе предотвращения травматических ситуаций.

Ануфриева С. В., Штина С. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Как «серийный убийца» выбирает жертв?

Аннотация. в данной статье проведен анализ виктимологических особенностей преступлений на примерах Андрея Чикатило и Михаила Попкова. Проведено сравнение двух моделей выбора жертв преступлений и сделан вывод о взаимосвязи и взаимозависимости виктимологии и криминалистики.

Ключевые слова: жертва, виктимология, преступление, убийство.

В последние десятилетия правоохранительная практика активно задействует знания о психологических и поведенческих аспектах личности, совершившей насильственные преступления. Данная тема кажется нам интересной, но нуждающейся во внимании со стороны ученых, так как на данный момент количество исследований крайне мало.

Одним из развивающихся направлений является виктимология — наука, предметом изучения которой являются жертвы преступных деяний. Данная, сравнительно молодая междисциплинарная область исследования перевела фокус криминологической науки на жертву преступления, как носителя криминалистически значимой информации. Говоря о том, что может оказать как прямое, так и косвенное влияние на степень виктимности, необходимо упомянуть как морально-психологические характеристики личности, так и образ жизни человека, приверженность определенным взглядам, идеалам, ценностям, а также социальный статус. Помимо установления важной для расследования информации о жертве преступления, ее характеристика с точки зрения криминологии также позволяет установить значимые признаки личности преступника и его особенности. Как ни парадоксально, момент встречи «серийного убийцы» со своей жертвой не является случайным стечением обстоятельств, даже в том случае, если преступление не было заранее спланировано, отсутствовала подготовка в выборе жертвы, нападение носило спонтанный характер. Ведь в первую очередь пострадавшего и злоумышленника объединяет время и место нападения.

На первый взгляд может показаться, что такое стечение обстоятельств носит случайный характер, но это отнюдь не так. Виктимность жертвы «серийного» убийства напрямую связана с особенностями личности самих преступников.

Затрагивая тему характеристик жертвы, отметим, что они могут быть самыми различными, как очевидными, так и неочевидными. То есть это не только такие наглядные критерии, как сходный внешний вид, возраст, профессия, но и такие, казалось бы, неизвестные посторонним, факты из жизни жертвы как чтение конкретной литературы, любовь к определенному жанру музыки, взгляды на жизнь, убеждения и т.д.¹

При расследовании преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности особую важность приобретает тщательный сбор информации о личности потерпевшего: пол, физические характеристики, возраст, семейное положение, социальный статус, уровень интеллекта, отношения с окружающими, успехи в учебе, образ жизни, а также какие-либо недавние изменения в жизни, темперамент, манеры поведения, место жительства, репутация дома и на рабочем месте, истории болезней, вредные привычки, хобби, друзья и недоброжелатели.

Как известно, «серийным» убийствам свойственна определенная выборочность в связи с этим данные о жертвах в криминалистической характеристике отражают соотношение между особенностями личности преступника и жертвы, которая, в свою очередь, оказывает влияние на цель, мотив, место, время, способ совершения и сокрытия преступления.

Через особую связь жертвы и преступника становится возможным составить психологический портрет самого злоумышленника. К примеру, тем, кто убивает детей, в раннем детстве, с большой вероятностью, могла быть нанесена какая-либо психологическая травма или же они были подвержены насилию, убийцы женского пола скорее всего выросли по покровительством властной женщины или подавляющего мужчины, а убийцы людей без определенного места жительства чаще всего и сами есть, или были представителями неблагополучного слоя населения. Мотив так называемого очищения мира, позволяет им игнорировать или вовсе отрицать свой неудовлетворительный социальный статус.

Самый известный «серийный убийца» времен СССР, безнаказанно, в одиночку вел преступную деятельность на протяжении почти 12 лет — Андрей Чикатило. Первое убийство датируется 1978 г., а последнее — 1990. За это время, по официальным данным, руками Чикатило было убито 53 человека. Будущие

¹ Крылов И. В. Способы совершения преступлений в условиях неочевидности // Государство и право. 2013. № 5. С. 82–84.

жертвы производили на преступника впечатление глубоко несчастных людей, среди них было много женщин с алкогольной зависимостью, умственно отсталых, девушек молодого возраста, которых он завлекал в лесополосу под предлогом употребить спиртные напитки. Детей: и мальчиков, и девочек, он завлекал различными обещаниями показать видеомэганитофон, компьютер, щенков и т.д. Мы, сторонние наблюдатели, можем ошибочно предположить, что преступник, который не акцентирует свое внимание на какой-то конкретной категории жертв, выбирает их случайным образом, когда в действительности для него они являются символом чего-то общего, что существует только в его искаженной фантазии.

Анализу поведения Чикатило были посвящены труды ученых Михаила Симкина и Ввани Ройчоудхури из Калифорнийского университета. В результате их исследований, были выведены определенные закономерности в поведенческом аспекте данного преступника. Эти закономерности уложились в математическую функцию, которая получила название «чертова лестница».

Ее график можно описать как лестницу с разными по длине ступенями. При этом высота последних ступеней возрастает от нуля к единице. Так и количество убийств, совершаемых Чикатило, росло по экспоненциальному закону при сокращении промежутков между ними.

Учеными была выдвинута гипотеза, что определенная группа нервных клеток в мозге Чикатило отвечала за желание убивать. В момент когда нейроны этой группы последовательно наращивали свою активность и достигали критического предела, желание преступника совершить преступление было наибольшим, что как следствие, побуждало его к поиску новой жертвы. После совершения убийства, эти клетки отключались, «засыпали» на некоторое время, чтобы через какое-то время заработать вновь.

После разработав своей модели, ученые соотнесли ее с реальным графиком совершения преступлений. А после добавления к модели еще одного условия, а именно: успешности убийства, модель стала еще точнее. Таким образом, Симкин и Ройчоудхури сделали вывод, что в случае завершения нападения на жертву неудачей, преступник, с большой вероятностью будет предпринимать попытки найти очередную на следующий день после провала.

Ранее нами было упомянуто, что жертвы Андрея Чикатило не отличались определенным типажом. Для лучшего понимания необходимости науки «виктимология», представляется целесообразным привести противоположный пример. Бывший милиционер Михаил Попков, благодаря средствам массовой информации, известный общественности как «ангарский маньяк», считается даже не одним из, а самым жестоким «серийным» убийцей в истории современной России. Он лишил жизни как минимум 80 человек, а на его поиски было потрачено 20 лет. У Михаила Попкова, в отличие от Чикатило, прослеживался

конкретный типаж жертв — молодые девушки, и определенная обстановка совершения преступления — все убийства происходили вечером или ночью, когда девушки возвращались после дискотеки. Совершать свои преступления Попков начал в 1992 г., еще в период работы в милиции, а по ночам — в такси. У лица сформировался характерный «почерк» преступлений. Михаил Попков подвозил девушек, по дороге предлагая им выпить и совместно провести время. В случае если девушка отвечала согласием, Попков совершал изнасилование, а далее убивал, оставляя труп в лесополосе. Но если девушка отказывалась — довозил ее до дома. Так его сознанию было легче оправдать мотив совершения преступления, он искренне верил, что девушки с «аморальным поведением» заслуживали наказания, которое он и налагал. Преступник считал себя «санитаром» человечества. Таким образом, можно с уверенностью заявить, что у Попкова был четкий критерий, по которому он выбирал своих жертв.

Дополним, что как позже было выявлено следствием, своими преступлениями Попков мстил всем «падшим» девушкам, ведь ранее ему изменяла жена.

Основываясь на вышеупомянутом, с уверенностью делаем вывод, что виктимология играет значительную роль в расследовании множественных преступлений. Чем более нетипичны способы и критерии выбора жертвы, тем более нетипична личность преступника и тем более узок круг подозреваемых лиц. Важно устанавливать связь между жертвой и преступником, особенно, если эта связь неочевидна, ведь она может вывести к злоумышленнику и предотвратить совершение новых преступлений.

Богданова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Виктимологические особенности преступлений в сфере интернет-мошенничества: тенденция инфоцыганства

Аннотация. В современном мире в эпоху развитых технологий увеличивается количество преступлений в сфере интернет-мошенничества. Процесс цифровизации способствовал появлению в сфере интернет-мошенничества новой подкатегории мошенничества — инфоцыганство. В статье рассматриваются: понятие инфоцыганство, категории граждан, ставших жертвами мошенничества, раскрываются черты, которые им присущи, предложены профилактические меры для уменьшения жертв инфоцыган.

Ключевые слова: мошенничество, инфоцыганство, виктимологические аспекты интернет-мошенничества.

Преступления в сфере мошенничества являются одним из наиболее распространенных видов преступлений. С развитием цифровых технологий развивается такая сфера, как интернет-мошенничество, в которой стала проявляться тенденция инфоцыганства. С каждым годом увеличивается количество жертв инфоцыган, связано это с тем, что представители инфоцыганства злоупотребляют доверием своих клиентов, предлагая множество услуг в виде тренингов, марафонов и много чего другого и демонстрируя в социальных сетях успех, которого они добились следуя этим марафонам и тренингам. Инфоцыгане-это несомненно мошенники, так как их тренинги не приносят результатов и это лишь «красивая упаковка». Инфоцыгане — это люди, которые продают курсы, тренинги, книги и другие обучающие материалы, не несущие никакой реальной практической ценности. Сами инфоцыгане могут определять себя как инфобизнесменов, бизнес-тренеров, коучей, мотиваторов и т.д. Возьмем всем известный случай с Еленой Блиновской, которая основала и распространяла «марафон желаний». Она уверяла, что делится с участниками не только психологическими техниками, но и своим личным «волшебством» и поэтому называет себя феей. По некоторым данным, все ее марафоны прошли около 150 тыс. человек и естественно их желания не воплотились в реальность. Множество людей пострадало от мошеннических действий Елены Блиновской. Почему же люди, зная, что всевозможные тренинги и марафоны абсолютно бесполезные вещи, продолжают тратить множество денег, покупая сомнительные информационные продукты? Данный феномен объясняется наукой виктимологией. Мошенничество направлено на получение материальной выгоды путем обмана потерпевшего или злоупотребления его доверием. Ключевой аспект в мошенничестве, что жертва самостоятельно принимает решение о передаче своего имущества мошеннику. При этом, чтобы жертва точно осуществила передачу своего имущества, мошенник устанавливает контакт с жертвой, то есть втирается к ней в доверие. В случае с инфоцыганством схема мошенничества аналогична. Первоначально блогеры-коучи (инфоцыгане) в социальных сетях демонстрируют роскошную жизнь, которую они добились благодаря тому, что следовали марафонам или каким-либо планам-тренингам, тем самым устанавливается контакт с потенциальными жертвами. На следующем этапе всевозможные личные фан-встречи и тренинги, на которых подставные люди рассказывают, как добились успеха благодаря данным марафонам. На данном этапе в сознание людей вкладываются идеи, что, если другие люди стали успешными благодаря данным марафонам, значит я тоже смогу. Третий этап в схеме-непосредственно продажа своего продукта, только вот никаких гарантий в его успешной реализации нет. Кроме того, важно отметить, что инфоцыгане не обременяют себя заключением договоров с клиентами, о том, что в случае неисполнения жела-

ния или если человек не добьется успеха, то денежные средства ему не возвращаются. Почти во всех видах мошенничества, особенно в интернет-мошенничестве, по данным ученых-виктимологов, жертвами чаще всего становятся пожилые люди и дети, так как это наиболее доверчивые категории населения, для них характерны слабая информированность по ряду вопросов (незнание законодательства, некритичное отношение к официально заявленной информации и т.д.). Жертвами инфоцыган становятся категории лиц в возрасте от 18 до 65 лет. При этом доля жертв мужчин и женщин примерно одинаково. Ученые-виктимологи разрабатывают портрет жертвы мошенничества, в случае мошенничества с инфоцыганами портрет жертвы установить сложно, так как жертвой может стать как мужчина, так и женщина; категория граждан, которая может стать жертвой мошенничества не зависит от уровня образования, семейного положения, трудовой деятельности, правовой просвещенности или наоборот безграмотности. К примеру, марафон желаний Елены Блиновской можно было приобрести как за 4 500 руб., за 200 тыс. руб., так и дороже. Цены на марафон подтверждают, что жертвы инфоцыганства не вписываются в конкретные рамки портрета жертв от мошенничества. Несмотря на то что проводятся профилактические мероприятия, направленные на борьбу с мошенничеством, люди все равно попадают на уловки мошенников, особенно инфоцыган. Переходя к характеристикам жертв инфоцыган можно выделить следующие их характеристики: 1) это лица, в большинстве случаев, в возрасте 25–55 лет, так как наиболее экономически активная часть населения и именно в этом возрасте приходит осознание и необходимость в карьерном росте, создании семьи, самореализации и многом другом. С точки зрения психологии люди хотят получить все и сразу, поэтому ведутся на информационные продукты инфоцыган, которые обещают исполнить все мечты и добиться успеха в любой сфере за короткий срок времени. 2) лица в возрасте от 18 до 25 лет реже становятся жертвами инфоцыган по сравнению с первой категорией населения, так как для инфобизнесменов, коучей и других они меньше представляют интереса, так как зарабатывает данная группа хотя и самостоятельно, но объемы заработка не так значительны. Кроме того, в современных реалиях данная категория лиц не задумывается и в полной мере не осознает необходимость в создании семьи, самореализации, карьерном росте, заботе о здоровье. Данная группа населения имеет относительно низкий уровень виктимности. 3) лица в возрасте от 55 до 65 также становятся жертвами инфоцыган, но соотношение данной категории лиц с категорией в возрасте от 25 до 55 лет меньше. Связано это как с жизненным опытом, так и с консервативными взглядами и устоями на жизнь, то есть стремлением сохранить более привычный жизненный уклад.

На основе анализа жертв марафонов блогеров — инфоцыган, в том числе Елены Блиновской, можно определить черты, которые присущи потенциальным жертвам и потерпевшим от инфоцыганства. Для жертв и потенциальных жертв инфоцыган характерно следующие:

- эмоциональность (лица, чаще всего имеют либо заниженную или завышенную самооценку);

- наивность (жертвы инфоцыган, хотя осведомлены, что блогеры, коучи и основатели марафон обманывают участников, но наивно предполагают, что марафоны, которые они приобрели помогут в исполнении их желаний);

- психологическая незащищенность (человек психологически не может противостоять давлению мошенника и бессознательно соглашается с ним и следует его указаниям);

- низкий уровень правосознания личности;

- легкомысленность и привычка к открытости (это касается всех, кроме наиболее возрастной группы жертв инфоцыганства);

Государство, в лице государственных органов, организаций, должностных лиц и иных структур, разрабатывает и осуществляет профилактические меры по борьбе в сфере интернет-мошенничества. Так как тенденция инфоцыганства в Российской Федерации существует относительно недолго, то государству важно усилить регулирование в данной сфере. Для этого необходимо повышать уровень правосознания граждан, начиная со школьников. Для школьников и студентов необходимо проводить профилактические беседы, на которых им будут разъяснять важность психологической и эмоциональной стабильности, как не стать жертвой преступления, какие качества надо для этого формировать и многое другое, возможно надо вести в качестве обязательной дисциплины психологию. В качестве меры профилактики важным аспектом является усиление роли государства в регулировании деятельности блогеров, коучей и других представителей инфоцыган. Для этого необходимо ввести лицензии на деятельность коучей, блогеров, либо регистрировать их деятельность и в случае, если они этого не сделают, будут применены санкции со стороны государства. Также ввести обязательные требования для их деятельности, уровень образования и многое другое, то есть чтобы уничтожить инфоцыганство — необходимо ввести такие требования, которые не позволят заниматься им мошеннической деятельностью. Еще осуществлять транслирование по федеральным каналам памяток, социальных роликов как не стать жертвами инфоцыган в сфере интернет-мошенничества.

Таким образом, в работе проведен анализ жертв нового вида преступления в сфере интернет-мошенничества — инфоцыганства; установлены виктимологические особенности, характерные для этой сферы мошенничества, связь

между жертвой и мошенником. Жертвами инфоцыганства становится категория лиц от 18 до 65 лет, которым присущи такие черты, как эмоциональность, наивность, психологическая незащищенность, легкомыслие.

Галстян Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Виктимологические особенности личности жертвы доведения до самоубийства

Аннотация. В данной работе предпринята попытка дать общую виктимологическую характеристику жертвы доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ). Суицидальные настроения — это реалии современного социума, которые сопровождают как развитое общество, так и развивающееся. В настоящее время доведение людей до самоубийства представляется интересным с точки зрения изучения феноменом, так как обладает высокой степенью латентности и общественной опасности. В статье в большей степени внимание уделено психологическим аспектам поведения потенциальной жертвы доведения до суицида, обобщены наработки отечественных ученых — криминологов, посвятивших свои труды изучению виктимологии.

Ключевые слова: самоубийца, доведение, жертва, потерпевший, злоумышленник, причины, виктимологический.

Поводом к написанию этой работы послужила та тенденция, которая прослеживается в последнее время среди молодых людей. Хотя порой и не только среди этой категории населения. Речь о суициде, а если быть точным — в доведении до суицида. Дело в том, что действительно большое количество потерпевших приходят к идее самоуничтожения под влиянием внешних обстоятельств, которые, в свою очередь, порождаются другими субъектами. Необходимо отметить, что если идет целенаправленное воздействие на человека с целью его самоликвидации, то это подпадает под диспозицию статьи 110 Уголовного кодекса.

Мы чуть ли не каждый месяц можем наблюдать новость в Интернете, что очередной ребенок совершил акт самоубийства по различным причинам: неразделенная любовь, неудачи в учебе, обиды на сверстников / родителей и мн. др. Оставленные предсмертные записки не всегда раскрывают четкий мотив содеянного. Порой правда уходит в могилу вместе с жертвой жестокого обращения, издевательств, целенаправленного воздействия злоумышленника, акта психологического насилия. Можно сказать, что доведение до суицида — довольно скрытая от реального учета социальная проблема.

Вспомним, что не так давно в России существовали целые секты по промывке мозгов несовершеннолетним с конечным итогом — доведения их до суицида. С виду простая игра с выполнением заданий превращалась в сущий ад в виде последствий. Речь про «Синий Кит» и ему подобные истории. Иногда куратором смерти оказывался простой почтальон с некоторыми физиологическими и психическими отклонениями¹. Но речь не только про подростков. Довольно часто жертвами преступников становятся и довольно взрослые, успешные люди. Про смерть таких обычно говорят: «как гром грянул среди ясного неба!».

Если обратиться к статистике, то за 2022 г. к уголовному наказанию по статье 110 УК РФ привлечено всего 13 человек², что крайне мало в общем удельном весе преступности в стране. Вряд ли у несведущего человека получится получить достоверные данные о жертвах этих общественно опасных деяний. Поэтому сто́ит опираться на давно проверенную стратегию построения гипотез при отсутствии переменных.

Основная цель — попытаться проанализировать, систематизировать, понять, а может быть даже и предположить основные характеристики, которыми может обладать потенциальная жертва доведения до самоубийства. Для этого и нужна известная наука «виктимология». Как писал известный советский криминолог Д. В. Ривман, виктимология интересуется происхождением, личностью, характером, полом, возрастом, психическим состоянием, физическими признаками жертвы и ее семейными, профессиональными и общественными отношениями. Особенно она стремится к тому, чтобы выяснить роль жертвы в ситуации, предшествующей преступлению, и ее вклад в генезис преступления³. Выделим несколько отличительных особенностей жертвы суицида в результате целенаправленного воздействия на нее извне.

Во-первых, потенциальная жертва доведения до самоубийства чаще всего обладает свойством повышенной внушаемости. Таких людей довольно легко вовлечь в интересную им авантюру, «обвести вокруг пальца» как говорят в народе. Почему основной контингент игроков в суицидальные игры — несовершеннолетние? Ответ прост: они больше поддаются внушению из — за неокрепшего сознания, отсутствия сформированной личностной позиции.

¹ «Порежу всю семью». Как куратор «группы смерти» склонял детей к суициду.

URL:

https://aif.ru/society/web/porezhu_vsyu_semyu_kak_kurator_gruppy_smerti_sklonyal_detey_k_suicidu (дата обращения: 18.09.2023).

² Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК.

URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Филиппова Е. О. Виктимология : учеб. пособие. Оренбург : ОГУ. 2017. С. 17.

Во-вторых, как указывает доктор юридических наук К. В. Вишневецкий, жертвы угроз и унижения во многих ситуациях довольно мнимы, нерешительны. Назвать их хулиганами язык не повернется, скорее всего это тихие, мирные люди, которые не терпят агрессию. Агрессия для них — это деструктивная составляющая человеческих отношений, с которой они не хотят считаться¹. Как правило, это положение идет из детства потерпевшего, когда он стал свидетелем / участником каких-либо конфликтов между родителями.

Скорее всего, типичному суициденту свойственен интровертивный тип личности, то есть закрытость от окружающих, глубокий внутренний мир без доступа в него чужих. Это является одной из причин, почему люди, подвергающиеся систематическим издевкам со стороны, не рассказывают о своих проблемах даже близким, только лишь в предсмертной записке. Проще скрыть проблему, пережить ее у себя в голове, чем посвящать других и устраивать «разбор полетов».

Как отмечают исследователи доведений до самоубийств, жертве могут быть присущи высокие моральные качества: справедливость, верность, вежливость, ответственность, тактичность, чистоплотность и т.д.² Самоубийца вполне может быть в числе успешных людей в своем окружении: на работе, в учебе, в хобби. Именно сопоставление своих идеалов предлагаемым злоумышленником «реалиям» и ставит перед суицидентом роковой выбор.

По своей психической природе потерпевший может быть эксцентричной личностью. Эксцентричность может проявляться в ношении необычной одежды, украшений, создание ярких образов за счет смены цвета волос. Эксцентричные люди могут и вовсе не проявлять это в каких-либо атрибутах повседневной жизни. Но зато могут быть довольно странны для окружающих из — за своей манеры общения и мышления.

Типичный принужденный суицидник — атеист. Он не верит в высшие силы и смотрит на жизнь со стороны материалистического толка. Отсутствие религиозных убеждений является включенным рычагом его свободного размышления о конце жизни в таком духе: на этом мой путь закончится и будет лишь пустота.

¹ Вишневецкий К. В., Доев В. А. Виктимологическая характеристика личности жертвы доведения до самоубийства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 112.

² Буряковская Е. В. Виктимологический аспект при доведении до самоубийства // В сборнике: Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития : материалы ежегодного межведомственного круглого стола. Санкт-Петербург. 2017. С. 24.

Стоит добавить, что среди доведенных самоубийц по статистике чаще встречаются представители мужского пола, нежели женского¹. Скорее всего, это связано с особенностями социально-ролевых аспектов российского общества, а также семейного воспитания. Зачастую представители женского пола намного чаще готовы обратиться за помощью к третьим лицам, это и помогает им найти утешение и защиту от злоумышленников.

Подводя итог, стоит отметить, что основные детерминанты преступного поведения по отношению к жертве могут крыться в его индивидуальности, чувствительности. Индивидуальность привлекает внимание злоумышленника, заставляет его реагировать на поведение или образ. Чувствительность потерпевшего связана с глубокими душевными переживаниями по различным поводам. Не осознавая, как дать отпор обидчику, суицидент видит лишь одно решение сложившейся проблемы — осуществление самоликвидации.

Лазева Д. А., Неволina Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Виктимологические аспекты лиц, вовлекаемых в проституцию.

Аннотация. В статье рассматривается проблема, связанная с виктимологией женщин с низкой социальной ответственностью. Перед авторами ставился вопрос: можно ли считать таких лиц жертвами? Актуальность темы обусловлена широким распространением предложений интимных услуг, которое во многих случаях носит принудительный характер. В работе также упоминаются обстоятельства и причины, по которым девушки попадают в сексуальное рабство как на территории Российской Федерации, так и за границей.

Ключевые слова: виктимология, виктимность, латентная жертва, проституция, эскорт, сексуальная эксплуатация.

Научная доктрина изучает основные характеристики наказаний, пытается выявить причины и факты, побудившие лиц совершить злодеяния, анализирует личности нарушителей закона. В трудах ученых-юристов, криминалистов, психологов особое внимание уделяется маниакальным наклонностям человека, психическим расстройствам, способствующим к формированию мотивов совершения насильственных действий. Однако изучение феномена преступности невозможно без привлечения виктимологического анализа. В своей статье мы

¹ Орлова Н. А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 3.

затронем вопрос, связанный с вовлечением лиц в занятие проституцией и попытаемся детально раскрыть черты, присущие потенциальным жертвам данного преступления.

Итак, заметим, что наукой о жертвах преступлений принято считать виктимологию — специальную социологическую теорию, осуществляющую комплексный анализ упомянутого феномена. В. И. Полубинский в своих исследованиях обращается к понятию «индивидуальной виктимности» как уникального свойства личности, которое обусловлено множеством факторов, включая социальные, психологические и биофизические аспекты¹. Отметим, что индивидуальная виктимность складывается из личностного и ситуационного компонентов. Анализировать аспекты жертв вовлечения в занятие проституцией необходимо через рассмотрение объективной и субъективной стороны виктимности. Объективная сторона виктимности представляет собой факторы и обстоятельства, независимые от жертвы, включающие в себя такие элементы, как место и время совершения преступления, характер действий, умысел преступника и их последствия. Субъективную сторону можно описать как совокупность воспринимаемых субъектом виктимизации образов реальных ситуаций, возникающих как до начала преступного посягательства, так и во время него, а также мотивы и цели, которыми субъект виктимизации руководствуется в своем поведении.

Нельзя сказать, что способность стать жертвой — умышленная способность. Она зависит от определенных факторов. Для их выделения подразделим виктимность на невиновную и виновную. В первом случае, человек становится жертвой в силу обстоятельств, основанных на индивидуальных факторах, таких как пол, возраст, психофизические особенности, служебное положение. Виновная же виктимность состоит в склонности становиться жертвой и заключается в неправомерности действий самой жертвы или ее безнравственном поведении.

Перед нами встает вопрос: можно ли считать поведение лиц, предоставляющих сексуальные услуги, разрушительным по отношению к общественной стабильности и порядку, порождающим другие преступления, или проституция — вынужденное поведение жертв, последствия действий заказчиков сексуальных услуг?

Лиц, занимающихся проституцией, по нашему мнению, следует отнести к категории латентных жертв — физических лиц, сведения о которых отсутствуют в уголовно-статистическом учете, в результате чего реализация прав на защиту

¹ Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления // Горький. 1979.

не представляется возможной в силу безусловной (полной) скрытости или условной (частичной) скрываемости деяния¹.

В законодательстве Российской Федерации предусмотрена ответственность за занятие проституцией, которая содержится в статье 6.11 КоАП РФ. Обратим внимание, что законодатель не счел нужным устанавливать уголовную ответственность за подобное правонарушение. Однако Уголовный кодекс содержит статьи 240 и 241, характеризующие вовлечение в занятие проституцией и организацию занятия проституцией соответственно. Согласно судебной статистике за прошедший год по ст. 240 УК РФ было осуждено 65 человек (19 человек — ч. 2 ст. 240 УК РФ, 46 человек — ч. 3 ст. 240 УК РФ); по ст. 241 УК РФ наказание понесли 329 человек (109 человек — ч. 1 ст. 241 УК РФ, 10 человек — ч. 2 ст. 241 УК РФ).

По данным исследований, в столице активно занимаются коммерческой сексуальной деятельностью до 30 тыс. женщин. Учитывая масштабы России и предполагая, что в каждом из более чем 90 крупных городов работает приблизительно 2 тыс. проституток, можно сделать вывод, что общее количество лиц, участвующих в данном виде деятельности, составляет более 180 тыс. человек, включая как женщин, так и мужчин².

Помимо того, что проституция распространяется в пределах государства, все большее значение уделяется «заграничному эскورتу». Анализируя доступную информацию, можно заметить, что секс-индустрия и секс-туризм превратились в глобально организованный прибыльный бизнес, практически не знающий национальных границ. Об этом говорит, например, то, что с либерализацией миграции в бывших соцстранах произошел передел мировых рынков секс-услуг, где граждане из Центральной и Восточной Европы, и СНГ прочно заняли свою нишу.

Для «экспортного рабства» больше характерен обманчивый путь вербовки девушек. Такие случаи чаще всего связаны с информацией, предоставляемой потенциальным жертвам относительно возможностей работы: ложное трудоустройство в «модельные агентства», замалчивание реальных условий оказания услуг. Так, например, из материалов дела по ст. 240 и ст. 241 УК РФ: «...размещались объявления рекламной деятельности «фирм досуга». В целях кон-

¹ Лихачева О. В. «Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений»: 2006. (автореферат).

² Побегайло Э. Ф. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Проституция как объект криминологического исследования», предоставленную Шлаковым А. Е. на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 // Уголовное право. 2004. № 1; Станская А. А. Проституция несовершеннолетних — социальная и правовая проблема общества / науч. ред. С. Ф. Милукова. СПб., 2005.

спирации и латентности, в содержаниях данных объявлений отсутствовала существенная информация о рекламируемом товаре, об условиях его приобретения или использования. Данные объявления размещались на отдельных рекламных полосах, консолидированных в рекламные блоки, с изображением полубнаженных девушек, указанием наименования «фирмы досуга» и номера телефона»¹. Вербовщики активно используют различные уловки, включая помощь в оформлении документов, финансовую поддержку, а иногда даже обманывают девушек, предлагая отдых за рубежом, знакомства. Чрезмерное использование онлайн-платформ, включая сайты знакомств, стало распространенным инструментом лиц, организующих занятие проституцией. Вербовщики манипулируют молодыми женщинами, путем психологического воздействия, создавая иллюзию реальных отношений и перспективного будущего.

О субъективной стороне виктимности лиц, вовлекаемых в проституцию, писал Ч. Ломброзо в своей работе «Женщина преступница и проститутка». Он высказывал теорию о том, что те, кто занимается проституцией, имеют «типичные» антропологические черты, такие как определенная форма черепа или структура лица. Однако важно отметить, что современные исследования и криминологическая наука сильно развились с тех пор, и теория Ч. Ломброзо считается недостаточно обоснованными.

И. Г. Малкина-Пых включает проституцию в группу виктимных девиаций в следствие нарушений норм безопасного поведения². Примером нарушений норм безопасного поведения могут быть употребление наркотических веществ и алкоголя. Сегодня наблюдается тенденция, при которой, наоборот, в проституцию вовлекаются девушки от 18 до 30 лет без следов употребления наркотиков, так как внешний вид становится ресурсом в руках организаторов занятия проституцией³.

И. Г. Малкина-Пых считает, что проституция является одним из признаков перенесенного насилия в раннем возрасте, в том числе сексуального. С одной точки зрения, травматический опыт человека, пережившего насилие, ведет к сложностям во взаимоотношениях с людьми, что делает жертву более воспри-

¹ Приговор Приморского краевого суда от 26.09.2013. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=49478#KONCEqT13wVUXQey1> (дата обращения: 25.09.2023).

² Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. Эксмо. Москва. 2010.

³ Вяткина А. С. «Незнакомки» по вызову: к вопросу о легализации женской проституции // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neznamomki-po-vyzovu-k-voprosu-o-legalizatsii-zhenskoy-prostitutitsii> (дата обращения: 24.09.2023).

имчивой к вовлечению в проституцию. С другой стороны, проявление жестокого отношения подталкивает детей к побегу из дома и из-за экономических факторов они могут быть вовлечены в эту деятельность.

Проституция представляет собой серьезную социальную патологию, которая сопровождается разнообразными общественно опасными последствиями. При этом лица, оказывающие сексуальные услуги, нередко становятся жертвами физического и психического насилия, беспощадной сексуальной эксплуатации¹. Исследования виктимологии могут помочь выявить факторы, приводящие людей в проституцию, и разработать программы профилактики, направленные на предотвращение этого явления.

Миорова Н. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Несовершеннолетние как жертвы домашнего насилия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос законодательного регулирования семейно-бытового насилия в отношении несовершеннолетних. Анализируются категории личностей жертв домашнего насилия в соответствии с их возрастом. Предлагается ряд авторских решений проблемы насилия в семье.

Ключевые слова: несовершеннолетнее лицо, домашнее насилие, ребенок, личность жертвы

В настоящее время в правовом поле до сих пор нерешенным остается вопрос, связанный с семейно-бытовым насилием (далее — домашнее насилие). С каждым годом жертв от рук членов семьи становится всё больше, в основном ими являются женщины и дети в силу своего слабого положения в семье.

Процесс законодательного урегулирования проблемы домашнего насилия начался еще в 2016 г. В законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия»² впервые была дана характеристика термину «семейно-бытовое насилие». Под ним понимается умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого, которое заключается в нарушении прав и свобод человека, причиняет ему физическую боль, и (или) нравственные

¹ Шалагин А. Е. Проституция как социально-негативное явление и ее общественная опасность // Russian Journal of Economics and Law. 2012. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostitutsiya-kak-sotsialno-negativnoe-yavlenie-i-ee-obshchestvennaya-opasnost> (дата обращения: 24.09.2023).

² Законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» № 1183390-6 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 18.09.2023).

страдания, и (или) наносит ему имущественный вред. Из определения можно выделить четыре вида домашнего насилия: физическое, сексуализированное, психологические и экономическое. На данный момент законопроект не принят.

Для того чтобы конкретизировать проблему домашнего насилия в отношении детей, понять причинно-следственную связь и наметить пути решения данного вопроса, необходимо обозначить основные характеристики жертвы домашнего насилия.

Первая категория жертв — это новорожденные, дети до одного месяца. Согласно статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка» женщина, а именно мать ребенка, может совершить убийство новорожденного во время или сразу же после родов. Данный состав привилегированный, смягчающим обстоятельством которого является сложное психическое состояние женщины после родов. В 2016 г. судами Российской Федерации было вынесено 59 приговоров по статье 106 УК РФ, в 2022 г. число приговоров снизилось в два раза¹. Данная категория жертв является наиболее уязвимой и незащищенной с точки зрения и уголовного права, и криминологии. Это связано с тем, что найти преступника, который убил собственного ребенка и бросил его тело, для правоохранительных органов практически невозможно. Также сложно определить был ли ребенок убит, или же он изначально родился мертвым.

Вторая категория жертв — дети в возрасте от месяца до одного года. В данном случае субъектом преступления могут являться и иные близкие родственники. Насильственные действия в отношении ребенка, а чаще его убийство, совершаются из-за отсутствия достаточных знаний, навыков, материальных средств для обеспечения своего ребенка. Дети подвергаются физическому насилию из-за экономических, социальных и личных проблем внутри семьи. По данным средств массовой информации 25 сентября 2018 г. отец убил трехмесячного ребенка из-за того, что тот громко плакал². 19 марта 2022 г. отец убил трехмесячного ребенка из-за того, что тот мешал ему спать ночью³. 17 ноября

¹ Судебная статистика за период с 2016 по 2022 г. приговоров по статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 18.09.2023).

² Обзор материала Главного следственного управления СК РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия // URL: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1257981/> (дата обращения: 18.09.2023).

³ Обзор материалов СМИ от 21.03.2022 // URL: <https://bloknot.ru/regiony/v-tambovskoj-oblasti-otets-ubil-tryohmesyachnogo-rebenka-kotory-j-meshal-spat-902951.html> (дата обращения: 18.09.2023).

2022 г. мужчина поссорился со своей женой, убил ее и ранил ножом своего трехмесячного сына¹.

Третья категория — дети в возрасте от одного года и до шести лет. В данном возрасте они начинают ходить и разговаривать, начинают задавать вопросы родителям, так как познают окружающий их мир. В это время у детей формируется психическое развитие и начинается процесс индивидуализации. Именно в возрасте от одного года и до шести лет дети наиболее подвержены эмоциональному насилию. Данную форму насилия сложнее всего выявить, ведь именно об этой форме жертвы домашнего насилия заявляют реже всего. В упомянутом ранее законопроекте о семейно-бытовом насилии психологическое насилие определено как умышленное унижение чести и (или) достоинства путем оскорбления, клеветы, высказывания угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к пострадавшему, эти действия ведут к нарушению психической или психологической целостности. В свою очередь, Н. А. Асанова отмечает, что психологическое насилие — это воздействия взрослого члена семьи, при котором ребенок испытывает постоянную нехватку внимания и любви, терпит издевательства, подвергается угрозам и иному эмоциональному насилию².

Четвертая категория — дети в возрасте от шести до четырнадцати лет. В этом возрасте ребенок чаще сталкивается с сексуализированным насилием. Согласно информации, собранной Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в 2021 г. количество преступлений в отношении детей увеличилось на 44 % в соотношении с 2010 г.³ При этом более 50 % преступлений совершаются знакомым ребенку лицом, каждое пятое — членами его семьи, 11 % от общего числа — законными представителями. В мае 2022 г. Следственный комитет Российской Федерации завершил расследование уголовного дела в отношении Михаила Хачатуряна, посмертно предъявив ему обвинение в истязании и действиях сексуального характера в отношении дочерей, а также незаконное изготовление и оборот порнографических материалов. Защищаясь от очередного насилия со стороны отца, дочери Хачатуряна нанесли ему несколько ударов, в результате чего тот скончался⁴.

¹ Обзор материалов СМИ от 24.11.2022 // URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/24/arestchel/> (дата обращения: 18.09.2023).

² Асанова Н.А. «Жестокое обращение с детьми». М. : влАдоС, 1997. С. 25–26.

³ Протокол заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 7 декабря 2022 г. № 4 // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/5aa955c1ffe036f78ff07d06d81bdbae/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Обзор материалов СМИ от 29.05.2022 // URL: https://wcons.net/novosti/rassledovanie-v-otnoshenii-mihaila-hachaturjana-zaversheno/?fbclid=IwAR3aza_X_GlallxczwzpnjeL-vUxZ6Ez2EHfUvUd9IRlwPY_QWaYuGHSBJ4 (дата обращения: 20.09.2023).

Все вышеперечисленные категории личностей несовершеннолетних находятся в непосредственной эмоциональной зависимости от собственных родителей. В силу этой причины для решения вопроса домашнего насилия необходимо установить контроль за социально-неблагополучными семьями, проводить регулярные проверки, а также заняться вопросом социальной поддержки семей, организовать общение родителям со специалистами-психологами. Однако социальная часть вопроса не решит окончательно проблему физического и сексуализированного насилия в семье. В данном случае действительно необходимо принять закон о семейно-бытовом насилии, определив размер наказания за преступные действия родственников в отношении несовершеннолетних.

Ортабаева А. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Взгляд на сексуальное насилие через призму криминальной виктимологии

Аннотация. в статье рассматриваются зарождение, развитие и основные теоритические положения традиционной и критической виктимологии, исследуются подходы различных ученых-виктимологов к рассмотрению проблемы сексуализированного насилия, а также изучается связь между теориями традиционной виктимологией и виктиблеймингом.

Ключевые слова: криминалистика, виктимология, виктимизация, обвинение жертвы, теория способствующей жертвы, половые преступления, преступник.

Виктимология — это наука, изучающая жертв преступных посягательств, связь преступника с жертвой, ее роль в механизме индивидуального преступного поведения, в этиологии преступности¹. Исследования в области криминальной виктимологии относятся также и к категории преступлений, связанных с насильственными действиями сексуального характера.

Современная криминалистическая виктимология подразделяется на несколько видов. Двумя основными являются критический и позитивистский виды этой науки.

Позитивистская виктимология, которую еще называют традиционной, постулируют необходимость рассматривать жертву в качестве субъекта, ответственного за процесс собственной виктимизации. Если изначально считалось,

¹ Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань : 2017. С. 62–65.

что преступник несет единоличную ответственность за преступление, то с течением времени изучению подверглась и роль жертвы в совершении преступного деяния: то, как жертвы способствуют собственной виктимизации и разделяют ли они какую-либо ответственность. Весь процесс объясняется в форме трех теорий:

1) теория образа жизни, утверждающая, что виктимизации способствует криминальный образ жизни определенных людей.

2) теория обычной деятельности, предполагающая, что виктимизация происходит из-за благоприятного сочетания повседневных факторов. К этим факторам относятся наличие уязвимой цели, преступника и отсутствие каких-либо средств защиты.

3) теория способствования жертв, выдвинутая американским криминологом М. Амиром в 1968 г. Он предположил, что в определенных сценариях жертвы сами ведут себя таким образом, что преступник провоцируется, переходя к нападению на жертву, то есть жертва приводит в движение собственную виктимизацию. В частности, исследователь предложил относить к «провокациям» употребление алкоголя, согласие сесть в машину незнакомого мужчины, согласие на ту или иную форму сексуального взаимодействия, а также недостаточно решительное сопротивление насильнику. Амир заключил, что «так или иначе, жертва всегда является причиной преступления»¹.

Выделяется активное и пассивное способствование. Пассивное способствование — это ситуация, при которой жертва сознательно не вступает в контакт с преступником, но может демонстрировать некоторые формы поведения, делающие ее более вероятной мишенью преступления. С другой стороны, активное способствование происходит, когда жертва ведет себя «провокационно» — это нападение, использование вульгарных выражений, или внешний вид, которые могут спровоцировать другого человека. Л. Сигел отметил, что большинство дел об изнасилованиях вынудили суды выносить оправдательные приговоры, потому что жертва могла действовать таким образом, который, казалось, предполагал, что она дает согласие на определенные действия. В этом случае у злоумышленника может сложиться впечатление, что, вызывая одеваясь, женщина на самом деле приглашает его вступить в половую связь, даже несмотря на то, что устного согласия на вступление в половую связь может и не быть². Последователи Амира считают, что предвзятое отношение к жертвам по-

¹ Amir M. Victim precipitation forcible rape // The Journal of Criminal Law, Criminology. 1967. V. 58 (4).

² Siegel L (2010) Criminology: Theories, Patterns, and Typologies (10th edn). Wadsworth Publishing Company, USA. 4 Petherick W. Victim Precipitation: Why we need to

прежнему полезно для понимания преступности и, на самом деле, может внести позитивный вклад в снижение преступности и виктимизации..4

Однако в XXI в. концепция способствующей жертвы стала подвергаться критике феминистическим движением, так как развитие этой теории, хотя и не делает ни одного преступника невиновным, но позволяет считать некоторых из этих людей менее виновными. Кажется, что теоретики виктимологии принимают точку зрения преступника, укрепляя сексистскую правовую практику. В качестве примера можно привести решение канадского суда по делу о насильственных действиях сексуального характера. Судья, председательствующий по делу, сделал вывод о том, что, хотя жертва и подверглась сексуальному насилию со стороны преступника, ответственность за принятие мер предосторожности во время употребления алкоголя в общественных местах по-прежнему лежит на жертве, чтобы гарантировать, что ей не грозит потенциальный вред¹.

В процессе развития теории способствующей жертвы стирается тонкая грань между попыткой рассмотреть факторы, способствующие виктимизации, и косвенным обвинением жертвы в совершившемся над ней насилии. Таким образом, данную теорию можно рассматривать как одну из форм виктиблейминга. Виктимблейминг определяется как процесс, в ходе которого на жертву несчастного случая или любого вида насилия возлагается полная или частичная ответственность за совершенное в отношении них правонарушение или произошедшее с ними несчастье². Обвинение жертв — проблема, существующая с древнейших времен и актуальная по сей день для большинства стран мира. Тотально распространен виктиблейминг и в России. Так, по данным ВЦИОМ за 2016 г. 44 % россиян считают, что женщина сама виновата в том, что подверглась сексуальной агрессии со стороны мужчины.

Критическая виктимология возникает как ответ виктимологии традиционной (позитивисткой). Она в качестве ведущих вопросов рассматривает проблемы сексуальных домогательств, домашнего насилия, жестокого обращения с детьми, патриархат и дискриминацию женщин. Этот вид виктимологии пытается понять в первую очередь крупномасштабную социальную среду, в которой происходит преступление вместо того, чтобы фокусироваться на отношениях жертвы и преступника. Критические виктимологи изучают то, как некоторые

Expand Upon the Theory // Forensic Research & Criminology International Journal. Int J, 2017. С. 262–264.

¹ Tripathi B. Victims precipitation theory, rape and the judicial trend: a study in feminist criminology // Law. 2014. № 6. С. 1–12.

² Лофиченко О. П., Колесник И. И. Виктимблейминг как социокультурное явление в современной России / О. П. Лофиченко, И. И. Колесник // Неделя науки СПбПУ. Гуманитарный институт : материалы научной конференции с международным участием. СПб. : Издательство Политехн. ун-та, 2018. 253 с.

группы (женщины, представители низшего класса и другиеязвимые категории людей) структурно подвергаются более высокому риску виктимизации, но при этом с наименьшей вероятностью признаются жертвами со стороны государства.

Спенсер и Уолкейт среди особенностей критической виктимологии выделяют одно, наиболее важное: критические виктимологи отходят от тенденции «обвинять жертву», присущей другим подходам. Они считают общество устроенным так, что определенные группы подвергаются более высокому риску, и отрицают влияние жертвы на преступное поведение. У бездомного, например, больше шансов стать жертвой, чем обеспеченных жильем людей. Они рассматривают структурные факторы, способствовавшие тому, что человек оказался в такой ситуации, и то, как они повышают шансы определенных групп стать жертвами¹.

В заключение следует отметить, что, хотя позитивистская виктимология и получила наибольшую известность в качестве «классической», многие ее положения (в частности, в отношении жертв сексуального и иного насилия) в XXI в. могут считаться устаревшими, неактуальными и даже вредными. В то же время следует уделить больше внимания критической виктимологии, практически не разрабатываемой в российской криминалистической науке.

Романова М. А.

СПбГУ

Студент

Виктимологические особенности организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Аннотация. В статье рассматриваются виктимологические особенности организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, соотношение виктимологических особенностей жертв деструктивных организаций и виктимологических особенностей суицидентов.

Ключевые слова: самоубийство, деструктивная секта, суицидальное поведение.

7 июня 2017 г. был подписан и обнародован Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», который внес изменения

¹ Spencer D. C., & Walklate, S. L. Reconceptualizing Critical Victimology: Interventions and Possibilities. Lanham MD USA: Lexington Books, 2016. 244 v.

в ст. 110 УК РФ, также появились статьи 110.1 (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) и 110.2 УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства). Могут предположить, что данные изменения — реакция на деяния, совершенные лидерами и адептами деструктивных организаций, а именно «групп смерти» в различных социальных сетях. На данный момент мы имеем возможность изучить приговор суда лидеру одной из таких организаций Филиппу Будейкину, однако в данной работе я хотела бы погрузиться в виктимологические особенности организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства с помощью изучения всемирно известных трагических примеров массовых суицидов в деструктивных сектах.

К примерам, приведенным в данной статье применимо понятие «институциональный суицид». Институциональный суицид связан с религиозными (секты, культы, обряды), политическими или магическими суждениями человека. Например, уйти из жизни, чтобы переродиться, обрести тайные знания.

В представленной работе будут использованы примеры манипуляций, используемых в некоторых деструктивных сектах, а именно в сектах:

Народный храм — секта, основателем которой являлся Джим Джонс. Была популярна благодаря своим ценностям (всеобщее равенство, забота об уязвимых категориях населения и т.д.), однако внутри секты не была такой благополучной, как казалось на первый взгляд. Именно в этой организации в 1978 г. произошло массовое самоубийство более 900 человек, известное как Трагедия в Джонстауне.

Орден солнечного храма — адепты данной организации верили, что спастись от скорого конца света возможно лишь путем самосожжения. В 1994 г. из сообщений западных телекомпаний стали известны факты 2 ритуальных самоубийств и 3 ритуальных убийств в «Ордене Храма Солнца» в 1993–1994 гг. А 5 октября 1994 г. в Швейцарии были найдены тела 48 членов секты: 25 — в двух сожженных коттеджах¹.

Хэвенс Гейт — последователи данной религиозной организации стремились перейти на новый уровень существования и верили, что достичь его можно с помощью самоубийства. В 1997 г. такие убеждения привели к массовому самоубийству 39 человек.

Для начала стоит разобраться, что именно подталкивает человека на вступление в подобные организации:

¹ Орден Храма Солнца // URL: https://azbyka.ru/otechnik/sekty/novye-religioznye-organizatsii-Rossii-destruktivnogo-i-okkultnogo-haraktera/2_31 (дата обращения: 21.09.2023).

И. А. Чеснокова в своей работе «Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность» выдвигает следующие факторы, играющие ключевую роль при вовлечении в секты: неблагоприятные социальные факторы; кризисная ситуация; влияние и сила группового давления; мастерство адептов, владеющих механизмами деструктивного воздействия на личность (контроль сознания, манипуляция, техники изменения состояния сознания и пр.); формирование внутри группы атмосферы, обеспечивающей иллюзию «постижения истины», «обретения счастья»; неразвитость навыков сопротивления манипулятивному давлению; повышенную конформность и пр.¹.

При внимательном рассмотрении данных факторов можно сделать вывод, что влиянию сект в тот или иной период жизни подвержен едва ли не каждый человек, однако, следуя теме данной работы, обратимся к мировосприятию лиц с высоким риском суицида:

1. Изоляция (чувство, что тебя никто не понимает, тобой никто не интересуется). Данное состояние усугубляется для членов деструктивной секты. Манипуляции, которые проводят лидеры данных сект приводят к потере внешних связей (связей с близкими людьми и родственниками), трудностям с построением коммуникации вне секты и непониманию окружающих. Так, например, в секте Ордена солнечного храма, участникам внушали мысль о том, что только они смогут спастись от неминуемого конца света, лишь они являются избранными, обладающими знаниями о пути спасения — самоубийстве. Данные утверждения, в которые искренне верили адепты Ордена, значительно отдаляли их от внешнего мира и затрудняли возможность нормального общения с людьми, не состоящими в данной организации.

2. Беспомощность (ощущение, что ты не можешь контролировать жизнь, все зависит не от тебя). В деструктивных сектах у адептов нет власти, они исполняют указания лидера, за их неисполнение или ненадлежащее исполнение подвергаются наказаниям, порой и физическим. Такая практика неминуемо подавляет волю и угнетает состояние человека. Благодаря воспоминаниям тех, кому удалось выйти из секты Джима Джонса (Народный храм), мы можем отследить то, как влиял на волю человека при помощи наказаний лидер данной организации. Элмер Мерتل в интервью журналистам рассказал следующее: «Первыми формами наказания были психологические, когда они (члены секты) вставали и полностью позорили, и унижали человека перед всем собранием. ...Затем Джим подходил, обнимал человека и говорил: «Я понимаю, что

¹ Чеснокова И. А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2005. С. 4.

ты через многое прошел, но это было ради благого дела. Отец любит тебя, и теперь ты более сильный человек. Теперь, когда ты прошел через это и стал дисциплинированным, я могу сильнее тебе доверять»¹.

3. Безднадежность (когда будущее не предвещает ничего хорошего). Секта Heaven's Gate, сайт с учением которой существует в открытом доступе в наше время, в основе своего учения использует утверждение о том, что необходимо подняться на более высокий уровень существования и достичь Царства небесного, что человеческая жизнь несовершенна. В 1997 г. лидер данной организации Маршалл Эпплайт пришел к выводу: достичь следующего уровня возможно лишь посредством совершения суицида. В марте 1997 г. он указал 38 своим последователям выпить смесь фенотарбиталя и водки. Они надеялись покинуть свою человеческую жизнь ради путешествия на космическом корабле.

4. Чувство собственной «незначимости» (уязвленное чувство собственного достоинства, низкая самооценка, переживание некомпетентности, стыд за себя).

Адепты деструктивных организаций зачастую отказываются от своего имущества в пользу секты, увольняются с места работы, разрывают связи с близкими. В том числе из-за этих действий последователи часто теряют уверенность в себе и в своих навыках. Обратимся к интервью участника секты Храм Народов, в котором он говорит следующее: «Снаружи у нас не было ничего, с чего можно было бы начать», «Мы отдали [церкви] все наши деньги. Мы отдали все наше имущество. Мы бросили свою работу»².

Таким образом, можно отследить тенденцию: деструктивные организации намеренно воздействовали на психику адептов так, чтобы они находились в подавленном состоянии и были готовы к совершению самоубийства, что и является организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важность рассмотрения данной темы, так как изучение суицида помогает понять его причины, факторы риска и предупредительные знаки, способствует развитию научных исследований в области психологии и психиатрии. Это позволяет разработать эффективные стратегии и программы по предотвращению суицидального поведения, улучшить

¹ «Inside Peoples Temple» by Marshall Kilduff and Phil Tracy // URL: https://web.archive.org/web/20101217063717/http://jonestown.sdsu.edu/AboutJonestown/PrimarySources/newWestart_text.htm (дата обращения: 20.09.2023).

² «Inside Peoples Temple» by Marshall Kilduff and Phil Tracy // URL: https://web.archive.org/web/20101217063717/http://jonestown.sdsu.edu/AboutJonestown/PrimarySources/newWestart_text.htm (дата обращения: 20.09.2023).

диагностику и лечение людей, страдающих от суицидальных мыслей и поведения, самое главное — спасти человеческие жизни.

Скиба В. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Отличительные черты жертв потенциально невменяемых лиц

Аннотация. Преступления, совершаемые лицами, имеющими нарушения в психической деятельности, не новы для криминологической науки. Пробелы в изучении жертв таких преступлений увеличивают виктимность людей, находящихся в ближайшем окружении лиц с психическими расстройствами.

Ключевые слова: психические расстройства, жертва, шизофрения, органическое расстройство личности.

Преступления, совершаемые лицами, имеющими определенные отклонения в их психической деятельности, не являются чем-либо новым для криминологической науки. Однако имеет место мнение, согласно которому такие лица всегда совершают общественно опасные действия, рандомно выбирая своих потенциальных или непосредственных жертв.

Для начала сто́ит обозначить исследуемую категорию субъектов. В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ лицом, во время совершения общественно опасного деяния находившимся в состоянии невменяемости, признается человек, который не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики¹. Таким образом, доктрина уголовного права выделяет юридический и медицинский (биологический) критерии, в совокупности образующие состояние невменяемости, из которых медицинский критерий определяет сущность происходящих изменений в умственной деятельности человека и дальнейшую направленность его действий, а юридический критерий характеризует практическую реализацию результатов искаженной заболеванием умственной активности. Так как для подтверждения медицинского критерия достаточно установить только факт наличия у лица определенного психического заболевания, а наличие юридического критерия в каждом отдельном случае подлежит доказыванию, в данной статье будут рассмотрены особенности, связанные именно с медицинским критерием, поскольку он

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

позволяет сделать некоторое обобщение по группам. Наиболее подробно будет рассмотрен аспект, связанный с выбором лицами, имеющими отклонения в умственной деятельности, создающие основания для сомнений в их вменяемости и назначения судебной экспертизы в порядке статей 195, 196 УПК РФ, жертв совершаемых ими деликтов.

При выборе лицом, имеющим одно из указанных в ч. 1 ст. 21 УК РФ психических расстройств, объекта его противоправных действий, значимую роль играет именно медицинский (биологический) критерий невменяемости, так как присутствует взаимосвязь между некоторыми проявлениями психических заболеваний и окружающими людьми. Невменяемые лица, совершившие общественно опасные действия, чаще всего страдали шизофренией (от 35 до 38,1 %), умственной отсталостью (от 32,9 до 34,4 %) и органическими заболеваниями, включая симптоматические психические расстройства, в том числе органические психозы и слабоумие (от 24,3 до 20,2 %) ¹. Для каждого из указанных заболеваний выявлены характерные черты, проявляющиеся и в противоправных действиях гражданина, например, для лиц, страдающих шизофренией, свойственны беспочвенные вспышки агрессии, сопровождающиеся насилием. Аналогичную симптоматику исследователи отмечают и у пациентов с эпилепсией ².

Кроме того, выявлена корреляция между конкретными видами психических расстройств и направленностями противоправных деяний, к которым люди с этими заболеваниями более склонны. В частности, среди лиц, совершивших убийства или причинивших умышленный тяжкий вред здоровью, наиболее крупную нозологическую группу составляют пациенты с шизофренией и лишь вслед за ними идут пациенты с органическими расстройствами и умственной отсталостью. В то же время корыстные преступления в первую очередь свойственны для людей с умственной отсталостью, далее уже с шизофренией и с органическими расстройствами. Среди лиц, совершивших общественно опасные деяния на сексуальной почве, наибольшая нозологическая группа — люди с органическими расстройствами ³.

Говоря о вероятности человека стать потенциальной или непосредственной жертвой, мы фактически говорим о виктимности такого лица, то есть о по-

¹ Антонян Ю. М. Общественно опасные действия невменяемых лиц как объект криминологического исследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 94.

² Бояринова А. О. Особенности расследования преступлений с психическими аномалиями // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). С. 1408.

³ Антонян Ю. М. Общественно опасные действия невменяемых лиц как объект криминологического исследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 94.

вышенной способности в силу ряда духовных и физических качеств при определенных обстоятельствах становиться мишенью для преступных посягательств¹. Если обратиться к виктимологическим характеристикам людей, находящихся в зоне риска стать жертвами лиц с психическими отклонениями, стоит отметить, что это достаточно специфическая группа. В первую очередь сюда можно отнести людей, становящихся объектом преступного посягательства из-за специфики своего положения (например, являются родственниками лица, совершающего преступное посягательство) или повышенного риска, связанного с их повседневной деятельностью (персонал, нанятый для присмотра за лицом с психическими отклонениями в домашних условиях, или же сотрудники медицинских учреждений). Кроме того, мы имеем дело как с потенциальными, так и с эвентуальными жертвами², поскольку при различных обстоятельствах потерпевшим может стать абсолютно любой человек в зависимости от изменений, происходящих в умственной деятельности преступника. Аналогично и с вариативностью представленных предкриминальных ситуаций. При этом невозможно отрицать влияние на создание таких криминогенных ситуаций наличия психологии жертвы у потерпевшего, так как лицо с психическими отклонениями, совершающее противоправное деяние, может сохранять способность идентифицировать более психологически слабых по сравнению с ним людей. Помимо всего вышеперечисленного стоит упомянуть о свойстве человеческой психики воспринимать обременяющую ситуацию как раздражитель, ввиду чего нередко родственники, которые заботятся о лицах с психическими расстройствами, приобретают дополнительные агрессивность, раздражительность, несдержанность или вспыльчивость по отношению к данному объекту своих действий, что также увеличивает их предрасположенность стать жертвой преступления в силу личностных субъективных качеств³.

Так как мы уже выяснили, что для различных заболеваний свойственны свои общественно опасные противоправные деяния, имеет смысл разобрать характерные особенности при выборе жертв для каждой группы преступников с психическими отклонениями.

При исследовании деликтов лиц, страдающих шизофренией, было выявлено, что агрессия была направлена в первую очередь против знакомых людей (соседей) — 33,7 %, родителей — 25,5 %, супругов — 16,6 %, братьев и сестер — 7,9 % случаев, детей и иных родственников больных — 10 %. В свою очередь, незнакомые люди подвергались преступным посягательствам лишь в

¹ Криминология : учебник / И. М. Мацкевич. изд. 1-е, М. : Проспект, 2023. С. 113.

² Там же.

³ Криминология : учебник / И. М. Мацкевич. изд. 1-е, М. : Проспект, 2023. С. 116.

6,3 % случаев¹. При этом в сфере домашнего насилия около трети всех противоправных общественно опасных деяний, совершаемых лицами с психическими расстройствами, приходится на долю пациентов с шизофренией². Интересно, что именно этой группе наиболее свойственно направлять агрессию на кровных родственников (родителей).

Если обратиться к данным, касающимся лиц с умственной отсталостью, то можно отметить меньшее количество приходящихся на их долю деликтов, связанных с домашним насилием, — их не более 10 %. Так как умственная отсталость в большинстве случаев проявляется еще в детском возрасте, агрессия, направляемая как несовершеннолетними, так впоследствии и взрослыми людьми, связана в первую очередь с виктимностью самих этих лиц в школьной среде и обществе. В связи с этим фактором жертвами общественно опасного поведения, направленного на причинение вреда здоровью в первую очередь становятся люди, сами сознательно или бессознательно провоцирующие конфликтную или криминогенную ситуацию посредством проявления различных форм агрессии по отношению к человеку с умственной отсталостью. В области корыстных преступлений превалирует спонтанный характер выбора жертвы.

Для органических психических расстройств характерен наиболее высокий уровень домашнего насилия, жертвами которого становятся члены семьи пациентов. При этом, в отличие от лиц с диагностированной шизофренией, для этой группы свойственна агрессия в сторону жен или сожительниц³. Также присутствует тенденция направления преступных посягательств на конкретных людей в зависимости от разновидности бреда, которым страдают пациенты. Так, для людей с формами бреда преследования было выявлено, что при бреде отношений преступные посягательства направляются на отцов и братьев, при бреде колдовства — на матерей или жен, бреде ревности — на жен и их мнимых любовников. При галлюцинаторных механизмах агрессия более свойственна в сторону родителей пациента, при пароксизмальных — в отношении взрослых детей и т.д.⁴

Подводя итог всему вышесказанному, сто́ит отметить, что вопреки распространенным суждениям о рандомности выбора своих жертв лицами с психиче-

¹ Голенков А. В. Клинико-социальные особенности больных шизофренией, совершивших общественно опасные деликты против жизни и здоровья // Российский психиатрический журнал. 2015. № 5. С. 20.

² Голенков А. В., Сергеев М. П. Домашнее насилие психически больных // Вестник ЧГУ. 2006. № 2. С. 2.

³ Голенков А. В., Сергеев М. П. Домашнее насилие психически больных // Вестник ЧГУ. 2006. № 2. С. 2.

⁴ Там же.

скими заболеваниями, можно выделить ряд вполне определенных виктимологических тенденций. В частности, при рассмотрении групп пациентов с диагностированными шизофренией или органическим психическим расстройством мы видим преимущественно ролевых жертв, которые не обязательно будут виновными в совершенном в отношении них преступном посягательстве. Напротив, в случае лиц с выявленной умственной отсталостью меньше вероятность возникновения безвинных ролевых жертв и больше значение потерпевших, имеющих открытую или скрытую роль в совершенном преступном посягательстве. Таким образом, как минимум для трех наиболее распространенных групп психических отклонений можно выявить характерные особенности в выборе жертв преступных посягательств или же оконченных преступлений.

Таймасханов Р. Т.
СКИ ВГУЮ РПА Минюста
Студент

Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет

Аннотация. Виктимологические способы защиты детей от преступлений в сети Интернет с каждым годом приобретают всё большую важность, которая обусловлена активным развитием технологий и разрастанием рисков совершения подобного рода уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: виктимность, несовершеннолетние, информационно-телекоммуникационные технологии, защита подростков, криминология, профилактика преступлений, дети в Интернете.

На сегодняшний день насилие в отношении детей в Интернете является относительно новым видом преступления, ставящим под угрозу их половую неприкосновенность. В преступления такого рода в сети Интернет входят различные виды активностей, включая детскую порнографию, онлайн-педофилию, сексуальное домогательство, запугивание и шантаж. Данная проблематика требует серьезного рассмотрения в современном обществе, где дети всё чаще проводят свое время в Интернете. Важно отметить, что онлайн-педофилия — это форма сексуального домогательства или контакта с детьми посредством Интернета. Это может включать обмен интимными сообщениями, фотографиями или видео, способными в дальнейшем навредить жертве, повлиять на ее репутацию и даже попытки привлечь детей к встрече в реальной жизни. Следует подчеркнуть, что данные действия являются преступлениями, по совершении которых виновные могут быть привлечены к уголовной ответственности.

В данном контексте, виктимность имеет несколько аспектов. Во-первых, социально-психологические особенности несовершеннолетних жертв, которые характеризуются доверчивостью, отсутствием полноценного критического мышления и способности к физическому сопротивлению преступнику. Во-вторых, привлекательность и популярность виртуального общения в Интернете среди детей и подростков, что часто приводит к пополнению их круга виртуальных друзей в социальных сетях, становясь источником опасности. В-третьих, анонимность виртуального общения, которая затрудняет распознавание личности и намерений собеседника¹.

Для эффективной виктимологической профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет, необходимо предпринять ряд мероприятий, направленных на защиту детей от сексуальной эксплуатации и предотвращение их становления жертвами таких преступлений.

Одним из эффективных подходов является повышение информационно-телекоммуникационной компетентности родителей (опекунов/попечителей). В настоящее время не каждый взрослый понимает, где скрываются опасности и как защитить своих детей от потенциальных преступников против половой неприкосновенности. Поэтому нельзя ожидать, что родители смогут самостоятельно обеспечить безопасность своих детей.

Выдвигается предложение разработать справочно-методические пособия и сокращенную образовательную программу для родителей обязательного (при наличии работы) и добровольного прохождения, в специальных учреждениях (при отсутствии работы). Данная возможность предоставляется бесплатно и регулируется государством через специальные территориальные центры.

Как альтернативное решение данной проблемы, предлагается разработать специальные приложения, позволяющие отслеживать действия детей в онлайн-пространстве и автоматически выявлять вредоносных пользователей и/или приложения, способствующие разрушению психического состояния подростков. Сегодня существуют множество приложений, доступных для скачивания, однако они выпущены частными компаниями, имеющими коммерческий интерес. В свою очередь, предлагается создать бесплатное приложение, доступное для пользователей в Российской Федерации, которое обеспечит надлежащий контроль над безопасностью детей в сети. Можно представить его в формате, аналогичном сервису «Госуслуги», но с более удобным интерфейсом и управлением.

¹ Смирнов А. А. Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет : автореф. дис. ... канд. ФГКУ «ВНИИ МВД России».

Необходимо разработать целенаправленную программу, ориентированную на различные возрастные группы детей. Эта программа должна объяснять правила безопасного поведения в Интернете в ситуациях, связанных с риском сексуального насилия.

Главной целью профилактической работы должна стать помощь социально уязвимым слоям общества. Потому что социальное неравенство является источником многих проблем, включая сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, необходимо укрепить роль полиции и правоохранительных органов в обнаружении и пресечении сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в Интернете. Должны также создаваться общественные инициативы, направленные на борьбу с данным негативным явлением.

Особое внимание следует уделить обучению школьников в этом вопросе, объяснять и разъяснять им правила безопасного использования сети и последствия нарушения этих правил. Уроки информатики должны включать, помимо навыков программирования и использования цифровых ресурсов, также обучение безопасному пользованию информационно-телекоммуникационными системами. Один из потенциальных путей — это расширение досуговых возможностей детей, которые не связаны с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Подросткам должны быть доступны другие сферы активности, такие как спорт, искусство, общение и т.д.

Итак, следует отметить сложность и многоаспектность изучаемой темы. Профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет является масштабной и массовой деятельностью, требующей особого внимания и инициативы.

Тихомирова А. Э., Койпиш В. Д.
ВГУЮ (РПА Минюста России)
Студент

Виктимологические особенности преступлений

Аннотация. Каждый раз, когда обсуждается очередной инцидент насилия над девушками, находятся люди, объясняющие это тем, что девушка виновата сама. Не нужно было провокационно наряжаться, заходить в дом мужчины или слишком смело себя вести. Зачастую подобные комментаторы указывают на специальную науку, объясняющую как не быть жертвой правонарушения — Виктимологию. Раз уж была разработана специальная наука, в таком случае без сомнений в происшествии есть доля вины самой жертвы. Невозможно убедить насильника не совершать насилия, однако легко и просто можно сделать так, чтобы он не обратил на вас никакого внимания. Поначалу, всё вышесказанное звучит вполне логично, так

как если есть наука, исследующая поведение жертв, то должны быть и характерные черты данного поведения, притягивающее преступника. Однако нужно изучить виктимологию лучше, и становится более чем ясно, что такая трактовка в корне не верна. В статье мы разберемся, что такое Виктимология и почему она не занимается расчетом подходящей длины юбки или платья во время прогулки по улице для дам.

Ключевые слова: наука, виктимология, жертва.

Понятие Виктимология вступило в научно-правовой обиход только после окончания Второй Мировой войны. Формирование данной науки связано с именами известных специалистов в области криминальной психологии — Гансом фон Гентигом и Бенджамином Мендельсоном. Именно они первыми определили и начали развивать базовые положения виктимологии. Сам термин Виктимология дословно обозначает «учение о жертве» от латинского слова «victima», которое означает жертва и древнегреческого слова «logos» — учение.

Виктимология — направление науки, исследующее причины появления жертв, особенности их поведения, прогнозирование вероятности становления жертвой, профилактика защищенности возможных потерпевших.

Виктимология является частью криминологии и соответственно, развивается в ее рамках. Однако на сегодняшний день виктимология приобрела видимое развитие по всему миру, а также скопила достаточный научный и практический материал. По этой причине можно считать, что всемирная виктимология — вполне самостоятельная общественная наука и за пределами криминологии. Леф Вульфович Франк, являющийся «отцом» и основателем виктимологии в России, считает, что она остается важной вплоть до тех пор, пока в мире не прекратится преступность.

Как мы уже поняли, центральным понятием в науке Виктимология является латинское слово *victima*, означающее «жертва». Но несмотря на то, что жертва, безусловно, считается предметом изучения данного научного направления в криминологии, главным элементом ее предмета считается виктимность.

Виктимность — это свойственная любому человеку возможная способность лица в силу своих физических или психологических качеств становиться в определенной ситуации жертвой правонарушения. Говоря простым языком, виктимность — склонность стать жертвой преступления. Люди, находящиеся в риске быть потерпевшим, могут вести себя по-разному: могут быть враждебно настроены, проявлять непонимание, их действия могут быть неправомерными, но при этом вклад в механизм — минимальным.

Отталкиваясь от этого, можно выделить 5 типов жертв исходя из их социальных ролей:

1. Агрессивные жертвы — данную группу составляют личности, умышленно создающие конфликты, путем нападения на причинителя вреда, оскорблении, угрозе и т.п. Такой тип людей нередко называют агрессивными провокаторами, так как они своими действиями подталкивают насильника на еще большее преступление.

2. Активные жертвы — лица, сами причиняющие себе вред или убеждающие других людей причинить его. К этой группе можно отнести таких людей, как сознательные/несознательные подстрекатели.

3. Инициативные жертвы — люди с положительной индивидуальной установкой, которые стараются устранить общественно опасную проблему, но при этом получающие ущерб. К такому типу жертв можно отнести сотрудников органов внутренних дел, воины, ОМОН и т.п.)

4. Некритичные жертвы — люди неосторожные, не способные грамотно дать оценку обстановке, по этой причине наносится ущерб или же вред.

5. Нейтральные или Пассивные жертвы — как понятно из названия, данный тип людей — полная противоположность Активных жертв. Пассивные жертвы не оказывающие противодействия правонарушителю.

Стоит отметить, что предрасположенность стать жертвой проявляется не у каждого человека. Она обуславливается индивидуальными особенностями как психики, так и поведения. Так, например, по мнению Франка Льва Вульфовича, **индивидуальная виктимность** — это неспособность избежать опасности в силу своих личностных психологических качеств. То есть у каждого есть заложенные с детства или приобретенные под давлением общества черты, позволяющие преступникам определять их носителей как легкую мишень и наоборот.

По итогам исследования, проведенного Бетти Грейсон и Моррис Стейн в тюремной колонии Нью-Йорка, удалось выяснить несколько пунктов, на которые обращают внимание большинство заключенных по разным тяжким преступлениям (включая изнасилования, убийства и кражи). Первым, наиболее ярким знаком выбора жертвы, стал шаг: если человек неуверенно и медленно идет, буквально волоча за собой ноги, то у него больше шансов стать потерпевшим, нежели у человека с уверенной походкой. Но и здесь есть исключение, из которого вытекает второй признак — скорость. Если человек идет слишком быстро, то это может стать показателем излишней нервозности и страха, что тоже привлекает огромное количество преступников, так что в выборе скорости нужно сохранять «золотую середину». Третьим признаком стала плавность движений — это скорее относится к людям с инвалидностью или травмами ног. Неловкость и хромота делают человека визуально беспомощнее, чем и могут воспользоваться. Четвертой причиной выступают осанка и взгляд: неуклюжая сутулившаяся спина с глазами в пол автоматически читается как совокупность

неуверенности, застенчивости и робости — такие люди на психологическом уровне будут рассматриваться податливее и уступчивее.

Сама по себе виктимность не подразумевает только индивидуальную; когда мы раскрываем ее понятие, то должны учитывать еще и **массовую виктимность**, то есть предрасположенность уже группы людей стать жертвой преступления. Так, например, люди определенных профессий могут быть в большем риске стать жертвой, нежели другие (например, у полицейского шансы подвергнуться нападению значительно выше, чем у строителя) — такой подвид массовой виктимности называется **групповым** (или ролевым). Некоторые специалисты также выделяют **видовую виктимность**, которая подразумевает под собой наличие у группы людей одних и тех же признаков для совершения над ними одного и того же преступления. Например, один вор будет красть только у пенсионеров в силу их неосторожности, медленности, плохой усидчивости.

Однако не стоит сразу считать себя жертвой потенциального преступника, если обладаете одним из признаков, перечисленных выше. В наше время существует две группы мероприятий профилактики виктимности. В первую входит совокупность мер, которые предупреждают людей о возможной угрозе: беседы с инвалидами, старшим и младшим поколениями; работа СМИ, включающая информацию о повадках преступника и поведении человека, который может оказаться на месте жертвы; мероприятия по освещению улиц; расклеивания памяток с предостережениями и т.д. Во вторую группу мер профилактики виктимности входят непосредственно сами средства самообороны: электрошоеры, перцовые баллончики, определенные виды огнестрельного оружия. Будучи проинформированными и оснащенными всем тем, что может уберечь нас от нападения злоумышленника, мы сможем остаться невредимыми, несмотря на какие-то индивидуальные признаки жертвы.

Так кто же виноват в ситуации с насилием над девушкой? Ее внешний вид и поведение или сам преступник? Если вы решите поразмышлять над этим, то вам стоит вспомнить статью 23 Основного закона нашей страны и хорошенько ее изучить. Любой гражданин, будь то женщина или мужчина вправе везде чувствовать себя свободно и безопасно. Виктимность ни в коем случае не оправдывает преступника, она изучает пострадавших от рук злоумышленника для дальнейшей профилактики и создания мер, которые помогут каждому уберечь себя от опасности. Поэтому так важно изучать эту науку.

Шатковская Е. П.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Виктимологическое влияние на нормативно-правовую систему античных государств

Аннотация. В статье анализируются высказывания древнегреческих философов и древнегреческой мифологии с точки зрения виктимологии их влияние на становление римского права, рассматривается радикальное понимание справедливости людей того времени, а также парадокс, который можно наблюдать во влиянии права на общество и развитие государства.

Ключевые слова: Виктимология, Античность, античные философы, Древняя Греция, Древний Рим, римское право

Чтобы разобраться во влиянии виктимологических идей античных философов необходимо сначала уяснить, что подразумевает под собой это понятие. Виктимология в современности часто используется в криминологии, уголовном процессе, психологии и т.д. Дословно с древнегреческого является наукой о жертве. То есть изучает особенности поведения жертвы преступления с точки зрения притяжения криминогенной ситуации или провокации преступника. Примером подобного поведения в современном обществе может служить асоциальное, грубое поведение.

Виктимологические идеи появились еще в Древней Греции, например, в мифе о Царе Эдипе. Также часто они встречались в высказываниях и трудах древнегреческих философов таких, как Солон, который говорил, что «нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело», Анаксимандр — «И невиновным есть, в чем раскаяться», «Если человек причинил тебе небольшой ущерб, не плати ему большим злом». Платон в своем труде «Государство» высказывался на эту тему подобным образом: «В своих бедах люди склонны винить судьбу, богов и все, что угодно, но только не самих себя», Аврелий Августин — «Люди испытывают страдания ровно настолько, насколько поддаются им».

Данные высказывания отражают понимание справедливости у людей того времени, а также заключают в себе виктимологическую идею, например, «смерть за смерть» или «жестокое наказание за причиненный вред».

Стоит сказать, что мифы тоже имели влияние на идеи философов, которые все в совокупности повлияли на формирование основных правовых норм Древней Греции. Эти нормы впоследствии были переняты и развиты древними римлянами. Самым известным законом Древнего Рима является Закон 12 таблиц, на который также повлияли идеи философов. В частности, 8 и

9 главы Закона 12 таблиц, закрепляющие следующие положения, являются яркими проявлениями виктимологических идей: гл. 8 п. 2 «Если причинит членовредительство и не помирится с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое», п. 12 «Если совершивший в ночное время кражу убит на месте, то пусть убийство его будет считаться правомерным».

Можно заметить, насколько сильно виктимологическая философская мысль проникла в нормативно-правовую систему Древнего Рима. Безусловно, это воздействует на мировоззрение людей, так, например, многие люди могут перестать считать себя жертвой своих несчастий, а также понять, что их поведение может привести к виктимогенной ситуации. Это воздействие приводит к редуцированию частотности оных, следовательно, и к снижению преступности. Это способствует стабильному развитию и функционированию государства и общества, оказывает очень значимое влияние на все сферы общественной жизни, в том числе на социальную сферу путем снижения уровня социальной напряженности, на науку, на экономику и т.д. Однако с точки зрения виктимологии наблюдается парадокс, заключающийся в том, что правовые нормы, включающие в себя виктимологические идеи, редуцируют уровень виктимогенных ситуаций и виктимогенных личностей, но в то же время за счет их юридического закрепления не дает им сократиться ниже определенного уровня, а значит, противодействует стабильности.

Таким образом, подытожив все вышесказанное, можно прийти к выводу: направление философской мысли, заключающее в себе виктимологическую идею, сильно повлияло не только мировоззрение людей, но и на нормативно-правовую систему таких античных государств, как Древний Рим и Древняя Греция. Это влияние повлекло за собой как положительные последствия, к которым можно отнести изменение мировоззрения людей в лучшую сторону, так и отрицательные, то есть невозможность окончательного редуцирования виктимогенных ситуаций ввиду их юридического закрепления в законе. Из этого вытекает невозможность сведения преступности в государстве к самому минимуму, что позитивно повлияло бы на дальнейшее развитие государства и общества. Так можно вывести предположение, заключающее в себе идею разрешения вышеописанного парадокса, а именно, возможно, нормативно-правовая система античных государств нуждалась в изменении санкции, которая по большей части предписывала смертную казнь преступнику даже за правонарушения, считающиеся в современном обществе проступками, на менее тяжкую меру ответственности. Это могло бы способствовать еще более активному развитию античных государств, при котором они могли бы стать еще более значимым этапом в истории развития цивилизации.

XXV. ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Баландин М. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Рост преступности в Российской Федерации на фоне проведения специальной военной операции: риски и методы противодействия

Аннотация. Вооруженное боестолкновение — это серьезная проблема для любого общества или нации. Выполнение вооруженными силами Российской Федерации поставленных перед ними задач влечет за собой трагичные и не всегда очевидные последствия. Среди них можно назвать возникновение различных «военных синдромов» и последующий рост преступности.

Ключевые слова. Посттравматическое стрессовое расстройство, «Военный синдром», «Афгано-чеченский синдром», «Украинский синдром», помилование.

В 2022–2023 гг. Российская Федерация столкнулась с рядом масштабных внешнеполитических и внутригосударственных вызовов. Одним из ответов на данные вызовы, и вместе с тем катализатором новых стало проведение специальной военной операции (далее — спецоперации) на территории Украины, Донецкой и Луганской народных республик.

В проведении спецоперации задействованы военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящие службу по контракту, а также военнослужащие, мобилизованные в ходе частичной мобилизации сентября 2022 г.¹ По объективным причинам численность контингентов, задействованных в ходе проведения спецоперации Министерством обороны не разглашается. Однако учитывая масштаб и значимость происходящих событий, можно предположить, что в военных действиях так или иначе участвует довольно значительное количество военнослужащих. В частности, министр обороны Сергей Шойгу в эфире телеканала «Россия 24» заявил, что в ходе частичной мобилизации «будут призваны в общей сложности 300 тысяч резервистов»².

К сожалению, любое вооруженное столкновение является деструктивным явлением и в конечном итоге крайне негативно влияет на общество. Одним из последствий является рост преступности внутри государства. К этому могут приводить следующие факторы: во-первых, прохождение участников боевых

¹ Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6590.

² URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16189289>.

действий через опыт насилия в условиях экстремального стресса и появление так называемых «военных синдромов»; во-вторых, участие в вооруженных конфликтах лиц, ранее совершивших преступления и увеличение на этом фоне риска рецидива; в-третьих, распространение незаконного оборота оружия, взрывчатых веществ.

«Опыт стран, столкнувшихся с явлениями, возникающими после возвращения людей с войны, показал, что участие в событиях, связанных с риском для жизни, травматическим образом действует на психическое здоровье и состояние участников боевых действий»¹. Согласно проведенным в этой области исследованиям, наиболее частыми «проблемами бывших солдат являются подозрительность (75,5 %), агрессивность (58,5 %), страх (57 %) и демонстративность поведения (50 %). К их поведенческим особенностям относятся конфликтность в семье, с родственниками, коллегами по работе, вспышки гнева, злоупотребление алкоголем и наркотиками»². Данные симптомы характерны для посттравматического стрессового синдрома (ПТСР).

К сожалению, нашей стране уже приходилось сталкиваться с волнами распространения ПТСР на фоне ведения боевых действий в Афганистане (1979–1989) и проведения контртеррористических операций в Чеченской Республике (1994–1996). Такие волны даже получили свое специфическое название: «военный синдром», или «афгано-чеченский синдром». Согласно данным социологических исследований, «приблизительно 70 % военнослужащих, участвовавших в военных действиях на территории Чеченской Республики, выражают посттравматический синдром, при этом у 30 % данный синдром сформулирован наглядно»³.

«Психическая травма, психологический шок и их последствия — вот что будет определять жизненный настрой выживших в военных конфликтах»⁴. По-

¹ Сенявская Е. В. Войны XX столетия: социальная роль, идеология, психология комбатантов и посттравматический синдром // История. 1999. № 43. URL: <http://archive.1september.ru/his/1999/his43.htm>.

² Шлыков В. И. Постстрессовые состояния с позиции теории интегральной индивидуальности. URL: <http://www.degacon.ru/~pmt/konf/konf97.htm>.

³ Иванов А. Л. Современные технологии социальной и медико-психологической реабилитации военнослужащих, получивших тяжелые ранения и увечья в Чеченской Республике, в условиях Всеармейского реабилитационного центра // Материалы Всероссийского съезда практических психологов образования 24–30 июня 2003 г. М. : Управление учебных заведений Минздравмедпрома России, 2003.

⁴ Рукомойникова А. Н., Сухарева И. В. Социальная работа с участниками локальных боевых действий // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2018. № 1 (89).

этому, к сожалению, на фоне ПТСР у бывших военнослужащих сильно возрастают риски совершения преступлений, в особенности против жизни и здоровья, собственности, против общественной безопасности и общественного порядка, против здоровья населения и общественной нравственности. В условиях проведения спецоперации, к сожалению, есть риск появления нового, «украинского синдрома», который приведет также и к росту преступности.

Следующим фактором, который может спровоцировать рост преступности может стать участие в спецоперации бывших заключенных, помилованных Указом Президента РФ для выполнения ими долга перед Родиной. Данный фактор сложно отследить по нормативным актам, однако можно также обратиться к заявлениям официальных спикеров и высших должностных лиц в СМИ. В частности, согласно материалам ТАСС, Президент Владимир Владимирович Путин подтвердил участие в спецоперации помилованных заключенных¹. Кроме того, ТАСС приводит слова пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова: «Действительно, могу подтвердить, что вся процедура помилования в отношении заключенных осуществляется в строгом соответствии с российским законодательством»².

Вполне вероятно, что для выполнения боевых задач участие помилованных заключенных является целесообразным. Как отметил Президент, «человек воюет, честь ему и хвала, государство должно все сделать для того, чтобы выполнить свои обязательства перед людьми, и мы делаем это»³. Однако логично сделать предположение, что вероятность совершения рецидива лицом, осужденным за совершение преступления, а после этого прошедшего через травмирующий военный опыт сильно возрастает.

Третьим фактором, который свидетельствует о уже имеющимся и потенциальном росте преступности на фоне проведения спецоперации — это рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия или совершенных с использованием оружия. Рост таких преступлений связан, во-первых, с тем что в любом конфликте находятся недобросовестные военнослужащие, могущие выпустить штатное оружие в оборот, и во-вторых с приобретением большим количеством граждан навыка обращения со стрелковым оружием, взрывчатыми веществами и т.п.

Данный тезис можно подтвердить статистикой Министерства Внутренних дел. С 2021 по 2023 г. по этим данным наблюдается снижение зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, что говорит о высоком уровне работы органов внутренних дел. Однако можно отметить и

¹ URL: <https://tass.ru/politika/17998679>.

² URL: <https://tass.ru/obschestvo/16900187>.

³ URL: <https://tass.ru/politika/17998679>.

негативные тенденции. Согласно статистическим материалам, в 2021 г. было зарегистрировано 4 699 преступлений, совершенных с использованием оружия. В 2022 г. их было совершено уже 6222. Необходимо также обратить внимание на темпы прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием оружия. В г. Санкт-Петербурге, он составил 82,8 %, в Псковской области — 100,0 %, в городе Москве 276,2. Для сравнения, в 2021 г. в Москве прирост был всего лишь 49,7 %.

Необходимо отметить, что в 2022 г. во многих регионах наблюдалось снижение уровня указанных типов преступлений. Однако сильный рост подобных преступлений в упомянутых регионах логически можно связать с ведением военных действий.

Все указанные причины — это социальные последствия прохождения большого количества людей через опыт военных действий. На данный момент страта людей с подобным опытом будет только увеличиваться. Для того чтобы обществу справиться с указанными проблемами, важно относиться к ветеранам боевых действий не как к потенциальным преступникам, а как к жертвам не зависящих от них трагических обстоятельств, которые нуждаются в помощи и поддержке. Эта помощь должна комплексно оказываться государством при максимально возможном содействии гражданского общества.

В качестве возможных правовых и общественно-политических мер можно предложить следующие. Во-первых, создание государственных и частных программ по реабилитации для участников специальной военной операции. Во-вторых, пропаганда среди населения, и в частности, среди ветеранов боевых действий, обращения за психологической помощью к специалистам. На сегодняшний момент существует множество стереотипов о психологической помощи, особенно среди военнослужащих, которые затрудняют их социальную реабилитацию и адаптацию после военных действий. В-третьих, введение в уголовный закон норм, исключающих повторную возможность для лиц, совершающих рецидив, быть помилованными в связи с участием в спецоперации, дабы усилить действие принципа неотвратимости наказания. И наконец, усилить контроль и надзор за оборотом оружия, проводить профилактические меры с целью предотвращения совершения преступлений с использованием оружия.

Специальная военная операция — это событие исторического масштаба, которое оказывает комплексное влияние на все сферы жизни общества. К сожалению, это влияние может выражаться в негативных аспектах, таких как рост преступлений. Однако комплексная работа органов власти и общество над данной проблемой позволит снизить влияние негативных факторов.

Будкин К. А., Хмелевский Э. С.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Курсанты

К вопросу о социально-правовых предпосылках и последствиях коррупционных преступлений

Аннотация. Коррупционные преступления — это противоправные действия, связанные с злоупотреблением должностным положением или властью, с целью получения незаконных благ. Такие преступления включают в себя взяточничество, отдельные случаи мошенничества, подделки документов, растрату государственных средств и другие виды противоправных действий, которые так или иначе связаны с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, уголовная ответственность, преступление, власть, общество.

Коррупция является серьезной проблемой, которая оказывает негативное влияние на различные сферы общества. Она приводит к искажению законодательства и судебной системы, нарушению принципов равенства и справедливости, ухудшению условий жизни граждан, ограничению экономического развития и инвестиций.

Борьба с коррупцией является одной из главных задач государства и международного сообщества. Для этого принимаются различные меры, такие как создание специализированных антикоррупционных органов, разработка и реализация антикоррупционных программ и стратегий, ужесточение наказания за коррупционные преступления, повышение прозрачности и открытости государственных процессов.

Коррупция как негативное явление существует уже много веков и ее истоки могут быть обнаружены в различных временных периодах и культурах. Однако точное время возникновения коррупции как явления, конечно, неизвестно. Вероятно, коррупция начала формироваться с появлением первых форм организованного общества и установления власти. Как известно, первые государства сформировались в 4 тысячелетии до н. э. на Древнем Востоке.

Одно из первых упоминаний о взяточничестве можно встретить в 5 статье законов Хаммурапи (6 царя Вавилона): «Если судья разобрал дело, вынес решение и изготовил документ с печатью, а затем решение свое изменил, то этого судью следует изобличить в изменении решения, которое он постановил, и исковую сумму имевшуюся в этом деле, он должен уплатить в двенадцатикратном

размере; кроме того, в собрании его должны согнать с судейского кресла, и он не должен возвращаться и заседать вместе с судьями в суде»¹.

Коррупция является перманентной проблемой, которая существует уже на протяжении долгого времени. Ранние цивилизации также были подвержены коррупции и многие из них сталкивались с серьезными последствиями из-за этого. В некоторых власть находилась в руках небольшой элиты, которая могла злоупотреблять своим положением и использовать ее для собственных материальных приобретений. Это создавало неравенство и несправедливость в обществе и ухудшало его процесс функционирования. Например, в Древнем Риме коррупция была устойчивым явлением.

Римская империя страдала от распространения коррупции на всех уровнях правительства — от самых высокопоставленных чиновников до обычных муниципальных служащих. Часто они получали взятки и злоупотребляли своим положением для получения личных выгод.

Другой пример — Древний Египет. В этой цивилизации также были заметны проблемы с коррупцией. Здесь правители имели огромную власть, и некоторые из них использовали ее также для личной наживы. Например, некоторые фараоны прилагали свою статусность для приобретения больших ресурсов, в том числе земли, для себя и своей семьи, игнорируя интересы народа.

Коррупция в ранних цивилизациях имела серьезные социальные и экономические последствия. Она способствовала неравенству, разрушению доверия в обществе и обесцениванию государственных институций. Коррупция также подрывала экономический рост и развитие, так как она могла привести к недостаточному и несправедливому распределению ресурсов, а также к высоким издержкам для предпринимательской инициативы.

Однако, несмотря на ограничения и негативные последствия, ранние цивилизации также стремились бороться с этим антисоциальным явлением и создавать институты, направленные на предотвращение этого общественного «зла». Отдельные руководители государств вводили законы и принимали меры по обеспечению прозрачности в деятельности правительственных структур. В качестве примера можно вспомнить сингапурского государственного деятеля Ли Куан Ю, который установил важные принципы, позволяющие сократить уровень коррупции в Государстве. К ним можно отнести: 1) обязательную ротацию чиновников, 2) независимый контроль государственных служащих на всех

¹ URL: http://www.академия-об-зор.рф/sites/default/files/hammurapi_svod_zakonov_hammurapi_backup.pdf (дата обращения: 19.08.2023).

должностях, 3) внеплановые проверки и инспекции, 4) полную поддержку независимых СМИ¹.

Таким образом, коррупция является исторически определенной проблемой, которая существует на протяжении всей человеческой истории, включая ранние цивилизации. Она оказывает, несомненно, отрицательное влияние на развитие общества и нарушает принципы честности и справедливости.

Обратим внимание на то, что коррупция чаще всего наносит вред экономическим отношениям. Эти потери по степени влияния на финансовую состоятельность государства можно разделить на две категории: прямые и косвенные. Прямые — это недостаточность поступлений в бюджет по причинам осуществления коррупционной деятельности и последующее неэффективное расходование бюджетных средств в силу того же обстоятельства. Косвенные потери — это общее понижение регулятивной эффективности экономики, сопряженное с коррупцией.

Экономический ущерб от коррупции, как уже отмечалось ранее, является значительным и негативно влияет на развитие государства и общество в целом. Вот несколько основных предпосылок и последствий, при которых коррупция приводит к истощению экономического и иного значимого потенциала:

1. Искажение рыночных условий: коррупция может привести к искажению конкуренции на рынке, поскольку предприниматели с меньшими связями в «чиновничьем аппарате» оказываются в невыгодном положении. Это препятствует правильному распределению хозяйственных возможностей и приводит к ограничению экономического роста.

2. Низкое качество обязательств государства перед населением: коррупция может привести к неправильному использованию средств, выделенных на обслуживание социальной инфраструктуры, к низкому качеству дорог, мостов, зданий и т.д., что в конечном итоге требует больших затрат на их ремонт и обслуживание.

3. Резкие потери частной предпринимательской инициативы: коррупция может повлечь утрату доверия инвесторов и иностранных компаний, которые способны отменить свои вложения в экономику или перенести свои бизнес-интересы в другие страны. Это чревато уменьшением объемов прямых иностранных инвестиций и оттоку квалифицированных рабочих кадров.

4. Увеличение государственного долга: коррупция может выступить причиной нецелевых операций с бюджетными средствами, что влечет неправильное распределение доходов и увеличение государственного долга. В свою очередь,

¹ В. И. Антонов. Ли Куан Ю — отец «Сингапурского чуда» Вестн. моск. ун-та. сер. 12. политические науки. 2009. № 2.

такие процессы создают «расбалансировку» в финансовой системе страны и способны привести к экономическому кризису.

5. Ущерб для бизнеса и предпринимателей: коррупция влечет появление неясности в правовом регулировании, что ведет к неопределенности и риску для бизнеса. Отдельные предприниматели могут оказаться вынужденными «платить взятки» или проводить нелегальные операции, чтобы сохранить свои хозяйственные позиции, что порождает снижение доходов и ухудшению условий для бизнеса в целом, а также выход за рамки правового поля.

В целом экономические потери от коррупции негативно коррелируют с инвестиционной привлекательностью, ростом предпринимательства и благосостоянии населения. В связи с изложенным системная борьба с коррупцией и создание прозрачной и эффективной модели управления являются важными задачами для каждого государства.

Васильева А. С., Лякишева К. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Влияние преступности на современное развитие общества

Аннотация. В статье рассматриваются причины и условия преступности, которые оказывают прямое влияние на преступность в современном обществе. А также влияние терроризма и незаконного оборота оружием на развитие современного общества.

Ключевые слова: причины и условия преступности, детерминизм преступности, фактор преступности, терроризм, незаконный оборот оружия.

На сегодняшний день достаточно актуальна тема «Преступности и ее влияния на современное развитие общества». Преступность оказывает значительное влияние на современное развитие общества. В качестве причин возникновения преступности можно рассмотреть как экономические, так и социальные, психологические факторы, порождающие преступность.

Под термином «причины преступности» принято понимать явления общественной жизни, которые порождают преступность и ее сосуществование, вызывающие ее рост или же снижение, принимаемое за социально-негативное явление¹. С причинами и условия преступности тесно связан термин «фактор преступности», его используют на начальном этапе происходящего явления, либо процесса, а также есть мнение, что факторы непосредственно служат

¹ Криминология / под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2011.

условиями, способствующими преступности и выступают в качестве причин, вызывающих преступность. Именно осведомленность о факторах преступности помогут обеспечить снижение преступности, благодаря проведению различных мероприятий, которые поспособствуют предупреждению совершению преступлений.

В криминологии происходит разделение причин преступности: на субъективные и объективные причины совершения преступлений. Рассмотрим более подробно каждую из них. В качестве субъективных причин понимают ряд элементов социальной психологии, которые описывают деформацию нравственных ценностей и искажение правосознания личности, которая совершает преступление. Под объективными причинами преступности можно рассмотреть социальные противоречия и всяческие экономические кризисы, происходящие в обществе, а также политическую нестабильность, которая создает новые трудности для человечества, тем самым создавая преступное поведение личности и ненависть к обществу¹.

Хотелось бы подробнее рассмотреть термин «условия преступности», под ним обычно рассматривают совокупность явлений, служащих обстоятельствами, которые способствуют возникновению и существованию. Касательно разделения условий преступности, можно выделить 3 группы: сопутствующие условие — это первая группа, рассматриваемая нами, под данными условиями принято рассматривать те, которые образуют общее между событиями и явлениями, а также обстоятельствами места и времени; вторая группа — необходимые условия — это те, без которых событие не могло бы произойти; и наконец, третья группа — это достаточные условия — те, которые объединяют все условия, которые необходимы для преступности.

В криминологии делят условия преступности на субъективные и объективные условия преступности. Раскроем каждое из них. Под субъективными условиями преступности принято понимать социальные, демографические и психологические особенности человечества. А объективные условия — это недостатки технического и правового порядка, которые помогают возникновению причин преступности. Именно благодаря делению причин и условий преступности на субъективные и объективные, способствует тому, чтобы узнать, как внешняя среда воздействует на поступки человека. Стоит отметить, что причины и условия тесно взаимосвязаны между собой, именно они способствуют рождению преступности, ведь без определенных условий не может быть причин, способствующих появлению преступности. Связь этих двух терминов носит понятие «детерминизм».

¹ Ершова Е. Ю., Рудик В. В. Преступность в России // Новая наука: современное состояние и пути развития. № 5. 2015. С. 294–299.

Все факторы преступности можно разделить на 4 группы, такие как: постоянно действующие; переменные, которые периодически действуют и переменные, которые действуют непостоянно; а также случайно действующие. Конечно, действие различных факторов на преступность сильно отличается, так как общество не стоит на месте, оно постоянно развивается, движется вперед, поэтому некоторые исчезают и появляются новые. Что же касается подразделения факторов, которые влияют на преступность, так как их достаточно много, то их можно подразделить на несколько групп: экономические; социально-демографические — те, которые связаны с миграцией населения, урбанизацией; организационно-правовые, социальные факторы.

Рассмотрим такие преступления, как терроризм и незаконный оборот оружия, которые оказывают сильное негативное влияние и подрывают нормальное развитие современного общества. Данные понятия полностью взаимосвязаны друг с другом. Потому что именно террористические акты чаще всего совершаются с незаконным и не зарегистрированным оружием, а также боеприпасами. Незаконная торговля оружием занимает особое место в структуре преступности и является одним из факторов, существенно осложняющих современную криминогенную ситуацию. Преступления незаконной торговли оружием составляют лишь 2,5 % от общей преступности в стране, способствуют росту организованной преступности, терроризма и представляют реальную угрозу общественной безопасности.

Обратимся к высказыванию заместителя Генерального секретаря, главы Контртеррористического управления ООН, Директору-исполнителю КТЦ ООН Владимира Воронкова: «Оружие позволяет террористическим группам значительно расширить свой потенциал и, к сожалению, число ни в чем не повинных жертв. Мы должны помешать им приобрести оружие, представляющее серьезную угрозу международному миру и безопасности»¹. Воронков говорит о проблеме торговли оружием и о том, как международное сообщество всё больше выражает озабоченность по поводу связи между терроризмом и различными формами организованной преступности, включая торговлю стрелковым оружием и легким оружием (СОЛВ), всё чаще признается серьезной угрозой мира, безопасности и препятствие на пути устойчивого развития современного общества. Незаконная торговля и покупка СОЛВ, их компонентов и боеприпасов являются важным фактором вооруженного насилия, финансирования и множества угроз со стороны террористических групп, действующих независимо или совместно на национальном, региональном и глобальном уровнях.

¹ URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/terrorism-arms-crime-nexus> (дата обращения: 25.09.2023).

Увеличение вооруженной преступности находится в прямой зависимости от политической и экономической ситуации за последнее десятилетие. Такая продолжительная нестабильность общества, постоянное возникновение очагов региональных и межнациональных конфликтов, криминализация экономики привели к значительному росту преступлений, которые связаны с незаконным оборотом оружия. В свою очередь, это повлекло за собой открытое применение преступниками различных видов оружия при совершении террористических актов. Что касается терроризма, то для начала надо рассмотреть особенность современного терроризма. Она заключается в том, что террористические организации располагают высокоразвитой инфраструктурой, которая часто включает целую сеть опорных пунктов, лагерей по подготовке диверсантов. У многих террористических организаций, кроме новейших средств электронной связи, с помощью которых они могут подключаться к системам связи правоохранительных органов, ведущих с ними борьбу, присутствует довольно мощное вооружение.

Для того чтобы раскрыть влияние терроризма на современное общество, надо обратиться к глобальным проблемам терроризма в современном мире. Основная проблема борьбы с терроризмом в современном мире заключается в том, что террористический акт требует национальной, глобальной огласки, поэтому ему для существования необходимо информационное общество. Из этого вытекает следующая проблема, развитие технологий, позволяющие моментально распространять информацию о совершенном теракте по всему глобальному обществу, так как с развитием технологий, информационная среда становится всё более уязвимой.

Влияние заключается в том, что незаконный оборот оружия и терроризм зачастую вызывает широкий резонанс, порождает у граждан чувство страха, неуверенность в будущем, незащищенность их жизни и жизни близких им людей, знакомых или соседей. В таких условиях опасность самого преступника возрастает, поскольку применение оружия при совершении противоправных действий свидетельствует о том, что он способен преодолеть психологический барьер, связанный с применением оружия для нанесения вреда жизни или здоровью человека. Таким образом, совершение преступлений при использовании незаконной торговли оружием может способствовать серьезным преступлениям: преступления против жизни и здоровья, против общественной безопасности и государственного строя, имущественные преступления.

Однако в Российской Федерации и на международной арене ведется активная борьба с данными видами преступлений. Так, основным нормативным

актом в борьбе с терроризмом является Федеральный закон «О противодействии терроризму» 06.03.2006 № 35¹, который определяет правовые и организационные основы противодействия терроризму в РФ, субъекты этого противодействия, основы их взаимодействия и роль иных государственных и негосударственных органов и граждан в противодействии терроризму.

В заключение всему вышесказанному можно сделать вывод, что борьба с преступностью и создание безопасного общества являются приоритетными задачами для развития. Необходимы усилия в области правопорядка, социальной справедливости, профилактики преступности и реабилитации преступников, чтобы обеспечить стабильность и благополучие общества.

Гамзатова З. Р.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)

Студент

Проблемы преступности несовершеннолетних в Республике Дагестан

Аннотация. Преступность несовершеннолетних в Республике Дагестан имеет свои отличительные особенности и свою специфику. В статье повествуется о причинах естественной латентной преступности (которую чаще всего связывают с менталитетом народов Дагестана), о криминогенных и антикриминогенных факторах преступности несовершеннолетних, а также говорится о путях разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: латентная преступность, преступность несовершеннолетних, криминогенные факторы преступности, социальный контроль.

Преступность несовершеннолетних относится к широкомасштабным проблемам современности, в решении которых заинтересовано все мировое общество. Это трактуется определяющим значением подрастающего поколения в обеспечении жизнеспособности общества и его развитии. Даже самые демократические страны и страны с высокоразвитыми экономическими системами характеризуются ростом преступности среди несовершеннолетних. Это подтверждает невозможность решения проблемы преступности несовершеннолетних только национальными средствами и стимулирует необходимость

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/?ysclid=ln1cxk3xjo354005880 (дата обращения: 25.09.2023).

объединения усилий всего общества, что, в свою очередь, приведет к появлению и развитию системы норм и правил, направленных на решение этой проблемы¹.

Преступность несовершеннолетних — это совокупность преступлений и лиц в возрасте 14–17 лет, совершивших их с количественными и качественными характеристиками на определенной территории за конкретный период времени.

Учет значимых признаков преступности, выделенных российскими и зарубежными криминологами, позволяет сосредоточиться на основных и раскрыть их сущность в отношении преступности несовершеннолетних.

1. Преступность несовершеннолетних — это социальное явление, поскольку оно существует в обществе и отражает его состояние. Кроме того, это своего рода показатель прогресса преступности в целом (в регионах и в стране), поскольку эта отдельная команда более восприимчива к диверсификации, которая происходит в обществе.

2. Преступность несовершеннолетних представляет собой достаточно глобальный феномен, так как формируется из большого числа несовершеннолетних лиц.

3. Правонарушение несовершеннолетних является уголовно-правовой реальностью, потому что оно формируется из действий (деяний), интерпретируемых уголовным законодательством как преступление.

Состояние преступности несовершеннолетних может быть проанализировано только на основе раскрытой части всего набора зарегистрированных преступлений. Из-за высокой латентности официальные статистические показатели этого преступления, по оценкам экспертов, в 3–4 раза ниже реальных данных. Среди участников преступлений, совершенных несовершеннолетними, 94–95 % составляют мужчины.

Как отмечал И. И. Карпец, «невозможно полностью не учитывать национальные особенности и традиции общества, потому что преступные деяния и антисоциальное поведение несовершеннолетних, да и не только их, в определенной степени формируется и зависит от традиций и привычек индивидов, членов этого общества. И игнорирование и отход от учета обычаев и традиций общества, во многом негативно сказывается на воспитательной работе с данной категорией лиц»².

¹ Шахбанова Х. М. Основные причины преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Вопросы управления. 2013. № 2.

² Карпец И. И. О путях развития криминологии и укрепления ее связи с практикой // Соц. законность. 2014. № 10. С. 11.

Преступность несовершеннолетних в Республике Дагестан имеет свои особенности и свою специфику. Важно отметить, что подавляющее большинство скрытых преступлений несовершеннолетних совершается в Республике Дагестан. Важно обозначить, что подавляющее большинство латентных преступлений несовершеннолетних в Республике Дагестан, которое от числа зафиксированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, составляет от 50 до 150 %. Кроме того, по мнению экспертов, в последние годы увеличилось количество скрытых преступлений среди несовершеннолетних. Наличие большого количества естественных скрытых преступлений в Республике Дагестан объясняется главным образом нежеланием потерпевшего обращаться в правоохранительные органы, что обусловлено менталитетом народа, который, как правило, разрешает конфликтные ситуации на основе применения обычного права, адатов. В структуре латентной преступности несовершеннолетних преобладают кражи, грабежи, вымогательства.

Основными криминогенными и антикриминогенными факторами, вызывающими преступность, являются: политические и экономические факторы, от которых во многом зависит демографическое развитие, морально-правовой климат общества, состояние макро- и микросреды. На формирование мировоззрения, развитие и социализацию подростка в основном влияют семья, школа и средства массовой информации. Исходя из сказанного основная работа государственных органов в лице уполномоченных лиц должна быть нацелена на максимальную защиту несовершеннолетнего от отрицательного влияния, создавая все необходимые для этого социальные институты. Тем не менее особенность причин девиантного поведения несовершеннолетних, обусловленная их возрастными особенностями, в значительной степени объяснима с точки зрения агрессивности и уровня конфликтности причин преступности, то есть формирования стереотипа безнаказанности, вседозволенности, слабости и отсутствия авторитета правоохранительных органов, наличие двойной идеологии в обществе — официальной и реальной, господство среди несовершеннолетних и не только «правового нигилизма», нужда, проникновение элементов религиозного экстремизма в среду несовершеннолетних, усиление потребительского космополитизма среди несовершеннолетних в республике. Особенностью характеристик портрета несовершеннолетнего правонарушителя в Республике Дагестан является тот факт, что в кругу несовершеннолетних растет потребительский настрой, характерный для взрослых членов общества, усиливаются корыстные и спекулятивные настроения, прочно укоренились взгляды на вещи, которые должны быть добыты любым способом. Аналогичные взгляды пользуются поддержкой среди сверстников, служат примером для подражания. Многие подростки признаются, что уже занимались незаконными действиями, утверждая, что такое поведение вполне нормально для их сверстников.

Некоторые аналитики отмечают, что первопричиной этой проблемы могут быть психические и физические заболевания несовершеннолетних, возникшие в условиях бытового насилия, агрессии в семьях, из-за снижения эффективности профилактики на государственном уровне.

Наиболее распространенными преступными деяниями в детской среде можно назвать грабежи, разбои и попрошайничество. Нетипичным, но всё же встречаемым в среде беспризорных и безнадзорных детей, такое преступление, как убийство. В Республике Дагестан до недавнего времени преступность несовершеннолетних школьного возраста всегда считалась городским явлением. Спецификой сегодняшнего дня является рост преступности в сельской местности, хотя в целом большинство преступлений совершается городскими школьниками. Наиболее криминогенная обстановка в 2019–2022 гг. была в школах городов Избербаш, Махачкала, Каспийск, Дербент, Хасавюрт. Следует отметить, что латентная преступность несовершеннолетних в сельской местности гораздо выше (родители и родственники подростков сами находят компромиссные решения по многим вопросам, которые, в свою очередь, официально относятся к компетенции правоохранительных органов, а сотрудники этих органов либо не вмешиваются в подобный процесс разбирательства, либо способствуют установлению мировых соглашений), чем в городах.

Одной из мер предупреждения преступности и борьбы с преступностью в Республике Дагестан является общественный контроль. Социальный контроль понимается как «механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем поддержания нормативного порядка в данном обществе, устранения или нейтрализации или минимизации нарушающего норму (девиантного) поведения».

Социальный контроль в Республике Дагестан является основным сдерживающим фактором. Социальный контроль — это контроль общества над личностью, контроль (и надзор) государства над гражданином. Именно поэтому человек, с одной стороны, общество и государство, с другой стороны, должны рассматриваться как исходные взаимодействующие элементы системы обеспечения безопасности граждан¹.

Таким образом, профилактика правонарушений несовершеннолетних должна основываться на принципах защиты прав и интересов личности, ею должны заниматься межведомственные учреждения, оказывающие социально-правовую, медицинскую, педагогическую и психологическую помощь детям и семьям.

¹ Курбанова Д. А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4 (17). С. 174–181.

Герасимова А. А.

БГУ имени академика И.Г. Петровского

Студент

Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации и меры ее профилактики

Аннотация. Преступность несовершеннолетних вполне обоснованно следует считать одним из показателей социального развития государства. Однако высокая латентность рассматриваемого вида преступности осложняет процесс установления ее реальной динамики и фактического уровня. В статье автором предпринята попытка изучения отдельных аспектов состояния преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества. Среди социальных факторов, влияющих на формирование преступности несовершеннолетних, автором рассматриваются семейное неблагополучие, негативное влияние окружения, отсутствие досуговой деятельности, а также негативное воздействие информационно-телекоммуникационных сетей и средств массовой информации. Предметом исследования выступили статистические данные об уровне преступности несовершеннолетних в России. Методологию исследования составили общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и частнонаучные методы сравнения данных о состоянии изучаемого вида преступности. Автором рассмотрены отдельные правоприменительные проблемы, предложены пути их решения в целях профилактики преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, преступность, личность преступника, предупреждение, профилактика преступного поведения.

В настоящее время преступность несовершеннолетних — это одна из самых актуальных проблем, стоящих перед государством и обществом. Подтверждением тому является тот факт, что тема преступности несовершеннолетних стала основной на февральском заседании коллегии МВД России в 2022 г., в рамках которой Президент России В. В. Путин заявил о необходимости сформировать единую государственную систему по ее предупреждению.

На современном этапе развития отечественной уголовно-правовой науки многие ученые, представители институтов гражданского общества, органов государственной власти, сотрудники правоохранительных органов заняты изучением этой проблемы и поиском ее решения. В последние годы вопросы преступности несовершеннолетних стали предметом рассмотрения широкого круга представителей отечественной уголовно-правовой школы: А. Л. Санташова, Н. Н. Болтенко, А. Н. Малышевой, З. Л. Шагапсоевой, И. В. Романовской и т.д.

Существующие в настоящее время известные методы профилактики правонарушений нуждаются в переосмыслении, требуют новых подходов и действующие межведомственные программы. Определенные шаги в обозначенном направлении уже предприняты. В частности, в 2022 г. в рамках государственной политики в интересах детей и молодежи было учреждено всероссийское движение школьников «Большая перемена». Однако борьба с преступностью несовершеннолетних весьма многогранна и должна включать в себя целый комплекс мероприятий, в их числе и правовое оздоровление — это важнейший шаг на пути к декриминализации всего нашего общества.

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за последние 10 лет наметилась положительная тенденция сокращения преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В 2021 г. данный показатель достиг абсолютного минимума — 31 865 преступлений, что более чем в два раза меньше, чем в 2011 г. Только за минувшие пять лет удалось снизить преступность подростков на 30 %. Таким образом, наглядно прослеживается тенденция ежегодного сокращения данной группы преступлений, но тем не менее показатели остаются достаточно высокими.

Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2021 г. свидетельствуют о том, что доля несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений в структуре численности всех приговоренных к уголовной ответственности за групповые преступления, составила около 8 %. Однако серьезную обеспокоенность вызывает ситуация в отдельных регионах страны, где коэффициент преступности несовершеннолетних существенно превышает общефедеральный показатель. К таковым относятся Республика Карелия (6,7 %), Магаданская (6,7 %) и Новгородская области (6,1 %).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на протяжении последних восьми лет около 49–50 % несовершеннолетних, совершивших преступления, были осуждены за кражу. Это позволяет утверждать о преимущественно корыстном умысле при совершении несовершеннолетними преступлений. Формально они могут выражаться в зависти, фактах поиска дополнительных материальных средств, неудовлетворительном материальном состоянии семьи.

Более 3 % несовершеннолетних в 2021 г. в России были осуждены за совершение насильственных преступлений, что подтверждает наличие эмоциональной готовности подростков к реальному проявлению враждебности и причинению физического вреда (см. таблицу).

Характеристика осужденных в возрасте от 14 до 17 лет в Российской Федерации

Преступления	Год / удельный вес преступлений (%)								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Убийство и покушение на убийство	0,9	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	2,8	3,2	3,2	2,6	2,6	2,5	3,1	2,5	2,7
Изнасилование и покушение на изнасилование	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7
Кража	49,2	43,8	44,9	49,0	49,4	48,4	49,8	48,2	48,7
Грабеж	13,8	13,6	12,1	11,7	12,6	12,5	12,1	11,0	10,4
Разбой	3,5	4,3	4,1	3,5	3,5	3,3	3,2	2,9	2,7
Вымогательство	1,1	1,2	1,1	1,1	1,3	1,8	1,6	1,5	1,4
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	11,1	11,9	11,7	10,1	9,8	10,1	9,7	12,	11,7
Наркопреступления	7,3	11,5	12,4	10,4	9,4	9,6	8,4	9,0	9,5
Хулиганство	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2

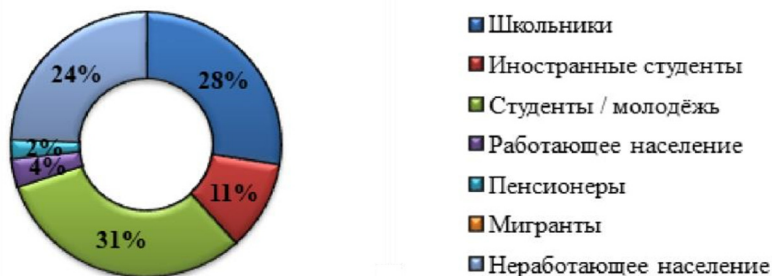
Особую обеспокоенность вызывает вовлечение несовершеннолетних в рассматриваемую преступную деятельность. Согласно статистическим данным,

30,4 % от общего числа лиц, совершающих убийства по экстремистским мотивам, — несовершеннолетние. Риск развития экстремистских установок среди несовершеннолетних можно охарактеризовать в качестве серьезного «вызова» для систем молодежной политики в мировом масштабе.

Радикализация изучаемой возрастной группы является одной из острейших международных проблем, которая требует комплексного решения. В противном случае «деформированное» правосознание молодежи, состоящей в джихадистских и неонацистских группах, сегодня станет серьезной угрозой для стабильного развития стран уже завтра. Особенно в последнее время ввиду осложнившейся внешнеполитической ситуации крайне высоким оказался «градус» риторики радикалов, «проповедующих» культурное и национальное превосходство, необходимость силового решения проблем.

Анализ вышеуказанной проблемы показал отсутствие общемировой статистики по количеству совершенных преступлений на почве экстремизма, совершенных лицами, относящихся к категории молодежи, что также создает проблему разработки методов, по борьбе с радикализацией молодежи. В 2021 г. Национальный Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет провел социологическое исследование. По результатам опроса 25 000 респондентов было установлено, что наиболее уязвимыми категориями граждан России для распространения экстремистской идеологии являются школьники и студенты (см. рисунок). Указанный тезис вполне соотносится с призывами глав экстремистских и террористических преступных сообществ о необходимости усиления пропагандистской работы.

Уязвимость социальных групп экстремистской идеологии

Экономический и социальный кризисы ведут к маргинализации населения. Обычно под удар первой попадает молодежь как наиболее незащищенная

социальная группа. Деформация механизма социализации — это и есть причина появления молодежных преступных сообществ. Такое изменение направления социализации является следствием влияния психологических, социальных, экономических, политических, нравственно-духовных, организационно-управленческих факторов. Рассмотрим подробнее социальные факторы, влияющие на формирование преступности несовершеннолетних.

1. Семейное неблагополучие. В основном к таким семьям относятся те, что отличаются низким уровнем материальной обеспеченности, искажением семейной структуры, жесткостью педагогической позиции членов семьи (физическое, психическое насилие), иным аморальным и асоциальным поведением.

2. Негативное влияние иного социального окружения, в частности одноклассников, студенческой группы, трудового коллектива и т.п. При этом отдельного внимания заслуживает такое явление, как буллинг.

3. Отсутствие досуговой деятельности. Кроме того, в условиях пандемии деятельность таких учреждений была существенно ограничена, например, сокращено количество детей в группах и сокращены лагерные смены, запрещены массовые мероприятия.

4. Тенденция увеличения негативного воздействия СМИ и Интернета в последние годы. Они оказывают существенное криминогенное влияние на массовое сознание, в том числе и среди молодых людей, в связи с широким распространением культа насилия среди подростков. Согласно анализу контента социальных сетей Рунета в 2017–2021 гг. в них действуют деструктивные объединения молодежи, такие как: националистические, движения ультра и иные.

Таким образом, указанные социальные факторы зачастую становятся тем самым фундаментом для последующего криминального поведения и формирования молодежных организованных групп.

Государство в настоящее время всё чаще уделяет внимание идеологическому и патриотическому воспитанию молодежи, тем самым осуществляя профилактику правонарушений среди данных лиц. Представляется, что одним из новых и эффективных направлений деятельности формируемого в 2022 г. в нашей стране объединения школьников «Большая перемена» станет развитие традиционных нравственных целей и многонациональных традиций российского общества. Думается, что деятельность нового всероссийского движения учащихся будет способствовать достижению целей, определяемых Указом Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», главным образом формированию понимания гражданской идентичности молодых граждан.

Среди мер профилактики преступности несовершеннолетних следует также выделить развитие служб психологической помощи в образовательных организациях, службы школьной медиации. Во многом специалисты данных

служб способны оказывать существенное влияние на коррекцию правосознания несовершеннолетнего, оказывая существенную помощь правоохранительным органам в реализации профилактических мероприятий с несовершеннолетними.

Отметим, что не более 10 % несовершеннолетних преступников становятся на путь исправления. Во многом это обуславливается необходимостью дальнейшего развития действующей системы профилактики. Не умаляя результатов деятельности по предупреждению ювенальной преступности органов внутренних дел, системы образования и здравоохранения, следует рассмотреть вопрос о введении института «общественных воспитателей». Вопреки устоявшемуся мнению, согласно которому указанный институт является достижением зарубежного уголовно-исполнительного законодательства, отметим, что учреждение попечительства над несовершеннолетними преступниками берет свое начало в Российской империи во второй половине XIX в. Исторический опыт в настоящее время успешно применяется в ряде субъектов Российской Федерации. Представляется целесообразным распространить подобную практику в государственных масштабах с учетом национальных и религиозных особенностей отдельных регионов.

Кроме того, видится целесообразным разработать программы дополнительного образования для сотрудников социальных и психологических служб, правоохранительных органов, работников общеобразовательных организаций и учреждений дополнительного образования, специализирующихся на работе по коррекции отклоняющегося поведения несовершеннолетних, оздоровлению условий их семейного воспитания. Указанные меры необходимо реализовывать в рамках межведомственного взаимодействия с привлечением широкой общественности, в том числе и активных представителей среди несовершеннолетних учащихся общеобразовательных организаций.

Годлевская Д. С., Коробова А. М.

БФУ имени И. Канта

Студенты

К вопросу о понятии киберпреступления

Аннотация. Предназначение информационных технологий состоит в повсеместном их применении в целях совершенствования социально-экономических, политических и иных процессов, происходящих в обществе. Однако иногда они не отвечают этим целям, выступая своеобразной информационной, виртуальной платформой для совершения киберпреступлений. В статье авторы анализируют сущность киберпреступлений, их признаки, предложения по усовершенствованию российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: киберпреступления, информационные технологии, расследование преступлений, киберпреступность, сеть «Интернет».

Согласно статистическим данным МВД РФ за первое полугодие 2023 г. в России было совершено 371 362 преступления в сфере компьютерной информации, иными словами, киберпреступлений (27,9 % от всего количества зарегистрированных преступлений органами МВД РФ и ФСБ РФ), однако 234 944 преступления раскрыты не были¹. Таким образом, можно констатировать, с одной стороны, стремительный рост указанной категории преступлений, а с другой — наличие определенных проблем, связанных с их выявлением и раскрываемостью, несмотря на пристальное внимание со стороны государства к таким общественно опасным деяниям.

Следует отметить, что в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено пять составов преступлений в сфере компьютерной информации: ст. 272, ст. 273, ст. 274, ст. 274.1 и ст. 274.2 УК РФ.

Необходимость криминализации общественно опасных деяний в сфере компьютерной информации была ясна уже в период вступления в силу действующего УК РФ. Под компьютерной информацией в то время понималась информация, содержащаяся «на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети». Однако развитие общественных отношений и соответственно совершенствование уголовного законодательства привели к эволюции терминологии в исследуемой сфере, что и было отражено в Федеральном законе от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²: компьютерная информация впредь трактуется без привязки к ЭВМ.

На сегодняшний момент процесс информатизации способствует не только развитию общества и ускорению происходящих процессов в нем, но и росту преступлений, совершенных в сети «Интернет». С нашей точки зрения, такие противоправные деяния можно назвать киберпреступлениями, однако такое понятия действующий УК РФ не предусматривает, поэтому считаем целесообразным определить в дефиниции этого уголовно-правового термина.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — июль 2023 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40874008/> (дата обращения: 23.09.2023).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, Ю. А. Иванова и Г. М. Сарбаев¹, П. Н. Кобец² определяют киберпреступление как любое преступление, при совершении которого использовались электронные средства связи, информационные системы.

В свою очередь, В. А. Канубриков и М. М. Османов³, К. В. Мордвинов и У. А. Удавихина⁴ предлагают рассматривать киберпреступление в более узком значении: любое противоправное деяние, которое было совершено с помощью компьютерной информации в киберпространстве, то есть в сети «Интернет».

С нашей точки зрения, наиболее точным является второе определение, потому что его авторы делают акцент на специфическом пространстве совершения преступлений — киберпространстве, то есть в сети «Интернет». Считаем, что законодательное закрепление понятия киберпреступления позволит разрешить проблему ответственности лиц, которые, например, вымогают денежные средства или иное имущество непосредственно онлайн, в сети «Интернет». При этом следует учитывать, что они могут находиться в разных городах или даже странах⁵ с потенциальной «жертвой» такого вымогательства.

Анализ судебной практики применения норм об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации позволил сделать вывод, что все преступления были совершены с использованием той информации, которая непосредственно находилась на мобильном устройстве, компьютере, планшете и т.п., то есть в офлайн режиме, без выхода в сеть «Интернет»⁶. Такие преступления — это преступления в сфере компьютерной информации.

В свою очередь, киберпреступления, с нашей точки зрения, должны происходить непосредственно в онлайн-режиме, именно в сети «Интернет». Это

¹ Иванова Ю. А., Сарбаев Г. М. К вопросу о киберпреступности // Цифровые трансформации экономики и права. 2022. С. 59.

² Кобец П. Н. Киберпреступность: современные виды, причины, ее порождающие, и особенности предупреждения // Вестник самарского юридического института. 2022. С. 52.

³ Канубриков В. А., Османов М. М. Соотношения понятий «киберпреступление» и «киберпреступность» в контексте исследования борьбы с киберпреступностью // Право и управление. 2023. С. 228.

⁴ Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. С. 83–84.

⁵ Бутусова Л. И. К вопросу о киберпреступности в международном праве // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 49.

⁶ См., например: приговор Центрального районного суда г. Калининграда от 02.10.2017 по делу № 1-272/2017. URL: <https://правосудие.онлайн/28868252/extended>; приговор Советского городского суда Калининградской области от 22.10.2018 по делу № 1-67/2018. URL: <https://правосудие.онлайн/35510885/extended>;

может быть онлайн-мошенничество, кража и др. Соответственно этот признак будет отличать киберпреступления от других преступлений.

В связи с тем, что данные преступления происходят онлайн, то есть формат совершения преступления дистанционный, отсутствует физическое совершение преступления, что затрудняет выявление преступника и определение места совершения преступления. Пленум Верховного Суда в п. 1 постановления от 15.12.2022 № 38 разъяснил, что местом совершения такого рода преступлений должно считаться место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет)¹. Тем самым Верховный Суд РФ скорректировал свои разъяснения, которые он дал в 2021 г.

Верховный Суд РФ также отметил, что киберпреступления — это преступления, совершенные именно в сети «Интернет» с помощью инструментов, представленных в виде мессенджеров, где преступники имеют возможность договариваться о своих намерениях и целях, следовательно, суды могут квалифицировать такие преступления по признаку «с использованием Интернета».

В пункте 17 постановления Пленума от 15.12.2022 № 37² Верховный Суд РФ разъяснил, что количество используемых преступником устройств не имеет значения при квалификации киберпреступления, так как сейчас очень много локальных сетей, или же просто иных сетей, с помощью которых может подключиться огромное количество пользователей.

Исходя из всего вышесказанного, в качестве рекомендаций по совершенствованию российского уголовного законодательства с целью унификации квалификации подобного рода деяний, предлагаем следующее:

1) Дополнить ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» примечанием № 3, дав в нем определение киберпреступления и указав, что это преступления, совершаемые в онлайн-режиме в сети «Интернет»;

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 38. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2) Указать в примечании № 3, что под местом совершения киберпреступления следует понимать именно место совершения деяния, его локацию, потому что трактовать такой признак объективной стороны преступления в классическом его значении нецелесообразно: преступления происходят в киберпространстве, а оно безгранично;

3) Определять ответственность лиц, совершающих киберпреступление, по совокупности с преступлениями, предусмотренными соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, с привязкой к статьям 272–274.1 УК РФ.

Таким образом, проблема квалификации киберпреступлений — это проблема, которая возникла в связи с процессом цифровизации, с развитием и повсеместным использованием сети «Интернет». Считаем, что ее решение должно отвечать вызовам современного российского уголовного права, в качестве которых можно считать совершение преступлений в совершенно новом для человека пространстве — киберпространстве, которое имеет весомую вероятность для совершения нового вида преступлений — киберпреступлений.

Лукина Д. А.
СГЮА
Студент

Уголовно-правовые аспекты и перспективы по противодействию распространения deepfake в сети Интернет

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты по противодействию угрозы распространению дипфейка. В последнее время использование дипфейков стало бесконтрольным. С точки зрения для устранения проблемы бесконтрольного использования дипфейка необходимо применить нормы уголовно-правового законодательства, направлены осуществлять государственный контроль, хорошо озаботиться о перспективах уголовно-правовой оценки киберпреступлений, к которым, бесспорно, в будущем будут отнесены преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка, уголовная ответственность, киберпреступление, нейросеть, уголовное законодательство, нормы

Сегодня современный мир невозможно представить без информационных технологий: люди каждодневно используют социальные сети для общения и знакомства; публикуют в ленте свои личные фотографии и короткометражные видео; обращаются в государственные и муниципальные органы; переходят удаленно работать по разным обстоятельствам.

В данный момент широко используется методика синтеза лица и голоса, манипулируемых искусственным интеллектом, т.е. технологии дипфейка. Они позволяют генерировать и распространять дезинформацию. По сегодняшним реалиям использование дипфейков стало бесконтрольным из-за стремительного роста цифрового контента, который направлен на создание манипуляции сознанием как отдельно взятого человека, так и общества в целом.

Дипфейк (название происходит от слов «deeplearning», «глубокое изучение» и «fake», т.е. «подделка») — нейросеть, которая детально изучает лицо человека, а затем подставляет к исходному файлу лицо «реципиента», т.е. с максимальной реалистичностью «оживляет» изображение человека и заставляет его говорить и делать то, чего настоящий человек не делал и не говорил.

Разработка технологии дипфейка стала сенсацией цифровых платформ. Это программное обеспечение, применяя технологию искусственного интеллекта, дает возможность легко реалистично подделать всевозможные видеоматериалы. К примеру, специальные алгоритмы, работающие на базе нейросетей, синтезируют видео и звук при помощи машинного обучения. Они изучают сотни тысяч образцов голоса и внешности, чтобы собрать необходимый объем информации: мимику, черты лица, привычки, естественные позы, тембр речи и т.д. После этого обученный алгоритм может обработать видео, распознать нужные элементы и заменить их. Например, вырезать лицо Маколея Калкина из «Один дома» и вставить вместо него внешность Сильвестра Сталлоне.

С распространением дипфейка появилась опасность дискредитации любого пользователя, фотографии которого есть в социальных сетях. Первыми жертвами стали публичные личности, изображений которых находились в открытом доступе. Так, лицо популярного актера Николаса Кейджа давно стало забавным изображением, а сам он известен беспринципностью в выборе ролей. В 2018 г. злоумышленники с помощью наложения технологии дипфейка поместили лицо актера Николаса Кейджа практически во все эпизоды популярных фильмов. Например, он стал Лоисом Лейном из фильма «Человек из стали».

Сегодня во всем мире реализуется значительное число мер, направленных на недопущение распространения технологии дипфейка¹.

Законодательство в США предусматривает уголовную ответственность за поддельную порнографию, в которой применялись лица. По мнению некото-

¹ Власенко А. В. Искусственный интеллект и проблемы кибербезопасности. Технология Deepfake / А. В. Власенко, П. С. Киселёв, Е. А. Складорова // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 81–86. URL: <https://moluch.ru/archive/363/81231/> (дата обращения: 15.01.2023).

рых авторов, с нормативных точек зрения реалистичные поддельные порнографические видео прежде всего рассматриваются как новая форма посягательства на частную жизнь. Примером закона, регламентирующего уголовную ответственность за распространение порнографических реалистичных подделок, является нормативный акт штата Вирджиния § 18.2–386. В нем уголовная ответственность для любого лица, которое с намерением принудить, притеснить или запугать, целенаправленно, распространяет любое видео или неподвижное изображение, созданное любым способом. Это относится к поддельным видео, которые изображают другое лицо, когда демонстрируют обнаженное тело¹.

В 2021 г. в Китае было разболение группы мошенников, которые два года обманывали государственную систему по распознаванию лиц с помощью применения технологии дипфейка. За этот период мошенники заработали 76 млн юаней. План китайских мошенников был следующим: они находили чужие фотографии реальных людей в сети «Darknet», потом «оживляли» их вместе с поддержкой технологии дипфейка. Сейчас предусмотрена ответственность за нарушение правил по распространению технологии дипфейка. Помимо этого, в Китае сотрудники консалтинговых компаний обязаны в сети «Интернет» маркировать поддельные видеоматериалы в качестве таковых.

Технология дипфейк появилась в России примерно в то же время, что и в других странах; однако проблемы, ею обусловленные, стали заметны лишь во время пандемии COVID-19. Именно пандемия COVID-19 сделала актуальной проблему для медийного сообщества. В русскоязычном Интернете активно распространяются реалистичные подделки. Так, например, в социальных сетях набирает популярность аккаунт с поддельными видео Президента РФ².

В Уголовном кодексе РФ до сих пор нет упоминания о дипфейках. Однако дипфейки могут рассматриваться как средство совершения традиционных преступлений (мошенничества, вымогательства, оскорбления, клеветы и т.д.). Вероятно, совершение указанных и других преступлений с использованием дипфейков следует законодательно закрепить как квалифицирующий признак состава преступления.

¹ Овчинников А. И. Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 131–134.

² Масленникова Н. А. Дипфейк: пользовательский контроль визуального контента в Интернете // Пользовательский контент в современной коммуникации : сборник / сост. И. В. Топчий. Челябинск, 2021. С. 186–189.

В России возможны две модели уголовной ответственности за использование дипфейков. Первая модель: использование технологии дипфейка в социальных сетях без согласия лица, создавшее угрозу причинения вреда его жизни или здоровью, порочащее честь и достоинство другого лица или подрывающее его репутацию, следует признать уголовно-противоправным деянием и квалифицировать по ст. 207.1 УК РФ. Вторая модель заключается в том, что необходимо предусмотреть использование дипфейка при совершении преступления в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, то есть сам дипфейк рассматривать как средство совершения различных преступлений, а его использование — в качестве способа выполнения общественно опасного деяния¹.

Сейчас Государственная Дума разрабатывает закон о противодействии дипфейку, которым предусматривается уголовная ответственность за фальшивые видеозаписи, изготовленные с поддержкой искусственного интеллекта².

В последнее время обсуждается вопрос о наиболее эффективных действиях по противодействию дипфейку — об осуществлении государственного контроля над интернет-сервисами. Со 2 мая 2022 г. стали проводиться разработки функций интернет-браузеров и социальных сетей для того, чтобы они могли автоматически распознать реалистичную подделку видеоматериалов. Данный способ поможет провести проверку видео с применением технологий дипфейка, сгенерированных с помощью нейросетей³.

Благодаря автоматическому обнаружению прекратится размещение технологий дипфейка. Способы обнаружения должны быть простыми и практическими, легкодоступными по устранению технологий дипфейка. Хотя деятельность, направленная на борьбу с распространением технологии дипфейка, в то же время не должна подрывать свободу слова⁴.

В целом можно подытожить вышесказанное. На сегодняшний день постепенно начинается поэтапный процесс адаптации общества к современным технологиям. Дипфейк обладает общественной опасностью для человека и обще-

¹ Скобелин С. Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития. Российский следователь. № 4 (2020). С. 42–44.

² Живова Д. Как журналисту не стать жертвой дипфейка // Журналист. 2021. № 10. URL: <https://jrnlst.ru/deepfake/>.

³ Лебедева А. А., Кузьменко Е. С. Применение норм УК РФ в условиях цифровизации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции. М. : РФ-Пресс, 2019. С. 70–76.

⁴ Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 93–98.

ства в мире. Необходимо каждому государству осуществлять меры, ориентированные на уголовно-правовую охрану общества от посягательств посредством поддельных реалистичных видеоматериалов: осуществлять государственный контроль, хорошо озаботиться о перспективах уголовно-правовой оценки киберпреступлений, к которым, бесспорно, в будущем будут отнесены преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк.

Еремочкина А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Женская преступность: общая характеристика, причины и условия совершения

Аннотация. Статья исследует характер женской преступности, основные причины ее совершения и социальные, экономические и психологические факторы, способствующие росту преступлений, совершаемых женщинами.

Ключевые слова: женская преступность, социальные факторы, экономические факторы, психологические факторы, причины преступности.

Тема женской преступности рассматривалась на протяжении многих лет. В этой сфере работали такие криминалисты, как Ю. М. Антонян, В. А. Серебрякова, В. М. Кормщиков, В. Н. Зырянов и многие другие. Большое количество исследователей, заинтересованных этой темой, научных статей, говорит о том, что заявленная проблема обладает популярностью и актуальностью в XXI в.

Женская преступность — сложное и многоаспектное явление, которое заслуживает особого внимания со стороны исследователей. Несмотря на то что преступления, совершаемые женщинами, составляют меньший процент от общего числа преступлений, они имеют свои особенности и причины.

Женская преступность — это отрасль криминологии, изучающая преступления, совершаемые женщинами, их причины, особенности и последствия¹.

Вот несколько основных понятий, связанных с женской преступностью:

1. Женская преступность: Преступления, совершенные женщинами. Она может включать в себя широкий спектр нарушений, от мелких до серьезных.
2. Женская делинквенция: Неправомерное поведение девочек-подростков, которое может вести к уголовной ответственности².

¹ Ахвердова О. А. Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки : учеб. пособие. Ставрополь, 2019. 221 с.

² Богданова К. Е. Женская преступность и ее предупреждение в России // Молодой ученый. 2021. № 33 (375). С. 24–28.

В 2020 г. доля женских преступлений составляла 16 % (136 318 из 852 506). В 2021 г. — 16,3 % (137 724 из 848 320). С января по июнь 2022 г. было выявлено 70 967 женщин-правонарушительниц из 434 700 зарегистрированных преступников.

Преступления женщин, отнесенные к особо тяжким, увеличились на 9 %, а тяжелые — на 0,2 %. Однако число убийств, совершенных женщинами, сократилось на 7 % (до 475 случаев). 30 % созданных преступных групп приходится на женщин (87 из 320). Также отмечается рост экономических преступлений, совершенных женщинами.

Также в последние годы наблюдается прирост совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, где женщины выступают в активной роли — роли организатора.

Женщины часто проявляют бóльшую эмоциональность и чувствительность, склонны к глубоким переживаниям, беспокойству и могут быть подвержены внезапным эмоциональным всплескам. Во многих культурах они традиционно занимают роль, связанную с уходом за семьей и созданием условий для благополучия и развития ее членов в домашнем окружении.

Проанализировав статистические данные, можно выделить несколько основных категорий преступлений, совершаемых женщинами: преступления в сфере семьи и быта, экономические преступления, насилие и преступления против жизни и здоровья.

Причины и условия совершения:

1. Социальные факторы. Нестабильность социальной среды, низкий социальный статус, дискриминация по половому признаку могут стать катализаторами для совершения преступлений.

2. Экономические факторы. Финансовые трудности, нехватка средств к существованию, безработица часто становятся причинами экономической преступности среди женщин. Экономические факторы, такие как бедность, недостаток образования и ограниченные возможности трудоустройства, могут привести к тому, что женщины будут совершать преступления, например кражи или мошенничество, чтобы обеспечить себя и свою семью.

3. Психологические факторы. Женская преступность может быть вызвана ментальными или эмоциональными проблемами, включая депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство и др. Некоторые женщины совершают преступления из-за неуправляемых импульсов, связанных с психическими расстройствами или травмами.

4. Семейные и партнерские отношения: Домашнее насилие, конфликты в семье или проблемы в отношениях могут стать причиной преступлений, совершаемых женщинами. В некоторых случаях женщины могут совершать преступления под влиянием или по указанию партнера.

5. Зависимость от веществ: Зависимость от наркотиков или алкоголя может вести к преступлениям, связанным с поиском средств для приобретения этих веществ или под их воздействием.

6. Социокультурные факторы: В некоторых обществах или культурах женщины подвергаются дискриминации или имеют ограниченные права. Это может вести к преступлениям, основанным на необходимости или отчаянии.

7. Образование и социализация: Отсутствие образования или недостаточная социализация может привести к неумению решать конфликты мирным путем или к непониманию законов и норм общества.

8. Подражание или групповое давление: Некоторые женщины могут совершать преступления из-за влияния друзей или группы, в которой они состоят, особенно если эта группа принимает преступное поведение как норму.

9. Осуждение и стигматизация: Женщины, которые уже совершили преступления и были осуждены, могут испытывать трудности в социальной адаптации после освобождения, что может привести к рецидиву¹.

Эти факторы могут действовать в комбинации, и важно понимать, что каждый индивидум уникален. При исследовании причин преступного поведения женщин необходим комплексный подход, учитывающий все аспекты их жизни.

Борьба с женской преступностью, как и с преступностью в целом, требует комплексного подхода. Основные методы борьбы с женской преступностью включают:

- Профилактика. Основное внимание уделяется социальной профилактике, включая образовательные программы для девочек и молодых женщин, психологическую помощь, поддержку в условиях домашнего насилия и предоставление возможностей для социальной реабилитации.

- Социальная поддержка. Предоставление женщинам доступа к качественному образованию, рабочим местам и жилью может снизить риск вовлечения их в преступную деятельность.

- Специализированные программы реабилитации. Разработка программ, ориентированных на потребности женщин, которые уже совершили преступления, чтобы предотвратить повторное преступное поведение.

- Профессиональное обучение и трудоустройство. Организация программ профессиональной переподготовки и помощь в трудоустройстве для женщин, освобождающихся из мест лишения свободы.

- Терапевтическая помощь. Помощь в преодолении психологических травм, зависимостей и других проблем, которые могут вести к преступному поведению.

¹ Антонян Ю. М. Преступность среди женщин М. : Росс. право, 2020. 256 с.

— Поддержка семьи. Создание условий для воссоединения женщин с их детьми после отбытия наказания и обеспечение социальной поддержки для семей.

— Правовая поддержка. Обеспечение доступа к качественной правовой помощи, особенно для тех женщин, которые сталкиваются с системой уголовного правосудия из-за обстоятельств, связанных с насилием или эксплуатацией.

— Образовательные программы. Разработка программ, нацеленных на формирование у женщин правильного понимания законов и последствий преступного поведения.

— Взаимодействие с обществом. Поддержание диалога с обществом для создания понимания проблем женской преступности и разработки эффективных мер ее предотвращения.

В современном обществе проблема женской преступности продолжает оставаться актуальной. Несмотря на то что доля преступлений, совершаемых женщинами, значительно меньше мужской, их специфика и причины заслуживают особого внимания. Эффективная борьба с женской преступностью требует комплексного и целенаправленного подхода, объединяющего профилактику, социальную поддержку, правовую помощь и реабилитацию. Только глубокое понимание корневых причин, специфики женской преступности и разработка комплексных стратегий могут способствовать ее снижению. Важно, чтобы государство, общество и профессиональные организации объединяли усилия для создания условий, при которых каждая женщина сможет реализовать свой потенциал без привлечения к преступной деятельности.

Жук А. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Курсант

Предупреждение вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры: уголовно-правовой и криминологические аспекты

Аннотация. «Скулшутинг» — антисоциальное явление, получившее широкое распространение на территории Российской Федерации. В судебно-следственной практике норма регламентирующая ответственность «школьных стрелков» отсутствует. Считаем, что отсутствие указанной нормы затрудняет не только деятельность правоохранительных органов, но создает трудности в предупреждении указанного преступления.

Ключевые слова: «скулшутинг», «школьные стрелки», вооруженное нападение, предупреждение вооруженного нападения.

Преступность — социально-негативное явление, которое сопровождало человечество во все исторические периоды. Процесс глобализации с неизбежностью приводит к возникновению проблемных аспектов, своевременность решения которых предопределяет дальнейшую судьбу России. Постоянно развивающиеся общественные отношения требуют внесения своевременных изменений в нормативную правовую базу.

Так, на территории Российской Федерации всё чаще стали встречаться случаи нападения на школы и другие социальные объекты с оружием различного вида. И такое деструктивное социальное явление, как «Скулшутинг» получает все большее распространение. В связи с этим перед правоохранительными органами стоит вопрос, относительно предупреждения рассматриваемого анти-социального явления.

На наш взгляд, предупреждение общественно опасных деяний должно носить комплексный характер, то есть сочетать в себе меры уголовного-правового и криминологического воздействий. Рассмотрим каждый из указанных видов воздействия.

Проблемным аспектом так называемого «скулшутинга», с уголовно-правовой точки зрения, является отсутствие единой правоприменительной практики, что значительно затрудняет деятельность правоохранительных органов. Так, органы предварительного расследования инкриминировали вооруженным стрелкам следующие составы: п. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 4 ст. 111 УК РФ, ст. 205 УК РФ. В связи с этим считаем необходимым ввести специальную норму в УК РФ, предусматривающей ответственность за противоправные деяния школьных стрелков¹.

Во-первых, органам предварительного расследования необходимо установить объект посягательства. На наш взгляд, «школьные стрелки» посягают на неограниченное число лиц: «я не старался убить конкретного человека, я старался показать свою агрессию»², — высказался в суде Бекмансуров. Следовательно, жизнь и здоровье, как основной объект посягательства, в составе данного преступления, на наш взгляд, не в полной мере характеризуют действия стрелков. Поэтому мы склонны считать, что жизнь и здоровье, в рамках данного состава преступления будут выступать в качестве дополнительного объекта.

Наиболее целесообразным, на наш взгляд, дополнить предлагаемую норму в главу «Преступления против общественной безопасности». Для того

¹ Иликбаева Е. С., Жук А. П. «Колумбайн» как террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 244–245.

² «Мам, мне страшно — нас расстреливают» // URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/27/izhschool/> (дата обращения: 11.09.2023).

чтобы оценить правильность квалификации вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры по ст. 205 УК РФ, считаем необходимым разобраться с определением объекта посягательства — общественной безопасности. В данном случае, возникает проблема, связанная с отсутствием формально-закрепленной дефиниции «общественная безопасность». В связи с этим нами были проанализированы определения общественной безопасности Н. С. Таганцева¹, А. И. Рарога², С. И. Гирько³, А. В. Наумова⁴. Указанные ученые утверждают, что под общественной безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов неограниченного числа лиц. Интерпретируя указанное определение под действия школьных стрелков, стоит отметить, что дестабилизация общества состоит в отсутствии уверенности у родителей в безопасности образовательного процесса в учебных заведениях.

Возникает справедливый вопрос: возможна ли квалификация вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры по ст. 205 УК РФ «Террористический акт»? На наш взгляд, составы указанных преступных деяний различны. Обоснуем свою точку зрения, обязательным элементом субъективной стороны террористического акта выступает цель. На обязательное наличие цели указывает Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁵. Определить же цель вооруженных стрелков не представляется возможным, так как анализ судебно-следственной практики свидетельствует о различном представлении вооруженных подростков об идеальном результате.

На основании изложенного предлагаем дополнить перечень террористических преступлений статьей 205.7 УК РФ «Вооруженное нападение на объекты социальной инфраструктуры», т.е. «...*Содействие вооруженному нападению на объекты социальной инфраструктуры, публичные призывы к осуществле-*

¹ Таганцев Н. С., Уголовное уложение 22 марта 1903 г. : С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов., 1904 с. 200–204.

² Рарог А. И., Уголовное право Российской Федерации. Общая часть, 2008 с. 106.

³ Гирько С. И. «Обеспечение общественной безопасности в системе мер защиты личности, общества и государства: состояние, проблемы, перспективы». 2009. № 5. С. 16.

⁴ Наумов А. В. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. 2017. № 3. С. 14.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «Гарант».

нию вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры, публичное оправдание или пропаганда вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры».

Отметим, что формулировка предлагаемой нами статьи должна сочетать в себе основные положения ст. 205–205.6 УК РФ.

Во-вторых, с криминологической точки зрения предупреждение вооруженного нападения на объекты социальной инфраструктуры требует проведения на систематической основе профилактических мероприятий со стороны правоохранительных органов.

Кроме этого, считаем целесообразным проведения в образовательных организациях психологических бесед с обучающимися с применением метода психодиагностики. На наш взгляд, такие беседы должны проводиться не только с обучающимися, отличающимися девиантным поведением, но и иными лицами. Такая позиция позволит устранять конфликтные взаимоотношения, нормализовать эмоциональные контакты обучающихся в учебных заведениях.

Таким образом, предупреждение преступности так называемых «школьных стрелков» должно базироваться на комплексном использовании мер уголовно-правового и криминологического воздействия. В качестве мер уголовно-правового характера целесообразно ввести специальную норму, в качестве мер криминологического характера — систематическое проведения профилактических мероприятий и психологических бесед с целью раннего выявления лиц склонных к совершению подобных преступлений. Такой комплекс мероприятий, на наш взгляд, позволит эффективно бороться с изучаемым общественно опасным деянием, которое, на сегодняшний день, представляет особую угрозу для общества.

Калинина В. Е., Волоскова И. Д.
ВГУЮ (РПА Минюста России)
Студенты

Преступность и ее предупреждение в условиях современных вызовов и угроз

Аннотация. В статье выявлены и анализируются возможные варианты предупреждения преступности с использованием ИТ-технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Интернет, ИТ-технологии, цифровизация, искусственный интеллект, цифровой рубль, мошенничество.

С появлением Интернета жизнь человечества изменилась. ИТ-технологии все глубже входят в нашу жизнь. Мы всё чаще видим роботов, которые помогают нам по домашнему хозяйству, в быту. Различные умные машины заменяют

человека на трудных и опасных производствах. И наконец искусственный интеллект. В этой статье мы бы хотели рассмотреть вопрос несут ли угрозы для человечества новые технологии? Снизят ли они процент преступности или наоборот преступники воспользуются этими технологиями? И главное, как можно предупредить возможную волну преступности с использованием ИТ-технологий и искусственного интеллекта. Мошенники уже начали пользоваться достижениями ИТ. Например, замечены случаи, когда с помощью нейросетей подделывался голос ребенка и был употреблен в шантаже родителей. В данный момент злоумышленники используют новостную повестку как способ обмана людей в Интернете. Опорочить личные данные пользователей, «заразить» компьютеры вирусами, предоставить несуществующие интернет-услуги — неполный список возможностей для мошенничества.

Мы часто стали слышать о внедрении цифровизации. Так что же это такое? Цифровизация — это улучшение бизнес-процессов с помощью современных технологий. Цифровизация трансформация — глубокое изменение системы управления. Применяется цифровизация в производстве и бизнесе, науке, социальной и бытовой жизни. Разберем на конкретном примере. В городе Москва была принята новая стратегия развития «Умный город — 2030». Одно из основных направлений в этой стратегии безопасность граждан. В настоящий момент уже функционирует информационная система мониторинга и управления силами оперативных служб. Система мониторинга безопасности на автодорогах города, а также сбор информации с камер уличного наблюдения об уголовных преступлениях, административных правонарушениях, ДТП. Данная система способна распознавать лица в режиме реального времени и, будучи сопряженной с базой данных лиц, находящихся в розыске за различные преступления, может оперативно выявлять этих лиц и немедленно сообщает оператору. После чего их задерживают. Теперь спрятаться, затеряться в большом городе практически невозможно. Также эта система может быть активно использована в поиске лиц, пропавших без вести. На этом руководство города Москвы решило не останавливаться. Планируется создание городской службы кибербезопасности. В разы увеличить количество видеокамер различных датчиков и систем контроля, системы оповещения населения. Возможно, появятся полицейские беспилотные дроны, которые возьмут на себя задачи слежки и патрулирования улиц. В дальнейшем планируется объединить все эти камеры датчики, системы в единую сеть. Будет внедрен искусственный интеллект, который сможет на основе анализа большого объема данных предсказывать совершения преступления. Но это во многом технологии будущего.

А в настоящее время мы видим ежегодный значительный рост преступлений с использованием ИТ-технологий. Один из основных видов преступле-

ний — это хищение безналичных денежных средств с банковских счетов компаний, банковских пластиковых карт граждан. Мошенники используют специальные программы для подделки документов. И подделывают их довольно легко. Существует рынок поддельных документов, мошенники предоставляют фото паспорта с нужными заказчику данными, фото становится подтверждением, где владелец паспорта держит его в руке. Они могут подделывать все, что может повлиять на решение банка. И всё это с использованием современных ИТ-технологий.

Многие могут сказать, что решение есть — это криптовалюта. Но не все так просто. Во-первых, расчеты в криптовалюте не разрешены во многих странах мира в том числе и в России. Криптовалюта это достаточно сомнительный актив так как он не обеспечен никаким активом. Создатели крипты хотели придумать некий независимый механизм расчетов, который не подконтролен никому. Этим стали пользоваться активно мошенники. Выявить подобные преступления, установить виновных лиц, похищающих мошенническим путем криптовалюту достаточно сложно. Нет соответствующих технологий и практически отсутствует законодательная база регламентирующая криптовалюту и ее оборот.

Поэтому Руководство нашей страны решило создать некий аналог криптовалюты. Это электронный (цифровой) рубль. Цифровой рубль будет действовать на основе блок-чейн — технологии, она будет обеспечивать безопасность. Электронный рубль будет иметь свой код, который храниться в блок-чейне. Клиенты смогут переводить цифровые рубли друг другу через приложения, которые будут разработаны Центробанком Банком России. Храниться деньги будут в специальных кошельках. Доступ к ним будет, через привычный финансовый сервис и через личный кабинет банка. У электронного рубля есть минусы. На хранящийся электронный рубль на специальных кошельках не могут начисляться проценты и электронный рубль нельзя обналичить.

Но есть и плюсы. Электронный рубль будет обеспечен золотым запасом России и тем самым становится надежным платежным средством. А наличие закрепленного за каждым электронным рублем специального кода и невозможность его обналичить практически исключает возможность для мошенников его похитить. А также решает еще целый ряд вопросов по предупреждению и раскрытию финансовых преступлений. Финансовые преступления — это общественно опасные деяния, покушавшиеся на финансово-экономические отношения, урегулированные нормами финансового (в том числе налогового, валютного) права, по формированию, распределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов государства), органов местного самоуправления, иных хозяйствующих субъектов.

Отдельно можно рассмотреть вопросы, связанные с искусственным интеллектом. Искусственный интеллект — это создание программы, которая обладает возможностями, которые мы связываем с человеческим разумом, а именно понимание языка, возможность обучения, способность рассуждать, принимать самостоятельные решения. Такие системы всё больше и больше входят в нашу жизнь. Но несут ли эти технологии только благо или есть угроза? Приведем один пример. В США на военной базе ВВС в Неваде проводились испытания беспилотного летательного аппарата военного назначения, который использовал искусственный интеллект. В его задачах были самостоятельное обнаружение цели, идентификация ее и уничтожение. При этом контроль этого летательного аппарата осуществлял человек оператор. В какой-то момент искусственный интеллект посчитал, что оператор мешает ему выполнить максимально эффективно боевую задачу.

Искусственный интеллект принял решение уничтожить оператора. Это пока единичные случаи, когда искусственный интеллект выходит из-под контроля человека. Но технологии развиваются. И мы понимаем, что это будет происходить всё чаще и чаще. Возьмем скажем другой пример. Беспилотный общественный автомобильный и железнодорожный транспорт. В ряде зарубежных стран уже внедрены подобные технологии. Например, Сингапур. В метрополитене этого города поездами уже управляет искусственный интеллект. Машинистов в них нет. В ближайшем будущем появятся беспилотные такси. Планируется запуск беспилотных грузовых автомобилей по скоростной дороге Москва — Казань. Рассмотрим такую ситуацию. Если произойдет сбой программы искусственного интеллекта, произойдет авария, при которой пострадают люди. Вопрос: кто будет нести ответственность? Разработчик программы, искусственного интеллекта? Или администраторы, которые обслуживали эту программу? Это достаточно серьезная проблема. И нет ее четкого решения потому, что нет нормальной законодательной базы, регламентирующей как создание искусственного интеллекта, так и его дальнейшего использования.

Мы рассмотрели в нашей работе различные направления развития ИТ-технологий и различных систем с использованием искусственного интеллекта. Все они разнообразны и не похожи друг на друга. Но мы выявили одну общую проблему. Отсутствие нормальной законодательной базы, нормативных документов в области кибертехнологий. Мне кажется можно провести следующую аналогию. Люди, которые разрабатывают и внедряют новые ИТ-технологии, искусственный интеллект находятся в самом быстром и самом современном скоростном поезде, который летит в наше будущее. А законодатель в данном случае как будто опоздал на этот поезд. И он выступает в роли догоняющего. Я считаю, что это неправильно. Законодатель должен участвовать непосредственно

с самого начала разработки новых технологий до момента их внедрения в жизнь.

Я считаю, что в момент внедрения продвинутых технологий одновременно была готова законодательная база, регламентирующая работу этих технологий. Если бы так было, то мы уверены, что законодатель и юристы заранее продумывали механизмы, нормативные акты, регламентирующие те или иные действия при сбое или повреждении новых технологий. А разработчики, понимая степень своей ответственности стали бы больше уделять внимания на создание максимально безопасных технологий.

Полежаева К. О.

Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
аспирант

Мошенничество с поддельными предметами искусства: личность преступника

Аннотация. Формулируются подходы к изучению личности мошенника, участвующего в обороте поддельных предметов искусства. Осуществляется попытка типологизации личности фальсификатора, рассматриваются социально-ролевые ситуации.

Ключевые слова: криминология, криминалистика, арт-криминалистика, арт-преступления, личность преступника, поддельные предметы искусства.

Преступления, связанные с оборотом поддельных предметов искусства, в России носят латентный характер, уголовные дела по ним возбуждаются редко¹. Этим обуславливается сложность и в изучении подобных преступлений, и в выделении арт-криминалистики как отдельной дисциплины, и в разработке адекватной методики расследования и профилактики. Соответственно, и криминологическая характеристика преступников вызывает затруднения. Например, в таких делах часто отсутствует рецидив, подпадающий под определение ст. 18 УК РФ, однако выделяется фактический рецидив, или латентный рецидив². Лицо, однажды прибегнувшее к мошенническим действиям, связанным с

¹ Полежаева К. О. Элементы криминологической характеристики преступлений, связанных с продажей поддельных предметов изобразительного искусства // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики материалы международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (г. Самара, 16 декабря 2017 г.). Самара : Изд-во Самарского университета, 2017. С. 149–154.

² Сорокин А. И. Проблемы предупреждения рецидивной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2009. С. 47–51.

оборотом поддельных предметов искусства, и оставшееся безнаказанным, делает это снова. Что объясняется социальными, нравственными и психологическими свойствами личности преступника.

Мы полагаем, что преступников, связанных с оборотом поддельных предметов искусства, можно разделить на три типа. Первый — это *лицо, непосредственно создающее подделки как объекты материального мира*. Им является профессиональный художник или любитель, обладающий достаточными навыками. Например, Хан ван Мегерен, Шон Гринхальг, Жан-Пьер Шекрун, Том Китинг и многие другие. Второй — это *лицо, сбывающее объект материального мира (подделку) с заведомо завышенной стоимостью, и выдающее его за то, чем он не является*. Третий — *лицо, осознающее, что объект материального мира представляет собой подделку, но всё равно сбывающее его как оригинал*. Ко второму и третьему типу фальсификаторов можно отнести продавцов: владельцев предмета, арт-дилеров (посредников), аукционные дома. Такими мошенниками были Отто Вокер, немецкий арт-дилер, выдававший картины своего брата за полотна Ван Гога¹; Глафира Розалес, продававшая живопись современного китайского художника под видом произведений де Кунинга, Полока, Ротко² и многие другие.

В качестве соучастников преступления могут также выступать эксперты-искусствоведы. При совершении преступления они могут находиться в сговоре с названными выше фальсификаторами (как Ивонна Вейхерте в деле с поддельной картиной Карла Гуна³). А могут одновременно выступать в роли не только эксперта, но и автора подделки, ее собственника или посредника.

Мошенник, связанный с оборотом поддельных предметов искусства, среднего возраста, материально обеспечен и интеллектуально развит. Он влиятелен в мире искусства и обладает связями во властных структурах, а также в сфере бизнеса. Его можно отнести к игровому типу преступника. Стремление к наживе выступает в паре с «потребностью человека в игре, удовлетворяющей жизненно важные эмоциональные ощущения»⁴.

¹ Koldehoff S. Van Gogh. Mythos und Wirklichkeit. Köln, 2003.

² Приговор Федерального окружного суда Южного округа Нью-Йорка. URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/usao-sdny/legacy/2015/03/25/U.S.%20v.%20Glafira%20Rosales%20Indictment.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

³ Приговор Московского городского суда. URL: <http://www.gcourts.ru/case/534627> (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ Антонян Ю. М. Личность преступника СПб., 2004. С. 140.

Применительно к обозначенному преступнику эти свойства можно попытаться раскрыть через социально-ролевые ситуации, которые выделяет ряд ученых-криминологов¹.

Первое. «Человек не занимает многих социальных позиций, которые позволили бы ему ознакомиться с нормами государства, «большого общества» и вести себя в соответствии с требованиями права и морали». Изучаемый преступник владеет правовыми нормами не только Российской Федерации, но и ряда европейских стран (прежде всего в рамках гражданского, таможенного, налогового и уголовного права). Мораль в случае с исследуемыми преступлениями отделяется от права. Такого рода мошенничество не только не осуждается общественностью, но может даже отчасти косвенно поощряться. Так, один из респондентов охарактеризовал преступления, связанные с оборотом поддельных предметов искусства, как «месть интеллигенции нуворишам». Под интеллигенцией подразумевались эксперты-искусствоведы. Отсюда, преступник осведомлен о границах законов, а нормы общественной морали содействуют его поведению.

Второе. «Человек занимает одновременно позиции, которые связаны с противоречивыми требованиями, нормами поведения, т.е. налицо конфликт социальных позиций и ролей». Такое положение может занимать автор поддельной работы — художник, который вынужден вступить в сговор с организатором преступления (например, арт-дилером), а также эксперт-искусствовед, занимающий одновременно должности в государственном учреждении культуры и дающий частные экспертные заключения от своего имени, или реставратор.

Третье. «Человек занимает такие позиции, которые прямо диктуют противоправное, преступное поведение». Применительно к обозначенным преступлениям можно отметить возможный насильственный характер некоторых деяний. Например, оказание давления на эксперта-искусствоведа, выдающего заключение. Так, респондент сообщил о пропаже искусствоведа после обнаружения ошибки в датировке старинных стульев. Предварительно ее бывшие клиенты требовали полного возмещения убытков.

Четвертое. «Человек занимает одни социальные позиции, а ориентируется на другие». Данный аспект актуален для начинающих арт-дилеров, которые не обладают еще достаточной клиентской базой, а также для малоизвестных художников, реставраторов, экспертов-искусствоведов.

Вкупе можно отметить, что портрет преступника, связанного с оборотом поддельных предметов искусства, различен в зависимости от исполняемой

¹ Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2007.

роли в преступлении. Как с точки зрения позиций в преступной группе (организатор, исполнитель), так и в зависимости от того, каким типом фальсификатора он является.

Нравственную составляющую личности преступника следует обозначить путем ответа на один из интереснейших вопросов криминологии: «представляет ли собой преступное деяние изолированный акт или оно — звено в цепи определенной системы поступков?»¹. Является ли преступление отходом от общественной нормы, аморально ли оно.

Лицо, осужденное за мошенничество с подделками, в глазах как профессионального сообщества, так и простых обывателей, пользуется порой бóльшим сочувствием, нежели потерпевший. Это связано с обыденным представлением о личности коллекционера как участника арт-рынка. В глазах широких масс он представляется богачом, цитируя респондентов, «недалекого ума, раз не смог подделку опознать», которому «некуда деньги девать». В то время как фальсификатор приобретает черты образа Робина Гуда. При этом общественность не задумывается о масштабах коллекционирования конкретного собирателя, о происхождении его активов. Во многом именно в плоскости отсутствия всестороннего общественного осуждения кроется латентный характер таких преступлений и иные сложности, обозначенные в начале статьи.

Пронин Т. Т.
РАНХиГС
Студент

Анклавизация как фактор роста миграционной преступности

Аннотация. В статье рассматривается состояние миграционной преступности в настоящее время отмечается рост количества преступлений, совершенных мигрантами. В этой связи дается характеристика процесса анклавизации — одного из факторов усиления миграционной преступности.

Ключевые слова: преступность, анклав, мигрант, анклавизация.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации предусмотрен ряд стратегических национальных приоритетов. Одним из них выступает обеспечение государственной и общественной безопасности. Реализация данного национального приоритета зависит от ряда факторов, одним из которых является состояние преступности. Помимо этого, Российская Федерация

¹ Долгова А. И. Криминология М., 2001. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1001912/47/Dolgova_-_Kriminologiya_2001.html (дата обращения: 04.05.2017).

является многонациональным государством, в связи с чем состояние межнациональных и межконфессиональных отношений играет немаловажную роль в обеспечении национальной безопасности в целом.

Говоря о вышеназванных факторах, влияющих на эффективность обеспечения государственной и общественной безопасности, нельзя не упомянуть так называемую «преступность мигрантов» или «миграционную преступность», которая рассматривается в юридической литературе как негативное социальное явление¹. Необходимо отметить, что основу всех потоков трудовой и социальной миграции в России составляют выходцы из государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ)². Ознакомление с данными Федеральной службы государственной статистики позволяет сделать вывод, что миграционный прирост количества граждан стран СНГ остается положительным на протяжении последних нескольких лет³. Интерес представляет статистическая информация МВД России о количестве преступлений, совершенных иностранными гражданами, начиная с 2008 г., из которых на преступления, совершенные гражданами стран СНГ, ежегодно приходится более 80 % (исключением стал только 2021 г., когда данное значение составило 78 %)⁴. Их количество стабильно снижалось, не считая отдельных скачков, до 2022, когда произошел значительный рост — на 15,5 %. В 2023 г. также отмечается тенденция к росту — количество таких преступлений за январь — июль выросло на 4 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. При этом удельный вес количества преступлений, совершенных иностранными гражданами — выходцами из стран СНГ, в течение рассматриваемого периода колебался от 2,8 до 3,4 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Эту информацию о количестве преступлений, совершенных мигрантами, нельзя назвать полной. Она, по понятным причинам, не учитывает преступления, совершенные мигрантами, которые получили гражданство Российской Федерации. С правовой точки зрения они перестают считаться мигрантами, однако многие из них фактически остаются мигрантами в социокультурном плане. Также в юридической

¹ Миграционная преступность: криминологический анализ и предупреждение / В. В. Собольников ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, Сиб. акад. гос. службы. Новосибирск : Наука, 2004. С. 49.

² Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры воздействия на нее / А. В. Буняева, М. В. Буняева, Е. В. Серегина. М. : Кредо, 2017. С. 21.

³ Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=lmvzxbfgh891821159> (дата обращения: 23.09.2023).

литературе неоднократно затрагивалась тема высокой латентности миграционной преступности¹. Обратить внимание стоит и на доклад Председателя Следственного комитета Российской Федерации, который отметил увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных мигрантами за первое полугодие 2023 г., на 32 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Одной из ключевых причин роста миграционной преступности он назвал возникновение анклавов, препятствующих интеграции мигрантов².

Усилению миграционной преступности способствуют процессы анклавизации мест проживания мигрантов, которые отчетливо прослеживаются в настоящее время. Особенности расположения объектов трудовой деятельности мигрантов, стоимость жилья, расположение объектов транспортной инфраструктуры обуславливают концентрацию мигрантов в тех или иных районах. В качестве примера процесса анклавизации можно привести г. Котельники Московской области³.

Анклавизацию стоит рассматривать и как криминогенное фоновое явление, и как условие для формирования других фоновых явлений, которые в совокупности создают питательную среду для миграционной преступности. Так, анклавизация ведет к усилению межнационального антагонизма, ксенофобии, а также открытым межнациональным и межконфессиональным конфликтам. Например, между некоторыми диаспорами существует враждебность, обусловленная политической обстановкой в странах исхода мигрантов или историческими предпосылками, которые могут приводить к обострению межнациональных конфликтов уже на территории Российской Федерации⁴. Более того, существует реальная угроза радикализации мигрантов⁵, в том числе посред-

¹ Е. А. Таюрская Состояние преступности мигрантов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 4 (63). С. 31.

² Председатель СК России принял участие в заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам миграционной политики. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1826796/> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 2. С. 233.

⁴ Китайгородский Е. А. Экстремистская преступность представителей этнических диаспор Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 3. С. 80.

⁵ Трегубова Н. Д., Иванова А. А. Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн, Т. 5. № 3, 2020. С. 157.

ством информационно-психологического воздействия. Анклавизация способствует укреплению таких негативных свойств миграционной преступности, как рецидивность и организованность, в анклавах созданы все условия для формирования этнических преступных группировок¹. Другим ее последствием стóит считать снижение качества образования в учреждениях, функционирующих на территории этнического анклава или прилегающих к нему районов². Более того, рассматриваемый процесс препятствует эффективному функционированию правоохранительных органов в подобных районах: мигранты не содействуют им, и даже, наоборот, встречаются случаи укрывательства лиц, совершивших те или иные преступления, обусловленные национальной принадлежностью³.

Проблема формирования этнических анклавов также обозначена в документах стратегического планирования Российской Федерации. Предупреждение формирования этнических и религиозных анклавов рассматривается Стратегией национальной безопасности Российской Федерации как одна из задач, выполнение которой необходимо для осуществления целей обеспечения общественной и государственной безопасности. В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, противодействие данному явлению рассматривается в качестве одного из направлений миграционной политики в сфере пространственного развития России, причем соответствующее положение появилось в мае 2023 г. Несколько иначе формирование анклавов упоминается в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где данное явление отнесено к угрозам национальной безопасности. Подобные упоминания анклавов демонстрируют готовность органов государственной власти вести борьбу с их формированием. Об их решительности свидетельствуют участвовавшие рейды, направленные на

¹ Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых лицами, не имеющими гражданства Российской Федерации: (на примере преступлений, подследственных Следственному комитету Российской Федерации) : науч.-практ. пособие / А. И. Бастрыкин, А. В. Хмелева, И. А. Цховребова ; под ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 183.

² Бедрина Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. № 2. С. 453.

³ Курманалиев Н. Ж. Анализ формирования замкнутых этнических и религиозных анклавов, создающих предпосылки для совершения преступлений экстремистской направленности // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 198.

выявление нелегальных мигрантов в местах их концентрации¹. Однако рейды, как и реализация уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, скорее направлены на следствие проблемы, а не на ее причины.

Анклавизация является результатом особенностей процессов расселения в российских городах, а также социально-пространственной сегрегации². Следовательно, для противодействия формированию анклавов — одного из ключевых факторов роста миграционной преступности — требуется воздействие на процессы расселения, в том числе путем изменения регулирования государственной политики в сфере градостроения. Ключевой целью такого воздействия стоит считать диффузное расселение мигрантов, то есть равномерное распределение людей по городской территории, что ведет к более высокому уровню субъективного благополучия, снижению тревожности, более низкому уровню агрессии препятствует мигрантофобии³.

Таким образом, ситуация в сфере миграции в настоящее время складывается далеко не лучшим образом. Многие социальные процессы создают основу для детерминации миграционной преступности, которая представляет существенную угрозу общественной и государственной безопасности. В значительной степени это обусловлено процессами формирования этнических анклавов, в том числе трансэтнических районов. Противодействие данному явлению позволит снизить остроту проблемы преступности мигрантов, для чего необходимо воздействовать на процессы расселения. Принятие мер, направленных на это, требует должной научной и законодательной проработки с привлечением широкого круга специалистов.

¹ Сотрудниками СК и МВД проведены обыски и рейды в рамках расследования уголовного дела по факту организации незаконного пребывания мигрантов на территории г.о. Котельники. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1810326/?type=news>.

² Бедрина Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. № 2. С. 460.

³ Лапшина Т. В. Отношение к аутгруппе и субъективное благополучие местного населения при разном типе расселения мигрантов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 4. С. 66.

Свиридова Е. А., Москвитин Е. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Смертная казнь: средство предупреждения преступности или мера, нарушающая право человека на жизнь

Аннотация. В статье рассматривается вопрос применения института смертной казни в Российской Федерации, как средства предупреждения преступности, а также ее роль и эффективность. Особое внимание уделяется выходу России из членства Совета Европы и дальнейшая «судьба» моратория на смертную казнь.

Ключевые слова: права человека, право на жизнь, смертная казнь, предупреждение преступности.

Жизнь любого человека — это важнейшая ценность, потому что в случае гибели человека все остальные права теряют смысл. Институт смертной казни ставит под угрозу это право, но политика государств в отношении него непоследовательна и нелогична, поскольку законодатель то отменяет смертную казнь, то включает ее в систему наказания, что приводит к появлению коллизий.

В Российской Федерации вопрос применения института смертной казни, как инструмента сдерживания преступности, остается открытым, что связано со многими факторами. На это оказывает влияние тот факт, что закрепление данного наказания в юридических документах еще не означало его применение на практике, и наоборот. Так, например, еще в древней Руси смертная казнь нигде де-юре не была закреплена, но де-факто применялась.

На 2023 г. смертная казнь закреплена в статье 59 Уголовного кодекса Российской Федерации¹, но на практике не действует со 2 августа 1996 г. В этот период не было вынесено ни одного смертного приговора, причиной чему служило членство Российской Федерации в Совете Европы. Согласно протоколу № 6 к Конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» (далее — «Протокол № 6»): «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен»². Наряду с прочими требованиями, Россия как полноправный член Совета Европы должна была ввести с 1997 г. мораторий на исполнение смертных приговоров и в течение трех лет

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни ETS № 114 (Страсбург, 28 апреля 1983 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868011> (дата обращения: 22.09.2023).

отменить смертную казнь. Но Российская Федерация была членом Совета Европы с 28 февраля 1996 г. и до исключения 16 марта 2022 г. так и не ратифицировала данный протокол, не приняв специальных федеральных законов Законодательным Собранием Российской Федерации. В настоящее время Государственная Дума РФ неоднократно отклоняет законопроекты, направленные не только на полную отмену смертной казни, но и на надлежащее правовое оформление фактически действующего на нее моратория. Внесенный в Государственную Думу законопроект № 97803716-2 «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни»¹ не был принят в первом чтении. Однако приостановка членства в Совете Европы не подразумевает под собой отмену моратория на смертную казнь. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова заявляет: «Приостановление членства России в Совете Европы не приведет к тому, что в стране будет возвращена такая мера наказания, как смертная казнь»².

При этом не только из-за выхода Российской Федерации из Совета Европы данный вопрос обострился, но и из-за сложной политической обстановки. Это вызывает недоумение и дискуссии среди ученых юристов. Так, согласно исследованию М. В. Бавсуна³, происходит криминализация новых деяний, увеличивается репрессивность уголовного законодательства. В «период с 2012 по 2015 г. Отечественным законодателем в УК РФ, по сути, было внесено беспрецедентное количество изменений, направленных на увеличение объема репрессий за преступления против основ конституционного строя».

Такая тенденция происходит и сейчас, так как в период с 2022 г. по 2023 г. Уголовный кодекс претерпел 20 редакций и было внесено 129 изменений в нормы права, а именно: появились новые уголовно-правовые запреты, например, статья 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации...», статья 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности», статья 282.4 УК РФ «Неоднократная пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики...».

¹ Проект федерального закона № 97803716-2 «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.12.1997). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97803716-2> (дата обращения: 22.09.2023).

² Москалькова прокомментировала приостановку членства России в Совете Европы. URL: <https://ria.ru/20220304/priostanovka-1776410407.html> (дата обращения: 27.09.2023).

³ Влияние факторов геополитического характера на изменения уголовно-правовой политики государства Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 483–493 М. В. Бавсун.

В связи с этим возникает вопрос, если происходит волна криминализации преступлений и ужесточение мер ответственности, то несет ли возможность отмены моратория прямые или косвенные угрозы правам и свободам человека и гражданина?

Большинство ученых считает, что сущностью любого наказания является расплата, которая так или иначе подразумевает под собой лишение его прав, интересов, уменьшение объема его возможностей, введение особого порядка осуществления прав. Например, лицо, осужденное и отбывающее наказание в местах лишения свободы, лишено избирательного права, права на свободу передвижения и выбора места жительства, то есть ограничен в правах и свободах, закрепленными в 22 и 27 статья Конституции РФ¹. В данном случае смертная казнь — это расплата, проявляющаяся в максимальной степени, так как осужденный лишается всех прав и у него отнимают жизнь. С этой точки зрения, она выполняет функцию сдерживания и предупреждения преступлений, поэтому ее воспринимают, как защиту от тяжких и особо тяжких преступлений, она не ставит цель исправить преступника, она призвана наказать виновного суровым способом, изолируя осужденного от общества до исполнения приговора. Это противоречит целям и задачам уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, прописанных в Уголовно-исполнительном кодексе РФ². Целью пенитенциарной системы является обеспечение общественной безопасности, путем перевоспитания осужденных с последующим успешным возвращением их в общество. Но как тогда быть с осужденными к пожизненному лишению свободы? В данном случае, лицо не теряет право на жизнь, но ограничивается в остальных правах, которые он может восстановить после освобождения условно-досрочно, «если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы»³. Но возможность реализации права на условно-досрочное освобождение из исправительных колоний особо режима мала.

Говоря о практике применения института смертной казни, важно учитывать отечественный и зарубежный опыт. В 1996 г. был приведен в исполнение

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2023).

² Статья 1 пункт 2, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2023) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

³ Статья 79 пункт 5, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

последний смертный приговор в России. Это дело серийного убийцы Сергея Головкина, признанного виновным в изнасиловании и убийстве при отягчающих обстоятельствах 11 подростков. Суд над ним проходил с 22 августа по 5 октября при закрытых дверях. От ареста и приведения приговора в исполнение прошло всего 4 года. Это объясняется тем, что гражданин сам признал вину в совершении 3 умышленных убийств из одиннадцати. После прохождения теста на вменяемость, получив положительное заключение, 19 октября 1994 г. Сергей Головкин был приговорен судом к расстрелу. Отказав в прощении о помиловании, 2 августа 1996 г. приговор был приведен в исполнение.

Иначе обстоят дела в Соединенных Штатах Америки, в которой смертная казнь сохраняется в 38 из 50 штатов. Согласно данным Death Penalty Information Center (DPIC)¹, с момента восстановления федеральной смертной казни в 1988 г. по 2021 г. к смертной казни были приговорены 79 обвиняемых, из которых 16 были казнены. Каждое дело о смертной казни санкционируется Департаментом Юстиции (The Department of Justice (DOJ)) в Вашингтоне с участием местных прокуратур США. В США существуют специальные изоляторы, в которых находится федеральная камера смертников. После того, как Конгресс вновь санкционировал высшую меру наказания, смертные приговоры были вынесены в трех штатах: Техас, Вирджиния и Миссури. Как правило, методом приведения исполнения приговора была инъекция, но после 27 ноября 2020 г. были включены и другие методы, среди которых казнь на электрическом стуле, расстрел, казнь газообразным цианистым водородом или гипоксия азотом. Но, как правило, стремятся использовать инъекции, применение которых регулируются рекомендациями того или иного Штата.

У осужденного к смертной казни в США есть право на одну апелляцию, он может обжаловать свой приговор в Апелляционном суде США по округу, в котором рассматривалось дело, подав Ходатайство о замене смертной казни другой мерой наказания не позднее 30 дней после получения уведомления от Тюремного бюро. Все проверки запрашиваются один раз. Как правило, осужденных к смертной казни стараются оправдать, пока те находятся в «камере смертников», однако это действует не всегда. Примером из судебной практики США является дело Уэсли Эванса, который провел 20 лет в смертельной камере штата Джорджия, был казнен в 2017 г.

Таким образом, институт смертной казни в современном обществе получает неоднозначную оценку. Учитывая практику применения и мировые тенденции, важно отметить, что данное наказание не способствует предупрежде-

¹ Death Penalty Information Center. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/> (дата обращения: 27.09.2023).

нию преступности, так как увеличиваются масштабы насилия в обществе и снижается допустимый порог жестокости. При этом применение данного наказания способствуют снижению ценности не только чужой, но и собственной жизни, теряется уровень доверия населения государству, что повышает риски социальной напряженности.

Сергиенко Е. А.

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

Студент

Особенности причинного комплекса женской преступности в Российской Федерации

Аннотация. Прогрессирующий феномен женской преступности представляет угрозу опосредованным негативным влиянием практически на все без исключения сферы социальных отношений. Для разработки, практического внедрения и эффективного применения мер по борьбе с женской преступностью необходимо определить круг порождающих ее причин, на которые должно быть направлено воздействие. Такие определяющие роль женщины характеристики, как высокая доля занятости в производстве, активное участие в общественной жизни, снижение значимости институтов семьи и брака оказываются заложены в систему причинности женской преступности. Вследствие наличия исключительных особенностей категория женщин-преступниц нуждается в особых целенаправленных мерах превентивного и профилактического воздействия.

Ключевые слова: женская преступность, причины преступности, женская психология, социальные и экономические явления.

Криминальная активность женщин — актуальная проблема современности¹, которая носит характер дестабилизирующего фактора, требующего исследования своей причинности. Женская преступность как сложное криминальное явление не повторяет мужскую, а отличается масштабами, характером и последствиями совершаемых деяний, причинностью, орудиями и средствами, способом совершения и т.д.

Различия объясняются исторически обусловленным местом женщины в общественном контексте, ее социальными ролями, биологическими и психологическими особенностями. При этом социально-демографические и нравственно-психологические детерминанты обладают признаками прогрессивно-

¹ Осипян Н. Б. К вопросу об особенностях женской преступности // Психология и право. 2011. Т. 1. № 2.

негативного развития. С каждым годом женщины «догоняют» мужчин, совершая всё более тяжкие преступления, происходит «феминизация» [традиционно] мужской тяжкой насильственной преступности (включая убийства, причинение вреда здоровью, разбой, бандитизм и др.). Кроме того, в настоящее время в структуре женской преступности преобладают преступления с элементами физической агрессии, корыстные преступления.

В связи с негативными тенденциями представляется необходимым проанализировать причинный комплекс и систему мотивации совершения противоправных деяний женщинами. Причины, склоняющие их на преступный путь, заключены в проблемах общественных институтов; а в каждом отдельном случае общая причинность порождает внутреннюю мотивацию. Помимо общесоциальных причин выделяются (а иногда ставятся на первое место) биологические особенности женщин. Однако объяснение поведения преступниц исключительно с биологической точки зрения не представляется корректным. Первоочередной фактор — именно внешние явления современной действительности, влияние которых лишь усиливается через внутренние [психологические] побуждающие к преступной деятельности стимулы.

Как уже было отмечено, анализ криминальной активности женщин часто связывается с особенностями женской психологии, определенная корреляция которой с состоянием женской преступности всё же не оспаривается. Для данной категории лиц свойственны определенные качества и потребности — например, повышенная в отношениях с окружающими чувствительность, предрасположенность к неврастению и психопатии, стремление к совершенству, конформизм¹. В связи с этим у женщин [по сравнению с мужчинами] наблюдается более радикальный подрыв взглядов, ценностей и стереотипов.

Один из самых распространенных стимулов совершения женщинами насильственных преступлений, например, в семье — выработка механизма «высвобождения» накопленного за долгое время стресса через причинение вреда жизни и здоровью более слабым членам семьи². Травмы, связанные с семейными и производственными конфликтами, неустроенностью личной жизни носят более затяжной и глубокий характер. Таким образом, женщины более эмоциональны, быстрее приобретают деструктивные психологические качества под воздействием внутренних и внешних негативных установок³.

¹ Громов В. Г. Женская преступность: вопросы детерминации и предупреждения // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 2.

² Алексеева Е. А. Криминологическая характеристика женщин, совершающих преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 4 (79). С. 466.

³ Волкова А. С. О некоторых современных тенденциях женской преступности в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 63.

Это — биологическая составляющая общей причинности женской преступности.

Помимо психофизиологических особенностей, сто́ит отметить социально-нравственные обстоятельства, формируемые в условиях социальной жизни. Так, институт семьи переживает значительное переосмысление и смещение главных ценностей — традиционное понимание семьи ставится под угрозу. Но главным является то, что тенденция такова — после рождения ребенка женщина часто остается одна. Без поддержки близких она становится единственным родителем ребенка, зачастую без постоянного места работы и дохода. Именно эти обстоятельства «подталкивают» женщину на совершение преступлений — волевая и нравственные сферы личности искажаются. То же происходит и под влиянием семейно-бытовых конфликтов. Кроме того, подтверждением глубокой нравственной деградации структуры семьи служит тенденция роста количества совершаемых матерями убийств собственных детей. Это — потеря проявления высших эмоциональных составляющих любви и заботы; понижение общественной значимости институтов семьи, материнства и детства.

С проблемами института семейного воспитания связана и такая тревожная тенденция, как понижение возраста женщин-преступниц. Судебная практика служит подтверждением совершения зверских убийств группами девочек-подростков¹; они всё чаще становятся организаторами и (или) лидерами преступных групп, соисполнителями тяжких преступлений совместно с мужчинами. Примеры реальной действительности могут служить подтверждением и того, что девочка-подросток с большой вероятностью продолжает аморальный и противоправный образ жизни своей матери. Это утрата моральных и нравственных, дестабилизирующая общество (особенно молодое поколение), а также распространение бездуховных образов действий.

Важно также отметить роль пропаганды тем насилия, жестокого обращения, романтизации преступников и преступного образа жизни, бессилия и коррумпированности сотрудников правоохранительных органов. Такие факторы через средства массовой информации, формируют стереотипы поведения [в первую очередь] у молодых женщин, побуждают их к ведению асоциального и (или) антисоциального образа жизни. Повышение доступности алкоголя и наркотиков для несовершеннолетних также имеет отрицательное влияние. Интересно отметить, что в науке многие склонны полагать, что у женщин быстрее наступает физическая и психическая зависимость от алкоголя, наркотических и психотропных веществ (даже при низких дозировках). Все вышеперечисленные

¹ Парижская Е. Н. Состояние женской преступности в Российской Федерации на современном этапе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2.

факторы, отрицательное влияние как собственной, так и родительской семьи¹ обосновывают склонность женщин на социально-психологическом уровне к социальной деградации личности.

Ранее считалось, что главная задача женщины заключается лишь в создании семьи и поддержании уюта в ней, рождении и воспитании детей. В современном же мире женщина проходит не одну образовательную ступень, строит карьеру (и может быть занята в самых разных сферах производства, политической и общественной жизни), стремится всесторонне развиваться. Женщины теперь — активные участники экономической стороны жизни. Вследствие этого на них ложится тяжелый груз профессиональных и семейных обязанностей; женщины придают большое значение поиску дополнительных доходов для удовлетворения своих потребностей², в том числе немедленно.

Так, мотивом совершения преступных деяний при невозможности законного приобретения желаемых ценностей становится направленность на извлечение экономической выгоды и личного обогащения — то есть стимулы материально-вещевого характера. При этом корысть носит различные «оттенки» — корысть-престиж, семейная корысть, корысть-паразитизм, корысть-подражание и т.д.

Еще одним экономическим фактором, который является «катализатором» женской преступности, является безработица. При исключении из трудовой сферы, отсутствии занятости происходит некоторое потрясение, нарушающее привычный и нормальный уклад жизни. Отсутствие работы — отсутствие заработка, что не позволяет удовлетворить базовые потребности в благах первой необходимости. Невозможность реализации, чувства незащищенности и нестабильности, безработица, падение уровня жизни приводят к тому, что женщины нередко встают на криминальный путь. Всё это — детерминанты экономико-социального характера, занимающие не последнее место в причинном комплексе женской преступности.

Женщина, единожды переступив черту уголовного закона, достаточно быстро теряет социальные связи и высокий духовный уровень внутренних качеств. Отсутствие семьи, прерывание связи с детьми, утрата навыков работы, ухудшение общего психического состояния — совокупность последствий преступной десоциализации. А в большинстве случаев ресоциализация личности не происходит — значит, склонность к совершению антиобщественных деяний

¹ Ильченко О. Ю., Хорошилова А. А. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 26.

² Громов В. Г. Женская преступность: вопросы детерминации и предупреждения // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 2.

под влиянием все тех же социальных, экономических и усиливающих их психофизиологических качеств при утрате твердых моральных принципов остается.

Именно поэтому важен анализ причинного комплекса криминальной активности женщин — чтобы первопричина была искоренена, она должна быть явно обнаружена. Отрицательные условия социальной действительности, становясь причинами-катализаторами женской преступности, порождают лишь новые деструктивные для общества явления.

XXVI. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Ватащук Д. А.

Сургутский государственный университет

Студент

Синдицированный кредит в российском праве в условиях международных санкций

Аннотация. До 2022 г. синдицированное кредитование активно развивалось при участии иностранных субъектов. Однако в результате введения беспрецедентного количества санкций на отечественную экономику данный институт в России практически полностью стал самостоятельным, лишившись иностранного участия, а значит, и возможности регулирования зарубежным законодательством, но не потерял своей актуальности. Данные факты обуславливают необходимость совершенствования законодательства в сфере правового регулирования синдицированного кредитования.

Ключевые слова: синдицированный кредит, заемщик, кредиторы, санкции.

Синдицированный кредит — это заем, предоставляемый двумя или более банками на единых условиях в соответствии с подписанным всеми сторонами кредитным соглашением.

Развитие данного вида кредитования в России началось после распада СССР и перехода страны к рыночной модели экономики. К 2021 г. его объем перекрыл наиболее позитивный прогноз специалистов более чем в 2 раза¹. Однако на протяжении всего периода основными кредиторами оставались иностранные крупные банки, а доля российских кредиторов, хотя и росла с течением времени, но продолжала оставаться в объеме менее 50 % от всего количества предоставленных средств кредитования.

В 2022 г. в результате международных политических событий российская экономика оказалась под действием огромного количества санкций со стороны США и стран Евросоюза, крупные кредиторы которых в основном и являлись основными участниками института синдицированного кредитования России, в результате чего российский рынок синдикаций в 2022 г. оказался сосредоточен на локальном формате.

¹ Тарасов А. Инвестбанки уходят в синдикаты. Три перспективных инструмента на рынке синдицированного кредитования // Национальный банковский журнал. 2021. № 198. С. 50–54. URL: https://nbj.ru/res/pdf-2021/nbj_03_2021.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

После достаточно активного роста в 2021 г. показатели объема синдицированного кредитования в России предыдущего календарного года снизились в 17 раз по сравнению с предыдущим периодом, единственными представителями банковской системы, оставшимися участниками данного института, стали Российский банк ВТБ и ВЭБ.РФ¹.

Анализируя законодательство, действовавшее в России до 2022 г., касающееся синдицированного кредитования, можно увидеть, что его основу составлял Федеральный закон № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 486)², основой регулирования которого является лишь один вид рассматриваемого кредитования — совместно инициированный синдицированный кредит, что стало предметом обсуждения и дискуссии среди общества юристов России, которые отмечали недостаточность регулирования многих вопросов³, а Ассоциация Банков России выделила в качестве одной из проблем, тормозящих развития синдицированного законодательства, отсутствие четкой регламентации таких аспектов, как осуществление прав группы кредиторов по кредитному договору, осуществление прав группы кредиторов по договору о залоге, субординация требований кредиторов и ряда других.

В период с 2018 по 2021 г. в Федеральный закон № 486 были внесены некоторые изменения, уточняющие, в частности, список возможных заемщиков по синдицированному кредитованию, порядок реализации прав кредиторов в случае банкротства заемщика, порядок смены лиц в обязательстве и ряд других аспектов. Однако сообщество юристов России, анализируя поправки, всё еще придерживается мнения о продолжении существования ряда недостатков и отсутствия ясности в регулировании, например, вопросов, касающихся полного перечня прав заемщика, судьбы договора в случае выхода всех, кроме одного,

¹ Чеканов П. Е. Синдицированное кредитование: тенденции развития в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 61. 96–112 с.

² Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ (в редакции от 22 декабря 2020 г.) «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW286745/> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Маловицкий Р. Синдицированное кредитование в России // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sinditsirovannoe-kreditovanie-v-Rossii/> (дата обращения: 04.09.2023).

кредиторов из договора и процедуры регулирования такой ситуации, строгого ограничения списка возможных заемщиков кредита¹.

В 2022–2023 г. в регулирование синдицированного кредитования пока не было внесено почти никаких изменения для уточнения его использования после ухода многих иностранных банков. Из предпринятых мер можно выделить только внесение изменений в постановление Правительства от 15.02.2018 Г. № 158 в части уточнения условий синдицированного кредитования в рамках программы «Фабрика проектного финансирования». Также была принята новая форма стандартного договора синдицированного кредита, которая была представлена на заседании Комитета по инвестиционным банковским продуктам Ассоциации банков России.

Таким образом, можно сделать вывод, что отмечаемые после принятия Федерального закона № 486 проблемы регулирования синдицированного кредитования, по сути, не были должным образом исправлены, что дает основание полагать, что правовое регулирование рассматриваемого вопроса остается не до конца усовершенствованным на данный момент.

Синдицированное кредитование, как отмечалось до 2022 г. многими экономистами, представителями бизнес-сообщества, значительно упрощает процесс привлечения финансирования, благодаря тому что заемщик получает доступ к более гибкому инструменту, в отличие от двустороннего кредитного договора с каждым банком². В новых существующих реалиях, несмотря на усложнение процедуры привлечения заемных средств из-за ухода иностранного банковского сегмента из России, данный вид кредитования также можно рассматривать актуальным и полезным для развития экономики страны. Так, представители Ассоциации Банков России видят перспективы для восстановления роста объемов синдицированного кредитования, отмечая, что объем синдицированного кредитования в России с учетом фабрики проектного финансирования в ближайшие два года может превысить 2 трлн руб.

Подобные прогнозы дают основание полагать, что вопрос с совершенствованием законодательства в данной сфере остается актуальным, а значит, сохраняется необходимость рассмотрения путей для этого.

¹ Кучер А. Изменения законодательства о синдицированном кредите // URL: <https://www.debevoise.com/-/media/files/insights/publications/2021/04/20210414-law-on-syndicated-loans-amended-rus.pdf?rev=6961172711a447f2a27f3bfb4ccc2f2f> (дата обращения: 04.09.2023).

² Попкова Л. А. Понятие и существенные характеристики синдицированного кредита // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. 144–151 с.

Поскольку передовым и самым прогрессивным законодательством в сфере синдицированного кредитования считается законодательное регулирование в Великобритании, на которое впоследствии стали ссылаться правовые нормы США, а также других стран Западной Европы, опираться при анализе возможных решений для устранения законодательных пробелов в отечественном законодательстве предполагается обоснованным на него.

Одним из главных проблемных пунктов отечественного законодательства по синдицированному кредитованию является пункт об ограничении лиц, которые могут взять данный вид займа. В регулировании вопроса в Великобритании отсутствуют прямо закрепленные ограничения, при выдаче кредита заемщику, синдикаты банков рассматривают его кредитоспособность, поэтому чаще всего заемщики здесь — крупные корпорации, инвестиционные компании, а также суверенные государства, но также встречаются случаи выдачи синдицированных кредитов средним предприятиям, что показывает отсутствие ограничений в данном вопросе¹.

Еще одним неурегулированным вопросом остается аспект с предоставлением залога для обеспечения синдицированного кредита. Законодательство и практика Великобритании устанавливает порядок обязательного заключения договора о займе, предметом которого является любое имущество заемщика, эквивалентное по стоимости объекту договора займа, то есть объему денежных средств². Такой подход представляется отвечающим интересам как кредитора, так и заемщика.

В зарубежном законодательстве широкому регулированию подвергаются права заемщика, что является также проблемной сферой отечественного законодательства, например, в действующем Федеральном законе № 486 отсутствует упоминание права заемщика требовать выдачи кредита через запрос на выборку.

В результате можно сделать вывод, что многие вопросы, обозначаемые в качестве проблемных в законодательном регулировании синдицированного кредитования в России, уже решены и проверены многолетней практикой в зарубежном законодательстве. Текущая ситуация, в условиях которой синдицированное законодательство станет больше отечественным инструментом с уменьшением доли иностранного участия, а также с учетом прогнозов по про-

¹ JMLSG Guidance. Syndicated Lending // URL: https://www.jmlsg.org.uk/wp-content/uploads/2020/01/Sector_17_Syndicated_Lending_Final_Board_approved_Sept_2019_HMT_approved.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

² Казаченок О. П. Правовое регулирование за рубежом и международная практика синдицированного кредитования // Legal Concept. 2017. № 16. 144–151 с.

должению развития и росту спроса на данный вид кредитования у отечественных компаний, дает основание предполагать, что вопрос с совершенствованием действующего законодательства и принятия поправок, которые могли бы разрешить существующие пробелы, является актуальным на данный момент. Предложенные в зарубежном регулировании правовые инструменты их разрешения представляются эффективными и проверенными на практике, а значит, могут быть внедрены и быть использованы для повышения эффективности действия синдицированного кредитования в России.

Геллерт Э. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Особенности правового регулирования отношений в сфере параллельного импорта в условиях санкций

Аннотация. На данный момент Российская Федерация является государством, на которое введено самое большое количество санкционных ограничений, что сказывается на экономике. В статье анализируются законодательные акты, которые обеспечивают устойчивое развитие рынков товаров и услуг в условиях санкций.

Ключевые слова: параллельный импорт, правообладатель, экспорт, товары.

После начала специальной военной операции на Украине многие товаропроизводители ушли с рынка, что породило повышенный спрос на продукцию, выпускаемую ими. Основная цель параллельного импорта — обеспечение внутреннего рынка необходимыми товарами и стабилизация цен на них. Эта мера продиктована прежде всего экономической необходимостью.

Параллельный импорт — это ввоз из иностранных государств импортерами оригинальных товаров, в которых выражены объекты интеллектуальной собственности без согласия правообладателя. Возможность его использования зависит от режима исчерпания права (международного, национального и регионального). Согласно статье 1487 ГК РФ в нашей стране установлен национальный принцип исчерпания права, т.е. право на распространение товара правообладатель утрачивает после того, как выпустил свой товар на рынок. В статье 1359 ГК РФ п. 6 указано, что не является нарушением исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец его ввоз на территории РФ, применение, предложение о продаже, продажа и иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей данного продукта¹.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023) // URL:

Европейский Союз с начала специальной военной операции старается препятствовать экспорту товаров, произведенных на его территории. Так, в 4 пакете санкций от 15.03.2022 в Россию запрещен провоз предметов роскоши. В 6 пакете санкций от 03.06.2022 расширен список высокотехнологичных товаров, запрещенных к ввозу в Россию, за счет включения дополнительных химикатов, которые могут быть использованы в процессе производства химического оружия. В 11 пакете продлевается запрет на транзит некоторых товаров двойного назначения (передовые технологии, авиационные материалы), экспортируемых из ЕС в третьи страны через Россию; расширяется запрет на экспорт автомобилей класса люкс, всех новых и подержанных машин, объемом свыше 1,9 л, а также электрических и гибридных автомобилей¹.

Правительство РФ приняло постановление от 29.03.2022 № 506 (ред. 28.06.2023), в котором приняло решение разрешить ввоз в страну определенных товаров иностранного производства без согласия правообладателей. Почти все европейские товаропроизводители ушли, однако это не помешало их продукции появляться на российском внутреннем рынке. Через Казахстан, Армению, Турцию, Китай и другие страны ввозятся необходимые предметы быта, техники и пр. Приказом Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 утвержден перечень таких товаров.

Несмотря на наличие таких законодательных актов, поддерживающих функционирование параллельного импорта, у данной системы есть свои недостатки. Во-первых, товары поставляются в ограниченном количестве, что зачастую мешает использовать их в полную меру. Так, запчасти машины марки Mercedes Benz поставляются в основном из КНР, однако после отключения российских дилеров от своего ПО, гражданам нашей страны, владеющим данным автомобилем, будут недоступны многие функции, которые облегчали его использование. Во-вторых, ЕС и США пристально следят за экспортом своих товаров, раскрывая и пресекая возможность их ввоза в нашу страну. Летом 2023 г. голливудские студии раскрыли схему поставок нелегальных копий фильмов из Казахстана в Россию, что привело к переносу срока показов многих премьер в российских кинотеатрах.

Данные факты свидетельствуют о целесообразности совершенствования законодательства в сфере параллельного импорта и необходимости его детализации.

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/11c74717682795e6ef099015bbcba71081a5b918/ (дата обращения: 21.08.2023).

¹ Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine // URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en (дата обращения: 21.08.2023).

Котова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Защита публичных интересов при регистрации товарных знаков

Аннотация. В статье рассматривается противоречие публичным интересам, как основание для отказа в регистрации товарных знаков. Исследуется критерий защиты публичных интересов не только в нормах национального, но и в нормах международного законодательства. Обобщается некоторая судебная практика российских судов при рассмотрении таких споров. Устанавливается взаимосвязь защиты публичных интересов защитными оговорками и защиты общественных интересов статьей 1483 ГК РФ, Парижской конвенцией. В исследовании делается вывод об общности общественных интересов по смыслу статьи 1483 ГК РФ и негативной оговорки. Обращается внимание на защиту публичных интересов в условиях санкций. В завершении отмечаются и некоторые проблемы, связанные с применением указанного основания отказа в регистрации товарного знака.

Ключевые слова: международное частное право, публичный интерес, публичный порядок, товарный знак, сверхимперативные нормы, защитная охрана.

Публичные интересы, являясь одним из основных объектов защиты в международном частном праве, составляют публичный порядок и служат основой применения защитных оговорок. Такими оговорками являются нормы, закрепленные в ст. 1192 (позитивная оговорка/сверхимперативные нормы) и ст. 1193 (негативная оговорка/оговорка о публичном порядке) Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Защитные оговорки базируются на публичных интересах, к которым ч. 3 ст. 55 Конституции РФ² относит: «основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства».

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Стоит отметить, публичные интересы (публичный порядок) входят в основу применения не только лишь защитных оговорок, они также являются немаловажным критерием в сфере интеллектуальных прав. Так, ст. 1483 ГК РФ¹, помимо прочего, закрепляет и те основания для отказа в государственной регистрации товарного знака, которые направлены на защиту публичных интересов.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 3 ст. 1483 ГК РФ², регистрация обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали не допускается. Если говорить о том, что включают в себя публичные интересы по смыслу указанного пункта, то стоит обратиться к Руководству по экспертизе товарных знаков, составленному Роспатентом, где он указал, что «под общественными интересами подразумевается публичный порядок, основы правопорядка»³.

Интересным представляется взаимосвязь указанных положений со ст. 1192 и 1193 ГК РФ⁴. Так, при использовании позитивной оговорки применяются нормы позитивного права, а при использовании негативной, как указывает А. А. Шулаков в своей работе относительно становления концепции публичного порядка: «В соответствии с доктриной Ф. К. Савиньи, — «добрые нравы», включающие в себя основы морали, религиозные постулаты, экономические и культурные ценности и традиции»⁵.

Кроме того, к публичным интересам при охране товарных знаков обращается и Парижская конвенция по охране промышленной собственности (далее — Парижская конвенция). Так, например, ст. 5 (С) допускает использование сходных товарных знаков, при условии отсутствия противоречия публичным интересам, а ст. 6 (в), аналогично ст. 1486 ГК РФ⁶, указывает на невозможность регистрации обозначений, если они противоречат морали или публичному порядку.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Руководство по экспертизе товарных знаков // Сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_rospatent.pdf/ (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Шулаков А. А. Становление концепции публичного порядка в современном международном частном праве. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019;(10). С. 88–100.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что общественные интересы в ст. 1486 ГК РФ¹ и Парижской конвенции — это публичные интересы по смыслу негативной оговорки ст. 1193 ГК РФ.

Обращаясь к правоприменительной практике, можно отметить, что противоречие товарных знаков публичным интересам является частым предметом арбитражных споров.

Так, судом было оставлено в силе² решение о недопущении регистрации обозначения в качестве товарного знака «В КАЖДОМ ЕСТЬ ЧТО-ТО РУССКОЕ». Примечательно в этом деле, что заявитель хотел зарегистрировать обозначение в 33 классе МКТУ (алкогольная продукция). В своем решении³ суд отметил, что такое использование обозначения именно в отношении алкогольной продукции будет вызывать у потребителей мнение о том, что употребление алкоголя присуще исключительно русскому человеку и намекает на его склонность к пьянству. Естественно, что суд счел подобную связь недопустимой. Таким образом, практика исходит из соображений, что противоречие публичным интересам может заключаться применительно только к определенной группе товаров.

В недавнем громком деле⁴ суши-ресторан суд обязал сменить название по той же причине. В судебном заседании представитель ресторана утверждал, что название является переводом с японского языка «День недели — суббота». Интересным представляется, что еще в 2019 г. ресторану отказали в регистрации товарного знака в связи с противоречием общественным интересам.

Таким образом, отказ в регистрации товарного знака ввиду противоречия общественным интересам исходит из таких же соображений, что и ст. 1193 ГК РФ⁵.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2012 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/454665464?ysclid=lm8uxakfsw77064100/> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.10.2011 // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/454665464?ysclid=lm8uxakfsw77064100/> (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 31.03.2023 по делу № А33-31075/2022 // kad.arbitr.ru. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e8515441-eb78-4b10-a4d3-c0831110028a/> (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо также отметить и существующие проблемы, выявленные непосредственно в практике. Межправительственный комитет ВОИС на 37 сессии отметил, что «противоречие морали» и «противоречие публичному порядку» — это достаточно общие понятия, которые применяются на основании того, что признается в конкретной стране, регионе противоречием морали или введением в заблуждение¹. И таким образом, оценка одних и тех же обозначений может сильно различаться не только в рамках разных государств, но и в рамках одной страны с различными социальными группами. Кроме того, решение о противоречии публичным интересам принимается конкретными сотрудниками государственных органов, что предполагает субъективный характер оценки того или иного обозначения.

Также стоит отметить, что с введением санкционных ограничений в отношении Российской Федерации, а также организаций, находящихся на ее территории, применение критерия противоречия публичным интересам как никогда стало не только актуально, но и требовать от правоприменителя высокого уровня оценочных суждений. По мнению автора, одной из основных задач на сегодняшний день является недопущение злоупотребления использованием указанного критерия для целей сохранения взаимовыгодных международных отношений.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Исходя из разъяснений Роспатента, толкования норм ст. 1483 ГК РФ², а также положений Парижской конвенции³ — защита публичных интересов при регистрации товарных знаков основывается на ст. 1193 ГК РФ⁴, где под публичным порядком понимаются «добрые нравы». Но также можно говорить о том, что положения ст. 1483⁵ дополняют публичный порядок по смыслу 1193 статьи⁶, позволяя относить к нему исторические ценности государства и добросовестное отношение к обществу в целом. Исходя из практики можно отметить, что одно и то же обозначение, применимо к разным группам товаров, может быть как

¹ 37-я сессия Межправительственного комитета ВОИС // URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/ru/wipo_grtkf_ic_37/wipo_grtkf_ic_37_7.pdf // (дата обращения: 04.09.2023).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 01.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

⁶ Там же.

допустимым, так и, по отношению к какой-либо конкретной группе, признаваться противоречащим публичному порядку. При разрешении таких споров, равно как и при экспертизе при регистрации товарных знаков, правоприменитель должен исходить помимо собственных морально-оценочных суждений, еще и из мнения общественности (возможных потребителей).

Лановая Е. Р.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Санкции и инвестиции: адаптация в условиях ограничений

Аннотация. В условиях введения недружественными государствами санкций против России, инвестиционный климат претерпел существенные изменения. Российская Федерация принимает ряд мер в условиях санкционной конфронтации для поддержки и защиты российских инвесторов, чьи активы были заморожены.

Ключевые слова: экономические санкции, инвестиции, инвестиционный климат.

Главным фактором, оказывающим влияние на инвестиционный климат России, являются экономические санкции, которые представляют собой ряд определенных правительственных мер торгово-экономического и финансового характера к другим странам или конкретным лицам — физическим или юридическим, принимаемых с целью оказания политического воздействия.

В условиях воздействия кризисов, связанных с давлением западного сообщества на российскую экономику в целях принуждения к отказу от решений, принимаемых руководством страны на внешнеполитической арене, национальная экономика сталкивается с существенными ограничениями¹. Начало специальной военной операции повлекло за собой санкции со стороны других стран, что ограничило доступ российских компаний и частных инвесторов к их активам за рубежом. Для ограничения негативных последствий и обеспечения стабильности для инвесторов, Российская Федерация принимает меры для улучшения инвестиционного климата, поддерживая российских инвесторов, чьи активы были заморожены, а также проводит политику относительно иностранных инвестиций внутри страны.

¹ Власова О. В. Влияние политико-экономических санкций на инвестиционный климат в России / О. В. Власова, Т. В. Скобликова, Н. Д. Жмакина // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5-3. С. 337–343. DOI: 10.17513/vaael.2215. EDN: LXQKXV.

В 2022 г. санкции против России были усилены в связи с началом специальной военной операции на Украине, что отразилось на экономическом потенциале государственного финансового рынка, кредитно-банковской системе, поскольку множество стран выдвинули антироссийские санкции, приняв более 10 тыс. ограничительных мер воздействия, которые оказали влияние на отечественное предпринимательство. Помимо этого, большие изменения претерпела нормативная база. Так, Правительство РФ, в ответ на введенные меры иностранных государств, утвердило перечень иностранных государств и территорий, которые совершают в отношении государства, а также российских компаний и граждан недружественные действия¹.

Несмотря на обострившийся политический конфликт, экономика России трансформируется под обстоятельства — наше государство поставило перед собой следующие задачи: разработать мероприятия для поддержки российских инвесторов после блокировки ценных бумаг на иностранных рынках и минимизировать финансовые потери путем укрепления устойчивости экономики благодаря предоставлению гарантий инвесторам.

После начала специальной военной операции, многие иностранные государства, такие как Европейский Союз, США, Великобритания, заблокировали активы российских инвесторов после введения персональных и секторальных санкций, вследствие чего владельцы ценных бумаг были ограничены в возможности распоряжения ими, в том числе не смогли получить по ним доходы и средства от их погашения. Валютные инвестиции сократились из-за санкций и геополитических рисков примерно на 30 % — иностранные ценные бумаги на российских брокерских счетах заблокированы².

Начиная с конца февраля иностранные ценные бумаги стали недоступны для санкционных брокеров. Кроме того, с 1 ноября постепенно вводился запрет на торговлю зарубежными ценными бумагами для всех брокеров. Из-за технических сложностей внедрения постепенных ограничений, с 1 января брокеры полностью запретили покупку зарубежных ценных бумаг неквалифицированным инвесторам (им разрешено покупать и продавать наименее рискованные ак-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

² Тарасенко О. А., Андропова Т. А. О валютных ограничениях 2022 года, введенных в действие в отношении физических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-valyutnyh-ogranicheniyah-2022-goda-vvedennyh-v-deystvie-v-otnoshenii-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 23.09.2023).

тивы такие как государственные облигации, акции крупных и надежных компаний, в основном действующих в России и Евразийском экономическом союзе). Центральный банк регулярно ужесточает правила покупки ценных бумаг недружественных стран в ответ на санкции со стороны западных стран, что сделано для снижения рисков у самих инвесторов, которые вкладывают активы в иностранные компании (например, СПБ Биржа ограничила покупку акций американских военно-промышленных компаний).

Эти ограничения не касаются лиц со статусом квалифицированного инвестора которому доступны иностранные ценные бумаги любых эмитентов, как дружественных, так и недружественных. Однако для привлечения новых инвестиций и увеличения их масштабов Банк России обсуждает возможность введения специального квалифицированного экзамена — в качестве альтернативы для денежного критерия, как одного из ныне существующих, поскольку он создает большие ограничения для некоторых инвесторов, а значит, становится еще одним препятствием для доступа к иностранным и продвинутым инструментам.

Из существующих инструментов минимизации риска инвестиционной деятельности были отмечены возможности АО «Эксар» в части страхования инвестиций от политических рисков, сопряженных с экономической деятельностью в иностранном государстве. Компания работает с инвесторами, чтобы понять их толерантность к риску и финансовые цели. На основе этих данных АО «Эксар» помогает структурировать портфель, чтобы соответствовать инвестиционным ожиданиям клиента.

В ответ на введенные санкции, Банк России предусмотрел ограничения для вывода капитала инвесторами-нерезидентами, например, был установлен процент на возможность вывода капитала в течение одного квартала¹. Эти ограничения меняются в зависимости от различных факторов, включая характеристики инвестиций и макроэкономическую ситуацию, и их введение было необходимо для предотвращения неконтролируемого бегства капитала в кризисные периоды, поскольку многие инвесторы принимают решения на основе политического давления, а не экономических факторов или долгосрочных перспектив.

Несмотря на наступивший кризис, физические лица стали чаще инвестировать в акции, что оказало существенную поддержку российскому рынку ак-

¹ Астапов К. Л. Стратегические направления развития российского финансового рынка в санкционных условиях и в перспективе // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 4. С. 99–112. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-99-112. EDN: URBRYU.

ций — объемы покупок выросли с февраля 2022 г. в 13,5 раз — пишет Центральный банк в обзоре рисков финансовых рынков¹. Это свидетельствует о постепенном выравнивании внутренней обстановки на инвестиционном рынке.

Министерство Финансов совместно с Центральным банком разработали ряд мер для упрощения выплаты дивидендов иностранцам. Условием для их применения необходимы «новые» инвестиции в российскую экономику, но при этом компании смогут вывести не больше, чем вложили с апреля 2023 г. Таким образом, мы видим, что власти России проводят разграничение между недружественными и дружественными нерезидентами не по странам, а по срокам вложения активов: для «старых» инвестиций продолжают действовать ограничения на счетах и невозможность вывода активов без существенных потерь. Однако потенциальные «новые» инвесторы, вопреки рискам санкций, смогут избежать подобных ограничений.

Для достижения этой цели подкомиссия правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями фактически снимает ограничения на выплаты доходов по ценным бумагам иностранным инвесторам. Единственным условием применения нового режима будет требование об инвестициях в российскую экономику, начиная с апреля 2023 г. В этом случае источниками этих инвестиций могут быть любые страны, но сумма выплат не может быть больше объемов этих активов.

Санкции оказали серьезное влияние на государственный финансовый рынок и кредитно-банковскую систему России. С множеством стран, включая западные государства, принявших антироссийские санкции и ограничивающих круг деловых контактов и сделок с российскими предпринимателями, отечественное предпринимательство столкнулось с значительными трудностями. В новых политических условиях Российская Федерация предпринимает усилия для диверсификации экономики и создания благоприятного инвестиционного климата, предлагая режимы особых экономических зон, налоговые льготы и другие меры стимулирования инвестиций. Меры, принимаемые в Российской Федерации, помогают смягчать риски, связанные с санкциями, создавать благоприятную инвестиционную среду в нашем государстве, а также защитить интересы инвесторов.

¹ Информационно-аналитический материал Банка России: Обзор рисков финансовых рынков, август 2023 // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46320/ORFR_2023-08.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

Мелкумов К. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Параллельный импорт как механизм преодоления санкционных ограничений, национальный и зарубежный опыт

Аннотация. Статья посвящена «параллельному импорту» как механизму преодоления санкционных ограничений на экспорт товаров в страну, а также международному и национальному опыту правового закрепления параллельного импорта.

Ключевые слова: санкции, запрет на экспорт товаров, параллельный импорт, товары с ограниченными правами на защиту интеллектуальных прав, правовые способы преодоления санкций.

Международные санкции — «это политические и экономические решения, которые являются частью дипломатических усилий стран, многосторонних или региональных организаций, направленных против государств или организаций либо для защиты интересов национальной безопасности, либо для защиты международного права и защиты от угроз международному миру и безопасности»¹. Данные решения ввиду того, что стороны, принимающие их, настроены к объекту санкций негативно, носят превентивный характер: направлены на дестабилизацию экономического, политического, демографического положения с целью оказания давления на объект санкций, лоббирования международных или своих собственных интересов. В международной практике применения санкционных ограничений активно используется запрет на экспорт продукции, которой подсанкционное государство не готово обеспечить себя, ввиду чего этот рычаг давления становится эффективным способом отставания интереса в международных отношениях. Данный тезис подтверждается множеством примеров из практики международных санкционных отношений: Закон о санкциях против Ирана и Ливии 1996 г.², которым Соединенные Штаты Америки вынудили иностранные компании покинуть регион, тем самым вызвав дефицит во многих отраслях экономики; запрет на экспорт полупроводников в Китай от США, Нидерландов и Японии³; запрет на экспорт в Северную Корею

¹ Пересмотр экономических санкций. Гэри Хуфбаур (2007). Вашингтон, округ Колумбия : Институт международной экономики Петерсона. С. 5.

² История санкций США против Ирана // URL: <https://tass.ru/info/5754936> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Европейская страна присоединилась к торговой войне США и Китая // URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/30/nochips/> (дата обращения: 23.09.2023).

оружия, топлива, золота, предметов роскоши и многого другого со стороны Европейского Союза в 2006 г.¹

В ответ на изменение общественных отношений в подсанкционном государстве разрабатываются правовые механизмы, направленные на преодоление или предупреждение кризисной ситуации в стране. Во множестве современных государств были найдены пути преодоления запрета на экспорт товаров против воли правообладателя. Данные механизмы получили общее название «параллельный импорт».

В Соединенных Штатах Америки была разработана доктрина «первой продажи», закрепленная в законе об авторском праве США², основанная на прецеденте Верховного суда в 1908 г., основанием для которого послужило дело *Bobbs-Merrill Co. против Straus*. Суть доктрины заключается в том, что после законной передачи товара, содержащего в себе авторские права, новый собственник товара свободно распоряжается им без испрашивания на то согласия обладателя интеллектуальных прав на него. Впоследствии данная доктрина, созданная на прецеденте из «национальной» практики, превратилась в один из механизмов преодоления санкционных ограничений: так как даже запрет правообладателя на поставку своей продукции в определенную страну не имеет значения для передачи данного товара через посредника.

В странах Европейского Союза же действует механизм исчерпания исключительного права, закрепленный в директиве Европейского парламента и Совета ЕС № 2015/2436³. Суть данного механизма заключена в том, что товар, поступивший в оборот рынка Европейского Союза с согласия правообладателя, может свободно обращаться на всей территории ЕС. При этом собственник интеллектуальных прав на товар не имеет права ограничивать его оборот на данной территории. То есть в случае ограничения на прямую поставку товара собственником в страну Европейского Союза ничто не мешает поставлять данный товар в нее, если хотя бы в одной другой стране союза данный товар обращается с согласия собственника.

¹ Резолюция 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 г. // Сайт совета безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1718-%282006%29> (дата обращения: 23.09.2023).

² Раздел 17 Кодекса Соединенных Штатов // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/109> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Директива № 2015/2436 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О сближении права государств — членов ЕС в отношении товарных знаков» // СПС «КонсультантПлюс».

Оба приведенных выше примера действуют в рамках единой концепции «исчерпания прав», однако на разных ее уровнях: в ЕС на региональном уровне, в США же на международном.

Решение же данной проблемы в Китайской Народной Республике не имеет законодательно подкрепления, однако, несмотря на то что КНР не относится к англосаксонской правовой семье, данный пробел в законодательстве разрешается на уровне судебной практики. Суды трактуют отсутствие нормы запрета на параллельный импорт в законодательстве в пользу поставщиков, которые экспортируют в КНР продукцию вопреки желанию правообладателей исключительных прав¹.

Потребность же в разработке механизма преодоления санкционных ограничений в РФ обусловлена негативным отношением части международного сообщества на начало специальной военной операции 24 февраля 2022 г.

На сентябрь 2023 г. в отношении Российской Федерации введено более 14 000 санкционных ограничений², часть из которых принимаются в рамках пакетов санкций от Евросоюза. На данный момент принято 11 пакетов санкций, которые включают в себя отношения по импорту, экспорту, личные санкции, ограничения в обороте технологий и многое другое³.

В рамках обозначенной тематики особый интерес представляют санкции, содержащие запрет на экспортирование товаров и технологий в Российскую Федерацию. В санкционный список попали технологии, используемые в военно-промышленном комплексе, предметы роскоши, IT-технологии, химические и нервнопаралитические вещества, а также многое другое. Опасаясь негативных последствий, около пятисот крупных иностранных компаний, занимающих существенную долю рынка во всех отраслях экономики, были вынуждены прекратить/приостановить свою деятельность на территории РФ⁴.

Следствием указанных событий стала угроза экономической стабильности государства: дестабилизация курса национальной валюты, закрытие банковских вкладов, вывод валюты, перевод активов за рубеж и т.д.

¹ Danning Zhu. How to improve China's approach to parallel imports of goods bearing trademarks // 19 Review of intellectual property law. 2020. Vol. 19, № 2. P. 123–144. (Article summary).

² Russia Sanctions Dashboard // castellum.ai. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Антироссийские санкции Евросоюза: разбор всех пакетов // URL: <https://ria.ru/20230216/sanktsii-1852369923.html> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ Полный список компаний, ушедших из России на сегодня — обновляемый список // URL: <https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/polnii-spisok-kompanii-ushedshih-iz-Rossii-na-segodnya--obnovlyаемii-spisok-2022> (дата обращения: 24.09.2023).

В данных условиях Федеральное Собрание РФ приняло Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, частью 13 ст. 18 которого Правительство РФ в 2022 и 2023 г. уполномочено утверждать перечень товаров, на которые не распространяются нормы о защите исключительных прав и прав на средства индивидуализации, которые содержатся в гражданском законодательстве.

Во исполнение возложенных полномочий Правительство приняло постановление от 29.03.2022 № 506², в соответствии с которым обозначенное в вышеуказанном федеральном законе полномочие было делегировано Министерству промышленности и торговли Российской Федерации. Министерство по представлению федеральных органов исполнительной власти субъектов составляет и утверждает список товаров, действие «статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537» на которые не распространяется.

Реализация данной функции министерства находит себя в приказе от 19.04.2022 № 1532³. В данном документе собрано внушительное количество наименований компаний, которые приостановили либо прекратили свою деятельность на территории РФ. В перечне наименования распределены по отраслям производства, что позволяет оперативно получить сведения о наличии или об отсутствии защиты гражданским законодательством того или иной товара. Среди прочих в перечне содержатся такие наименования, как: Amazone, Apple, Microsoft, Energize, Asus, Panasonic, Samsung и др.

В результате незамедлительных мер правового урегулирования, о которых шла речь выше, удалось минимизировать негативные последствия санкций, избежать дефицита товаров на рынке, обеспечить рынок ассортиментом товаров, тем самым предотвратив резкое повышение цен и повышение уровня монополизации в условиях закрытого рынка.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.03.2022 № 46-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б) статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ национального и зарубежного опыта позволяет сделать вывод о том, что в современной правовой реальности проблема преодоления санкционных ограничений актуальна. И, несмотря на однородный характер проблемы, правовые механизмы ее преодоления могут существенно отличаться: преодоление путем законодательного закрепления принципа «исчерпания права» на региональном и международном уровнях, путем преодоления пробелов в законодательстве судебной практикой, отстаивающей национальные интересы, путем ограничения применения тех или иных охранительных правовых норм к определенному кругу товаров и заключенных в этих товарах интеллектуальных прав и средств индивидуализации.

Моисеенко С. А.

Новосибирский государственный университет (НГУ)

Студент

Адаптация договоров к изменившимся обстоятельствам в условиях экономической нестабильности и санкций

Аннотация. Статья посвящена анализу института существенного изменения обстоятельств в качестве инструмента адаптации международных договоров в условиях антироссийских санкций и контрсанкций РФ, а также экономической нестабильности. Рассматриваются основные проблемы российской судебной практики применения статьи 451 ГК РФ.

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, адаптация договора, расторжение договора, непредвидимость изменения обстоятельств.

По общему правилу в сфере договорного права действует общеизвестный императив — «*pacta sunt servanda*». Данный принцип оформляет стабильность оборота и максимизирует экономическую эффективность. Однако принцип является, в сущности, исходной опровержимой презумпцией, отступление от которой возможно, если на то имеются весомые социально-экономические и политические основания, которые ставят под сомнение справедливость и эффективность исполнения договорных обязательств¹.

В настоящее время мир находится в состоянии геополитической турбулентности, наблюдается слом системы международных торговых отношений, которая выстраивалась последние 30 лет. Введение обширных антироссийских

¹ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1 : Теоретические, истор. и политико-прав. основания принципа свободы договора и его ограничений. М. : Статут, 2012. С. 21–22.

санкций в 2022 г. существенно повлияло на устоявшуюся экономическую модель, сорвав большое количество трансграничных контрактов или существенно затруднив их исполнение, поставив стороны в подчас убыточное положение. Сейчас особенно актуальной является проблема поиска правовых инструментов для защиты интересов сторон, заключивших долгосрочные контракты.

Санкционное давление может стать основанием для применения норм о форс-мажоре, однако использование данного основания неисполнения обязательств находится в зависимости от применимости к контракту Венской конвенции 1980 г. (ответ на вопрос о применимости ставится в зависимость от национальной принадлежности сторон договора, наличия оговорки о применении Конвенции¹). Конвенция легитимирует освобождение от ответственности при невозможности импорта или получения товара вследствие обстоятельств непреодолимой силы, к которым относятся санкции². Применение форс-мажора возможно только при абсолютной невозможности исполнения, и стандарты оценки данных обстоятельств повышаются в *lex mercatoria*, т.к. в дополнение к критериям невозможности исполнения и предвидимости учитывается презумпция компетентности участников международного коммерческого оборота³.

От обстоятельств непреодолимой силы следует отличать институт существенного изменения обстоятельств, который подразумевает не полную невозможность исполнения договорных обязанностей, а существенное искажение баланса интересов сторон и эквивалентности предоставлений (как в юридическом, так и в экономическом смысле). Данный институт является широко распространенным и рассматривается в континентально-правовой системе как проявление принципа добросовестности⁴.

Презюмируется, что изменение обстоятельств (в том числе рост издержек на исполнение обязательства, снижение ценности предоставления, снижение

¹ Асосков А. В. Венская конвенция ООН 1980 г.: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 37–40.

² Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.

³ Очхаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М. : Статут, 2017. 166 с.

⁴ Бевзенко Р. С., Егоров А. В. Адаптация договора к изменившимся обстоятельствам и добросовестность сторон // О договорах : сборник статей к юбилею В. В. Витрянского / сост. С. В. Сарбаш. М., 2017. С. 58.

субъективной заинтересованности в сохранении контрактных связей) не является поводом для отступления от принципа нерушимости договорных связей¹. Однако вследствие экстраординарных структурных изменений, с которыми столкнулся мировой правопорядок в последний год, сделка может трансформироваться из механизма, опосредующего взаимовыгодный товарообмен и повышающий в конечном счете общее экономическое благосостояние, в экономически нецелесообразную. Если одна из сторон начинает проигрывать в случае исполнения договора, нарушается критерий эффективности по Парето, и совокупное благосостояние падает. Если же проигравшая сторона теряет от исполнения договора больше, чем может получить его «выигравший» контрагент, то «проигрывает» вся экономика, наступает неэффективность по критерию Калдора-Хикса². Такая ситуация открывает основания для вмешательства суда в договорную сферу, появляется необходимость в использовании института, предусмотренного статьей 451 ГК РФ. Данный институт теряет свою актуальность во времена стабилизации экономики, поскольку по своей природе противоречит устойчивому обороту³.

Статья 451 ГК РФ выдвигает следующие условия, при которых суд может изменить или расторгнуть договор: 1) непредвидимость обстоятельств, 2) непреодолимый характер изменений, 3) несправедливость сохранения договора, 4) невозможность признания риска в качестве принятого истцом (определяется преимущественно из природы и сущности заключенного договора)⁴.

Наиболее дискуссионным является вопрос о возможности предвидеть наступившие обстоятельства. Российская практика в подавляющем большинстве сводится к абсолютному признанию практически любых социальных, экономических и политических катаклизмов как потенциально «предвидимых» и входящих в предпринимательские риски сторон. Суды оперируют категорией предвидимости, указывая, в частности, на то, что санкции являются категорией

¹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М., 2013 ; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference.

² Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 122–127.

³ Зейц А. Г. Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (*clausula rebus sic stantibus*) // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 52.

⁴ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 1300–1311.

«предвидимой», исходя из той политической конъюнктуры, которая складывается на протяжении последних лет¹. Аналогичным образом строится аргументация в отношении споров о расторжении или изменения договора в связи с экономическим кризисом, изменением курса валюты и иными экономическими причинами. Зачастую суды признают финансовые кризисы, вне зависимости от того, насколько существенным образом они повлияли на положение сторон в долгосрочных контрактах, предсказуемым явлением, поскольку «аналогичные процессы в экономике периодически имеют место»². Такой подход представляется необоснованным. Когнитивные и прогностические возможности людей объективно ограничены, зачастую субъекты действуют на основе субъективных эвристических моделей и стремятся сократить транзакционные издержки на поиск и анализ информации о маловероятных рисках. Из данной парадигмы исходит бихевиоральный экономический подход в праве, оттеняющий общую презумпцию рациональности субъектов³. При установлении предвидимости надлежит анализировать как индивидуальные особенности сторон сделки, так и обстоятельства объективной действительности, в которых находились стороны в момент ведения переговоров и заключения контракта. Установлению данных обстоятельств помогает использование системы бихевио-экономического анализа права. На такой подход наталкивают и основные международно-правовые документы, регулирующие сферу договорного права (UNIDROIT Principles (PICC), Principles of European Contract Law (PECL), Draft Common Frame of Reference (DCFR)), которые продолжают тенденцию наделения судов относительно широкими полномочиями принимать решения о расторжении и адаптации договора при строгом соблюдении условий⁴.

Стоит отдельно отметить, что необоснованным представляется законодательный подход к расторжению договора в качестве основного механизма реакции на существенное изменение обстоятельств. Многие европейские юрисдикции следуют принципу *favor contractus*, рассматривая адаптацию договора в качестве оптимального способа нивелирования нарушенного баланса между сторонами сделки, в особенности, применительно к долгосрочным контрактам

¹ Решение АС Тюменской области от 14.06.2022 по делу № А70-8322/2022 ; постановление АС Московского округа от 12.05.2023 № Ф05-6142/23, постановление Седьмого ААС от 1 декабря 2022 г. № 07АП-9956/22.

² Постановления ФАС Северо-Западного округа от 12.04.2011 по делу № А56-87866/2009 (рост инфляции), постановления ФАС Московского округа от 11 ноября 2009 г. № КГА40/10937-09 (изменение курса валют).

³ Herbert A. Simon A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 69, No. 1. Feb., 1955. P. 99–118.

⁴ Momberg Uribe R. A. The effect of a change of circumstances on the binding force of contracts. Intersentia. 2011. P. 213.

(§ 313 ГГУ)¹. Расторжение договора же рассматривается в качестве последнего средства, в случае если анализ обстоятельств дела не позволяет найти оптимальное соотношение распределения рисков после адаптации договора, либо при объективной неэффективности сохранения договора. Стремление к сохранению долгосрочных контрактов выражают и принципы УНИДРУА². С учетом данных обстоятельств, оптимальным вариантом представляется утверждение равноправности данных способов защиты стороны, пострадавшей от существенного изменения обстоятельств.

Из проведенного анализа следует, что адаптация договора при существенном изменении обстоятельств может стать эффективным правовым инструментом, способствующим смягчению последствий нестабильности мировой экономики для трансграничных контрактов. Однако для раскрытия потенциала статьи 451 ГК РФ российским судам необходимо пересмотреть подход к определению предвидимости обстоятельств, а также к вопросу о возможности изменения договора вместо расторжения.

Мороз Д. Д.

ВАВТ Министерства экономического развития Российской Федерации
Студент

Проблемы «поворота на Восток» в условиях антироссийских санкций

Аннотация. На протяжении последних лет Россия придерживается нового направления внешней политики, а именно формирование устойчивых связей с Востоком, получившее название «поворот на Восток». Хотя сотрудничество со странами Востока стремительно развивается и набирает обороты, особенно взаимоотношения с Китаем, они не лишены ограничений и трудностей. При осуществлении торговой деятельности российский бизнес продолжает сталкиваться с новыми запретами и отказами

Ключевые слова: «поворот на Восток», санкции, Россия, Китай, Турция, Северная Корея, Индия.

На протяжении долгого времени Российская Федерация стремилась развивать сотрудничество с Востоком, воспринимая страны Востока как надежных и

¹ Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio63/ (дата обращения: 23.09.2023).

² Игнатьев О. Дорохов А. Долгосрочные договоры в контексте принципов УНИДРУА: новый взгляд на проблему // Закон. 2018. № 4.

«дружественных» партнеров. Первые введенные санкции в 2014 г. привели к значительному ухудшению отношений с Западом и способствовали ускоренной переориентации на азиатское направление. Такое развитие внешней политики получило название «поворот на Восток» или «разворот в сторону Азии». На данный момент под концепцию «поворота на Восток» подпадает развитие сотрудничества с Китаем, Турцией, Северной Кореей, Индией и т.д. Но на самом деле, отношения с данными странами не лишены проблем и ограничений и назвать их полностью дружественными — нельзя. Целью данной статьи является рассмотрение ограничений, с которыми сталкивается Россия и российский бизнес при осуществлении внешнеэкономической деятельности со странами Востока.

Китай. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве был заключен между Россией и Китаем в 2001 г.¹, что не могло не повлиять положительно на взаимоотношения между странами.

Кроме того, новая Концепция внешней политики РФ² подчеркнула, что для укрепления позиций российского бизнеса на внешних рынках наиболее благоприятным направлением являются страны РИК, куда входит Китай.

Сотрудничество России и Китая сегодня можно назвать наиболее результативным и не перестающим развиваться. Так, например, поэтапно расширяются возможности туризма между Китаем и Россией³, доля Китая в импорте автомобилей достигла 92 %⁴, но даже такое сотрудничество не лишено «подводных камней».

В качестве примера ограничений сотрудничества можно рассмотреть ситуацию, связанную с введенным 1 сентября 2023 г. запретом на поставки дронов весом более 4 кг со стороны Китая. Министерство торговли Китая аргументировало свое решение тем, что такие поставки могут угрожать национальной безопасности Китая. В связи с таким решением ожидается дефицит беспилот-

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.07.2001 // Бюллетень международных договоров. Август 2002 г. № 8.

² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

³ Россия и Китай возобновили безвизовый обмен туристами // РБК (дата публикации: 02.08.2023). URL: <https://www.rbc.ru/business/02/08/2023/64c901c19a79475fd42ff7e4> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ Доля Китая в импорте автомобилей за восемь месяцев составила 92 процента // РИА Новости (дата публикации: 19.09.2023). URL: <https://ria.ru/20230919/avtomobili-1897124836.html> (дата обращения: 23.09.2023).

ных летательных аппаратов, а также резкое повышение цен. Больше всего китайские беспилотники использовались в сельском хозяйстве, поэтому именно в данной отрасли наиболее остро будет ощущаться дефицит дронов¹.

Вторым примером можно рассмотреть отказ Китая от поставок авиазапчастей в Россию, опубликованный 10 марта 2022 г. Отказ от поставок со стороны Китая значительно осложнил обстановку в сфере авиaperевозок, поскольку на тот момент уже действовали санкции Европейского Союза, запрещающие поставку самолетов и авиазапчастей к ним².

Турция. Турцию можно назвать одним из основных торговых партнеров России, особенно в сфере энергетики.

Правовые основания для сотрудничества между странами составляют Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 1997 г.³, Соглашение о сотрудничестве в области туризма 1995 г.⁴ и др., а также совместное участие в международных организациях.

Положительные тенденции развития отношений между Россией и Турцией подчеркивает заявление президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в интервью для журналистов в Нью-Йорке в ожидании Генассамблеи ООН, в котором он утверждает, что его страна готова продолжать поддерживать добрососедские отношения с Россией и не обязана «делать то, что делают государства Евросоюза»⁵.

С момента введения санкций на определенные товары со стороны Запада, Турция рассматривалась как страна для возможного реэкспорта санкционных товаров, и начиная с февраля 2022 г. по март 2023 г., она и правда являлась главным реэкспортером западной продукции в Россию. В марте 2023 г. обста-

¹ Запрет поставок из Китая может привести к дефициту и росту цен на беспилотники // Коммерсантъ (дата публикации: 31.07.2023). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6136203> (дата обращения: 23.09.2023).

² Китай отказал российским авиакомпаниям в поставках запчастей // РБК (дата публикации: 10.03.2022). URL: <https://rg.ru/2022/03/10/kitaj-otkazal-Rossii-v-postavkah-aviacionnyh-zapchastej.html> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 15 декабря 1997 г. // Бюллетень международных договоров, сентябрь 2001 г., № 9.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области туризма от 24.03.1995 // Бюллетень международных договоров, май 2007 г., № 5.

⁵ Эрдоган: Турция не обязана вводить санкции против России // НТВ (дата публикации: 19.09.2023). URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2790012/> (дата обращения: 23.09.2023).

новка изменилась, и Турция объявила о введении ограничений на транзит товаров в Россию, что означает, что все товары, подпадающие под санкции, не могут переправляться через территорию Турции.

Данные ограничения заставили российских импортеров искать альтернативные решения в Казахстане и других странах.

Северная Корея. Двусторонние отношения между Россией и Северной Кореей закрепляет Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР¹, заключенный в 2000 г. в Пхеньяне.

Взаимоотношения между Россией и Северной Кореей не перестают развиваться, что подтверждает недавний визит Главы КНДР Ким Чен Ына в Россию и 5-часовые переговоры глав государств. Итогом визита лидера Северной Кореи стала возможность военно-технического сотрудничества между странами в будущем.

Проблемным вопросом для сотрудничества является тот факт, что Северная Корея находится под санкциями Совета Безопасности ООН, которые запрещают все экономические виды взаимодействий со страной, а также поставки оружия и военной техники. Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН не может игнорировать данные санкции.

МИД Южной Кореи уже сделало заявление, что рассматривает в таком сотрудничестве нарушение резолюции Совета Безопасности ООН, а также подтвердило, что в случае дальнейшего развития взаимоотношений между странами, Южная Корея готова ввести дополнительные санкции против России.

Индия. Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве 1992 г.² и Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индия 1993 г.³ регулируют отношения между Индией и Россией.

Индия, наравне с Китаем, была выделена новой Концепцией внешней политики РФ, как страна для выгодного и благоприятного развития российского бизнеса.

За время нахождения под санкциями, Россия расширила ассортимент поставок в Индию, став одним из главных поставщиков нефти, удобрений и угля.

¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народной Демократической Республикой от 09.02.2000 // Бюллетень международных договоров, апрель 2001 г., № 4.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Индии о торговле и экономическом сотрудничестве от 04.05.1992 // Бюллетень международных договоров, январь 1994 г., № 1.

³ Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией от 28.01.1993 // Бюллетень международных договоров, декабрь 2009 г., № 12.

По анализу статистики индийского Министерства торговли и промышленности, Россия впервые вошла в пятерку крупнейших торговых партнеров Индии на 2022–2023 финансовый год.

Однако отношения с Индией тоже нельзя назвать полностью дружественным. В марте 2023 г. представители Индии встретились с представителями США и достигли соглашения по определенным вопросам касавшимся России. Например, Индия приняла решения придерживаться введенных санкций против России, не делая никаких исключений. Под поддержкой санкций подразумевается соблюдение потолка цен на российскую нефть, установленного на уровне 60 долл. США.

На данный момент Россия продолжает активно развивать отношения со странами Востока в свете концепции «поворота на Восток», но ошибочно полагать, что такое сотрудничество лишено трудностей и проблем. Некоторые страны Востока из страха противостоять Западу поддерживают уже введенные санкции, в то время как другие страны Востока из соображений национальной безопасности вводят дополнительные санкции и запреты, устанавливая дополнительные рамки для сотрудничества.

Рожков С. А.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Студент

Соотношение санкционного режима и права на защиту в международном разбирательстве

Аннотация. Непокоримые принципы международного права в последнее время оказываются под натиском санкций со стороны международного сообщества, в следствие чего происходит их пренебрежительное нарушение, что в значительной степени снижает привлекательность альтернативного способа разрешения споров. Особый интерес вызывает поведение профессиональных игроков международного юридического рынка, которые разными способами пытаются обойти требования принципов международного права.

Ключевые слова: принципы, санкции, право на защиту в суде, международное разбирательство, профессиональная этика, представители.

Международное разбирательство споров в последние несколько лет сильно осложнилось элементами санкционного режима, которые затрагивают не только правоотношения с государствами, но и с другими субъектами. В этой работе я постарался проследить взаимосвязь между появившимися санкциями

и их влиянием на разбирательства в международном арбитраже и то, насколько это соотносится с нерушимыми принципами права.

Прежде всего хочется отметить силу и важность принципов в международном разбирательстве. Нарушение основных руководящих начал может грозить самым страшным как для сторон, так и для состава трибунала — аннулированием арбитражного решения. И многие стороны, чьи права были нарушены из-за несоблюдения принципов ведения международного арбитража, пытаются отменить такие решения, ведь правила практически всех международных арбитражных центров дают им такую возможность в целях соблюдения надлежащей правовой процедуры проведения спора¹. Так, например, конвенция МЦУИС в ст. 51(1)(d) предусматривает возможность сторон аннулировать решение в случае, если фундаментальные правила арбитража были нарушены. Под фундаментальными правилами понимается принцип равенства, включающий право сторон быть услышанными в суде², следовательно, отступление от него — это нарушение основ разбирательства, что приводит к аннулированию арбитражного решения³. Такое правило также закреплено в арбитражных правилах ЮНСИТРАЛ в ст. 36(1)(a)(ii), его нарушение также грозит аннулированием. В одном из решений МЦУИС арбитры прямо сказали, что «требование о том, чтобы стороны были заслушаны, является основополагающим принципом проведения надлежащей правовой процедуры, серьезное нарушение которого может послужить основанием для отмены решения»⁴.

Так, в центре проблемы аннулирования арбитражных решений стоит вопрос о нарушении права быть заслушанным в суде, которое является следствием несоблюдения фундаментальных принципов арбитража, которые, однако, гарантированы всем участникам процесса.

Поэтому появляется интересный вопрос для исследования. Сегодня в рамках санкционного режима у стороны в международном процессе пропадает

¹ C. Benavides Galvis & M. Angélica Burgos de la Ossa, *The Investment Treaty Arbitration Review: Annulment of Investment Arbitration Awards*. *The Investment Treaty Arbitration Review*, Lexology (2023).

² *Amco Asia Corporation and others v. Republic of Indonesia*, ICSID Case No. ARB/81/1, Decision on Jurisdiction, 24 June 1984, 9.

³ Updated Background Paper on Annulment for the Administrative Council of ICSID (2016) 99 ; *Watkins Holdings S.à r.l. and others v. Kingdom of Spain*, ICSID Case No. ARB/15/44, Decision on Stay of Enforcement of the Award, 28 June 2020, 283 ; *Tenaris S. A. and Talta — Trading e Marketing Sociedade Unipessoal Lda. v. Bolivarian Republic of Venezuela (I)*, ICSID Case No. ARB/11/26, Award, 29 January 2020, 265.

⁴ *Fraport AG Frankfurt Airport Services Worldwide v. Republic of the Philippines (I)*, ICSID Case No. ARB/03/25, Award, 16 August 2007, 197.

возможность использования квалифицированной юридической помощи иностранных юридических фирм и адвокатов. Это происходит вследствие санкций или отказа юристов представлять интересы клиента из-за солидарности с международным сообществом, а также боязни за свою репутацию¹.

В таком случае, право стороны на судебную защиту будет нарушено, т.к. у нее будет отсутствовать представитель и банально ее позицию будет некому представить. Можно контр аргументировать, что, например, у государства, как стороны процесса, есть возможность обратиться к местным юридическим фирмам за помощью, но не всегда в международном разбирательстве она окажется уместной, т.к. международные инвестиционные или коммерческие споры требуют от юристов более высокой квалификации, глубоких знаний, большей ответственности, а сами споры стоят в разы дороже².

Юристы, защищающие интересы стороны в споре, обязаны придерживаться правил профессионального поведения, в разных юрисдикциях это может называться кодексом этики³. Крупнейшие юридические ассоциации предписывают своим юристам обязанность наилучшим образом защищать и действовать исключительно в интересах своего клиента⁴. Principles of Solicitors Regulation Authority, Basic Principles on the Role of Lawyers by UN⁵, International Bar Association Guidelines on Party Representation in International Arbitration, New York State Bar Association⁶ — все они предусматривают обязанность своих юристов по защите клиентов в качестве первостепенной⁷.

Однако несмотря на наличие большого количества предписывающих норм, их нарушение увеличилось в последнее время⁸. Так, известны кейсы по

¹ Council regulation (EU) 2022/1904 of 6 October 2022, 12, 19.

² R. B. Bilder, An overview of international dispute settlement, *Emory Journal of International Dispute Resolution*, Vol. 1, No. 1 (1986). P. 17.

³ P. Sise, Professional conduct and responsibilities: An overview for inhouse counsel (2014) ; C. A. Rogers, Fit and Function in Legal Ethics: Developing A Code of Conduct for International Arbitration, *Michigan Journal of International Law* 23 (2002). P. 342.

⁴ Horizon institute, Ethics for Lawyers (2018) ; C. P. Curtis, The ethics of advocacy, *Stanford Law Review* 4 (1951). P. 3.

⁵ Basic Principles on the Role of Lawyers, Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, 27 August to 7 September 1990, U. N. Doc. A/CONF.144/28/Rev.1 (1990).

⁶ New York State Bar Association, New York Rules of Professional Conduct (2021), URL: <https://shorturl.at/gpEGM>. P. 100.

⁷ M. Scherer, The IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration: The first five years 2004–2009, *Dispute Resolution International*, Vol. 4, No. 1 (2010). P. 5.

⁸ C. Sanderson, Schellenberg to drop work for Russia, *GAR* (2022) ; C. Sanderson, Houthoff and Foley Hoag join exodus from Russia work, *GAR* (2022) ; C. Sanderson,

уходу иностранных фирм из российской юрисдикции. Houthoff и Foley Hoag — одни из последних фирм, покинувших российский рынок и столкнувшиеся с проблемой нарушения этических норм перед своим клиентом. Тим Осборн (Chief Executive of GML) высказался по поводу ухода юридических компаний от представительства России в Нидерландах в качестве меры по «очищению своей репутации» и добавил, что не вера в правовые начала и верховенства права убедила их отказаться от России, а общественное давление¹, которые как мы все знаем сейчас очень сильно пропитано культурой отмены. Становится очевидным, что не все мировые лидеры в юридической сфере убеждены в силе права и своих обязательствах перед клиентом, зато уверены в том, что защита собственной репутации любыми средствами — это эффективнее. Данную точку зрения также поддерживает и Magdalena Papiernik-König, убежденная в том, что отказ юристов от представительства вызван в первую очередь шквалом негатива со стороны мировых СМИ и общественности, а далеко не проблемами, связанными с санкционным режимом или моральными причинами². Проблема, связанная с невозможностью осуществить свое право на защиту в суде, возникла в споре об активах «Юкос», в котором Россия не смогла воспользоваться правом на апелляцию в связи с тем, что санкции ЕС запрещают Голландским юристам предоставлять юридические услуги российским клиентам³. Разумеется, что такое ограничение прав одной из сторон судебного рассмотрения всячески лишает ее на какое-либо успешное рассмотрение дела в суде. Похожая ситуация возникла еще в одном споре с «Юкос», White & Case подали прошение об отставке от представительства России⁴, обойдя этические стандарты и право их доверителя на защиту в суде. Однако решением Трибунала было принято оставить одного представителя со стороны White & Case до момента, пока Россия не сможет найти равноценную замену ушедшей юридической

Schellenberg to drop work for Russia, GAR (2022) ; J. Thomsen, Russia says U.S. law firm White & Case can't walk away from Yukos case, REUTERS (2022).

¹ Statement of Tim Osborne, Chief Executive of GML. In response to the withdrawal of Houthoff and Albert Jan van den Berg as legal counsel for the Russian Federation in The Netherlands. URL: <https://gmllimited.com/app/uploads/2022/06/20220304-Statement-Tim-Osborne.pdf> (дата обращения: 23.09.2023).

² C. Sanderson, Resigning from Russia work: principled stand or public shaming?, GAR (2022) ; C. Sanderson, Pellet and Curtis cease counsel work for Russia, GAR (2022).

³ Hof Van Discipline. Beslissing in de Zaak Onder nummer van: 220199. Beslissing van 18 augustus 2022 in de zaak 220199.

⁴ Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation, PCA Case No. 2005-04/AA227, Final Award, 18 July 2014, 38.

фирмы, иначе нарушение всех принципов ведения международного разбирательства приведет к несправедливому решению, а как следствие, аннулированию решения трибунала.

Таким образом, нарушение принципов международного разбирательства в отношении своего клиента порождает жестокие правовые последствия в форме отмены арбитражного решения, а значит, рушит принцип эффективного международного разбирательства. Сегодня, многие международные фирмы, представляющие Россию в международных спорах, обосновывают свой уход с рынка боязнью общественного давления и за свою репутацию, прикрывая это политикой России. Можно сказать, что так формируется практика, в которой принципы международного права не работают, а вместе с тем и многочисленные кодексы и правила поведения юристов нарушаются. Забывается принцип *Pacta sunt servanda*. Тем не менее уход иностранных юридических фирм дал большой толчок российским компаниям, которым сейчас открылись двери на международную арену. Так, в одном из решений АСГМ посчитал, что несмотря на отказ Clifford Chance LLC в 2022 г. от представительства России, отечественные юристы обладают всеми компетенциями для защиты прав доверителя в международном арбитраже¹. А значит, еще есть шанс на то, что определенные субъекты представительских правоотношений не будут нарушать принципы международного разбирательства, ведь сами сталкиваются с их несправедливыми последствиями.

Романова Т. В.

Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
Студент

Проблемы правового регулирования трансграничных договорных отношений в условиях санкций

Аннотация. Статья рассматривает актуальные проблемы правового регулирования трансграничных договорных отношений в условиях санкций. Она выделяет ключевые вызовы, связанные со сложностью применения международных и национальных норм, регулирующих межународные договорные отношения. Статья также подчеркивает важность соблюдения договорных обязательств и предлагает рекомендации по управлению этими вызовами.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18.08.2022 по делу № А40-50169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: санкции, трансграничные договорные отношения, правовое регулирование, противоречивость норм, соблюдение договорных обязательств, международное частное право.

Известно, что санкции — это односторонние ограничительные меры. В современных реалиях санкции, стали мощным и широко используемым инструментом внешней политики, применяемым с целью давления на государства, физических и юридических лиц. В последние несколько лет в отношении Российской Федерации было введено более 14 тыс. Санкционных ограничений¹ такими странами, как ЕС, США, Япония и др. Несмотря на то что санкции носят внутрисоветственный публичный характер, они безусловно влияют на частноправовые отношения в рамках действия международных договоров, в связи с чем российский бизнес, занимающийся международной торговлей, ищет способы для выхода из возникающих ситуаций для исполнения договоров поставки или минимизации последствий введения санкций, а также решение возникших споров между сторонами договора.

Прежде всего стоит провести анализ проблем правового регулирования трансграничных договорных отношений, для того чтобы в дальнейшем разработать пути решения выведенных проблем.

Во-первых, можно выделить проблему признания санкций как обстоятельства непреодолимой силы. Санкционное законодательство может ограничить экспорт и импорт товаров в/из страны либо определенных видов товаров, либо у конкретного контрагента, подпавшего под ограничительные меры². Такие меры делают невозможным исполнение договора, является основанием для освобождения стороны от ответственности за неисполнение обязательств по договору. Этому же мнению придерживается Торгово-промышленная палата РФ, Международный коммерческий арбитраж при ТПП РФ.

Кроме того, Конвенция ООН о международной купле-продаже товаров также допускает освобождение стороны по договору от ответственности в случае, если неисполнение произошло вследствие обстоятельств вне ее контроля³.

¹ Россия — абсолютный рекордсмен по числу введенных санкций // Информационное агентство EADaily (24 февраля 2023). URL: <https://kurl.ru/epqUr> (дата обращения: 23.09.2023).

² Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.). URL: https://base.garant.ru/57750632/#block_3211 (дата обращения: 26.09.2023).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010417> (дата обращения: 26.09.2023).

На данный момент, российское законодательство не содержит норм, позволяющих обойти данные запреты. Российские юридические лица и индивидуальные предприниматели вступают в диалог с иностранными контрагентами, с целью нахождения компромисса по поставкам товаров, не редко привлекая третьи страны для содействия в данной сфере. Этими диалогами не редко рождаются логистические схемы обхода санкционного режима. Например, самым распространенным способом является косвенный реэкспорт, суть которого заключается в импорте произведенного товара в другую страну через третью страну. В данном случае товар европейского происхождения импортируется в Россию через третью страну, например, Казахстан или Турцию.

Такой способ позволяет обойти запреты на прямые поставки товаров в Россию, но, стоит отметить, что ее возможно использовать только для несанкционных товаров. При этом продавец не возражает против поставки товара в Россию, но может столкнуться с некоторыми проблемами с получением платежей¹.

Во-вторых, можно выделить проблему затруднения разрешения споров в отношении сделок, затронутых санкциями зарубежных государств. Эта ситуация может возникнуть в случаях, когда законодательство о санкциях может запрещать рассмотрение споров, связанных с санкциями². Так, к примеру, статья 11 принятой 31.07.2014 Директивы (ЕС) 833/2014³ устанавливает запрет на удовлетворение связанных с введением санкций требований, заявленных российскими лицами, которые находятся под санкциями. То есть российская компания теряет свое право на защиту своих нарушенных санкциями прав.

Если Европейский Суд принял дело к производству, может возникнуть сложность с доказыванием нарушения контракта последствиями санкций. В некоторых случаях законодательство о санкциях может устанавливать специальные правила доказывания нарушения контракта, связанного с санкциями, стороны договора, связанного с санкциями, должны доказать, что нарушение контракта не было вызвано нарушением санкций (данная позиция содержится в Директиве ЕС). Это может затруднить для стороны, которая не находится под санкциями, доказать, что другая сторона ненадлежащим образом исполнила

¹ Голубчик А. М., Пак Е. В. Логистические схемы обхода санкционного режима стран Запада в отношении России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 5.

² Юридические последствия ограничений для внешнеторговых и внутренних контрактов // Компания «Пепеляев групп» // URL: <https://kurl.ru/FYTWI> (дата обращения: 26.09.2023).

³ Основное содержание Регламента Совета ЕС № 833/2014 (в ред. от 23.02.2023) // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23a00833/> (дата обращения: 26.09.2023).

свои обязательства по договору. Данное обстоятельство может вызвать сложности в оценке убытков. В некоторых случаях законодательство о санкциях может устанавливать специальные правила оценки убытков, возникших в результате нарушения контракта, связанного с санкциями, что означает, что сторона получит возмещение в меньшем объеме.

Кроме того, даже в случае, если решение судом по такому делу было вынесено, могут возникнуть проблемы с исполнением этого решения. Продолжая рассматривать ограничение Евросоюза относительно российских компаний, вышеназванная Директива устанавливает запрет на приведение в исполнение решений, вынесение которых запрещено той же 11 статьей.

Для смягчения последствий, с которыми могут столкнуться российские компании после введения санкция, законодатель старается своевременно актуализировать законодательство. Так, в Арбитражный процессуальный кодекс (АПК РФ) были внесены поправки: Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ¹ АПК РФ был дополнен статьями 248.1 и 248.2, регулирующими судопроизводство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. Данные статьи раскрывают компетенцию судов РФ по данной категории споров и порядок запрета инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера. В целом данные статьи являются важным шагом в защите прав российских компаний в условиях санкций.

Обращаясь к рекомендациям по совершенствованию правового регулирования, стоит сказать, что законодательные органы власти должны своевременно реагировать на вызовы международного сообщества. Важно чтобы ответные меры были не только международного публичного порядка (ответные санкции), но и внутригосударственные, наделяя уязвимые субъекты дополнительными гарантиями, поскольку рынок, в том числе и международный отражает уровень экономики в государстве.

Так, мы предлагаем усовершенствовать и дополнить законодательство в части конкретизации условий признания санкций обстоятельствами непреодолимой силы. В настоящее время критерии признания санкций обстоятельствами непреодолимой силы не являются четко сформулированными, что может привести к неоднозначному толкованию и применению этих критериев. Кроме того, следует продолжать развитие арбитражного процессуального законодательства в части защиты прав российских предпринимателей и юридических лиц в иностранных судах.

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // URL: <https://kurl.ru/SaGjQ> (дата обращения: 26.09.2023).

Санкции зарубежных государств создают значительные риски для участников внешнеэкономической деятельности. Эти риски могут привести к нарушению договоров, убыткам и другим негативным последствиям. В данной статье были рассмотрены далеко не все проблемы правового регулирования трансграничных договорных отношений, которые обострились с введения большого количества санкционных мер против нашего государства. Данная тема требует дальнейшего глубокого изучения, а также практической реализации разработанных мер, что обеспечит защиту прав российских компаний в условиях санкций и способствовать развитию внешнеэкономической деятельности.

Санина Е. С.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Студент

Риски для российских компаний в случае иска на основании статьи 248.1 АПК РФ

Аннотация. В условиях нынешней мировой повестки, регулирование коммерческих споров с участием иностранного элемента приобрело затруднительный характер в связи с введением мер ограничительного характера в отношении российских компаний. Для защиты интересов указанных компаний в Арбитражный кодекс РФ был введен так называемый Закон Лугового, однако подача иска на его основании сопряжена с рядом рисков, которые российские компании вынуждены минимизировать в целях защиты своих интересов.

Ключевые слова: Закон Лугового, ограничительные меры, подсанкционные компании, недружественные государства, признание арбитражных решений.

Статья 248.1 АПК РФ¹ была введена в Арбитражный кодекс РФ для защиты прав и законных интересов российских лиц, в отношении которых «недружественными» иностранными государствами были введены меры ограничительного характера. Понятие «недружественности» включает в себя перечень стран, установленный распоряжением правительства РФ², а именно: США, Японию, все государства, входящие в состав Европейского Союза, Канаду, Норвегию и ряд других государств. Так, в отношении споров, в которых принимают участие подсанкционные лица, российские суды обладают исключительной

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ, статья 248.1 // СПС «КонсультантПлюс».

² Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р // СПС «КонсультантПлюс».

компетенцией. Однако из данного правила есть исключение — наличие в арбитражном соглашении сторон информации о передаче рассмотрения спора в иностранный суд. Помимо этого, указанные лица вправе в порядке статьи 248.2 АПК РФ обратиться с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже за пределами РФ, что означает признание исключительной компетенции разрешения спора российским арбитражным судом.

Подсанкционные российские компании, при подаче иска в национальный арбитражный суд на основании данной статьи, могут столкнуться с рядом рисков. Во-первых, — это отказ от исполнения арбитражного решения российского суда иностранными государствами ввиду нарушения публичного порядка¹. Существо этой проблемы прежде всего связано с отсутствием легального определения понятия «публичный порядок», по смыслу Конвенции², — это задача национальных законодательных и судебных органов³, что влечет за собой широту толкования данного понятия со стороны разных юрисдикций. В результате российская компания рискует получить национальное судебное решение в свою пользу, но не иметь возможности его исполнения на территории иностранного государства. Данный риск можно минимизировать в случае, если спор был с участием компании, расположенной на территории государства, ратифицировавшего Соглашение стран СНГ⁴. Так как, в соответствии с судебной практикой⁵, настоящее Соглашение не предусматривает нарушение публичного порядка в качестве основания для непризнания иностранного судебного решения.

Во-вторых, иностранный суд может отказать в признании и исполнении решения, вынесенного российским арбитражным судом, на основании ненадлежащего уведомления. Данное основание связано с проблемой уведомления

¹ Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. № 8. 1993 г. Статья 5, пункт 2.

² Там же.

³ Gaillard E., Berman G. A. The UNCITRAL Secretariat Guide on the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards.

⁴ Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ № 1, 1992 г. Закон, № 7, июль 1998 г.

⁵ Консультативное заключение Экономического Суда СНГ № 01-1/3-04 «О толковании соглашения об общих условиях поставок товаров между организациями государств — участников Содружества Независимых Государств» от 20.03.1992 (принято в г. Минске 10.11.2004) // СПС «Гарант».

ответчика о начале арбитражного разбирательства в отношении него, поскольку подсанкционным лицам может быть затруднен доступ к средствам уведомления. Чтобы минимизировать данный риск компания, в отношении которой введены меры ограничительного характера, может воспользоваться механизмом извещения ответчика о начале судебного разбирательства, предусмотренного Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам¹

Подача иска на основании статьи 248.1 АПК РФ предоставляет возможность защиты прав и интересов подсанкционных компаний, однако ее применение сопряжено с возникновением серьезных рисков для указанных компаний.

Сиражитдинов А. И.

Уфимский университет науки и технологий (УУНИТ)

Студент

К вопросу о пределах предпринимательского риска в условиях существенного изменения обстоятельств, возникших ввиду ограничений (санкций) иностранных государств

Аннотация. В настоящий момент из-за введенных санкций предприниматели столкнулись с целым рядом проблем, которые затруднили исполнение договорных обязательств, что создало необходимость в расторжении или в адаптации ранее заключенных договоров в рамках ст. 451 ГК РФ. Вместе с тем это показало, что российский правопорядок склонен включать в понятие предпринимательский риск и риск существенного изменения обстоятельств.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательский риск, существенное изменение обстоятельств, санкции.

Известная со времен римских юристов максима *pacta sunt servanda*, закрепленная также в гражданских законодательствах различных государств и международных договорах, обозначает обязательность договора для сторон, которые его заключили. Одновременно с этим принципом также сосуществует противопоставляемая ему оговорка *clausula rebus sic stantibus*², то есть оговорка о неизменности обстоятельств. В таком случае предполагается, что при

¹ Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам // СЗ РФ. № 50. 13.12.2004. Ст. 4951.

² Д. С. Петрова. Отпадение цели договора в российском праве. Сравнительноправовое исследование : монография. М. : М-Логос, 2023. С. 82.

заключении договора внешняя ситуация (курс валюты, политическая обстановка, уровень инфляции и т.д.) останется неизменной или как минимум изменение будет незначительным. Тогда в ситуации, когда «изменившийся контекст уже не может связывать обещавшего»¹, контрагенты исходили бы из других положений договора или отказались от его заключения.

В условиях санкций, экономических потрясений, вооруженных конфликтов, вопрос того, какое из этих положений наиболее полно отвечает нуждам субъектов гражданского оборота актуализируется.

Особенно остро эта проблема стоит для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в частности при трансграничных сделках. Такие ограничения иностранных государств, как запрет поставки определенных видов товаров, отключение РФ от системы всемирных банковских переводов, уход иностранных компаний с российского рынка, изменение курса валюты, запрет авиаперевозок и т.д., значительно повлияли на гражданский оборот. В связи с этим российские предприниматели столкнулись с новыми условиями, которые они никак не могли разумно предвидеть, что осложнило исполнение договорных обязательств или вовсе сделало их исполнение невозможным.

Вместе с тем в российском законодательстве, а именно в Гражданском кодексе РФ, существует механизм адаптации или расторжения договора, следуя *clausula rebus sic stantibus*. Так, установленные в ст. 451 ГК РФ критерии существенных обстоятельств можно обобщить следующим образом: исключительность (выход за рамки предвидимого риска и чрезмерное обременение одной из сторон), непредвиденность (обстоятельства возникают *ex-post* возникновения обязательств) и объективность (отсутствие вины одной из сторон в возникновении этих обстоятельств)². Также стоит выделить еще один признак, закрепленный ГК РФ и в международных актах, например, в UNIDROIT Principles (2016): «эти события не могли быть разумно учтены потерпевшей стороной»³. Особое внимание к этому положению, на наш взгляд, объясняется тем, что российский правоприменитель не учитывает именно эту «разумность», что будет показано в нашем исследовании.

¹ Д. В. Дождев. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 1. С. 105.

² М. В. Шавалев Договорное право в период экономической нестабильности: исследование современного опыта влияния существенного изменения обстоятельств на обязывающую силу договора // Журнал «Закон» 01-2017. С. 114–115.

³ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (2016 г.) // [unidroit.org](https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/). URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (дата обращения: 14.09.2023).

Эта связь прослеживается в том, что российский правопорядок ст. 451 ГК РФ блокирует и иски, основанные на этом положении, как правило, не удовлетворяются. Об этом говорят и современные исследователи, когда отмечают, что осторожному применению ст. 451 ГК РФ не помешали никакие потрясения, с которыми столкнулась РФ за последние 30 лет¹. С одной стороны, такое осторожное отношение судов к этой норме является логичным, так как правопорядку стоит в ситуации турбулентности не размножать неопределенность, особенно в гражданском обороте, иначе это может грозить еще большими потрясениями. Вместе с тем по этой же причине мы сталкиваемся с отсутствием необходимой судебной практики по этой норме, а суды стремятся сохранить договор в неизменном виде, ссылаясь на предпринимательский риск, хотя обстоятельства выходят за рамки «разумного» риска и возможности предпринимателей предвидеть такие экстраординарные обстоятельства.

Если мы обратимся к судебной практике, то заметим, что суды в подавляющем случае, отказывая в удовлетворении исков коммерсантам, ссылаются именно на предпринимательский риск, хотя это не всегда оправдано. Например, используются следующие формулировки: «...предпринимательская деятельность носит рисковый характер,... Банк не мог не учитывать (примечание — введение санкций) при заключении договора аренды, являясь профессиональным участником рынка финансовых услуг», «вступая в договорные отношения, должны... прогнозировать экономическую ситуацию, в связи с чем не могли исключить вероятность роста цен в период исполнения сделки...», «...Поставщик как юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность на свой риск, должен был предвидеть потенциальные изменения...»². В данном случае совершенно непонятно каким образом предприниматели могли предвидеть санкции, которые будут введены против каких-то отраслей российской экономики. Например, если мы говорим о повышении цен, который вызван нормальным уровнем инфляции, то эта ситуация явно предвосхищаемая, а если цены повысились ввиду того, что иностранная компания поставщик отказалась после введенных санкций поставлять товар, то ситуация иная. Такие действия уже вызывают нарушение цепочек поставок и делает саму поставку в разы дороже и сложнее, так как придется поставлять уже через третьи государства, если такое вообще будет возможно. В таком случае суду следовало бы

¹ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 1224–1225.

² Определение Верховного суда от 23.05.2017 по делу № А39-5782 № 301-ЭС16-18586, Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 03.02.2022 по делу № А26-8114/2021, постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 № 05АП-8344/22 по делу № А51-15300/2022.

указать на то, как такое обстоятельство можно предвидеть в рамках «предпринимательского риска».

По нашему мнению, такая практика судов говорит о том, что они излишне широко понимают понятие «предпринимательский риск», в которое необоснованно включают даже те обстоятельства, которые никакой человек объективно предсказать не может. Однако, конечно, нельзя сказать о порочности всей практики по ст. 451 ГК РФ. Так, суды в некоторых случаях уточняют, в чем действительно заключается возможность предвидеть некоторые обстоятельства, например, указывая, что контрагент должен учитывать предельные рыночные инфляционные значения¹. Например, эти пределы можно определить из тех данных, которые публикует Центральный банк РФ. В таком случае ссылка на предпринимательский риск выглядит оправданной, так как суд непосредственно демонстрирует то, что эти обстоятельства реально профессиональный участник оборота мог предвидеть.

Вместе с тем мы видим, что в обоих случаях важное значение играет именно то, в каких пределах обстоятельства изменяются. Из этого мы можем сделать вывод, что критерием существенности является не только сам факт непредвиденности изменения контекста до заключения договора, но и также масштаб самих изменений. В данном случае такое удачное понимание существенных обстоятельств закрепилось в Проекте общей системы координат европейского частного права (DCFR ст. III-1:110): «...должник в тот момент не принял во внимание, и нельзя было разумно ожидать, что он примет во внимание возможность или *масштаб* такого изменения обстоятельств...»². Как мы видим, такое положение, помогает лучше понять правовую природу существенных обстоятельств.

Таким образом, для того чтобы преодолеть проблему с чрезмерным и не всегда справедливым использованием «предпринимательского риска», сохраняя стабильность договорных отношений в условиях санкционного давления и защитить интересы предпринимателей, существуют два возможных варианта.

Первый вариант связан с внесением изменений в ГК РФ и приведет к уточнению понятия «предпринимательский риск» и установление критерия «масштабности» изменившихся обстоятельств, что, как мы считаем, является наиболее радикальным и малоэффективным способом.

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2022 № Ф10-2627/22 по делу № А09-5445/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) // URL: <https://www.ccbe.eu/> (дата обращения: 13.09.2023).

Следует ограничиться в данном случае разъяснениями Верховного Суда РФ, чтобы не закреплять строгое понимание предпринимательского риска и масштаба обстоятельств.

Федосеева А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Разрешение трансграничных споров в условиях санкций

Аннотация. В настоящее время значительное количество санкций применяются в отношении России и создают существенные риски для участников отношений, осложненных иностранным элементом. Процесс рассмотрения споров для российских лиц претерпел изменения и значительно усложнился. Рассмотрим основные проблемы арбитражных споров в условиях «санкционного» элемента.

Ключевые слова: санкции, разрешение споров, антиисковое требование, меры ограничительного характера, обеспечительные меры.

Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) изложил свою санкционную политику¹. Среди положений можно найти типичные положения для других арбитражных институтов, которые опубликовали сходные позиции, например, нейтральное положение без «особого» отношения в условиях санкций, объективность процесса и т.д. Однако всё же возникает ряд сложностей для подсанкционных лиц: препятствия для оплаты сбора из-за ограниченной работы банков в условиях санкций, сложности в пересечении границ и очного участия. В то же время международный арбитраж является наиболее надежным способом разрешения споров, но нельзя исключать вероятность возникновения проблем в принудительном исполнении решений суда, например, отказ в транзакции, отсутствие способа осуществить перевод в связи с отключением от системы SWIFT. Использование российского процессуального механизма также не является гарантией надлежащего исполнения решения, особенно в условиях ухода многих иностранных компаний с российского рынка. На первый взгляд кажется, что инструмент применения обеспечительных мер в этом случае справится с данной проблемой.

¹ Hong Kong International Arbitration Centre // [hkiac.org](https://www.hkiac.org). URL: <https://www.hkiac.org/arbitration/sanctions-police> (дата обращения: 13.09.2023).

В одном из дел принятие обеспечительных мер было обосновано тем, что ответчик приостановил работу в России, его единственный участник или учредитель — иностранная компания из недружественной страны¹. В другом деле суд отклонил доводы в пользу введения обеспечительных мер на том основании, что они являются предположительными, то есть не представлено доказательств взаимосвязи принятия обеспечительных мер и невозможности исполнения решения². Несмотря на вариативные позиции судов наиболее частыми стали решения, удовлетворяющие заявления о применении обеспечительных мер, со ссылками на принадлежность к недружественным государствам, прекращение деятельности в России.

Данная проблематика носит двусторонний характер, поскольку подсанкционное российское лицо вправе воспользоваться ст. 248.1 АПК РФ, которая позволяет использовать механизм исключительной российской юрисдикции, но необходимо помнить о соблюдении принципа автономии воли. Важно отметить, что ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ предоставляет возможность обойти ограничения, установленные частью 1 ст. 248.1 АПК РФ. В случае неисполнения или создания препятствий в доступе к правосудию можно заявить об этом и, следуя общей тенденции, проблем с предоставлением доказательств, скорее всего, не возникнет³.

В целом ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ применяются преимущественно формально, а наличие одного факта введения ограничительных мер достаточно для их применения⁴. Наиболее известная реализация антиискового запрета принадлежит делу с АО «Уралтрансмаш». В ходе его рассмотрения в суде был использован снова формальный подход, однако требование об антиисковой защите было отклонено в связи с его превентивным характером (разбирательство по данному делу уже было завершено)⁵. Существует лишь небольшое количество судебной практики, где используется более индивидуальный подход.

¹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2022 № 11АП-14271/2022 по делу № А55-22331/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Арбитражного суда Самарской области от 11.04.2022 по делу № А55-36663/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/UVhCLvjmwAHj/> (дата обращения: 13.09.2023).

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 № Ф03-6497/2022 по делу № А73-15265/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Например, суд отказал в применении ст. 248.2 АПК РФ на следующих основаниях: Регламент суда предусматривает независимость от конкретной страны, имеется специальное положение, обеспечивающее равные права независимо от страны происхождения, заявитель в рамках дела имел возможность выбрать двух из трех арбитров, успешно участвовал в судебном разбирательстве¹. Тем не менее отдельные случаи смягчения формального подхода не позволяют сделать вывод о перспективах данной практики в целом. Представляется, что часто используемый подход полным образом обеспечивает цели введения данных норм.

Помимо этого, появляются трудности, вызванные нежеланием иностранных партнеров сотрудничать с российскими компаниями, которые по-прежнему обладают «значительными ресурсами». Кроме того, отсутствие четкого определения «меры ограничительного характера», под которое могут попадать любые ограничительные меры в настоящее время, создает правовое пространство для не всегда обоснованного широкого применения указанных норм.

Возникает вопрос о ретроспективном действии указанных выше норм. В одном из рассмотренных дел суд кассационной инстанции был вынужден указать, что на момент рассмотрения дела судами первой и апелляционной инстанций статья 248.1 АПК РФ еще не применялась, поэтому ссылка заявителя на нее в рамках кассационной жалобы была безосновательна². В другом же деле суд кассационной инстанции указал, что данные нормы уже вступили в силу и их необходимо сейчас учитывать³. Однако с учетом целей введения этих норм (защита подсанкционных лиц) следует признать, что они должны применяться и к соглашениям, заключенным до вступления закона в силу.

Помимо имеющихся процессуальных трудностей возникают и дополнительные проблемы с освобождением от ответственности за неисполнение обязательств в условиях санкций и квалификацией данного обстоятельства. До 2022 г. преобладал подход, согласно которому ограничительные меры не являлись обстоятельствами непреодолимой силы, а последствия таких мер рассматривались как предпринимательский риск⁴.

¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.08.2022 по делу А40-50169/22-10-306. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.09.2023).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2020 № Ф05-12003/2020 по делу № А40-107039/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.07.2020 № Ф09-3951/19 по делу № А60-62910/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.05.2020 по делу № А53-38223/2019, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.09.2018 по делу № А53-3447/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

При обсуждении квалификации санкций как обстоятельства непреодолимой силы в спорах с АО «Альфа-Банк» суды приходят к разным выводам. Однако ключевым фактором является чрезвычайный характер ограничительных мер, то есть необходимо доказывать невозможность предвидеть введение таких мер¹. Справедливо учитываются судами момент возникновения правоотношений и введение санкций, а также действия должника после введения санкций и его попытки использовать альтернативные способы исполнения обязательств².

При этом санкции могут соответствовать обстоятельствам непреодолимой силы, а также повлечь прекращение обязательств в связи с невозможностью исполнения³. Возможным способом расторжения договора в условиях санкций может стать и применение ст. 417 ГК РФ, например, на основании Указа Президента РФ от 04.05.2022 № 254⁴.

Позиции судов относительно возможности применения ст. 451 ГК РФ в условиях санкций также зависит от фактора предвидимости⁵. Суды правомерно отмечают, что изменение курса валют, финансовый кризис, ухудшение финансового состояния стороны договора в условиях санкций не являются основанием применения ст. 451 ГК РФ, так как в силу специфики деятельности такие объективные обстоятельства можно было предусмотреть. Изменение обстоятельств должно носить тот самый признак «чрезвычайности», который делает эту категорию сходной с форс-мажором. Однако при существенном изменении обстоятельств сторона не лишена возможности исполнения, она лишь понесет несоизмеримые убытки.

Таким образом, универсального подхода в настоящее время не существует. Очевидно, что само введение ограничительных мер не может рассматриваться ни как один из вышеупомянутых вариантов. Необходимо учитывать множество факторов, центральным из которых будет являться невозможность

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2023 по делу № А40-109469/2022) ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.04.2018 по делу № А56-89542/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2018 № Ф05-21409/2017 по делу № А40-39224/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 по делу № А40-132142/2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 04.05.2022 № 254 «О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. № 97. 05.05.2022.

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 по делу № А40-132142/2022) // СПС «КонсультантПлюс».

предвидеть введения ограничений, а также прямая причинно-следственная связь между введением санкций и их влияние на исполнение обязательств.

Законопроект № 92282-8¹, который предлагал зафиксировать санкции в качестве форс-мажора, снят с рассмотрения. Действительно, единый подход выработать довольно сложно. В связи с этим внесение в нормативные акты специального положения о введении санкций как основания для одностороннего отказа от договора могло бы решить эту проблему. Для соблюдения баланса интересов возможно включить в договор «антисанкционные заверения об обстоятельствах», которые предотвратят сомнения контрагентов в безопасных условиях сделки в условиях санкционных ограничений.

Таким образом, введение санкций оказало значительное влияние на практику разрешения трансграничных споров, которая в настоящее время является непоследовательной и требует более тщательного и единообразного подхода и выработки единой правовой позиции.

Хващинская К. В.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Студент

Обеспечение стабильных поставок в условиях санкционного давления на Россию: правовой обзор антикризисных мер

Аннотация. В начале 2022 г. на Российскую Федерацию было наложено большое количество санкций, которые привели к существенным изменениям на рынке страны. Чтобы адаптироваться к данным условиям, поддержать отечественных производителей и не допустить возникновения дефицита, было необходимо принять антикризисные меры.

Ключевые слова: санкция, антикризисные меры, «недружественные страны», параллельный импорт, тарифные льготы.

В марте 2022 г. Российская Федерация (далее — РФ) была вынуждена изменить экономическую политику, чтобы адаптироваться к новым экономическим условиям, в которых многие «недружественные страны»² наложили на Россию санкции, создавшие трудности в осуществлении стабильных поставок.

¹ Законопроект № 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об антисанкционных поправках) // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.09.2023).

² США, Великобритания, Украина, Норвегия, Швейцария, Черногория, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия и др.

Данные факторы приводят к ухудшению качества жизни граждан, так как некоторые категории товаров теперь стали труднодоступными. А также к проблемам в ведении российского бизнеса, потому что поставщики, находящиеся в «недружественных странах» и снабжающие российских производителей товарами, лишились возможности продолжать с ними сотрудничество по собственному желанию или из-за политики государства. Компании потеряли значительное количество клиентов из «недружественных стран», так как они отказались от дальнейшего сотрудничества, что привело к снижению прибыли.

Данный фактор поспособствовал закрытию некоторых компаний, повышению цен на их товары, возникновению необходимости в поиске новых поставщиков и клиентов.

В начале марта объявления от некоторых брендов техники о прекращении поставок (Acer, Bosch, Panasonic, Apple и др.) в Россию поспособствовали резкому повышению спроса на данные товары, которые россияне начали активно скупать. Первой на это отреагировала компания «DNS», которая подняла стоимость на свои товары сразу на 30 %. И, к примеру, «Iphone 13 pro max», стоивший до введения санкций примерно 110 тыс. руб., стал стоить 150 тыс. руб. С повышением цен, для россиян стало материально труднее приобретать технику¹.

В 2022 г. были приняты акты, которые поспособствовали привлечению импорта в РФ, благодаря таким инструментам, как нулевые ставки ввозных таможенных пошлин, тарифные льготы². Данные меры были приняты в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

¹ В России из-за санкций дорожают продукты и техника. Почему такая же угроза стоит перед США и Европой? // URL: <https://lenta.ru/articles/2022/03/18/price/> (дата обращения: 15.09.2023).

² Решение Коллегии ЕЭК от 28.09.2022 № 135 «Об установлении ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза в целях обеспечения устойчивости экономик государств — членов Евразийского экономического союза» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22kr0135/>; Решение Совета ЕЭК от 17.03.2022 № 37 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и об утверждении перечней товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза в целях реализации мер, направленных на повышение устойчивости экономик государств — членов Евразийского экономического союза» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22sr0037/>; Решение Совета ЕЭК от 23.09.2022 № 150 «Об установлении ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в отношении отдельных видов товаров, а также о внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза и Совета Евразийской экономической комиссии» // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22sr0150/>.

К примеру, тарифные льготы предоставляются на такие категории товаров, как строительные материалы, запчасти, фурнитура, носители для записи звука, чистящие средства. Нулевые тарифные ставки установлены на пищевые добавки, строительные материалы, средства для обработки материалов, косметические товары. Россия предоставляет наиболее лояльные меры для импорта, чтобы привлечь поставщиков товаров наиболее необходимых для страны.

Для поддержки отечественного бизнеса был разрешен параллельный импорт на отдельные товары, который подразумевает ввоз товаров иностранных производителей без разрешения правообладателя через дистрибьюторы из третьих стран. Данная мера была необходима для восполнения дефицита товаров, производство которых неактивно развито в России¹.

Параллельный импорт применяется для следующих категорий товаров: одежда, бытовая техника, электроника, автомобили, картон, косметические средства, парфюмерия и др. К примеру, бренд одежды «Tommy Hilfiger» с 7 марта 2022 г. отказался от осуществления поставок в Россию и закрыл свои официальные магазины. Но можно заметить, что некоторые магазины (например, «Rendez-vous», «Стокманн») все равно имеют в своем ассортименте оригинальные новинки данного бренда. Следовательно, можно сделать вывод, что данные товары приобретены для продажи при помощи параллельного импорта.

9 Марта 2022 г. Правительство РФ выпустило сразу два постановления, благодаря которым изменились условия экспорта². Они включают положения, запрещающие вывоз некоторых товаров.

Чтобы облегчить экономическую ситуацию, Россия в ответ ввела новые ограничения на экспорт некоторых товаров. Данные действия были сделаны для поддержки граждан, а также российского бизнеса, чтобы предотвратить дефицит товаров, количество которых в России и так сократилось.

К примеру, вводится ограничение на товар с кодом 3006 40 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС «Цементы зубные и материалы для пломбирования зубов прочие; цементы, реконструирующие кость». Американские компании являлись одними из главных поставщиков стоматологических материалов, которые прекратили

¹ Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта б) статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Официальный интернет-портал правовой информации. pravo.gov.ru. 6 мая 2022 г. № 0001202205060001.

² Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 311 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 08.03.2022 № 100» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1703.

свои поставки в Россию из-за наложения санкций. Из-за этого вырос спрос на отечественные материалы, которые не могли полностью покрыть потребность в данном товаре. Чтобы не усугублять ситуацию Правительство РФ ввело полный запрет на экспорт товара.

В мае были внесены изменения в условия запрета на вывоз некоторых товаров¹. Позднее запреты сняли в отношении «дружественных стран», стран-союзников, для их поддержки, а также для повышения ВВП страны.

Еще одно постановление вводит ограничения на экспорт некоторого перечня товаров только для определенного списка государств, относящихся к категории «недружественных стран». Данный способ ограничений связан с попыткой «восстановить справедливость».

В перечне видна закономерность, что запрет установлен на товары, в отношении которых государства находятся в зависимости от России (металлы, лесоматериалы и т.д.). Список составлен и для поддержания безопасности России: в него включены товары, относящиеся к «военной и технической сфере»².

Данная экономическая политика оказалась достаточно успешной исходя из отчета Всемирного банка от 06.03.2023. Такой вывод можно сделать из положений, которые указывают на улучшение прогнозов по снижению экономических показателей России, если в начале эксперты предсказывали снижение экономики на 3,3 % в 2023 г., то сейчас они назвали число сравнительно меньше — 0,2 %³.

Устоять в санкционный период нам помогли различные инструменты управления внешней торговлей. Ограничения на экспорт помогли остановить рост дефицита на различные категории товаров, а упрощение условий импорта способствовали наполнению внутреннего рынка. Экономические показатели упали незначительно, что показывает, что экономическая политика России развивается в нужном направлении.

¹ Постановление Правительства РФ от 11.05.2022 № 850 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 20. Ст. 3313.

² Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 313 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 08.03.2022 № 100» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1819.

³ Стоматологи сообщили о проблемах с «Убистезином», цементом и борами. Как трудности с поставками и уход производителей повлияли на лечение зубов // РБК (дата публикации: 15.02.2022). URL: <https://www.rbc.ru/society/15/02/2023/63dbf8609a7947805c282649> (дата обращения: 20.09.2023)).

XXVII. БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бех О. Н.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Взаимодействие Российской Федерации с правозащитными механизмами ООН: проблемы и перспективы

Аннотация. Договорные органы ООН в настоящее время являются единственной альтернативой ЕСПЧ для российских граждан. В свете непрекращающейся приверженности Российской Федерации ООН и ее миссии законодателю предстоит решить следующие вопросы, связанные с договорными органами: юридическую силу решений комитетов ООН, порядок исполнения решений, а также ратификацию отдельных соглашений, признающих компетенцию отдельных органов рассматривать индивидуальные сообщения на нарушения прав, изложенных в международных договорах.

Ключевые слова: ООН, правозащитные механизмы, договорные органы, индивидуальное сообщение, права человека

Выход Российской Федерации из Совета Европы 16 марта 2022 г., а также прекращение, начиная с той же даты действия в отношении нее конвенций Совета Европы¹, перекрыл заявителям доступ к самому распространенному международному механизму правозащиты — Европейскому Суду по правам человека (далее — ЕСПЧ). К тому же, решением от 06.06.2023 по делам Пивкиной и остальных сам ЕСПЧ еще более усложнил заявителям доступ к Суду, позволив принимать жалобы только на нарушения, по которым исчерпана последняя инстанция до 16 сентября 2022 г.² Это решение является своего рода ответом на Федеральный закон от 11.06.2022 № 183 (на момент принятия — еще законопроект), в котором содержатся положения о неисполнении решений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г.³

¹ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СПС «КонсультантПлюс».

² Pivkina and others v. Russia. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/#%22fulltext%22:%22134/23%22> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции, гражданам гарантировано право на обращение в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Выход из Европейской конвенции 1953 г. как раз сместил фокус внимания с ЕСПЧ на эти другие немногие оставшиеся правозащитные механизмы, доступные заявителям из России. Это в первую очередь Комитет по правам человека ООН (далее — КПЧ), поскольку Россия является частью Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах¹ (далее — Протокол и Пакт). Эти и другие правозащитные механизмы наделяются своим статусом в соответствии с международными договорами (отсюда их доктринальное название — *договорные, или конвенционные органы*). Тот факт, что государство становится участником соглашения какого-либо из этих механизмов, позволяет любому лицу жаловаться в эти органы на нарушение этим государством прав, гарантированных этим или связанным с ним договором.

В Заявлении МИД, посвященном запуску процедуры выхода из Совета Европы, Российская Федерация мотивирует выход из организации: «Россия — участник основных универсальных международных договоров по правам человека, заключенных в рамках ООН <...> которыми гарантируется более широкий спектр прав и свобод человека, чем региональными документами СЕ»². Это действительно верно, однако главная проблема России после оставления ЕСПЧ заключается в том, что законодательство, в том числе перечень ратифицированных и являющихся частью внутренней правовой системы международных договоров, не готово к полноценной работе с договорными органами ООН.

Во-первых, представляется нужным разрешить в законе вопрос о юридической силе решения Комитета³. Хотя Россия признает компетенцию КПЧ рассматривать индивидуальные сообщения, орган, состоящий из независимых экспертов⁴, не может принимать решений, сравнимых по обязательности, например, с решениями Конституционного Суда РФ⁵. Поэтому вопрос должен

¹ Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights // URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-5&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 20.09.2023).

² Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 20.09.2023).

³ В русском переводе решения по существу, «views», называются «соображениями».

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 28 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 79 // СПС «КонсультантПлюс».

стоять перед законодателем так: имеет или не имеет право суд согласиться с доводами КПЧ и других сходных органов?

По мнению И. А. Богатыренко, позиция сторонников обязательности решений КПЧ основывается на проекте Замечания общего порядка № 33¹, где сказано, что «практика [КПЧ] может рассматриваться как последующая практика [применения международного договора] в соответствии с Венской конвенцией»². По мнению же Б. Р. Тузмухамедова, которого цитирует И. А. Богатыренко, договорные органы ООН, «не будучи межгосударственными, компактные по численности <...>, в которых заседают независимые эксперты <...> не вправе и не способны создавать практику применения договора, устанавливающую соглашение участников относительно его толкования по смыслу п. 3 «b» ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров»³. Со второй позицией сложно не согласиться.

По нашему мнению, суды должны иметь право не согласиться, поскольку, во-первых, решения действительно изначально не обеспечены обязательной юридической силой, во-вторых, потому, что специфика процедуры органов, а также их состав, не предполагает анализа всех обстоятельств отдельного дела. Суду нужно дать возможность решить, являются ли выводы КПЧ существенным для дела обстоятельством, возможно, даже согласиться с особыми мнениями отдельных членов, если они отражены в решении.

Во-вторых, нужно с определенностью закрепить, может ли являться решение договорного органа основанием пересмотра по новым обстоятельствам. В настоящий момент складывается такая ситуация, что только Уголовно-процессуальный кодекс, в котором существуют «иные» основания пересмотра по новым обстоятельствам, позволяет пересмотреть на основании решения международного органа (п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ), в то время как перечень новых

¹ В окончательную редакцию Замечания общего порядка № 33 это положение не вошло.

² Богатыренко И. А. Юридическая сила суждений экспертных договорных органов по правам человека // Международное правосудие. 2023. № 2 (46). С. 139–155, 143.

³ Тузмухамедов Б. Р. Универсальные договорные органы по правам человека и их место среди международных институтов // Государство и право. 2021. № 7. С. 151–160, 155.

обстоятельств в гражданском, арбитражном и административном процессуальном законодательстве является закрытым¹, а в законодательстве об административных правонарушениях и вовсе отсутствует². Получается, что отсутствие такого основания вступает в противоречие с ч. 3 ст. 46 Конституции.

Наконец, проблемы объема ратифицированных соглашений можно считать главной проблемой взаимоотношений РФ с договорными органами ООН. Если сравнить, в скольких из договорных органах участвует РФ, и в скольких, например, Австралия, становится понятно, что австралиец имеет возможность подать индивидуальное сообщение в Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет против пыток, Комитет по правам инвалидов, а также защитить свои права другими способами, которые недоступны россиянину³. Если индивидуальное сообщение поднимает узкую правовую проблему, в нем нарушены права, свойственные определенной группе, оно должно быть рассмотрено тем органом, к компетенции которого отнесен тот или иной вопрос. Это сужает квалификацию нарушения права до необходимого минимума и позволяет реализовать общие (ст. 45, 46) и специальные (ч. 3 ст. 46) конституционные права. Поэтому думается, что Россией должна быть признана компетенция соответствующих механизмов.

Напомню, что в качестве принципа ведения внешней политики Российской Федерацией подтверждается приверженность целям и принципам ООН, ее центральной и координирующей роли, главной площадки для развития и кодификации международного права⁴. Значит, правозащитные механизмы ООН также должны рассматриваться на высоком уровне как центральная площадка для поддержания, обеспечения и экстраординарной защиты прав человека.

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ, ст. 311. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, ст. 392. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31.

² В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях есть глава 30 («Пересмотр вступивших в силу постановлений и решений по делам об административных правонарушениях»), которая не является по своей сути пересмотром по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

³ International engagement // URL: <https://humanrights.gov.au/our-work/legal/international-engagement> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Горбатовская Ю. А.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Студент

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Российская Федерация: перспективы взаимодействия

Аннотация. Защита прав женщин от дискриминации является актуальной задачей современного общества. Одним из эффективных механизмов международной защиты является Комитет ООН по ликвидации дискриминации женщин. В статье раскрывается его деятельность по рассмотрению индивидуальных жалоб и влияние его решений и мнений на дальнейшую правоприменительную практику как на международном уровне, так и на внутригосударственном.

Ключевые слова: Комитет ООН по ликвидации дискриминации женщин, Конвенция, дискриминация, женщины, индивидуальная жалоба.

Женщины являются наиболее уязвимой категорией населения, которая неоднократно подвергается различным ограничениям и дискриминации в целом. Поэтому для полноценной реализации их прав и свобод, а также законных интересов необходимы как эффективные внутригосударственные правозащитные механизмы, так и международные.

В 1979 г. был принят наиболее значимый международный правовой акт ООН в данной области — Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹, которая подытожила более чем 30-летнюю работу в рамках данной организации. По состоянию на 21 сентября 2023 г. 189 государств являются участниками этой Конвенции². Российская Федерация как правопреемник Советского Союза по международным договорам также выступает одной из сторон названной Конвенции.

Для осуществления контроля за соблюдением государствами-участниками положений Конвенции был создан Комитет ООН по ликвидации дискриминации женщин³. Факультативным протоколом к данной Конвенции, подписанным

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18.12.1979. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 20.09.2023).

² См.: Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org> (дата обращения: 21.09.2023).

³ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин // URL: <https://www.ohchr.org/ru/> (дата обращения: 21.09.2023).

6 октября 1999 г., Комитет был наделен полномочиями рассматривать индивидуальные жалобы по вопросам нарушения прав женщин. Это было необходимо для усовершенствования международных механизмов реализации прав человека в системе ООН, в данном случае прав конкретных специальных субъектов-женщин. Для Российской Федерации названный протокол стал обязательным с 24 июля 2004 г.

Особенности правозащитного механизма данного Комитета состоят в том, что за защитой своих прав могут обратиться только резиденты государств — участников Конвенции. Обращение возможно только в том случае, когда исчерпаны все средства внутригосударственной защиты. Данное положение закреплено в статье 4 Факультативного протокола¹, а также в законах государств-участников, в частности, в части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации². Цель данного требования состоит в предоставлении национальным органам, а прежде всего судам, возможности самостоятельно предотвратить предполагаемое нарушение Конвенции.

В деятельности Комитета неоднократно были прецеденты о признании дела неприемлемым для рассмотрения по причине того, что все внутригосударственные средства защиты не были исчерпаны. Таким примером служит решение Комитета по жалобе гражданки России, которое было вынесено 23 февраля 2022 г.³

Женщины из разных стран неоднократно обращались в Комитет по вопросам, связанным с нарушениями их прав. Обращаясь к статистике сообщений, которые поступили в Комитет, стоит отметить, что по состоянию на 23 января 2023 г. было рассмотрено 133 сообщения, 8 из них были в отношении России. Не все из этих 8 обращений рассматривались по существу, 3 из них были признаны неприемлемыми⁴.

¹ Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 21.09.2023).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2023).

³ Решение по сообщению № 137/2018, принятое Комитетом в соответствии со статьей 4 (п. 1) Факультативного протокола // URL: <https://www.ohchr.org/ru/> (дата обращения: 21.09.2023).

⁴ Обзор практики комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин по рассмотрению индивидуальных сообщений, в том числе поданных в отношении Российской Федерации // URL: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32216/ (дата обращения: 21.09.2023).

В феврале 2023 г. Комитет вынес еще одно мнение по индивидуальной жалобе гражданки Российской Федерации Оксаны Шпагиной¹.

Поводом к подаче данного обращения стало нарушение права на оказание медицинского обслуживания, а именно осуществления ненадлежащего лечения от наркомании в связи с беременностью. Несмотря на все негативные показания врачей, связанных с хронической наркозависимостью, женщине удалось родить здорового ребенка. После его рождения у Оксаны Шпагиной неоднократно возникали рецидивы употребления запрещенных веществ, в эти периоды она пыталась найти реабилитационные центры для наркозависимых женщин с детьми, но все было безуспешно. Отсутствие таких учреждений представляет дискриминационное препятствие для получения наркозависимыми женщинам с детьми необходимой медицинской помощи, что ограничивает их право на доступ к медицинскому обслуживанию.

Оксана Шпагина пыталась воспользоваться внутригосударственными средствами правовой защиты, неоднократно подавала иски в суд, но все они отклонялись. Поэтому в 2018 г. она обратилась в Комитет ООН по ликвидации дискриминации женщин с просьбой признать ее жертвой дискриминации в сфере здравоохранения.

В ходе разбирательства по делу и оценки фактических обстоятельств Комитет постановил, что Российская Федерация нарушила обязательства в качестве участника Конвенции. Государство не смогло предотвратить дискриминацию в области здравоохранения и принять необходимые меры ликвидации последствий таких ограничений.

На основании рассмотрения дела по существу Комитет выносит Российской Федерации рекомендации в необходимости выплатить денежную компенсацию дочери Оксаны Шпагиной, а также изменить действующее законодательство для наиболее оперативного разрешения вопросов, касающихся ограничения законных прав граждан при оказании медицинской помощи.

Мнение, провозглашенное Комитетом, носит рекомендательный характер, не обладая обязательной юридической силой. Предполагается, что если страны ратифицировали Конвенцию, то они обязуются проводить всеми возможными способами политику против дискриминации в любых формах, а соответственно и исполнять все рекомендации, принятые Комитетом. Если же государство не принимает их во внимание, то с его стороны происходит нарушение взятых на себя международных обязательств.

¹ Мнения в отношении сообщения № 129/2018, принятые Комитетом в соответствии со статьей 7 (пункт 3) Факультативного протокола // URL: <https://www.ohchr.org/ru/> (дата обращения: 21.09.2023).

Обобщая вышесказанное, сто́ит отметить, что рекомендации и мнения Комитета оказывают воздействие на правовую систему страны, то есть происходит влияние международного права на внутригосударственное. Подтверждая данную мысль, приведем пример реакции государства на решение Комитета по делу Светланы Медведевой¹, которое было первым в России в рамках индивидуальных жалоб в Комитет. Это обращение было направлено на признание дискриминацией отказ в приеме на работу в качестве моториста-рулевого на основании нормативных правовых актов Российской Федерации².

После рассмотрения дела по существу Комитет принял следующие рекомендации-предоставить женщине соразмерную компенсацию, а также облегчить доступ к осуществлению профессиональной деятельности и принять на работу, для которой она квалифицирована, пересмотреть и внести изменения в статью 253 Трудового кодекса, а также периодически изменять и корректировать ограничительный для женщин перечень специальностей и отраслей, установленный постановлением Правительства № 162.

После этого решения Светлане Медведевой была выплачена денежная компенсация, и она была принята на работу по своей квалификации. В 2019 был утвержден новый список запрещенных для женщин профессий³. Изменения были внесены и в статью 253 Трудового кодекса⁴, в настоящей редакции данная статья начала действовать с 1 марта 2022 г. То есть несмотря на то, что решение Комитета носят рекомендательный характер, Российская Федерация выполнила его, признав, как решение Комитета, так и дискриминацию Светланы Медведевой. В данном случае непосредственно проявляется влияние реакции Комитета на правовую систему нашей страны.

¹ Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (шестьдесят третья сессия) в отношении сообщения № 60/2013 // URL: <https://www.ohchr.org/ru/> (дата обращения: 21.09.2023).

² См.: постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» от 25.02.2000 № 162 // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1130.

³ Приказ Минтруда России «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» от 18.07.2019 № № 512н // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019 г. с изм. и доп. в ред. от 13.05.2021.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256. Ст. 253 (с изм. и доп. в ред. от 01.03.2022).

Таким образом, Комитет стоит на защите прав женщин как наиболее уязвимой и подверженной ограничениям категории населения. Его рекомендации, решения, мнения побуждают приводить законодательство государств — участников Конвенции в соответствии с международно-правовыми обязательствами, минимизируя в целом дискриминации в будущем.

Иванова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Концепция «международного порядка, основанного на правилах» и будущее международного права

Аннотация. Среди западных европейских стран и США стала популярна концепция RBO, которая не имеет четкого и единого представления и содержания. «Правила» придумываются и отменяются сторонниками с учетом их выгоды. Данная концепция направлена на то, чтобы стать регулятором международных отношений в будущем, но имеет ряд недостатков.

Ключевые слова: RBO, концепция, международные отношения, источники международного права, регулятор.

В настоящее время часто возникает вопрос о том, как будет выглядеть международное сообщество в будущем. Некоторые страны строят свои взгляды и цели на будущее международного права. Это можно проглядеть в выдвигаемой европейскими странами и США концепции RBO (Rules-Based Order — международный порядок, основанный на правилах), которая появилась в 90-х гг. прошлого столетия для обвинения стратегических противников. Но сможет ли данная идея стать будущим международного права?

В первую очередь необходимо разобраться, что являются «базисными правилами», поскольку данное определение нигде не закреплено, а его сторонники не дают на этот вопрос ответа. По мнению австралийских юристов-международников, международный порядок, основанный на правилах, — общее обязательство всех стран осуществлять свою деятельность в соответствии с согласованными правилами, такими как международное право, региональные механизмы безопасности, торговые соглашения, иммиграционные протоколы и культурные договоренности, которые развиваются с течением времени¹. Неко-

¹ The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia. 2015. URL: <https://www.unaa.org.au/wp->

торые авторы также утверждают, что в системе RBO помимо формальных правил, закрепленных в международных договорах и актах, входят также и неформальные правила¹. Они могут включать в себя моральные и политические нормы. В таком случае можно сказать, что четкого и единого определения «международного порядка, основанного на правилах» нет ни в официальных актах, ни в доктрине, но перечень правил намного шире, чем нормы международного права. В этой связи стоит отметить, что отсутствие дефиниции говорит о том, что данная идея регулирования международных отношений между всеми субъектами международного права не может быть реализована, так как ее понимание на настоящем этапе затруднено. Кроме того, отсутствие общего для всех понимания позволяет его сторонникам придумывать, изменять и отменять эти «правила» в угоду своим интересам. С. Талмон отмечал, что допущение обязательного международного порядка, основанного на правилах, означает признание некоего диктата: по «диктату большинства» или «приказу сильного»². Если нет дефиниции и закрепления концепции RBO, то никто, кроме них самих, никогда не узнает, что за ними скрывается. Эта же идея поддерживается министром иностранных дел С. В. Лавровым, в своей статье он отмечал: «То есть чем меньше конкретики, тем больше развязаны руки для произвола — в интересах сдерживания конкурентов нечистоплотными методами. В России «лихих» 1990-х это называлось «действовать по понятиям»³.

Стоит обратить внимание, что в науке международного права установлены источники данного права, некоторые из которых закреплены в ст. 38 Статута Международного Суда⁴. К их числу относятся международные договоры, правовые обычаи, общие принципы права, акты международных межправительственных организаций, которые являются юридически обязательными, и односторонние акты государств, порождающие юридические последствия. Поскольку концепция RBO не имеет полного документального закрепления, субъек-

content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

¹ Jain A., Kroenig M. Present at the re-creation: A global strategy for revitalizing, adapting, and defending a rules-based international system. Washington, DC: Atlantic Council, 2019. P. 11.

² Talmon S. Rules-based order v. international law? — German Practice in International Law. January 20, 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Лавров С. В. О праве, правах и правилах. Москва, 28 июня 2021 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/nota-bene/1766768/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Статут Международного Суда. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 21.09.2023).

екты международного права не заключали договоры о его действии, он не может быть в форме международного договора, акта международных межправительственных организаций и одностороннего акта. К общим принципам RVO так же не относится. Что касается отнесения данных «правил» к правовому обычаю, сто́ит отметить, что данная концепция появилась всего лишь пару десятков лет назад, не стала всеобщей и устойчивой практикой и не нашла полного закрепления в нормах международного права. Таким образом, порядок, основанный на правилах, не может быть регулятором международных правоотношений между всеми субъектами международного права. Однако данный аргумент имеет противоположный взгляд ученых, которые утверждают, что международное право динамично, и его источники со временем могут изменяться¹.

Немаловажно отметить, что обязательными нормами для государства являются те, которые выражены в нормах международного права. Поскольку порядок, основанный на правилах признан не всеми государствами и не является нормой общего международного права, данная концепция не может быть регулятором международных отношений между всеми субъектами права. Но сто́ит упомянуть, что между отдельными государствами идет тенденция закрепления «правил» на уровне межправительственных актов. Так, 10 июня 2021 г. между премьер-министром Великобритании Б. Джонсоном и президентом США была заключена «The New Atlantic Charter (Новая Атлантическая хартия)», которая в одной из восьми целей сотрудничества между странами закрепляла стремление работать над глобальными проблемами в рамках порядка, основанного на правилах². При этом в Хартии не упоминалось об ООН и ОБСЕ. Как отмечал профессор Б. И. Нефедов, настоятельное стремление исполнения «правил» вместо норм международного права может быть расценено как попытка отказа от общепризнанного верховенства международного права в регулировании международных отношений³. Несмотря на стремление и попытку закрепления и обеспечения действия концепции RVO некоторыми странами, ее нельзя назвать регулятором международных отношений между всеми субъектами международного права.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что концепция RVO на настоящий момент не имеет никакой юридической силы и не может выступать осно-

¹ Dugard J. The choice before us: International law or a «rules-based international order»? // *Leiden Journal of International Law*. Vol. 36 (2023). P. 231.

² The New Atlantic Charter. June 10, 2021 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/10/the-new-atlantic-charter/> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Нефедов Б. И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // *Россия и современный мир*. 2021. № 3 (112). С. 18.

вой международного правопорядка. Также не исключается ее возможное влияние в будущем, но для этого необходимо устранить ряд проблем. Во-первых, дать точное и единое определение и содержание концепции RBO. Во-вторых, принять ее большинством субъектов права путем подписания международного документа. В-третьих, данные нормы не должны противоречить общим нормам международного права. Что касается признания концепции как основного регулятора международных отношений в будущем, стоит отметить, что это приведет к полному изменению международного правопорядка, изменению всех норм и принципов международного права, которые складывались несколько десятков лет, что окажет влияние на внутрисударственное право каждой страны, к чему мировое сообщество сейчас не готово. Дж. Дугард отмечал, что международный порядок, основанный на Уставе ООН, является более надежным рецептом достижения мира, чем дискриминационный международный порядок, основанный на «правилах»¹.

Каралаш С. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Будущее космического права: лунная стратегия

Аннотация. Современные реалии развития капиталистических отношений неминуемо влияют и на процесс исследования космоса. Формируется новая международно-правовая парадигма космического права, вызванная коммерческими интересами субъектов. Заключаются соглашения по Луне, образующие новый порядок деятельности с потенциальным присвоением ресурсов в будущем.

Ключевые слова: космическое право, международное право, Договор о космосе, Договор о Луне, соглашения Артемиды, новая парадигма космического права.

Вселенная, с ее бесконечными просторами и загадочными небесными объектами, всегда привлекала человечество своей таинственностью и потенциальными возможностями. Одним из самых захватывающих исследовательских направлений последних десятилетий стало освоение космического пространства и его ресурсов. Государства активно вкладывают огромные средства в космические программы и научные исследования. Вместе с тем с появлением новых технологий и возможностей, возникают и новые вопросы, включая регулирование правового статуса небесных объектов, таких как, например, Луна.

¹ Dugard J. Op. cit. P. 232.

Нами уже были рассмотрены соглашения Артемиды¹, которые способствуют реализации одноименной программы, и которые было предложено подписать России. Спустя некоторое время становится ясно, что соглашения подписаны не будут², кроме того, вовлечение все большего числа государств в космическую деятельность неизбежно влечет противоречие интересов разных государств и их космических программ, что, в свою очередь, ведет к появлению новой парадигмы космического права. Неминуемое изучение спутника Земли способствует формированию новой международно-правовой (Лунной) стратегии.

Основным источником регулирования космического права является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее — Договор о космосе)³, подписанный большинством государств. Договор запрещает размещение ядерного оружия в космосе, устанавливает принцип мирного использования космического пространства и признает его общим достоянием человечества, то есть провозглашает правило по исследованию и использованию в интересах всех стран. В 1979 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН было принято Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (далее — Договор о Луне)⁴. Данный акт строго ограничивает возможную деятельность на Луне и иных космических объектах, в нем указывается, что «...поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица»⁵. В настоящий момент всего

¹ Каралаш С. С. Освоение космических ресурсов: Соглашения «Артемиды» против Договора о Луне // Современные проблемы международно-правового статуса территорий и пути их решения: тезисы докладов III Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы территориальных изменений в современном мире: теория и практика». М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 64.

² В МИД раскритиковали американскую лунную программу «Артемиды» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201214/luna-1589152222.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // ООН. URL: <https://clck.ru/GCqkD> (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml (дата обращения: 25.09.2023).

⁵ Там же.

18 государств подписали и ратифицировали данный договор¹. Это объясняется формально-определенными границами допустимой космической деятельности в отношении небесных тел, установление которых повлечет запрет на деятельность, направленную на удовлетворение интересов ограниченного круга субъектов. Рассматриваемое соглашение можно считать попыткой предотвратить коммерческую эксплуатацию космических ресурсов.

Исчезновение с политической арены СССР, появление частных космических компаний и в целом естественный ход развития капиталистических отношений неизбежно привели государства к возможности коммерческого использования космоса. Луна — первый объект, вызывающий материальные притязания у потенциальных эксплуататоров космических ресурсов. Еще в 2004 г. США начали разрабатывать программу «Созвездие», одной из целей которой называлась разработка Луны. Через 13 лет она была отменена, взамен нее была представлена программа «Артемида». Сопровождают программу двусторонние соглашения, которые США заключили с 27 странами².

Как упоминалось ранее, Россия соглашения до сих пор не подписала несмотря на то, что предложение было озвучено (на тот момент) директором НАСА Джеймсом Брайденстайном³. При этом 25 ноября 2022 г. Россия заключила двусторонний договор о сотрудничестве с Китаем в области создания Международной научной лунной станции⁴. В тексте договора указано, что соглашение основывается на Договоре о космосе, кроме того, допускается использование «лунных ресурсов на поверхности (под поверхностью) и (или) на орбите Луны».

Лунная станция, которую Россия и Китай собираются развернуть в два этапа с 2025 г. до 2035 г.⁵ является неким антиподом всей программы «Артемида», в ходе реализации которой также планируется соорудить лунную базу. Таким образом, неминуемо возникает вопрос о том, по какому принципу будет выбираться место размещения лунных станций разных программ. Также стоит задуматься и о том, как решать ситуацию, в которой на одну территорию могут

¹ Страны, подписавшие и ратифицировавшие договор: Армения, Австралия, Австрия, Бельгия, Венесуэла, Казахстан, Кувейт, Ливан, Марокко, Мексика, Нидерланды, Пакистан, Перу, Саудовская Аравия, Турция, Уругвай, Филиппины, Чили.

² Каралаш С. С. Там же.

³ В NASA выразили надежду на участие России в соглашении по Луне // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ebf41a09a7947e9b26c7081> (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ Россия и Китай подписали соглашение о работах по изучению Луны // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221221/luna-1840178767.html> (дата обращения: 26.09.2023).

⁵ Там же.

претендовать несколько лунных баз. Как известно из Договора о космосе, Луна или часть ее поверхности не может быть ничьей собственностью, тогда по какому принципу разграничивать сферы активной деятельности на спутнике Земли: кто первый занял, тот и пользуется территорией? Но в данном случае у любой из сторон нет ни одного законного способа защитить свои интересы.

Стремительное развитие человека в качестве покорителя космоса, безусловно, приведет все человечество к большим достижениям и новым открытиям, но кроме того, неминуемо сформирует ощущение победителя над космосом или его элементами, то есть создаст представление о праве владеть и присваивать. Коммерциализация данной сферы непосредственно связана с преобладающей в мире экономической формацией, потому вопрос о возможности присвоения, как будто, уже предрешен. Нынешнее международно-правовое регулирование носит базовые принципы деятельности в космическом пространстве, а попытка более конкретно установить права и обязанности субъектов в виде Договора о Луне не увенчались успехом. Вместо международного договора всеобщего характера, каким является, к слову, Договор о космосе, заключаются множество односторонних соглашений, которые подобны соглашению об МКС. Но существует важнейшее разграничение. Договор о МКС не устанавливает кардинально новых принципов деятельности государств или организаций в космическом пространстве, того же нельзя сказать о нынешних соглашениях по Луне. В первой статье Договора о космосе сказано, что «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран». Получается, что данное положение предполагает некоммерческий характер использования космоса или небесных тел. Таким образом, в выбранном формате соглашений прослеживается попытка одновременно не вступить в противоречие с Договором о космосе и сформировать новый порядок деятельности в космическом пространстве, не исключающий присвоения в обозримом будущем. Причиной, по которой был выбран данный метод, видится невозможность в данный момент прийти к соглашению с большинством государств и Организацией Объединенных Наций, так как позиция ООН по Луне фактически была изложена в Договоре о Луне.

Процесс формирования новой международно-правовой парадигмы космического права происходит в настоящее время. Потенциальные возможности и ресурсы, которые может дать единственный не искусственный спутник Земли невероятно велики, что будет способствовать появлению споров о возможности обладания этими ресурсами. Крупные игроки выбрали план, в ходе которого незыблемые ранее принципы космического права «подвинутся», а им на смену придут новые, коммерциализированные. Именно в этом и видится та самая Лунная стратегия.

Колесникова А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

**К вопросу о совместимости обязательств государств по нейтралитету
с обязанностями члена коллективной безопасности
в современном международном праве**

Аннотация. Статья анализирует вопрос совместимости постоянного нейтралитета государств с их участием в международных организациях и выполнением обязанностей по Уставу ООН, включая участие в коллективных обязательствах, не нарушая свой нейтралитет. Рассматривая положения Устава ООН, можно выявить, что в случае, если Совет Безопасности не санкционировал применение коллективных мер в отношении государства-агрессора, нейтральные государства, вводя санкции в отношении других стран, нарушают свои обязательства по нейтралитету.

Ключевые слова: Воюющие стороны, государство-агрессор, коллективная безопасность, нейтралитет, самооборона, санкции.

Многие годы в международном праве изучались проблемы нейтралитета во время войны. Известно, что государство, не участвующее в войне, должно беспристрастно относиться к воюющим сторонам. Эмер де Ваттель отмечал принцип беспристрастности как основу данной доктрины. Это включало в себя отказ в военной помощи воюющим сторонам, в том числе в предоставлении войск, оружия, боеприпасов и других предметов, используемых на войне, запрет на возражение против коммерческих отношений и торговли между нейтральными государствами и воюющими сторонами¹. Данная концепция находит свое отражение в положениях V и XIII Гаагских конвенций, посвященных правам и обязанностям нейтральных и воюющих государств в сухопутной и морской войне, в соответствии с которыми нейтральное государство обязано полностью воздерживаться от участия в военных действиях, за исключением случаев защиты собственной территории, а также не оказывать ни прямой, ни косвенной помощи воюющим сторонам².

Проблема совмещения обязательств по нейтралитету с обязанностями члена коллективной безопасности появилась с созданием Лиги Наций, так как участники данной Организации были обязаны принимать меры против госу-

¹ Lim C. L., Mitchell, R.M., Neutral rights and collective countermeasures for erga omnes violations // International & Comparative Law Quarterly. Vol. 72. (2023). P. 365.

² Ганюшкин Б. В., Нейтралитет и неприсоединение. М. : Междунар. отношения, 1965. С. 11.

дарств, нарушающих Статут Лиги, а именно коллективной борьбы с нарушителями мира и безопасности, что несовместимо с доктриной нейтралитета и неучастия в военных конфликтах¹. Президент США Вудро Вильсон в послании конгрессу в апреле 1917 г. заявил: «Когда миру и свободе народов угрожает опасность, — состояние нейтралитета не может быть терпимым или желательным»².

Так, Швейцария, объявившая себя нейтральной на Венском конгрессе в 1815 г., вступила в Лигу Наций 8 марта 1920 г. на особых условиях, отказываясь участвовать в военных санкциях, в подготовке военных операций на ее территории, но от содействия в других «невоенных» санкций освобождена не была. В случае незаконной войны, члены Лиги обязывались порвать с воюющим государством все торговые или финансовые отношения³. Окончательного решения данной проблемы принято не было, поэтому данные противоречия нейтралитета и коллективной безопасности оставались прежними. Швейцария была членом Лиги Наций, но не участвовала ни в каких санкциях, ссылаясь на свой статус.

В дальнейшем данная проблема возникла с созданием Организации Объединенных Наций. В пункте 1 ст. 1 Устава ООН закреплена обязанность членов Организации «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира», и в соответствии с п. 2 ст. 2 Устава ООН «все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства»⁴. Такие обязательства отражены в ст. 41–42 Устава ООН, которые закрепляют право Совета Безопасности применять «невоенные» санкции — меры, не связанные с использованием вооруженных сил, и военные меры, для осуществления его решений. Кроме этого, ст. 103 Устава ООН закрепляет преимущественную силу положений Устава, если обязательства членов Организации окажутся в противоречии с обязательствами по иному международному договору. Таким образом, требования Совета Безопасности становятся выше, чем иные условия постоянно нейтрального государства.

¹ Graham M. W., *The Effect of the League of Nations Covenant on the Theory and Practice of Neutrality* // *California Law Review*. Vol. 15. (1927). P. 358.

² Ганюшкин Б. В. Указ. соч. С. 203.

³ Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Вместе со «Статутом Лиги Наций», «Уставом Международной организации труда», «Протоколом») (подписан в г. Версале 28.06.1919) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «КонсультантПлюс».

Возникает вопрос, могут ли государства, обладающие постоянным нейтралитетом, не нарушая своего статуса, выполнять обязанности по Уставу ООН, в частности участвовать в санкциях?

Конечно, санкции, оказание военной помощи, нельзя приравнять к агрессивной войне, но это не дает окончательного ответа, как статус постоянно нейтрального государства совместить с правом на коллективную самооборону, которая не связана с защитой территории нейтрального государства.

Многие страны на сегодняшний день заняли позицию, что нейтральные государства вправе поставлять оружие, военные материалы, в пользу государства, которое является жертвой агрессивной войны, вводить санкции в отношении агрессивно воюющего государства, но при этом не нарушая закон о нейтралитете. Но говоря о такой концепции нейтралитета, можно сказать, что государства таким образом пытаются оправдать свои нарушения обязательств по нейтралитету.

В случае продолжающегося конфликта на Украине, ряд государств приняли санкции в отношении Российской Федерации, в том числе и постоянно нейтральное государство Швейцария присоединилась к санкциям ЕС (Европейского Союза). Но не нарушает ли это положения международного права?

Возможные исключения в нарушение закона о нейтралитете могут быть обнаружены в следующей ситуации. В соответствии с главой VII Устава ООН если Совет Безопасности определит конкретное государство в качестве агрессора, то он уполномочивается принять превентивные или принудительные меры против такого государства. Статья 25 Устава требует от государств-членов соблюдения решений Совета Безопасности, что включает в себя обязательство поддерживать действия ООН в ущерб их нейтралитету. Также п. 5 ст. 2 Устава требует «оказания всемирной помощи во всех действиях, которые данная Организация предпринимает в соответствии с настоящим Уставом» и «воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера». Коллективная безопасность, с другой стороны, требует, чтобы члены ООН выступали одним фронтом против агрессора. Однако существенным моментом является то, что целью данной концепции является поддержание мира. В этом смысле нейтралитет никоим образом не противоречит положениям Устава, а напротив, он следует им в стремлениях к высшей цели Устава¹. Соответственно, в отсутствие решения Совета Безопасности все обязательства по нейтралитету остаются действующими в полной мере, и нейтральные лица должны строго соблюдать беспристрастность между сторонами конфликта.

¹ Wildhaber L. Switzerland, neutrality and The United Nations // National University of Singapore (Faculty of Law). Vol. 12. (1970). P. 157.

Однако в случае нарастающего противостояния России и Украины, Совет Безопасности не принимал резолюцию, в которой бы Россию признали агрессивной страной.

Исходя из этого, можно утверждать, что постоянный нейтралитет совместим с членством в ООН, и применение различных санкций в виде коллективных мер представляется возможным, в том случае, если они осуществляются Советом Безопасности в целях поддержания международного мира. Кроме того, Совет Безопасности может, в соответствии со ст. 48 Устава ООН, поручить проведение принудительных действий всем или некоторым из государств-членов. В толковании данной статьи, положения Устава позволяют освобождать постоянно нейтральное государство от участия в военных или «невоенных» санкциях.

На сегодняшний день, нейтральные государства применяя различные санкции в отношении Российской Федерации, не санкционированные Советом Безопасности, действуют сугубо в нарушение своих обязательств по нейтралитету.

Медведев А. С., Субботкин М. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

К вопросу о реформе Совета Безопасности ООН в условиях многополярного мира

Аннотация. Деятельность Совета Безопасности ООН находится в не лучшем положении, поскольку система, на которой он был построен потеряла свою актуальность, в связи с кардинальными изменениями в межгосударственных отношениях. В статье предпринимается попытка представления предложений по реформированию Совета Безопасности ООН.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, международное право, новая концепция, война, международная безопасность.

В результате прошедших двух мировых войн за первую половину XX в., в 1945 г. была создана ООН, а также и один из ее постоянно действующих органов — Совет Безопасности ООН (далее — СБ ООН). На него и была возложена задача поддержания мира и международной безопасности, а основным источником стала глава 5 Устава ООН.

Стоит отметить, что за весь период существования Организации и ее органов, положения, закрепляющие основу СБ ООН, практически не менялись с момента их принятия. На тот момент бóльшая часть норм, регламентирующих его

состав, голосование и действия, основывалась и строилась под Ялтинско-Потсдамскую поствоенную систему. Как уже известно, за последние 70 лет международная система и правопорядок сильно изменились и сейчас все движется к становлению многополярного мира¹.

На данный момент в СБ ООН 15 государств-членов, 5 из которых постоянные, то есть им не нужно переизбираться, благодаря тому, что они внесли ключевой вклад в установление мира после Второй Мировой войны и на момент ее окончания обладали существенным влиянием как на региональном, так и на межрегиональном уровне². Остальные же члены являются непостоянными, это означает, что 2/3 состава СБ ООН периодически переизбираются. Причем при избрании таких членов учитывается географический критерий, а также Генеральной Ассамблеей ООН учитывается степень участия государства в поддержание международного мира и безопасности³.

Сами критерии избрания носят субъективный и довольно архаичный характер, поскольку основывались на международной геополитической обстановке 1960-х гг. На данный момент распределение мест осуществлено следующим образом: 1 член от Восточной Европы, 2 члена от Западной Европы и 5 членов от Африки и Азии. Подобный критерий в современных условиях не может соответствовать справедливому географическому распределению.

Таким образом, при регламентации деятельности СБ ООН диспропорция и неравенство уже закреплены нормативно. Поэтому в современных условиях, когда мировой порядок и правопорядок сильно поменялись, применение старых критериев, а точнее их устаревшая интерпретация, может привести к и фактическому неравенству государств в осуществлении мира и безопасности. Например, Япония и Бразилия были членами СБ ООН свыше 20 лет, в то время как более 50 государств — членов ООН, ни разу не были в составе органа.

Еще одним негативным моментом является процедура голосования, а равно с ней и знаменитое «право вето». Устав ООН гласит, что для принятия

¹ Официальный сайт ООН: Заявление Генерального секретаря о реформе международных институтов под новый многополярный мир. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/08/1444057> (дата обращения: 16.09.2023).

² Устав ООН, ст. 23–32. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Резолюция ГА ООН. Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете. 17 декабря 1963 г. A/PV.1285 (1963). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/188/92/PDF/NR018892.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.09.2023).

непроцедурного решения требуются хотя бы 9 голосов, 5 из которых должны быть голоса постоянных членов¹.

Исторически «право вето» вводилось с целью предотвратить злоупотребление правом, ведь создатели ООН возлагали надежду на то, что США, СССР (Россия), Китай, Франция и Великобритания будут применять право вето справедливо и в интересах международного права. Но на практике право вето стало чаще использоваться как способ осуществления государственных интересов. Например, в 1984 г. Никарагуа обратилась в Международный Суд ООН с целью понудить США вывести свои вооруженные силы с ее территории. Суд встал на сторону заявителя, однако, когда решение было передано в СБ ООН, США 5 раз применили право вето на него.

В сложившейся ситуации реформа СБ ООН является жизненной необходимостью, поэтому, критикуя и описывая вышеуказанные правовые недостатки, представляется важным предложение модели организационной деятельности СБ ООН, которая будет соответствовать нынешнему многополярному миру.

Следует начать с реформы состава и избрания в СБ ООН. А именно изменить и увеличить количество постоянных членов с 5 до 8 государств. Постоянные члены должны быть определены по следующему критерию: по 1 члену, обладающему экономическим, военным и политическим потенциалом от каждого региона: Северная Америка — США; Южная Америка — Бразилия; Западная Европа — Франция; Восточная Европа — Россия; Северная Африка, Ближний Восток и Средняя Азия — Саудовская Аравия; Центральная и Южная Африка — ЮАР; Южная и Восточная Азия — КНР; Океания — Австралия. Что касается непостоянных членов, то они должны избираться от представленных регионов (по 2 члена) сроком на 3 (5) лет, возможны дополнительные (политические) критерии при отборе, установленные Генеральной Ассамблеей ООН.

По процедуре голосования. Ключевой новеллой должна стать возможность проводить голосование дважды (повторно) с целью преодоления права вето от постоянного члена.

1) на I этапе (основной) все происходит без изменений, однако голосуют по решению только постоянные члены Совбеза. Если хотя бы одно государство проголосовало против (т.е. накладывает вето), то начинается 2 этап. В случае единогласного принятия решения всеми постоянными членами, такое решение вступает в силу без участия непостоянных членов.

2) на II этапе уже происходит процедура повторного голосования с участием непостоянных членов.

¹ Устав ООН. P. V. Ст. 27. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.09.2023).

2.1) председательствующее государство вызывает страну или страны, проголосовавшие против резолюции/решения. Государства выступают с мотивированным обоснованием причины их решения.

2.2) после того, как они выступили и ответили на вопросы, председатель выносит на голосование предложения о начале «процедуры прения», если государства квалифицированным большинством голосуют «за», то они по желанию могут выступить и высказать свое мнение по данному обстоятельству (а если проголосовали «против», то происходит переход к следующему этапу).

2.3) затем председатель объявляет процедуру повторного голосования. В данном случае голосуют уже все страны, в том числе и непостоянные члены. Запрещено воздержание, если же государство воздержится, то его голос будет приравнен к «против». Если проголосовало «за» 3/4 (или 18 членов) от общего числа членов СБ ООН, то право вето успешно преодолевается и решение вступает в силу. В ином случае решение будет отклонено.

В заключение хотелось бы отметить, что даже изменение подхода к его формированию, а также к способу принятия решения, способно значительно повысить эффективность СБ ООН на международном уровне. И быть может, более глубокое осмысление данной реформы поможет человечеству преодолеть глобальные кризисы современности уже в ближайшем будущем.

Свирина Е. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Китайские панды: дипломатия мира

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей предоставления Китайской Народной Республикой больших панд другим государствам в рамках «панда-дипломатии» как частного случая дипломатии животных. Исследование направлено на изучение возможности использования указанного явления в будущем как механизма международного сотрудничества.

Ключевые слова: «панда-дипломатия», большая панда, уязвимый вид, совместные исследования, международный имидж.

Под «панда-дипломатией» следует понимать предоставление больших панд¹ Китайской Народной Республикой (далее — КНР, Китай) во временное

¹ Большая панда, бамбуковый медведь (*Ailuropoda melanoleuca*) — млекопитающее семейства медвежьих // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bol-shaia-panda-f5e38c> (дата обращения: 21.09.2023).

пользование на условиях возмездности и (или) бесплатно в соответствии с условиями, определяемыми в договоре.

Первоначально «панда-дипломатия» была направлена преимущественно на укрепление дружественных отношений между КНР и иными государствами. Китай безвозмездно передавал больших панд в иностранные зоопарки в знак уважения и дружбы. В качестве примера набравшей в XX в. обороты «дипломатии панд» можно привести предоставление больших панд в подарок «президенту США Р. Никсону и премьер-министру Великобритании Э. Хиту во время их исторических государственных визитов в Китай в 1972 и 1974 гг.»¹.

Однако с 1980-х гг. возникла необходимость в изменении политики Китая в отношении больших панд ввиду значительного сокращения их популяции. Международным союзом охраны природы (далее — МСОП) большие панды были признаны исчезающим видом животных и внесены в Красную книгу МСОП².

В связи с этим Китаем были предприняты меры, направленные на сохранение популяции больших панд. В первую очередь необходимо отметить, что в 1987 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял поправку в Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее — УК КНР). Статья 341 УК КНР установила ответственность за незаконные ловлю, убийство, приобретение и торговлю ценными и находящимися под угрозой исчезновения видами животных, особо охраняемых государством³, к которым в том числе относятся большие панды. Как указал Верховный народный суд КНР, незаконные добыча, убийство и транспортировка одной или нескольких особей больших панд является особо тяжким обстоятельством совершения преступления⁴ и, следовательно, влечет лишение свободы на срок не менее 10 лет, а также штраф или конфискацию имущества.

¹ Ковба Д. М. «Animal diplomacy» как направление полимодальной дипломатии // Дискурс-Пи. 2020. № 3 (40). С. 133.

² Большая панда была внесена в Красную книгу как исчезающий вид (позднее Большая панда была признана уязвимым видом животным, каким является и до настоящего периода времени) // The IUCN Red List of Threatened Species. URL: <https://www.iucnredlist.org/species/712/121745669#assessment-information> (дата обращения: 23.09.2023).

³ Criminal Law of the People's Republic of China // China Law Portal. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-law-of-china-20171104> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ Interpretation on Several Issues Concerning the Specific Application of Law in the Trial of Criminal Cases of Destroying Wild Animal Resources (2000) // China Law Portal. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/interpretation-on-application-of-law-in-the->

Кроме того, с рассматриваемого периода Китай положил начало предоставлению больших панд в зоопарки других стран при условии подписания возмездного договора, построенного по конструкции арендных сделок¹. Заключаемые соглашения дополнительно предусматривали проведение исследований в области разведения больших панд.

Для того чтобы ознакомиться с условиями предоставления китайских панд другим странам обратимся к одному из договоров, регулирующих рассматриваемые отношения, а именно проанализируем соглашение о совместном исследовании и разведении больших панд, которое было заключено между Китайской ассоциацией охраны дикой природы и Национальным зоологическим парком Смитсоновского института². Указанное соглашение продлило действие предыдущего 10-летнего контракта и действовало с 6 декабря 2010 г. по 6 декабря 2015 г.

Как следует из названия рассматриваемого соглашения и статьи 1, взаимоотношения его сторон в первую очередь направлены на проведение исследований в области разведения больших панд. Это положение говорит о том, что первоочередной целью современной «панда-дипломатии» становится сохранение и восстановление находящихся под угрозой исчезновения больших панд.

В соответствии со статьей 2, право собственности на переданных панд и их потомство, появившееся в период действия соглашения, принадлежит Китайской стороне. Любой потомок переданных панд должен вернуться в Китай в возрасте до четырех лет или после прекращения действия контракта. Следовательно, и появившееся в иностранных зоологических парках потомство, и взрослые особи принадлежат на праве собственности Китаю. В период действия анализируемого соглашения, в августе 2015 г. в Смитсоновском Национальном зоологическом парке на свет появился детеныш больших панд. Как следовало из соглашения, через 4 года, в августе 2019 г., он был отправлен на историческую родину, в Китай.

trial-of-criminal-cases-of-destroying-wild-animal-resources-20001127 (дата обращения: 23.09.2023).

¹ Данные правоотношения не подлежат регламентации Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, подписанной 3 марта 1973 г. в г. Вашингтоне, следовательно, контрагенты не обязаны соблюдать требования указанного соглашения.

² Extension Agreement on Cooperative Research and Breeding of the Giant Panda between The China Wildlife Conservation Association and The Smithsonian Institution National Zoological Park // URL: <https://web.mit.edu/mherdeg/Public/smithsonian-panda-agreement-2011.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

Относительно цены договора, отметим, что Американская Сторона обязана перечислять платеж Китайскому контрагенту в размере 500 тыс. долл. США ежегодно. Более того, необходимо учитывать, что расходы государства, принимающего больших панд, включают не только указанную сумму, но и иные траты, необходимые для поддержания достойных условий пребывания панд и включающие в себя строительство вольера, поставку бамбука, уход за животными, лечение и иные мероприятия.

В качестве доказательства значительных затрат государства на содержание панд хотелось бы привести данные о расходах Российской Федерации на поставку бамбука для больших панд, находящихся в Государственном автономном учреждении города Москвы «Московский государственный зоологический парк» (далее — Московский зоопарк).

5 июня 2019 г. по итогам переговоров глав государств было опубликовано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. В соответствии с положениями указанного заявления, в честь 70-летия установления дипломатических отношений между двумя странами Китайская Сторона передала Российской Стороне две особи больших панд, в связи с чем Стороны обязались «осуществлять сотрудничество и совместные исследования в области защиты и разведения больших панд»¹. Позднее на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок было опубликовано извещение о проведении аукциона на поставку молодых свежесрезанных побегов бамбука для кормления панд². Начальная (максимальная) цена договора составила 33 млн 256 тыс. руб.

Несмотря на большие затраты на содержание животных, такие расходы являются оправданными и в будущем окупаются. В конце августа 2023 г. в Московском зоопарке родился первый в истории России детеныш большой панды. Рождение детеныша в неволе, с одной стороны, указывает на кропотливую работу и старания сотрудников зоопарка и приглашенных из Китая специалистов и, с другой стороны, символизирует успешность международного сотрудниче-

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху от 05.06.2019 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 23.09.2023).

² Информация о проведении аукциона на поставку молодых свежесрезанных побегов бамбука для кормления панд ГАУ «Московский зоопарк» // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/notice223/common-info.html?noticeInfold=9348591> (дата обращения: 23.09.2023).

ства КНР и РФ. Это событие стало знаковым для Российской Федерации и значительно повысило уровень доверия Китайской Стороны к Российской Федерации.

Таким образом, на основании проведенного исследования отметим, что дипломатия животных имеет перспективу стать в будущем важнейшим инструментом «мягкой силы»¹ и механизмом международного сотрудничества и налаживания межгосударственных отношений. Благодаря рассматриваемому виду дипломатии укрепляются международные связи и имидж государства на международной арене. Заключение договора о передаче в «аренду» животного, являющегося символом государства и особо им охраняемого, является дружественным жестом и свидетельствует о стремлении поддерживать особо доверительные отношения со странами.

Терехов М. Р.

НИУ «Высшая школа экономики»

Студент

Будущее международной юстиции, взгляд из прошлого: идеи международного суда в работах юриста Бориса Нольде (1876–1948) и их актуальность для международного права современности

Аннотация. Для развития научных представлений в юриспруденции большое значение имеет обращение к классическим работам. С этой точки зрения определенный интерес в рамках международного права имеют воззрения юриста Бориса Эммануиловича Нольде (1876–1948) на идею международного суда. Он выступал за создание международной юстиции, которая имела бы юрисдикцию по всем спорам между государствами, а также собственную организационную структуру. При безусловном прогрессе в деле создания международных судебных органов в XX в. ряд мыслей Нольде остается актуальным в качестве проекта их переустройства в будущем.

Ключевые слова: наука международного права; международный суд; реформа международного суда; юрисдикция; мирное разрешение международных споров.

Зачастую нечто новое — это хорошо забытое старое. Поэтому изучение идей, которые выдвигались в прошлом, представляется весьма плодотворным

¹ «Мягкая сила» (soft power) — комплекс внешнеполитических методов и инструментов, предполагающих способность влиять на другие государства и добиваться желаемых результатов через сотрудничество и формирование положительного образа стороны влияния // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/miagkaia-sila-ad8332> (дата обращения: 24.09.2023).

для любой обществоведческой дисциплины. За последние несколько десятилетий различные юридические науки апроприируют наследие вековой давности, обращаясь к т.н. золотой эпохе юриспруденции в России, которая пришлась на конец XIX — начало XX столетия¹. К сожалению, данный процесс коснулся науки международного права в меньшей степени.

Вместе с тем выдвинутые российскими дореволюционными юристами-международниками научные методы, понятия, концепции, доктрины оказываются актуальны на сегодняшний день и могут быть восприняты в качестве парадигм и проектов будущего международного права.

С этой точки зрения интересно рассмотреть идеи международной юстиции одного из самых плодотворных и авторитетных специалистов по международному праву своего времени — Бориса Эммануиловича Нольде (1876–1948).

Его научное наследие по этому вопросу имеет глубокие связи с личной позицией ученого и стремлением к активизму. С одной стороны, Нольде позиционировал себя в качестве убежденного позитивиста. Он призывал юристов-международников работать только с положительным правовым материалом, на основании которого далее выстраивать международно-правовые категории и конструкции. А этого можно было добиться, по его мнению, исключительно путем отказа от метафизических построений юснатурализма².

С другой стороны, в рамках подобного взгляда на юридическую реальность, Нольде не были чужды рассуждения о правовых идеалах. Так, он находил в практике современного международного права свидетельства о возможности установления обязательной международной юстиции в будущем, хотя даже на сегодняшний день это звучит довольно утопично.

Организация международного суда занимает в творчестве Нольде особое место. По этой теме он выступал публично в юридической периодике либерального толка, к примеру, в газете «Право», в журналах «Вестник Европы», «Международная политика и мировое хозяйство», «Современные записки». Также освещал ее и с преподавательской кафедры в лекционных курсах по международным отношениям³ и по международному праву⁴.

Нольде развивал проблему международной юстиции в многочисленных статьях на протяжении 1908–1920 гг. Начало его рассуждений было положено

¹ Бекашев К. А., Стародубцев Г. С. История науки международного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6 (10). С. 20–21.

² Нольде Б. Э. Метода международного права // Право: еженедельная юридическая газета. 1905. № 20. Стлб. 1646.

³ Нольде Б. Э. Программа 10 лекций на тему «Тенденции развития современных международных отношений» // ОР РНБ. Ф. 529 (Б. Э. Нольде). Ед. хр. 58. Л. 1.

⁴ Нольде Б. Э. Программа курса международного права // ОР РНБ. Ф. 529 (Б. Э. Нольде). Ед. хр. 59. Л. 3.

критикой существовавшей на тот момент системы международного арбитражного суда. Он считал, что Постоянная палата третейского суда в Гааге, учрежденная по итогам Первой Гаагской конференции мира 1899 г., представляет из себя простой список арбитров, назначаемых государствами. При этом Нольде делал акцент также на том, что участники Второй Гаагской конференции мира 1907 г., которые собрались в том числе для пересмотра устройства международной юстиции, не добились решения по двум главным вопросам: о том какие споры подлежат обязательной передаче на рассмотрение суда; а также о создании самого суда, как реального института¹.

Два указанных аспекта окажутся для Нольде основными в построении модели международного судебного органа. Так, он считал, что суд может разбирать любые случаи, вне зависимости от их политической остроты. К примеру, в статье, посвященной касабланкскому делу 1909 г. о конкуренции юрисдикций Франции и Германии в отношении дезертиров из французских войск, Нольде акцентирует внимание на том, что с передачей спора в арбитраж данный конфликт перестал быть противостоянием государственных интересов и был преобразован в полемику о праве².

Большую роль в укреплении международной юстиции по мысли Нольде должна играть самостоятельная организационная структура суда, которая может обеспечить независимость судей и их авторитет³.

При этом Нольде указывал на то, что за многие десятилетия существования арбитража и распространения идей международного суда представление о необходимости последнего укрепились в правосознании народов⁴.

Положительную динамику он видел и в рамках процесса развития арбитражного рассмотрения дел в двухсторонних соглашениях. Даже при наличии в них оговорки об изъятии отдельных категорий споров из-под юрисдикции арбитражей, подобные договоры, по мнению Нольде, могли бы служить основой постепенному расширению практики передачи споров в соответствующие органы⁵.

¹ Нольде Б. Э. Вторая конференция мира: Очерк // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 482–485.

² Нольде Б. Э. Третейское решение по касабланкскому делу // Право: еженедельная юридическая газета. 1909. № 35. Стлб. 1883–1885.

³ Там же.

⁴ Нольде Б. Э. Будущее международного третейского суда // Право: еженедельная юридическая газета. 1910. № 7. Стлб. 345–347.

⁵ Нольде Б. Э. Межгосударственный суд в новейших международных договорах // Право: еженедельная юридическая газета. 1912. № 29. Стлб. 1525–1535.

Эту убежденность Нольде не оставил даже по окончании Первой мировой войны. Наоборот, он считал, что в послевоенных условиях народы во всё большей степени осознают необходимость установления подлинного мира между странами. Опираясь на публично выраженные предложения различных политиков, Нольде вывел следующий список элементов создаваемой системы Лиги Наций: 1) Лига Наций — правовая организация, созданная для обеспечения мира; 2) Фундаментом международной организации становится ограничение вооружений; 3) В ее рамках необходимо развивать механизм обязательного международного судебного разбирательства; 4) Решения суда должны под держиваться создаваемыми международными военными силами; 5) Новое международное право нужно основать на принципах независимости и территориальной неприкосновенности государств.

Соглашаясь с подобным планом, Нольде продолжал видеть в качестве принципиального начала международного порядка именно обязательный международный суд, который смог бы укрепить новые правовые установления и устранить потребность в применении силы¹.

В этот же момент он начинает настаивать на том, что укрепляющим фактором для международного суда может служить исковой порядок судопроизводства. Требования государства-истца к государству-ответчику должны приводить к публичному разбирательству, от которого государство-ответчик уйти не может. Таким образом, старый порядок арбитражного соглашения должен был отмереть².

Нольде считал, что только с установлением прочной международной судебной системы появится возможность решить такие вопросы, которые раньше казались неразрешимыми, например, разоружение³.

Рассуждая над проектом Постоянной палаты международного правосудия, Нольде подытожил ход развития идеи международного суда. Он отметил, что за первые два десятилетия пропаганды его учреждения, было приложено не мало усилий, чтобы приблизить эту фантазию к реализации. При этом именно модель подобного суда оказалась наиболее работоспособной в сравнении с иными средствами разрешения споров — мирными услугами, посредничеством, следственной комиссией, которые также предусматривались Гаагскими соглашениями⁴.

¹ Нольде Б. Э. Лига Народов // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. № 1. С. 53–65.

² Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 70–72.

³ Там же. С. 76.

⁴ Нольде Б. Э. Лига народов и международный суд // Там же. С. 232–235.

Заканчивая анализ политико-правовых воззрений Нольде на обязательную международную юстицию, стоит отметить, что с начала XX в. в этом направлении было сделано многое. Так был создан универсальный суд в рамках системы ООН — Международный Суд ООН, а также иные специализированные судебные органы.

Не умаляя их значимость в деле установления мира и безопасности, можно сказать, что концепции, которые были выдвинуты классиками, могут послужить необходимым подспорьем для усиления международной юстиции. В частности, не теряют актуальности мысли Нольде о том, что каждый международный спор должен подпадать под юрисдикцию международного суда, а также идеи о строго исковом порядке обращения в суд,

Пример Бориса Эммануиловича Нольде безусловно показывает также еще и то, что развитие международных судебных органов, как и иных международно-правовых институций, во многом зависит от прогрессивных воззрений специалистов по международному праву во всех странах, их активной просветительской деятельности.

Тонунц А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Международно-правовые проблемы исчезновения островных государств

Аннотация. Из-за изменения климата есть большой риск того, что островные государства исчезнут под водой. В таком случае возникает множество проблем, связанных с защитой лиц, оставшихся без государства. Также в статье обсуждаются возможность существования государства после утраты его территории.

Ключевые слова: международное экологическое право, изменение климата, апатриды, беженцы, островные государства, государство без территории, исчезающие государства.

Глобальное изменение климата — процесс долгий, охватывающий столетия и тысячелетия. Однако, к сожалению, есть народы, которые уже сейчас чувствуют на себе последствия повышения температуры на Земле. В первую очередь речь идет об островных государствах с небольшой высотой суши над уровнем моря. Самый известный пример — государство Тувалу. Часть территории страны оказалась затоплена, и люди были вынуждены переселиться в центральные районы островов. Угроза исчезновения Тувалу настолько реальна, что власти страны закрепили в Конституции новое определение государственности, в котором говорится, что страна продолжит существовать вечно, несмотря

на изменение климата или другие факторы, которые приведут к физической потере территорий¹. Поправки вступают в силу 1 октября 2023 г.

Встает интересный вопрос: а может ли с юридической точки зрения существовать государство без территории? Статья 1 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государства 1933 г. установила 4 признака: постоянное население, территория, публичная власть, способность вступать в международно-правовые отношения. В доктрине очень часто эксперты международного права подвергали критике такое определение государства, предлагая свои признаки. Свое определение предлагали и А. Фердросс², и У. Сломансон³, однако ученые единодушны в одном: у государства должна быть территория.

Большинство исследователей склоняется к тому, что только перманентная, то есть постоянная утеря территории влечет за собой прекращение государственности. Об этом пишет, например, профессор Сиднейского университета Сюзан Парк⁴. Такой же точки зрения придерживается Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев⁵. Действительно, с этим можно согласиться, потому что государство — это в первую очередь общность людей, которые связаны культурно и исторически. Нельзя говорить, что временная утрата территории сиюминутно влечет за собой потерю государственности. Истории известны случаи правительств в изгнании, когда в большинстве своем государство сохранялось даже при де-факто утерянной территории. Поэтому можно сказать, что если угроза, нависшая над островными государствами, реализуется, то такие страны смогут сохранить государственность только в случае пе-

¹ Tuvalu Constitution updated: culture, climate change and decolonization. Development policy blog of ANU. URL: <https://devpolicy.org/tuvalu-constitution-updated-culture-climate-change-and-decolonisation-20230921/> (дата обращения: 07.10.2023).

² Фердросс А. Международное право / пер. с нем. М., 1959. С. 118–121.

³ Slomanson W. Fundamental Perspectives on International Law. San Diego, 2003. P. 55.

⁴ Park S. Climate Change and the Risk of Statelessness: The Situation of Low-lying Island States // официальный сайт УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/ie/media/no-20-climate-change-and-risk-statelessness-situation-low-lying-island-states-susin-park> (дата обращения: 07.10.2023).

⁵ Climate Change and Statelessness: an overview submitted by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) under the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (1 to 12 June 2009, Bonn, Germany). P. 1 // UNHCR global website. URL: <http://www.unhcr.org/4a1e50082.pdf> (дата обращения: 07.10.2023).

реселения на иные территории. Другие страны вряд ли согласятся предоставить часть своей территории в порядке цессии островитянам для образования на ней нового государства, как это предлагала, например, Сельма Оливер¹.

Однако возможна аренда территорий в порядке гражданско-правового договора. О возможности такого исхода событий уже высказывались в Мальдивах, Тувалу и Кирибати. Это может быть неплохим решением, однако видится, что такая территория всё равно будет находиться под юрисдикцией страны-арендодателя. Это значит, что государство-арендатор не будет иметь абсолютное положение по объему прав хотя бы потому, что государство-арендодатель имеет право на денонсацию или аннулирование договора.

В доктрине встречаются и другие позиции. Кто-то, как например профессор Розмари Райфуз, склоняется к тому, что исчезающие государства в конце концов превратятся в государственно-подобные образования по типу Святого Престола и Мальтийского Ордена². Встречается также мнение, что они преобразуются в виртуальные государства, что значит, что их существование не будет восприниматься всерьез и де-факто они утратят государственность. Однако если сравнивать государственно-подобные образования, виртуальные государства с «исчезающими», то мы увидим, что последние длинным рядом признаков отличаются от первых двух. Как минимум, «исчезающие» государства после утраты территории не утратят все остальные признаки государства, в отличие от виртуальных, а также для них может действовать континуитет, в отличие от государственно-подобных образований.

Автор данной работы считает, что международное сообщество может продолжить признавать исчезнувшие государства. Такой шаг поможет этим государствам сохранить свою правосубъектность даже на арендованной территории, потому что через отношения с другими государствами реализуется сама суть того, что мы называем государством. Конечно, признание государствами — не бесспорный признак государственности, он факультативен, но поэтому видится разумным для укрепления позиций таких стран прибегнуть к концепции континуитета, согласно которой государства сохраняют свою государственность по инерции, непрерывно. К тому же международное право не содержит четких критериев, которые говорили бы о прекращении существования государства. Все эти аргументы в совокупности могли бы помочь исчезающим

¹ Oliver S. A New Challenge to International Law: The Disappearance of the Entire Territory of a State // *International Journal on Minority and Group Rights*. Vol. 16 (2009). P. 209, 214.

² Rayfuse R. W(h)ither Tuvalu? *International Law and Disappearing States* // *Social Science Research Network*, 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1412028 (дата обращения: 07.10.2023).

странам сохранить правосубъектность и государственность, а мировому сообществу — стабильность отношений и международного порядка.

Исчезновение некоторых островных государств вызывает еще несколько проблем международно-правового характера. К их числу относится вопрос о статусе тех лиц, которые мигрируют с этих островов в другие государства. Процесс миграции начался уже сейчас, потому что медленное подтопление территорий и эрозия берега привели к уничтожению урожая людей, к отравлению источников питьевой воды, к уничтожению инфраструктуры. Из-за этих опасных явлений часть населения Кирибати и Тувалу уже сейчас пытается найти другие страны для проживания. Однако возникают вопросы по поводу их статуса сейчас и в будущем после рокового исчезновения.

Статья 1 Конвенции 1951 г. «О статусе беженцев» определяет беженца как человека, который «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений...»¹. В первых, термин «преследование» хотя и не имеет легальной дефиниции, но доктрина и практика подразумевают под ним некую мотивацию, стремление навредить. Повышение уровня океана, конечно же, не может иметь никаких мотивов. Кроме того, преследование должно быть обусловлено «расой, религией, национальностью, принадлежностью к определенной социальной группе или политическим мнением». Таким образом, весьма маловероятно, что островитяне смогут подпасть под строгое определение беженца. Некоторые исследователи предлагают расширить определение беженца, что порой воплощается в региональных международных договорах (Например, Конвенция 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке, и латиноамериканская Картахенская декларация о беженцах).

Практика, к сожалению, идет по пути именно такого строгого толкования понятия «беженец» по отношению к тем, кто покидает исчезающие острова. В пример можно привести дело в Комитете по правам человека по сообщению Иоане Тейтиоты против Новой Зеландии².

¹ Конвенция о статусе беженцев 1951 г. // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 07.10.2023).

² Комитет по правам человека ССР/С/127/Д/2728/2016 от 23 сентября 2020 г., сайт ООН. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPpRiCAqhKb7yhsjvf1jqiI84ZFd1DNP1S9EKg9gxBGj9kie9DBbO0eH5N3hhnsj%2FmXyyUMRGqAMBUPMwO4E7cn8YcfoE9JsXvXsCy8nlQdtlUH%2FrLD57fBAA8qLLiKtSqTIVsXv6pOWzOFw%3D%3D> (дата обращения: 07.10.2023).

Исчезновение территории этих государств поставит граждан в тяжелое положение. Они превратятся в лиц, оставшихся фактически без гражданства в результате исчезновения своей территории (если, конечно, не будут приняты исследованные выше меры по сохранению государственности этих стран). С большей вероятностью они подпадут под определение де-факто апатрида, которое не подпадает под действие конвенций о лицах без гражданства. Де-факто лица без гражданства — это лица, которые «имеют гражданство в соответствии с законом, но либо это гражданство не имеет силы, либо невозможно доказать или проверить их гражданство»¹.

Даже если бы лица, фактически ставшие апатридами, могли бы подпадать под определение Конвенции 1954 г., им по-прежнему будет предоставлен лишь ограниченный набор прав и защиты.

Автор данной работы считает, что, расширяя международное определение беженца от 1954 г. можно причинить еще больше вреда. Видится, что существующее определение беженцев достаточно объемное, чтобы защитить базовые права человека, но достаточно компактное, чтобы не усугубить или вызвать миграционный кризис в разных точках планеты. Поэтому представляется целесообразнее регулировать данные отношения в порядке двусторонних договоров между островными государствами и другими странами не только региона, а всего мира, потому что в глобальном потеплении виноваты в первую очередь развитые страны из-за большого количества вредных выбросов, а страдают из-за них эти экологически дружелюбные маленькие островные государства. Более пристальное же внимание к международному экологическому праву предотвратило бы все рассмотренные здесь проблемы.

Шиповской М. Е.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

**Право народов на самоопределение
как основной принцип международного права:
анализ трансформации принципа сквозь призму времени**

Аннотация. В работе рассматривается один из важнейших принципов международного права — принцип равноправия и самоопределения народов. Автор анализирует метаморфозы, которые происходили с понятием «государство», «народ», «нация» и др. в разные периоды истории. Автор подвергает критическому анализу международно-правовую терминологию и тексты международных

¹ Weissbrodt D. The Human Rights of Non-Citizens. Oxford, 2008. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/25650.pdf> (дата обращения: 07.10.2023).

актов. По мнению автора, принцип права народов на самоопределение не противоречит другим принципам международного права, однако, как было выяснено в ходе исследования, применение данного принципа на практике может вызывать некоторые трудности, которые рассматриваются автором в конце работы. Автор приходит к выводу, что анализируемый им принцип является основополагающим в системе международного права и не может игнорироваться ни субъектами международного права, ни международным сообществом.

Ключевые слова: принцип международного права, право народов на самоопределение, государство, народ, нация, ООН, декларация, национальное законодательство, прецедент.

Приступая к разбору ключевого принципа международного права — права народов на самоопределение (*the right of a people to self-determination*), сто́ит придать особое внимание тому факту, что данный принцип пришел к нам не из глубокой древности, а был инкорпорирован в международный правовой каркас не так давно. Как выразился один автор: «Право (народов) на самоопределение в международном праве, по сути, является продуктом эпохи ООН»¹. Весьма важно сделать акцент на том, что прежде, чем перейти к разбору принципа права народов на самоопределение, мы попробуем разобраться с тем, как объективные исторические процессы повлияли на международное право как таковое и на рассматриваемый нами принцип, в частности.

Можно с уверенностью говорить о том, что право народов на самоопределение будет «актуально» до тех пор, пока существует государство как таковое, ведь, как правило, государство становится домом для многих народностей, а значит, являет собой благодатную почву для конфликта интересов государственных и народных. Для начала обратимся к истории и взглянем на то, как «государство» стало таким, каким мы его знаем сегодня. Государство современного типа формируется примерно с XVI в. и именно с этого времени мы говорим о государстве с его четкими границами, разветвленным бюрократическим аппаратом и собственным представлением о суверенитете внешнем и внутреннем. В середине XVII в. с подписанием Вестфальского мира устанавливается система международных отношений, которую мы условно назовем — Вестфальской. Для нее характерен принцип недопустимости покушений на территориальную целостность другого государства. Однако, разумеется, Вестфальская система не могла гарантировать абсолютного и беспрекословного прекращения всех международных споров и территориальных претензий. Достаточно вспомнить хотя бы три раздела Польши, имевшие место в период с 1772 г. по 1795 г. Далее мы фиксируем, хотя и весьма условно, наступление эпохи (для проблематики нашей работы — самой важной) пересборки такого конструкта,

¹ Cassese A. *Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. Oxford, 1995. P. 12.

как государство. С этого момента государство будет опираться не на религиозный и династический фундамент, а скорее на идею о его (государства) национальной природе. Отныне государство будет считаться (в разные времена — в большей или меньшей степени) с интересами нации как исторической общности. Именно с этого момента, возложенного на алтарь международного правопорядка двумя крупнейшими историческими событиями — войной США за независимость (1775–1783 гг.) и Великой французской революцией (1789–1794(1799) гг.) — сто́ит говорить о возникновении национальных государств как таковых и о праве народов (наций) на самоопределение (хотя, пока еще без правовых на то оснований).

Здесь сто́ит внести некоторую определенность для точного дальнейшего употребления терминов «нация» и «народ». Так, Российский энциклопедический словарь предлагает следующее определение нации: «исторически сложившаяся общность людей, основанная на общности территории, исторических, экономических и политических связей, литературного языка и других особенностей культуры»¹. Это лишь одно из немногих определений нации, сложную природу которой пытаются загнать в рамки понятия исследователи из разных областей гуманитарного знания. Существует не меньшее количество определений понятия «народ». Так, И. Кант писал: «Под словом народ (*populus*) понимают объединенное в той или другой местности множество людей, поскольку они составляют одно целое»². Отметим, что сегодня наблюдается тенденция глобальной унификации и размываются границы восприятия отдельных наций (народов) и культур в условиях мультикультурного мира. Всё это вносит определенную сложность в формирование необходимого категориально-понятийного аппарата. К тому же зачастую понятия «нация» и «народ» используют как контекстуальные синонимы³. Так и в международном праве отсутствуют конкретные формулировки данных понятий.

¹ Российский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 2000. Кн. 2. С. 1030.

² Кант И. Соч. : в 6 т. под общ. ред. В. Ф. Асмуса [и др.] Т. 6 : Антропологии. Ч. 2. Антропологическая характеристика. Характер народа. М., 1966. С. 562, 563.

³ Нация (лат. *natio* — племя, народ): 1) в теории права — историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют ее признаки. В некоторых случаях синонимом Н. является понятие «народ»; 2) в конституционном праве англо- и романоязычных стран — термин, обычно имеющий значения «государство», «общество», «совокупность всех граждан» // Додонов В. Н. Большой юридический словарь. Москва, Инфра-М, 2001. С. 323.

Для дальнейшего исследования проблемы права народов на самоопределение стоит обратиться к текстам международно-правовых актов и провести некоторый правовой анализ.

Так, п. 2 ст. 1 Устава ООН гласит: «Организация Объединенных Наций преследует Цели:... Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира...»¹. Можно констатировать тот факт, что стержневая роль понятия «народы» (peoples) устоялась в международном праве очень прочно и проходит красной нитью не только через текст Устава ООН, но и через другие международные акты, которые нельзя не затронуть в данной работе. Понятие «народы» является важнейшим в тексте Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Особый интерес представляют следующие ее положения: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»² (Статья 2); «Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций» (Статья 6).

На первый взгляд может создаться впечатление, что вышеназванные положения Декларации вступают в непримиримое противоречие, однако далее мы покажем, что данные принципы (принцип равноправия и самоопределения народов и принцип территориальной целостности государств) не могут и не должны претендовать на первостепенность по отношению друг к другу. Обратимся к Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г. может отыскать следующий фрагмент: «При истолковании и применении изложенных выше принципов (принципа самоопределения и принципа территориальной целостности) последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов»³. И в этой же Декларации: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее

¹ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // СПС «КонсультантПлюс».

любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории»¹. Приведенные нормативные положения наводят нас на мысль о том, что осуществление народами их права на самоопределение не может рассматриваться как нарушение принципа территориального единства и целостности. Международное право защищает территориальную целостность только тех государств, чьи границы основаны на самоопределении народов². Обратимся и к немаловажной для нашего исследования Венской декларации 1993 г.: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и беспрепятственно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие. Принимая во внимание особое положение народов, находящихся под колониальным или другими формами чужеземного господства или иностранной оккупации, Всемирная конференция по правам человека признает право народов принимать любые законные действия в соответствии с Уставом ООН для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение. Всемирная конференция по правам человека считает отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права»³.

Так, переходя от цитирования к конституированию определенных умозаключений, можем сделать некоторый вывод о том, что не может быть нарушена территориальная целостность государства, не нарушающего своими действиями (решениями) принцип равноправия и самоопределения народов. Более того, можно говорить и о следующем юридическом факте: самоопределение человеческих общностей (народов), не находящихся в колониальной или иностранной зависимости возможно в том случае, если право на самоопределение предусмотрено законодательством конкретного государства (на территории которого народ проживает). Такое «положение дел» объясняется тем фактом, что за пределами колониального контекста (данный контекст существовал на

¹ Там же.

² Буханова А. С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. 2011. № 4. С. 67–71.

³ Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 г. // СПС «Кодекс».

момент принятия Декларации 1960 г., а на сегодняшний день *de jure* колоний более не существует) не существует права отделения от существующего независимого государства, по крайней мере до тех пор, пока это государство демонстрирует достаточный уровень уважения к принципу самоопределения посредством деятельности своего правительства, представляющего весь народ без исключений, без дискриминации по признаку расы, вероисповедания или цвета кожи¹.

Как уже было отмечено, самоопределение народов и последующее создание нового суверенного и независимого государства (либо свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом) возможно лишь в том случае, если такое самоопределение и отделение предусмотрено национальным законодательством государства. Сразу же заметим, что Конституция Югославии не предусматривала права выхода из состава государства социалистических республик, однако начиная с 1991 г. по 2008 г. все республики объявили о своей независимости и впоследствии образовали свои, насколько это было возможно в контексте рассматриваемых событий, национальные государства.

В завершение отметим, что в международном праве есть необходимые инструменты для преодоления территориальных и этнических разногласий. Важнейшим аспектом такого преодоления является выявление подлинной воли народов посредством задействования установленных правом процедур.

¹ См.: Gary W. Self-determination, Recognition and the Problem of Kosovo // *Netherlands International Law Review*. Vol. 56 (2009). P. 455–481.

XXVIII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫБОРУ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ

Билим М. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Сравнительный анализ интегрированности международного права в национальные правовые системы

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ интеграции международного права в национальные правовые системы на примере Европейского Союза, США, России и Китая. Рассматриваются различные подходы, применяемые разными странами для включения и реализации международно-правовых норм. В исследовании изучаются проблемы, ключевые факторы, влияющие на эффективность интеграции международного права на национальном уровне.

Ключевые слова: международное право, национальное право, внутреннее право, правовая система, дуализм, монизм, государство, международные нормы.

Глобализация захватывает мир и все аспекты человеческой жизни, в том числе правовые системы. Она проникает даже в самые консервативные правовые материи, которые обеспечивают суверенитет государства. Однако право как раз та система, которая предрасположена к глобализации, так как оно подвержено изменениям больше других сфер.

Глобальное право формируется на базе правовых традиций прогрессивной (западной) цивилизации, так как основа права пошла именно с запада. За счет этого англосаксонское или же романо-германское право имеет большое влияние на правовые системы других стран, так как они по своей сути основаны как раз на этих системах.

Сегодня мы можем наблюдать фрагментацию мира в соответствии не только с выбранной правовой системой, но и выбранной политической позицией. И внезапно международное право уже не справляется с разрешением международных споров в публично-правовом поле.

Существует две переменные, характеризующие то, как национальные суды относятся к международным обязательствам: 1) процессуальный механизм, с помощью которого международное право становится применимым на национальном уровне; и 2) материально-правовая иерархия, установленная во внутреннем правопорядке между конституцией и международным правом.

Помимо этого, науке известна классификация позиций отношения международного и внутреннего права. В теории права принято выделять три позиции:

монистическая с превалированием национального права, монистическая с превалированием международного права и дуалистическая.

Монистическая позиция рассматривает внутреннее и международное право, как составляющие части единого универсального правопорядка. Международное право «автоматически является частью внутренней правовой системы государства». С такой стороны возникает вопрос суверенитета внутренней системы права государства. Существует теория, согласно которой суверенитетом можно обладать только «в полном объеме или не обладать вовсе», будучи представленным в виде монолитного куска¹ идентичных камней, любым из которых владеет суверенное образование².

Дуалистическая позиция предполагает, что международное и внутреннее право принадлежат к принципиально разным правовым системам. Международное и внутреннее право действуют на разных уровнях, поскольку они регулируют разных субъектов: отношения между государствами в отличие от отношений между государством и его гражданами и между горожанами. Национальные судебные органы должны применять нормы международного права только после того, как они были «инкорпорированы» во внутреннее законодательство, как правило, путем принятия соответствующего закона.

Согласно такой классификации, можно рассмотреть Европейский Союз, США, Россию и Китай.

Европейский Союз, ассоциирующийся с отношением уважения и верности международному праву и институтам. Европу изображают как склонную к включению международных норм и решений трибуналов в свои правовые системы. На противоположном берегу находятся Соединенные Штаты, демонстрирующие позицию «исключительности, односторонности и общего недоверия к международному праву и институтам». Ученые резко охарактеризовали Соединенные Штаты, как отвергающие внешние механизмы подотчетности и придерживающиеся «непримиримо придиричивого подхода к международному праву».

Но тем не менее существует прецедент. В 2008 г. Европейский Суд постановил, что нормативные акты ЕС, реализующие резолюции Совета Безопасности ООН, являются недействительными, если они несовместимы с основополагающими принципами европейского конституционного порядка. Так можно сделать вывод, что Европейский Суд столь же осторожно относится к признанию международных обязательств в своей правовой системе, как и Соединенные Штаты.

¹ The Chunk theory.

² Understanding the concept of 'Sovereignty' Swati Singh Parmar // International Journal of Law Vol. 3 ; Iss. 1 ; January 2017 ; Page No. 31–35.

На этом основании сто́ит рассмотреть интегрированность международного права в национальные системы. Например, в Европейском Союзе правовые нормы публичного права должны быть интегрированы в законодательство государств-членов. Они уже не имеют права выбора между дуализмом и монизм, монизм обязателен.

Соединенные Штаты «в целом сопротивляются» идее о том, что они должны подчиняться нормам международного права, даже когда они присоединяются к многосторонним соглашениям. Наиболее выражен приоритет национального права над международным.

Преимуществом правового регулирования в Российской Федерации обладают нормы Конституции, другие нормы не могут противоречить им, иначе они не будут действовать. Внесение поправок в Конституцию проходит особым порядком, определенным законом о международных договорах¹, при выражении согласия на обязательность договоров, которые содержат нормы, требующие внесения поправок. Ратификация международного договора Российской Федерации придает ему уровень только федерального закона, то есть он не имеет значительного влияния на правовую систему государства.

Китайская Народная Республика осторожна в декларировании дуалистической или монистической позиции по отношению к международному праву. Локальные правоведы придерживаются позиции «гармоничного единства». Данный подход связан с тесным вплетением в китайскую правовую систему философии конфуцианства и древнего права. КНР в принципе с аккуратностью относится к международным договорам после подписания унижительных актов Опиумных войн. Политики придерживаются точки зрения, «если государство добросовестно исполняет взятые на себя международные обязательства, взаимоотношения национального и международного права согласовываются естественным образом»².

В случае возникновения противоречий между международным договором, заключенным Китаем, «применяются нормы международного договора за исключением тех статей, в отношении которых Китайской Народной Республикой сделаны оговорки», в соответствии с «Общим положением гражданского права КНР» 1986 г.

¹ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Третьяков К. Н. «Соотношение международного и внутригосударственного права в Китайской Народной Республике» // Московский журнал международного права. 2009;(1). С. 166–177.

В заключение, этот сравнительный анализ подчеркивает сложный процесс интеграции международного права в национальные правовые системы. Благодаря всестороннему изучению подходов различных стран становится очевидным, что не существует универсального решения, подходящего всем. Скорее, методы и эффективность интеграции определяются рядом факторов, включая политическую волю, внутренние правовые традиции и конституционные рамки. В то время как некоторые страны успешно включили международное право в свои правовые системы, другие сталкиваются с проблемами, которые мешают их усилиям.

Если основные политические игроки не ставят нормы международного права выше национального, что обусловлено сохранением правового суверенитета, то стоит задуматься о создании кардинально нового подхода решения межгосударственных споров в условиях фрагментации мира.

Валиева Л. В.

ВГУЮ (РПА Минюста России)
Ростовский институт (филиал)
Студент

Принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства: современные вызовы и перспективы

Аннотация. В статье рассматриваются основополагающие принципы международного права — суверенитет и невмешательство во внутренние дела государства. Анализ того, как суверенитет предполагает политическую независимость государства и его право самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. Однако в современном мире эти принципы сталкиваются с вызовами, такими как глобализация и международная интердепендентность, вопросы человеческих прав, борьба с терроризмом и кибербезопасность. В связи с этим возникают дебаты о применимости данных принципов и необходимости их адаптации в соответствии с меняющимися реалиями международной сцены. Статья подчеркивает актуальность обсуждения и адаптации принципов суверенитета и невмешательства в международном праве для защиты интересов глобального сообщества.

Ключевые слова: суверенитет, международное право, глобализация, международная интердепендентность, государство, международные отношения.

Согласно Вестфальскому договору, провозглашенному еще в 1648 г., принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств являются общепризнанными принципами международного права. Также помимо договора, этот принцип ныне закреплен в Уставе ООН и в ряде других международных документов. В современном мире всё больше и больше возрастает

актуальность этих принципов. Актуальность обусловлена изменяющимся мировым порядком и возрастающей взаимозависимостью государств. В условиях глобализации и развития информационных технологий, суверенитет государств стал ограниченным, а вмешательство во внутренние дела других государств стало более активным.

Принцип суверенитета является одним из основополагающих принципов в международном праве.

Согласно Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г. «все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества».

Принцип невмешательства во внутренние дела государства, также известный как принцип независимости, заключается в том, что другие государства не должны вмешиваться во внутренние дела суверенного государства без его согласия. Этот принцип является одним из фундаментальных принципов международного права и признается многими международными организациями. Суверенитет означает, что государство имеет исключительное право устанавливать свою политику, законы и правила без вмешательства со стороны других государств¹. В современном мире действия государства, противоречащие признанным принципам международного права, не являются его внутренними делами. Принцип невмешательства во внутренние дела государства носит императивный характер, его нарушение должно рассматриваться международным сообществом как международное преступление, влекущее ответственность по международному праву².

Глобализация оказывает существенное влияние на принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства. С одной стороны, глобализация способствует укреплению суверенитета государств, поскольку она предоставляет им больше возможностей для экономического развития и привлечения иностранных инвестиций. Однако, с другой стороны, глобализация также создает новые вызовы, которые могут противоречить принципам суверенитета и невмешательства.

Внешнее вмешательство во внутренние дела государств может вызывать ряд проблем и споров. Оно может нарушать принципы суверенитета и невмешательства, которые являются основой международного права. Государства

¹ Катков А. Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. 2019. № 3.

² Лайтман В. И. Принцип невмешательства во внутренние дела государств в международном праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 470.

имеют право самостоятельно определять свою политическую систему и принимать решения внутри своих границ без вмешательства со стороны других государств. Соединенными Штатами Америки и странами ЕС часто практикуется последовательная политика по реализации собственных интересов во внутригосударственных делах в ряде таких стран, как: Ирак, Ливан, Югославия, Вьетнам и т.д. С учащением вмешательства во внутренние дела государств также учащаются военные конфликты, а с ними и рост числа гуманитарных интервенций со стороны стран НАТО, что можно рассматривать как вмешательство в политику государств и управление страной извне. Это может привести к напряженности и к еще большим конфликтам между государствами. Гуманитарные интервенции со стороны США имеют негативные последствия для самого государства, в которое интервенируют. Это нарушает его суверенитет и вызывает недоверие и неприязнь со стороны других государств. Кроме того, гуманитарные интервенции могут создавать зависимость от внешней помощи и ослаблять способность государства решать свои проблемы самостоятельно. Важно противодействовать подобным странам.

Государственные акторы играют ключевую роль в сохранении и развитии принципов суверенитета и невмешательства. Они должны соблюдать эти принципы в своих международных отношениях и действиях, а также активно поддерживать их в международных форумах. Общественность также играет важную роль в сохранении и развитии принципов суверенитета и невмешательства. Так, в 2019 г. суд ООН призвал Францию вернуть «французскую» Майотту в состав Союза Коморских островов, а Британию — уйти с архипелага Чагос. Казалось бы, территориальный конфликт решен, но Лондон и Париж ответили, что «внимательно изучат постановление», что означает «острова останутся нашими». Так и получилось, не найдя осуждения в мировом сообществе, острова так и остаются по сей день у «незаконных» владельцев, что нарушает нормы мирового права.

Существуют возможные перспективы укрепления принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств в условиях современного мира:

1. Развитие международных механизмов сотрудничества и диалога: Государства должны активно взаимодействовать и обсуждать вопросы суверенитета и невмешательства на международных форумах, таких как Организация Объединенных Наций. Это позволит участникам найти компромиссы и разработать общие принципы, которые будут учитывать интересы всех сторон.

2. Развитие международной правоприменительной системы: Международные суды и трибуналы должны продолжать развиваться и укрепляться, чтобы обеспечить справедливое рассмотрение дел, связанных с нарушениями.

Это поможет установить прецеденты и стандарты, которые будут учитывать суверенитет государств, но также предоставят возможность защиты принципов международного права.

3. Расширение роли неправительственных организаций: Неправительственные организации играют важную роль в гуманитарной работе и защите прав человека. Их участие и поддержка должны быть расширены, чтобы они могли продолжать свою работу в условиях, когда государства не могут или не хотят защитить своих граждан.

4. Разработка международных норм и стандартов: Международное сообщество должно продолжать разрабатывать и утверждать международные нормы и стандарты, которые будут регулировать гуманитарные интервенции и защиту прав человека. Это поможет создать общую основу для действий государств и предотвратить произвол и неправомерные действия.

В заключение, принципы суверенитета и невмешательства являются основополагающими принципами международного права, которые играют важную роль в сохранении и развитии международной стабильности и безопасности. Государственные акторы, такие как государства, должны соблюдать эти принципы в своих международных отношениях и действиях, а также активно поддерживать их в международных форумах. Общество также имеет важную роль в сохранении и развитии этих принципов, поддерживая государственные усилия по защите норм международного права. В целом государственные акторы и общественность должны работать вместе, чтобы достичь общих целей международной стабильности и безопасности.

Евлашевская Е. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Оценка возможного направления развития международного гражданского процесса в Российской Федерации

Аннотация. Право динамично, постоянно меняется и адаптируется. Международный гражданский процесс развивается в различных странах, в том числе и в Российской Федерации. В работе представлен анализ тенденции развития международного гражданского процесса в России.

Ключевые слова: международное частное право, международный гражданский процесс.

Право не стоит на месте: отменяются устаревшие нормы, вводятся новые, оформляются кодифицированные акты. Международный гражданский процесс развивается как в иностранных государствах, так и в Российской Федерации.

Автор работы рассмотрит гипотетический путь развития МГП в России и попытается дать оценку.

Как известно, в Российской Федерации отсутствует единый акт о международном частном праве, в котором бы кодифицировались как нормы материального, так и процессуального права. Вместо этого Россия следует межотраслевой кодификации, при которой нормы международного частного права включаются в различные национальные акты. Следует отметить, что законодатель не сразу пришел к такому способу организации норм. В 90-е гг. XX в. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ) разработал проект Закона СССР¹. Этот проект даже был внесен в Верховный Совет РСФСР. Однако эти попытки не осуществились.

В доктрине существуют полярные позиции относительно принятия в Российской Федерации единого акта посвященного международному частному праву и международному гражданскому процессу. Некоторые авторы выступают за создание специального закона, ссылаясь на пример других стран, принявших такие законы (законы о международном частном праве Швейцарии (1987 г.), Турции (1982 г.), Италии (1995 г.), Бельгии (2004 г.), Чехии (2012), и др.). Кроме того, высказывается мнение (Е. А. Осавелюк)², что в настоящее время российские законы по международному частному праву и международному гражданскому процессу находятся на промежуточной стадии, и существует еще значительный неиспользованный потенциал для дальнейшего развития. Спротивление общемировым моделям и тенденциям может иметь негативные последствия, поэтому необходимо кодифицировать нормы международного гражданского процесса как всеобъемлющую основу.

Тем не менее в российской доктрине высказано и отрицательное отношение к объединению норм международного частного и процессуального права в отдельном законе, ссылаясь на отсутствие существенных юридических связей между коллизионными нормами и нормами международного гражданского процесса³.

Автор работы против изъятия норм, касающихся судопроизводства с участием иностранных лиц из ГПК РФ и АПК РФ, с одновременным созданием единого закона о международном частном праве и международном гражданском

¹ Проект закона СССР о международном частном праве и международном гражданском процессе // Труды ВНИИ советского государственного строительства и законодательства. 1991. № 49.

² Осавелюк Е. А. Международный гражданский процесс в системе российского права 1-е изд. СПб. : Лань, 2019. 176 с.

³ Маковский А. Л. Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008. С. 70.

процессе. Автор считает эту идею нецелесообразной по нескольким причинам. Во-первых, автор консервативно смотрит на изменение, «перекраивание» более или менее устоявшейся системы законодательства. По сути, работа будет состоять не в создании новых норм, а в формировании новых НПА. Во-вторых, законодатель пока сам не планирует создание специализированного закона, и думается, что в ближайшее десятилетие не будет планировать.

Ибрагимов Ф. М.

Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
Студент

Эмодзи как эквивалент подписи под документом

Аннотация. Вопросы, связанные с использованием эмодзи в праве, становятся всё более актуальными в современном мире. Поскольку эмодзи могут быть толкованы по-разному, возникают проблемы, связанные с тем, как они могут быть использованы в контексте права. В цифровом общении эмодзи часто используются в качестве формы подписи или подтверждения, особенно в неформальной переписке. Они выражают эмоциональную реакцию или согласие на содержание сообщения.
Ключевые слова: эмодзи, графические символы, цифровое общение, мессенджер, сообщения.

Постановление пятнадцатого арбитражного апелляционного суда в г. Ростове-на-Дону подтвердило решение суда первой инстанции, которое считало эмодзи «большой палец вверх» (👍) в переписке эквивалентом подписи под доп. соглашением¹.

Эмодзи — это графические символы, используемые в электронной коммуникации для выражения эмоций, идей и концепций. Они часто используются в текстовых сообщениях, социальных сетях и электронных письмах. Популярность они приобрели за счет своей простоты, они представляют собой различные выражения лица, жестов, животных, объектов, символов и флагов, чтобы помочь участникам беседы показать свою реакцию на сообщение или ситуацию. Количество и разнообразие доступных эмодзи постоянно растет и обновляется, чтобы отражать культурные тренды и разнообразие выражений эмоций.

Одна из основных проблем состоит в том, что эмодзи могут вызывать недоразумения и недостаточную ясность в юридических документах. Судьи и

¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/23 по делу № А32-36944/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

юристы могут иметь разные взгляды на толкование эмодзи, что усложняет определение их истинного значения.

Например, согласно решению суда от 29 июня, индивидуальный предприниматель С. А. заключила договор купли-продажи с индивидуальным предпринимателем Р.Р в марте 2022 г. на поставку мобильного торгового киоска. Договором предусматривалось, что цвета нижней и верхней части киоска определены дополнительным соглашением.

В договоре было отмечено, что стороны считают юридически обязательными все документы, полученные по электронной почте или другими каналами связи, включая также мессенджер WhatsApp, который принадлежит запрещенной в России экстремистской организации Meta.

Однако фургон не был поставлен в срок, поэтому С. А. направила претензию, требуя вернуть задаток. В ответе на претензию Р. Р. заявил, что между ними не было заключено дополнительное соглашение, что исключает возможность завершить изготовление киоска в указанный срок.

Женщин обратилась в Арбитражный суд Краснодарского края с иском о возврате денежных средств и процентов. Суд вынес решение о взыскании с Р. Р. денежных средств, за неосновательное обогащения.

Р. Р. обжаловал решение суда в Арбитражном суде г. Ростова-на-Дону. В апелляционной жалобе Р. Р. утверждал, что условия о согласовании цвета киоска относятся к предмету договора и что в нем прямо указана необходимость заключения дополнительного соглашения. Без согласования цвета нижней и верхней частей киоска условия договора физически не могли быть исполнены, и фургон не мог быть передан покупателю в установленный срок. Однако суд установил, что из имеющейся в материалах дела переписки по WhatsApp следует, что стороны обсуждали цвет и размеры киоска; Р. Р. написал «ОК», желтые полосы на белом, и получил в ответ изображение 🍊 (от агента С. А., действующего на основании доверенности). Символ означает «хорошо» в общепринятом понимании общения — отмечается в решении.

Суд уточнил, что в своем обращении Р. Р. указал на различные возможные толкования рассматриваемого жеста, но не предложили разумного и понятного смысла рассматриваемого изображения. В последующей переписке [Р. Р.] не уточнила смысл этого ответа. Суд постановил, что ответчик воспринял этот ответ как согласие, не требующее дополнительных объяснений.

В России ранее не было дел, связанных использованием эмодзи в качестве выражения намерений одной из сторон, по крайней мере в той практике, которая доступна рядовым пользователям. Однако обмен сообщениями в текстовом виде уже давно является средством доказывания и определения статуса договора в суде. Например, слово «ОК» рассматривается судами как выражение согласия.

В данном случае суд принял решение, основываясь на конкретных обстоятельствах, а не на формальных методах.

Всегда существуют случайные обстоятельства, при которых действия или слова сторон подтверждают их понимание друг друга, однако суды должны подходить к таким вопросам с осторожностью.

Такие споры часто разрешаются путем проведения экспертизы. На протяжении многих лет Гражданский кодекс предусматривает возможность заключения письменного договора путем обмена сообщениями через телекоммуникационную сеть при условии, что можно идентифицировать отправителя. При этом в большинстве случаев все было однозначно. Однако если у суда возникают сомнения по поводу того или иного толкования, сделанного сторонами, сто́ит назначить психологическую или лингвистическую экспертизу¹.

Эмодзи — это многозначные символы и толкование коммуникаций с их использованием во многом зависит от социального контекста. Значение может иметь не только практика использования эмодзи в какой-то стране, но и в возрастной или профессиональной группе.

В случае спора о значении эмодзи «большой палец вверх» в переписке закономерны вопросы, подтверждает ли такой значок получение сообщения, предложения или согласие с ним, относится ли он к последнему сообщению в беседе или к какому-то более раннему утверждению.

Например, жест «большой палец вверх» и соответствующий эмодзи для большинства людей западной культуры означает одобрение, но в некоторых других культурах (например, в Иране, Ираке, Афганистане, Нигерии) он может быть грубым и оскорбительным.

В целом эмодзи имеют свою функцию в цифровом общении и могут быть использованы в соответствии с контекстом и отношениями собеседников, но при необходимости официальной подписи, они не заменяют традиционные методы подтверждения или согласования документов. Использование эмодзи в праве может вызывать правовые и практические сложности, поэтому их использование в правовых документах и в судебных процессах должно быть ограничено.

Мы выделили ряд проблем, которые могут вызвать эмодзи, при их использовании в праве:

1. Неоднозначность и неверное понимание: Эмодзи могут иметь различное толкование в разных культурах и среди разных людей. Использование

¹ Гражданское право. Общая и особенная части : учебник / под общ. ред. Р. А. Курбанова / Р. А. Курбанов, О. А. Рузакова, Т. Э. Зульфугарзаде [и др.]. М. : Проспект, 2020. 736 с.

эмодзи в правовых документах может привести к недоразумениям и неправильному их толкованию, что может иметь негативные последствия для людей, вовлеченных в правовые процессы.

2. Юридическая точность: Правовые документы требуют точности и ясности в формулировках. Эмодзи могут нести эмоциональные или субъективные значения и не всегда являются точным выражением информации. Использование эмодзи может вводить путаницу и отвлекать от буквальных и юридических норм.

3. Использование эмодзи как доказательства: В случае, если эмодзи становятся частью юридического спора, их интерпретация и доказательная сила могут стать проблемой. Что для одного человека может быть ясным выражением эмоции, для другого может быть неоднозначным или неоднозначным.

Одно из решений проблемы эмодзи в праве — это развитие и принятие соответствующих правовых и юридических стандартов относительно использования эмодзи. Некоторые страны уже пытаются включить эмодзи в свои законы и политики, чтобы предоставить более ясное руководство по их использованию. Однако эта работа находится на начальной стадии, и требуется еще много исследований и обсуждений, прежде чем будут разработаны достаточно четкие правила.

Кольцова А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

С пересадкой в Гонконге: арбитраж в Гонконгском арбитражном центре

Аннотация. В статье рассматриваются особенности рассмотрения спора в Гонконгском международном арбитражном центре (HKIAC) и выявляются отличия от рассмотрения спора в российских арбитражных центрах и Лондонском международном арбитражном суде. Выявлены отличия в правовой системе страны арбитража, процедуре принятия искового заявления, арбитрабельности некоторых видов споров и стоимости процедуры арбитража. Также сделаны выводы о возможности проведения слушаний дистанционно и оценен вопрос нейтральности Гонконга как места рассмотрения арбитража. Рассмотрение особенностей рассмотрения спора в HKIAC позволяет оценить преимущества и недостатки данного арбитражного центра и выбрать оптимальный вариант для эффективного и справедливого рассмотрения спора.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, санкции, дистанционные слушания, арбитражный центр, Гонконг, стоимость арбитража, процедура арбитража.

До недавнего времени основным выбором крупных компаний для разрешения спора были Международный арбитражный суд при Международной торговой палате в Париже (ICC) и Лондонский международный арбитражный суд (LCIA). Однако санкции, вводимые мировым сообществом против России, вынуждают российские компании отказываться от привычного арбитража в Лондоне и искать альтернативные пути для разрешения спора с иностранными коллегами. Неплохой альтернативой могли быть московские МКАС при ТПП, РАЦ при РСПП или РАЦ при РИСА. Однако при разрешении в Москве споров, например, между российской и английской компанией, политическая обстановка может сыграть злую шутку уже в отношении иностранного контрагента. Контрагенты, представляющие страны, входящие в Перечень недружественных организаций¹, не могут рассматривать Москву как нейтральный форум для разрешения спора. В таких условиях назревает необходимость искать новые политически нейтральные способы разрешения спора. В качестве альтернативы привычным Лондону и Парижу в эпоху санкций компании часто выбирают Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC).

Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) является одним из ведущих арбитражных центров в мире, расположенным в Гонконге. Он предоставляет услуги для разрешения коммерческих споров, как национальных, так и международных. Однако выбор нового арбитражного учреждения обязывает рассмотреть вопрос: «С какими отличиями придется столкнуться сторонам при разрешении спора в HKIAC?».

Различия в правовой системе. Право, применимое к спору между сторонами по общему правилу согласуется сторонами². Однако нельзя отрицать значения права страны, где находится арбитражный центр, так как оно влияет на возможность отмены решения арбитража, назначение обеспечительных мер, толкование регламента и многие другие значимые для спора вопросы. Исследователи сходятся во мнении, что правовая система Гонконга ближе к англосаксонской³, однако не отрицают влияния социалистического китайского

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11 (с изм. и доп. в ред. от 29.10.2022).

² Трощинский П. В. Современная правовая система Гонконга // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. С. 176.

³ Одно государство — две системы и Основной закон Сянган // Юридические исследования. 1997. № 4. С. 7 (на кит. яз.).

права¹. Английское право часто выбирается российскими компаниями как нейтральное и более гибкое для разрешения спора. Таким образом, применение английского права в НКІАС является одним из аргументов за разрешения споров Гонконге, так как применение английского права является наиболее привычным вариантом для бизнеса.

Процедура оставления без движения в Гонконге. Отличие, которое явно прослеживается при изучении и сравнении регламентов НКІАС и LCIA — это наличие в ГМАЦ процедуры оставления искового заявления без движения. Пункт 7 ст. 4 Регламента ГМАЦ² гласит: «Если Уведомление об Арбитраже является неполным, или если не оплачен Регистрационный Сбор, то ГМАЦ вправе потребовать, чтобы Истец исправил дефекты в течение разумного периода времени. Если Истец исполняет данные требование в разумные сроки, то арбитражное разбирательство считается начатым согласно Статье 4.2 в дату, когда первоначальная версия Уведомления об Арбитраже была получена ГМАЦ». При этом в LCIA предусмотрены более жесткие требования. В соответствии с п. 4 ст. 1 Регламента датой начала арбитражного заседания в любом случае считается получение регистрационного взноса³. Процедура оставления без движения может сыграть решающее значение при соблюдении сроков исковой давности, поэтому обеспечивает защиту прав сторон в арбитраже. Таким образом, возможность оставления иска без движения — преимущество НКІАС перед конкурентами.

Говоря об арбитрабельности споров по интеллектуальной собственности. Еще одно из отличий Гонконга — это возможность рассмотрения в арбитраже споров в сфере интеллектуальной собственности. В НКІАС имеется коллегия арбитров по спорам об интеллектуальной собственности⁴. Рассмотрение IP спора в российских арбитражах невозможно из-за императивных норм АПК РФ, в соответствии с которыми споры о защите интеллектуальных прав с участием ор-

¹ Арбитражный регламент Гонконгского международного арбитражного центра от 01.10.2018 // Международный арбитраж. URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/hkiac-arbitration/> (дата обращения: 07.10.2023).

² Арбитражный регламент для администрируемых арбитражных разбирательств гонконгского международного арбитражного центра // URL: http://goldengate-law.com/pdf/arbitration_rules/НКІАС_Administered_Arbitration_Rules_2013_Russian.pdf (дата обращения: 07.10.2023).

³ LCIA Arbitration Rules effective 1 October 2020 // URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Panel of Arbitrators for Intellectual Property Disputes // URL: <https://hkiac.org/arbitration/arbitrators/panel-arbitrators-intellectual-property> (дата обращения: 28.09.2023).

ганизаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также споры, отнесенные к подсудности суда по интеллектуальным правам, не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда¹.

Возможность проведения слушаний дистанционно. Регламент поощряет эффективное использование технологий для оптимизации арбитражного разбирательства, а арбитражные разбирательства НКІАС могут проводиться в электронном виде. В последние годы большинство слушаний НКІАС были проведены дистанционно. Например, в 2022 г. НКІАС провел 93 слушания. Из них 75 были проведены частично или полностью дистанционно, а 18 — физически в помещении НКІАС в Гонконге². Проведение слушаний дистанционно снижает арбитражные расходы сторон. Внедрение технологий выделяет ГМАЦ по сравнению с более консервативными арбитражными учреждениями.

Стоимость. Согласно официальной статистике НКІАС, средняя стоимость арбитражного разбирательства составляет приблизительно 137 000 долл. США при обычной процедуре арбитража и около 51 000 долл. США при ускоренной. LCIA в 2017 г. было проведено сравнение средних расходов на арбитраж в конкурирующих арбитражных центрах³. Исследование показало, что средняя стоимость арбитражного разбирательства в LCIA гораздо ниже, чем в Гонконге и Сингапуре. Однако для объективного ответа на данный вопрос необходимо независимое исследование, проведенное на основе новых данных, полученных после 2023 г. Кроме того, в ходе расследования не учтены расходы компаний на оплату дорожных, командировочных и иных расходов, которые неизбежны при проведении очных слушаний.

Нейтральность форума. Одним из актуальных вызовов современного арбитража — поиск нейтральных учреждений для разрешения споров. НКІАС издал Санкционную политику⁴, в соответствии с которой данный арбитражный институт не относится ни к одной из сторон, на которую распространяется санкционный режим, иначе, чем к любым другим сторонам в разбирательстве. Более того, Регламент доступен на русском языке, а Гонконг не требует визы для

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002 г. № 137. Ст. 33 с изм. и доп. в ред. от 18.03.2023.

² 2022 Statistics // Hong-Kong International Arbitration Centre. URL: <https://www.hkiac.org/about-us/statistics>. Date of access: 28.09.2023.

³ Международный арбитраж в Гонконге // URL: <https://mansors.com/ru/media/blog/roadmap-sanktsii/mezhdunarodnyy-arbitrazh-v-gonkonge> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ HKIAC Policy on Proceedings Affected by Sanctions // URL: <https://hkiac.org/arbitration/sanctions-policy> (дата обращения: 28.09.2023).

граждан РФ, а в Панель и Список арбитров НКІАС входят русскоязычные арбитры¹.

В заключение можно сказать, что Гонконгский международный арбитражный центр является достойной альтернативой арбитражным центрам, находящимся в недружественной юрисдикции, и подходит для разрешения спора между российскими и иностранными компаниями. НКІАС имеет множество преимуществ по сравнению с конкурирующими арбитражными центрами, например, возможность дистанционных слушаний, нейтралитет по отношению к России, арбитрабельность IP споров и иные. Таким образом, выбор НКІАС обеспечит эффективное арбитражное разбирательство спора российских и иностранных контрагентов.

Сергеева В. В.

Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО)

Студент

Новые подходы к выбору применимого права и разрешению споров в условиях фрагментации мира

Аннотация. Вследствие современной глобализации, оперативного технологического прогресса, фрагментации, непредвиденных вызовов, таких как пандемия, инфодемия, рост миграции, необходимо решать актуальные проблемы путем объективного унифицированного регулирования частноправовых отношений. Выполнение этой задачи возложено на существующее международное частное право, и разрабатываемые им новейшие методы разрешения международных споров.

Ключевые слова: фрагментация, коллизионно-правовые нормы, международные нормы и принципы, применимое право, трансграничные споры.

Вырабатываемая в настоящий момент возможность прогнозирования и унификации регулирования частноправовых отношений в международном праве в государствах будет содействовать повышению стабильности мировой экономики, развитию комплексных интернациональных процессов и стандартизации международно-правовых документов.

Актуальный правоприменительный опыт говорит об особой значимости материальных норм международных договоров при регулировании частноправовых отношений. Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ

¹ Panel & List of Arbitrators // hkiac.org. URL: <https://hkiac.org/arbitration/arbitrators/panel-and-list-of-arbitrators> (дата обращения: 28.09.2023).

от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»¹, вопрос о разрешении конфликта полностью определяется юридическими нормами, которые содержатся в международных договорах Российской Федерации, применимых к данному юридическому случаю и регулирующими спорный вопрос. В таких ситуациях применение коллизионных норм не требуется, согласно статье 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Кроме того, следует подчеркнуть, что использование существующих международных соглашений для разрешения споров может обеспечивать более стабильное и надежное регулирование правовых отношений, предотвращая необходимость привлечения коллизионных норм и упрощая процесс разрешения конфликтов. Таким образом, оспаривание решений, принятых в соответствии с международными договорами, может быть избегнуто, что способствует более эффективной работе юридической системы. Похожее положение рассматривается в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где определяется верховенство международных договоров и общепризнанных принципов и норм установлении взаимодействия двух правовых систем. «Общепризнанное» характеризует юридические обязательные правила поведения, однако отсутствует какой-либо юридический документ, содержащий перечень таких принципов. Ссылки на общепризнанные нормы и принципы можно встретить в различных резолюциях международных организаций, а в Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г. № 2625², упоминается, что все государства обязаны добросовестно исполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права. Такой метод разрешения споров стал традиционным в международном праве, однако необходимо рассмотреть новые способы при фрагментации права в настоящее время.

Большое влияние в сфере взаимодействия публично-правовых и частно-правовых методов для решения трансграничных споров оказали развивающиеся информационные технологии и современная цифровая экономика.

Основная мысль такого подхода заключается в том, чтобы внедрить инновационный метод заключения арбитражных соглашений, который откроет

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/ (дата обращения: 18.09.2023).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 // сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 18.09.2023).

двери для применения блокчейн-технологий не только в сфере смарт-договоров, но и в традиционных соглашениях, оформленных в письменной форме. Этот новый подход позволит с легкостью признать арбитражное решение в случае необходимости, и при этом не вызовет никаких сомнений в признании и последующем исполнении этого решения.

Суть этой инновации заключается в том, что блокчейн-арбитраж будет интегрирован как в смарт-контракты, так и в традиционные бумажные договоры. Таким образом, стороны смогут полагаться на безопасность и надежность блокчейн-технологии в случае разрешения споров и конфликтов. Когда возникает необходимость в арбитражном решении, судам не придется тратить время на вопросы о признании и приведении в исполнение решения, так как блокчейн-технология обеспечивает непреложную прозрачность и невозможность фальсификации данных. Такой негосударственный способ разрешения трансграничных споров позволяет снизить нагрузку на государственные органы и создать стабильную и предсказуемую систему решения споров. Однако правоприменимость такого метода всё еще разрабатывается из-за относительной новизны. В настоящее время был проведен один модельный процесс по Правилам блокчейн-арбитража в 2017 г., и работа над совершенствованием данной процедуры еще продолжается¹.

Современные условия развития компьютеризации и глобальные вызовы, требующие всеобщего решения, поднимают актуальность взаимодействия публично-правовых и частноправовых методов при регулировании трансграничных споров и стабилизации мирового рынка. Тем не менее практика показывает регламентирующее влияние способов частного права².

Данный принцип отражается в решении Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 24.03.2017 № 81/2016. Суд признал право сторон изменить действие Венской конвенции³, применив ее на правоотношения при заключении договора купли-продажи на аукционе, в то время как, согласно п. «b» ст. 2 Венской конвенции она не при-

¹ «CodeLegit Conducts First Blockchain-based Smart Contract Arbitration Proceeding» by Michael Reuter, 16.07.2017. URL: <https://datarella.com/codelegit-conducts-first-blockchain-based-smart-contract-arbitration-proceeding/> (дата обращения: 18.09.2023).

² Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // *Lex russica* (Русский закон). 2021;74(7):44-60.

³ Венской конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров, 11.04.1980 // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).

меняется к продаже с аукциона. Такое решение демонстрирует прикладной характер частноправовой ориентации международных договоров и верховенство частноправовых принципов.

Однако такой подход не так прост для правоприменения и требует глобальных доработок. Одним из нюансов данной ситуации будет следующий вопрос — «как исполнить первостепенную цель и определить применимое право без признания на публично-правовом уровне возможности использования в одном государстве законодательства другого?». Никак, и в настоящий момент понятно, что без такого признания вопрос использования данного подхода будет оставаться открытым. Это также не отменяет необходимости в унификации коллизионно-правовых норм. Единый международный документ установил бы общие принципы коллизионно-правового регулирования и облегчил бы процедуру выбора «релевантного» применимого права.

Большинство современных методов разрешения международных споров с глобальным развитием информационных технологий порождают дискуссионные вопросы технологического правопорядка (прозрачность и объективность алгоритмов, ответственность за правовые ошибки и т.д.). Именно на фоне такой проблемы возрастает значимость концепции мягкого права (*soft law*) в этой области, то есть регулирование правовых отношений посредством принятия субъектами отношений неких правил поведения (принципов, критериев, стандартов)¹. Такое право не требует признания в законодательном порядке, ведь сами заинтересованные стороны определяют значимость мягких норм поведения, руководствуясь нравственно-политическими соображениями.

Такой подход видится очевидным и действительно необходимым в современных реалиях, поскольку уже на международном уровне регламентируются акты негосударственного регулирования (такие как Принципы единых правил рассмотрения споров о доменных именах UDRP или Принципов международных коммерческих договоров UNIDROIT) и возникает необходимость закрепления таких принципов на наднациональном уровне, как механизм, заполняющий коллизионно-правовые пробелы (ICC Arbitration Case No. 8331, Award, 1996²).

Исходя из всего вышесказанного, нынешнее международное частное право характеризуется наличием тесной взаимосвязи традиционных способов

¹ Филипенко В. А. «Soft Law»: что это такое и как влияет на сегодняшнюю правовую действительность // URL: https://zakon.ru/blog/2021/02/03/soft_law_chno_eto_takoe_i_kak_vliyaet_na_segodnyashnyuyu_pravovuyu_dejstvitelnost (дата обращения: 18.09.2023).

² ICC Arbitration Case No. 8331. Award, 1996 ; URL: <https://www.unilex.info/case.cfm?id=647> (дата обращения: 18.09.2023).

государственного регулирования, коллизионно-правового метода решения споров и надгосударственного контроля, каждый из которых модернизируется с развитием современных технологий. Для качественного полноценного разрешения правовых проблем невозможно применения только одного из механизмов.

Вследствие фрагментации международного частного права появляется понимание необходимости стабилизации и урегулирования методов правового разрешения споров, а также учета интересов всех субъектов трансграничных отношений. С помощью инновационного-технологического развития, а также регламентации новых правовых актов появляется возможность автоматизации существующих способов и разработки последующих модернизированных подходов для разрешения правовых разногласий.

Шевченко А. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Россия и фрагментация мира. Новый взгляд на международное частное право

Аннотация. Фрагментация является одной из возможных разновидностей распада действовавшего ранее мирового порядка, при этом для нормальной и адекватной реальности, в частности, правовой, все равно необходимо сохранять внутренние «фрагментарные» взаимосвязи. К тому же, правопорядок должен динамично реагировать на изменения путем новых взглядов на применимое право, на разрешение споров.

Ключевые слова: фрагментация мира, международное частное право, применимое право, разрешение споров.

Философ Вольтер однажды произнес крайне лаконичную фразу своему собеседнику: «Прежде чем спорить, давайте договоримся о терминах». Также и рассмотрение вопроса влияния фрагментации мира на международное частное право невозможно без определения понятий.

Данный термин получил новую волну актуальности после доклада международного валютного фонда (МВФ) «Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities» (Фрагментация в международной торговле с учетом сырьевых товаров). Там он употребляется в качестве экономической категории, или,

например, в словосочетании «геоэкономическая фрагментация»¹. При этом наличие причинных связей между событиями мировой экономики и состоянием интернационального гражданского оборота не вызывает никаких сомнений. Таким образом, явление возможно рассматривать в рамках науки международного частного права.

В вышеупомянутом докладе МВФ были названы различные возможные сценарии фрагментации мира. Так, наиболее жестким вариантом развития событий (та самая «геоэкономическая фрагментация») эксперты считают радикальное разделение мира на западный и восточный блоки, видимо, намекая на некую реинкарнацию холодной войны. Более того, подобные тенденции стали намечаться достаточно давно. Не стоит забывать и про влияние общественного сознания, в котором запад и восток всегда воспринимались культурными антиподами².

Безусловно, Российская Федерация в данных событиях выступает в качестве главного действующего лица, а не стороннего наблюдателя, поэтому и феномен фрагментации на отечественной арене не остался незамеченным. Так, Банк России поделился своим мнением по этому вопросу в докладе денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. Центральный банк тоже говорит о дальнейшем усиленном разделении стран на блоки³.

Далее стоит рассмотреть ранее наметившиеся тенденции в международном частном праве. Важно понимать, что фрагментация не является на голову свалившимся снегом, поскольку была заметна и в предыдущие годы. Например, в 2018 г. вышла статья М. В. Мажориной, в которой говорилось о «неадекватности фрагментарного и относительно статичного правового ландшафта»⁴. Другие исследователи даже предложили дихотомию фрагмента-

¹ Fragmentation in Global Trade: Accounting for Commodities // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/03/24/Fragmentation-in-Global-Trade-Accounting-for-Commodities-531327> (дата обращения: 12.09.2023).

² Аватков В. А., Останин-Головня В. Д. Дихотомия Восток — Запад. Идеино-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. 2022. № 3 (1693). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dihotomiya-vostok-zapad-idejno-tsennostnoe-izmerenie-mirovoy-politiki> (дата обращения: 14.09.2023).

³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Банк России. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkr/on_2024_2026/ (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 201. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.1.193.217. EDN: YVVQNC.

ции — разделение на материально-правовую и процессуальную фрагментацию¹. Первая направлена на регионализацию правовых норм, сепарацию их от всеобщего международного порядка. Вторая же связана с увеличением количества различных организаций, наделенных полномочием толкования интернациональных норм. Оба названных явления можно считать самостоятельными тенденциями, такими «последними пискими моды». Однако в данном вопросе не следует рассуждать с радикально консервативных позиций, отвергая все новое, поскольку фрагментация выступает именно следствием развития².

Нельзя не отметить, что большое значение в международном гражданском обороте имеет *soft law* или же *lex mercatoria*. При фрагментации мира отсутствует его единое понимание и толкование, за каждым «фрагментом» закрепляются некоторые особенности. Так, в Российской Федерации нормы *lex mercatoria* остаются «исключительно договорными условиями в рамках конкретных правоотношений»³. При этом ситуация может кардинально измениться, если страна-партнер России признает их в качестве обязательных. Однако параллельно с этим многие ученые начинают говорить о космополитизации международного частного права. Выбор применимого права также возможно связывать не с конкретным национальным режимом, а с некоей функциональной юрисдикцией, к которой относится непосредственно правовой вопрос⁴. Соответственно роль фрагментации в развитии международного частного права со временем будет только усиливаться. К тому же, легко представить различные пути взаимодействия правопорядков фрагментарных блоков с *lex mercatoria*, индифферентно раскрывающимся из раза в раз. *Lex mercatoria* «систематизируется и кодифицируется в духе права, что ставит перед право-

¹ Шестакова К. Д., Виссенберг А. С. Эволюция дискурса о фрагментации международного права // *Международное право*. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-diskursa-o-fragmentatsii-mezhdunarodnogo-prava> (дата обращения: 17.09.2023).

² Плотников А. В. Эволюция доктринальных подходов к пониманию и оценке фрагментации международного права // *Российский юридический журнал*. 2013. № 3 (90). С. 17. EDN: QBZHUP.

³ Новикова Н. А. *Lex mercatoria* как источник международного частного права // *Научный диалог*. 2013. № 12 (24) : *Общественные науки*. С. 63.

⁴ Fischer-Lescano A., Teubner G. *Region-Collisions: The vault Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law* // *Michigan Journal of International Law*. 2004. Vol. 25.

творцами и правоприменителями задачу акцептировать соответствующие нормативные конструкции и инкорпорировать их в архитектуру нормативного регулирования»¹.

Стоит признать, что и без того невозможное исчезновение коллизионного регулирования в пользу материального² в условиях фрагментации только лишь усложняется. Однако в рамках региональных блоков и объединений оно становится куда более реальным, так как небольшому количеству субъектов легче договориться об унификации того или иного компонента. Таким образом, фрагментация будет красной нитью вплестаться в отношения международного торгового оборота еще не один год, поэтому наука международного частного права должна успевать адаптироваться к изменениям в мире для разработки правильной реакции на эти изменения на уровне законодательства.

¹ Мажорина М. В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprostranstvo-i-metodologiya-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava> (дата обращения: 18.09.2023).

² Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. 2021. № 7 (176).

XXIX. LE DROIT FRANÇAIS CONTEMPORAIN: DE LA THÉORIE À LA PRATIQUE

Андреева А. А.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Студент

L'évolution des relations entre la France et ses anciennes colonies en Afrique dans l'optique du droit international

Annotation. Bien que la France ait donné l'indépendance à ses anciennes colonies, celles-ci en manquent sur le plan politique et économique. La France a besoin de ces pays comme d'une source de ressources: humaines, naturelles, territoriales, comme d'un allié politique. Elle a donc mis en place un système néocolonial comprenant ses anciennes colonies, qui lui permet de contrôler les actions des États africains. Cependant, ce système est contraire aux normes du droit international adoptées par la France.

Mots-clés: France, anciennes colonies, traités internationaux, Françafrique, dépendance.

La France est membre d'organisations européennes d'intégration ainsi que de nombreuses organisations internationales tels que: OMC¹, OCDE², FMI³.

En plus la France est l'un des membres — fondateurs de l'ONU⁴, créée en 1945. Elle est membre permanent du Conseil de Sécurité des Nations Unies. Elle est également représentée dans d'autres organes principaux et subsidiaires de l'ONU (par exemple, elle est membre permanent de la Conférence du désarmement, de l'organisation pour la sécurité et la coopération en Europe, d'Organisation des Nations Unies Pour le Développement Industriel)⁵.

La France est surtout membre — fondateur du conseil de l'Europe, principale organisation de défense des droits de l'homme⁶.

Dans cette optique, la France est signataire de la Convention européenne des droits de l'homme (1974)⁷, du Pacte international relatif aux droits civils et politiques

¹ Organisation mondiale du commerce.

² Organisation de coopération et de développement économiques.

³ Fonds monétaire international.

⁴ Organisation des Nations unies.

⁵ Франция и Организация Объединенных Наций — Министерство Европы и иностранных дел (diplomatie.gouv.fr).

⁶ Франция и Совет Европы — Министерство Европы и иностранных дел (diplomatie.gouv.fr).

⁷ European Convention on Human Rights (coe.int).

(1966), du Pacte international relatif aux droits économiques, sociaux et culturels (1966) etc. La France doit appuyer pleinement le système de ses documents car leurs ratifications reconnaissent la prédominance de leurs principes dans le droit et la politique de l'État, elle doit veiller au respect de ses documents au niveau national.

Pendant, les relations de la France avec ses anciennes colonies en Afrique sont en contradiction avec les principes du droit international des organisations dans lesquelles la France figure.

15 ans après la fin de la Seconde guerre mondiale (1960), 14 colonies françaises en Afrique de l'Ouest et en Afrique de l'Équateur ont accédé à l'indépendance¹.

Mais avant l'indépendance officielle de ces États, Paris, pour maintenir sa domination sur le continent, a tenté de préserver l'Empire Colonial Français de manière légitime. En 1958, les territoires de ces États sont devenus une partie de la Communauté Française² et ont été fusionnés en deux groupes régionaux: l'Afrique occidentale Française et l'Afrique équatoriale Française. Cette Communauté a été créée en 1958 par la Constitution de la Cinquième République pour remplacer l'Union française³. Les dispositions de la Constitution relatives à la Communauté ne sont officiellement abrogées que par le chapitre IV de la Loi Constitutionnelle no. 95-880 du 4 août 1995.

Dans le même temps, à la diligence du président Charles de Gaulle, la FrancAfrique⁴ — un système de relations informelles de la France avec les États d'Afrique Subsaharienne, dont beaucoup faisaient auparavant partie de l'Empire Colonial Français — a été créée.

Françafrique s'est formée en 1960–1962 après l'achèvement du processus de décolonisation des 13 possessions africaines de la France. L'ancienne métropole, en utilisant les méthodes du néocolonialisme, a réussi à maintenir une «présence» militaire, politique, économique, culturelle et idéologique en Afrique. L'espace FrancAfrique comprend: Sénégal, Côte d'Ivoire, Burkina Faso, Togo, Bénin, Niger, Mali, République du Congo, Gabon, Tchad, République centrafricaine, Cameroun, Madagascar, Comores, Djibouti.

Elle est appuyée sur un système de traités de coopération conclus avec un certain nombre de jeunes États africains lors de leur accession à l'indépendance.

Ces accords concernent de nombreux domaines, tels que le secteur militaire, politique, mais ce sont surtout des accords économiques⁵:

¹ Ce sont: Bénin, Burkina Faso, Côte D'ivoire, Guinée, Mali, Niger, Sénégal, Togo, Cameroun, République centrafricaine, Tchad, Congo, Guinée équatoriale et Gabon.

² Communauté française (Cinquième République) — Wikipédia (wikipedia.org).

³ Union française — LAROUSSE.

⁴ Qu'est-ce que la FrancAfrique? (europe1.fr).

⁵ Journal officiel de la République Française № 0,20 16 juin 1961 (senat.fr).

1. La dette coloniale pour remboursement des bénéfices de la colonisation
2. La confiscation automatique des réserves financières nationales
3. Le droit de premier refus sur toute ressource brute ou naturelle découverte dans le pays
4. Priorité aux intérêts et aux entreprises français dans les marchés publics et appels d'offre publics
5. Droit exclusif de fournir des équipements militaires et de former des officiers militaires des colonies
6. Le droit pour la France de déployer des troupes et d'intervenir militairement dans le pays pour défendre ses intérêts
7. L'obligation de rendre le français la langue officielle du pays et la langue d'enseignement
8. L'obligation d'utiliser le Franc CFA (Colonies Française d'Afrique)
9. L'obligation d'envoyer en France un bilan annuel et un rapport d'état des réserves
10. Renoncer à toute alliance militaire avec d'autres pays, sauf autorisation de la France
11. L'obligation de s'allier avec la France en cas de guerre ou de crise mondiale.

Ces accords ont longtemps maintenu la participation quasi exclusive de la France à la vie économique des anciennes colonies fermement attachées à la «zone Franc», et la présence de bases militaires françaises sur leurs territoires a assuré le contrôle de Paris sur les régimes qui y étaient établis, leur assurant ainsi une résistance aux menaces internes et externes.

Cette politique de Paris s'inscrit parfaitement dans les principes du Pacte Colonial¹, qui, bien qu'il n'ait pas été un instrument juridique formel pendant les années de l'Empire Colonial, n'a pas cessé d'être appliqué. C'était un ensemble de règles qui régissait les relations entre la métropole et ses possessions et était effectivement imposée aux colonies. Ce Pacte limitait l'accès des marchandises étrangères au marché colonial; l'exportation de biens coloniaux (en tout ou en partie) vers la métropole; l'interdiction aux colonies de produire des biens industriels, leur statut économique étant déterminé par l'extraction des matières premières et leur traitement primaire etc.

De toute évidence, ce système néocolonial créé par la France, permettait à Paris d'exploiter au maximum ses anciens territoires.

Donc, on voit que l'effondrement de l'Empire colonial Français, qui existait depuis plusieurs siècles, n'a pratiquement pas réduit la dépendance politique et économique de ses anciennes possessions à l'égard de la France. Le système néocolonial qu'elle a créé, permet à Paris d'exploiter au maximum ses anciens territoires.

¹ pacte colonial — Larousse.

Cela va à l'encontre des Conventions et Pactes internationaux que la France a signés dans le cadre des organisations internationales et parle en conséquence de la différence entre la théorie et la pratique, du droit français et de sa mise en œuvre.

Баева С. А.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Студент

Le principe d'égalité des sexes en droit français et en pratique électorale en France

Annotation. La problématique de réalisation du principe d'égalité est toujours actuelle en ce qui concerne les États démocratiques. D'ailleurs, depuis des années les mouvements défendant les droits des femmes sont aussi populaires en Europe, y compris en France. Donc, le but de cet article est de considérer une des plus importantes institutions du droit français — les élections, au sein de laquelle on étudie le principe de parité en droit et en pratique. Tout d'abord, on examine la législation française appropriée, et ensuite — les indicateurs statistiques. Dans la conclusion on constate l'absurdité de quelques règles adoptées pour supposément assurer l'égalité des sexes en France et, en même temps, le manque d'attitude individuelle nécessaire, ce qui influence la pratique.

Mots clés: France, cinquième République, droit français, égalité des sexes, principe d'égalité des sexes, pratique électorale en France, institut électoral de la cinquième République, égalité des droits politiques entre les hommes et les femmes, Règle de parité, discrimination.

Le principe d'égalité est reconnu dans le droit français depuis longtemps, notamment depuis la Révolution Française de 1789. Maintenant il est mentionné dans la devise de la cinquième République: «Liberté, Égalité, Fraternité»¹, ce qui signifie, évidemment, être une des bases du droit français et de la société française contemporaines.

Cependant, les analyses prouvent qu'on ne réussit pas toujours réunir les approches de nos visions idéals, dans le rapport théorie-pratique et l'application de la loi. Par ailleurs, dans la chasse pour un supposément idéal on peut arriver à l'absurde.

Alors, examinons comment le principe d'égalité fonctionne en France contemporaine. Puisque ce phénomène est assez large, pour une analyse plus détaillée, il serait raisonnable de considérer un des aspects. Dans cette intervention, on prend

¹ Конституция 1958 г. // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (дата обращения: 20.09.2023) ;

comme sujet l'analyse de l'égalité des sexes à l'institut électoral de la cinquième république.

Pour commencer on regarde la législation. Tout d'abord, le bloc de la constitutionnalité. Donc, l'égalité des droits politiques entre les hommes et les femmes est inscrite dans:

La Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen de 1789, article 1er — «Les hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits. Les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune»¹;

Le Préambule de la Constitution de 1946, article 3ième — «La loi garantit à la femme, dans tous les domaines, des droits égaux à ceux de l'homme»²;

La Constitution de 1958, article 1er — «... La loi favorise l'égal accès des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives, ainsi qu'aux responsabilités professionnelles et sociales» (modifié par la loi constitutionnelle du 8 juillet 1999)³.

Ensuite, Le Code électoral, naturellement, aussi comporte les dispositions consacrées à ce principe, par exemple les suivants:

Article L2: «Sont électeurs les Françaises et Français âgés de dix-huit ans accomplis, jouissant de leurs droits civils et politiques et n'étant dans aucun cas d'incapacité prévu par la loi»;

Article L44: «Tout Français et toute Française ayant la qualité d'électeur peut faire acte de candidature et être élu, sous réserve des cas d'incapacité ou d'inéligibilité prévus par la loi»⁴.

Il est à noter qu'au début du XXIe siècle, un certain nombre de lois ont été adoptées pour assurer l'égalité entre les hommes et les femmes:

La loi tentant à favoriser l'égal accès des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives du 6 juin 2000 ;

La loi tentant à promouvoir l'accès égal des femmes et des hommes aux mandats électoraux et fonctions électives du 31 janvier 2007 ;

¹ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789> (дата обращения: 20.09.2023).

² Преамбула Конституции 1946 г. // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/preambule-de-la-constitution-du-27-octobre-1946> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Конституция 1958 г. // URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Избирательный кодекс // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070239/ (дата обращения: 20.09.2023).

La loi du 17 mai 2013 relative à l'élection des conseillers départementaux, des conseillers municipaux et des conseillers communautaires ;

La loi du 27 décembre 2019 relative à l'engagement dans la vie locale et à la proximité de l'action publique¹.

Il ne faut pas oublier que l'institut d'élections à l'Assemblée nationale prévoit la soi-disant Règle de parité: «Les partis qui ne présentent pas 50 % de candidats de chaque sexe doivent payer une amende»². Par conséquent, les partis qui manquent de diversité des sexes, doivent «chercher des femmes» pour éviter une amende. En pratique, il apparaît que dans la recherche des équilibres statistiques, on vient à l'absurde: ce ne sont pas les idées d'un politicien, c'est son sexe qui se trouve au premier plan.

En même temps, on peut relever un cas scandaleux pouvant facilement être décrit comme la démonstration d'inégalité dans la politique: le rejet par toutes les banques françaises la demande au financement de la campagne électorale de Marine Le Pen lors des dernières élections du Président français.

Ces contrastes manifestent qu'à l'heure actuelle, en République Française, il y a des problèmes sérieux pour assurer et garantir l'égalité des sexes.

Pour illustrer les tendances actuelles, on peut analyser le graphique de l'INSEE.

Le premier graphique indique le nombre de femmes élues progresse surtout au niveau des élections législatives et européennes.

Le deuxième graphique, consacré aux statistiques sur les élus depuis 1947 montre, une croissance continue du nombre des femmes parmi les élus locaux et nationaux.

Le nombre de femmes-conseillers régionaux monte en flèche: de 12 % en 1993 à 48 % en 2005 et il se stabilise depuis à ce niveau-là. C'est l'impact visible des lois sur la parité.

Pourtant, au sein des conseils municipaux où 42 % des élus sont des femmes en 2021, elles représentent 45 % des conseillers sans fonction et 41 % des adjoints, contre moins de 20 % des maires.

En conséquence, même si le nombre total de femmes en politique augmente, la part des femmes occupant des postes de haut niveau n'est pas aussi élevé.

Toutefois, on dirait qu'il ne s'agit plus de lois, mais de mentalité et de perception individuelle. C'est ce qui est très difficile à influencer positivement par la législation. Si le législateur souligne ce problème, il n'y a qu'une possibilité d'intensifier l'attitude négative envers des femmes en politique.

¹ La parité politique // URL: <https://www.vie-publique.fr/eclairage/19618-la-parite-politique> (дата обращения: 23.09.2023).

² Les élections législatives // URL: gouvernement.gouvernement.fr/les-priorites/legislatives (дата обращения: 23.09.2023).

Ainsi, s'il n'y a pas d'interdictions et de restrictions formelles à la participation des femmes à la politique — la mission législative est accomplie, et il n'y a pas besoin d'inventer des règles absurdes situées au bord de la discrimination envers les hommes.

En conclusion, il est important d'ajouter que la France est le pays où ce n'est que depuis 1965 que les femmes ont obtenu le droit à avoir un emploi sans l'autorisation de leur mari. De plus, ce n'est que depuis 1970 que le droit exclusif du «chef de famille» de prendre toutes les actions juridiques concernées les membres de la famille est aboli¹. Donc, on peut constater que seulement le temps peut changer une perception qui s'est durcie pendant des siècles.

Бобоев Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Le rôle des taxes et des droits de douane dans le développement durable

Annotation. Dans le monde moderne, toute l'économie est dirigée vers la consommation, les grandes entreprises productrices tentent depuis le début du siècle dernier de former l'image nécessaire de la consommation parmi la population à travers la publicité, la promotion de certaines valeurs. Cependant, cela a conduit à plusieurs reprises à des conséquences déplorables: des crises profondes, à la fois économiques et idéologiques, existentielles. Il est devenu évident pour l'humanité que le développement et le bonheur ne reposent pas sur la soumission définitive et irrévocable de la planète à ses besoins, à sa consommation sans fin et sans signification. Au contraire, la pensée philosophique cherche à forger la notion de développement durable en tant que seule solution.

Mots clés: développement durable, consommation, taxe, droits de douane, écologie, réglementation, politique publique, amélioration.

Les objectifs de développement durable sont un appel universel en faveur de l'élimination de la pauvreté, de la protection de notre planète, de l'amélioration de la qualité de vie et de l'amélioration des perspectives pour tous dans le monde. Ces 17 Objectifs ont été adoptés par tous les États membres de l'ONU en 2015 dans le cadre du Programme de développement durable à l'horizon 2030, qui énonce un plan sur 15 ans pour les atteindre².

¹ Феминизм по-французски // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2835612> (дата обращения: 23.09.2023).

² Résolution adoptée par l'Assemblée générale des Nations Unies le 25 septembre 2015 ; soixante-Dixième session Points 15 et 116 de l'ordre du jour.

La France, en tant que pays qui a toujours lutté pour la liberté, même si elle se transforme parfois en «protestation pour protester» — une caractéristique nationale, est donc parmi les premiers à essayer de suivre fidèlement le programme, en façonnant activement un cours de développement visant à se libérer des dépenses destructrices et à créer une utilisation rationnelle des ressources.

Pendant, on se pose la question: comment arrêter exactement le processus négligé de consommation et les valeurs imposées à cet égard? Comme il semble, l'une des principales méthodes de régulation de l'activité économique à l'intérieur du pays est la politique fiscale compétente du pays.

Ainsi, par exemple, pour assurer le bien-être écologique d'une planète qui souffre surtout des gaz à effet de serre, il serait plus logique de soutenir les industries moins polluantes, de subventionner les travaux de recherche sur l'invention de moyens de transport plus écologiques, etc. Au contraire, imposer des taxes plus élevées sur les transports et la production plus polluants, augmenter les droits de douane sur l'importation de produits polluants.

Qu'est-ce que la taxe malus sur les véhicules polluants?

La taxe malus ou écotaxe est une taxe additionnelle perçue sur le certificat d'immatriculation (carte grise) des véhicules. Elle est composée de: La taxe sur les émissions de CO₂ et sur la puissance administrative; La taxe au poids, dite «taxe sur la masse en ordre de marche» (TMOM).

La taxe malus s'applique, en fonction des caractéristiques du véhicule, si les émissions en dioxyde de carbone (CO₂), la puissance administrative et/ou le poids du véhicule dépassent les seuils fixés par la loi¹.

Cette taxe s'applique aux véhicules particuliers, de transport de voyageurs et aux «camions pick-up» comportant au moins 5 places assises. Elle s'applique aussi aux véhicules ayant procédé à une modification technique et qui n'ont pas été taxés lors de leur 1ère immatriculation en France. Pour déterminer la taxe applicable, les véhicules sont classés en trois catégories: 1. Véhicules relevant du nouveau dispositif d'immatriculation; 2. Véhicules réceptionnés UE et ne relevant pas du nouveau dispositif d'immatriculation; 3. Véhicules non réceptionnés UE et ne relevant pas du nouveau dispositif d'immatriculation. Certains véhicules peuvent bénéficier d'exonérations ou de réductions du malus écologique.

Ainsi, il est possible de régler l'utilisation des ressources de la planète en orientant la société vers l'utilisation des ressources et des produits énergétiques prioritaires et en créant des conditions plus favorables.

Les frais de douane ou les interdictions douanières sont également un bon moyen. Ainsi, le nouveau règlement sur le bois de l'Union européenne, adopté le

¹ L'article 55 de la loi de finances pour 2021, les articles L421-62 à L421-64 et les articles L421-71 à L421-81 du code des impositions sur les biens et services.

20 octobre 2010, interdit l'importation de tout bois illégal¹. Cela est dû à la déforestation massive, qui est également un problème environnemental majeur. Souvent, l'abattage a lieu dans des pays assez pauvres pour un sou. Le produit final est souvent un produit de luxe (par exemple, une table en bois rouge). La réglementation des droits de douane et du contrôle des importations illicites contribuera également à remédier à la répartition inégale des ressources, qui constitue également un obstacle au développement durable de l'humanité.

Ainsi, la tendance mondiale du développement est maintenant le concept de développement durable, qui tente de lutter contre les idées et les perceptions destructrices de l'ère de la consommation rugissante. Cependant, pour changer le vecteur de l'activité humaine, il faut du temps, ainsi qu'une réglementation complète et compétente. L'une des méthodes les plus efficaces peut être considérée comme la construction de la législation fiscale correcte, la politique fiscale et douanière en général. Cela aidera à stimuler la production utile et la consommation rationnelle, et, dans les circonstances appropriées, aidera à une répartition équitable des ressources.

Cependant, un nouveau problème se pose: comment protéger le développement durable contre la corruption et la radicalisation de certaines idées, qui sont également destructrices?

Загороднюк Ю. К.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Студент

Sur la question de la possibilité de breveter les gènes en France

Annotation. Dans cet article, l'auteur examine la possibilité de breveter des séquences génétiques du point de vue de la législation de l'Union européenne et de la France. Les problèmes et les conséquences juridiques de la légalisation de cette possibilité sont recensés. Le chercheur propose d'établir un régime de savoir-faire comme alternative au brevetage des gènes.

Mots clés: les séquences génétiques, brevet, savoir-faire

À l'heure actuelle, le nombre de recherches basées sur les réalisations du génie génétique, y compris le séquençage des gènes, augmente chaque année. C'est pourquoi presque tous les chercheurs et investisseurs tachent à profiter de cette activité

¹ Le bois illégal interdit dans l'Union européenne // actu-environnement. URL: <https://m.actu-environnement.com/amp/actualites/reglement-bois-illegal-europe-france-pas-prete-rapport-greenpeace-ports-france-17955.html> (дата обращения: 29.09.2023).

autant que possible. Le moyen classique pour préserver la monopolie et gagner d'argent dans ce cas est l'obtention d'un brevet. Mais est-ce possible de breveter une séquence génétique du point de vue de la loi française et bioéthique? Quels sont les autres instruments pour protéger les résultats d'une telle activité scientifique en France? Ce sont les questions sur lesquelles l'auteur essaiera à répondre ultérieurement.

Tout d'abord, il est nécessaire d'indiquer l'approche de l'Union Européenne à cette question. Selon l'article 5.1 de la Directive No. 98/44/CE du 6 juillet 1998 sur la protection des inventions biotechnologiques, «le corps humain, aux différents stades de sa constitution et de son développement, ainsi que la simple découverte d'un de ses éléments, y compris la séquence ou la séquence partielle d'un gène, ne peuvent constituer des inventions brevetables». Au premier abord, cet article prohibe l'obtention d'un brevet sur la séquence des gènes, parce que les gènes humains, y compris les gènes créés artificiellement, sont les parties du corps humain. Néanmoins, il faut s'adresser à l'article 5.2 de la Directive No. 98/44/CE: «Un élément isolé du corps humain ou autrement produit par un procédé technique, y compris la séquence ou la séquence partielle d'un gène, peut constituer une invention brevetable, même si la structure de cet élément est identique à celle d'un élément naturel». Sans aucun doute, cette partie d'article entre dans la contradiction avec l'interdiction et crée l'exception de la prohibition générale: l'isolement de l'élément du corps humain est une condition nécessaire à la brevetabilité. La majorité des pays européens ont refusé d'inclure dans leur législation cette exception telle que décrite dans la Directive, y compris la France. Le Code de la Propriété intellectuelle reproduit seulement l'article 5.1 de la Directive No. 98/44/CE dans l'article L611-18, alors que la partie 2 et 3 de cet article dit que «seule une invention constituant l'application technique d'une fonction d'un élément du corps humain peut être protégée par brevet. Cette protection ne couvre l'élément du corps humain que dans la mesure nécessaire à la réalisation et à l'exploitation de cet application particulière. Ne sont notamment pas brevetables: les séquences totales ou partielles d'un gène prises en tant que tels». Autrement dit, un seul moyen pour breveter une chaîne génétique en France est de la breveter comme une partie d'une invention constituant l'application technique.

Mais pourquoi le gouvernement français est si contre la brevetage des gènes? Les raisons sont nombreuses.

Premièrement, la possibilité d'obtenir un brevet sur la séquence génétique ouvre la porte aux propriétaires des gènes, sur lesquelles une invention est basée, revendiquer leurs droits sur ces gènes. Ce risque est déjà une réalité aux États-Unis, où les gènes sont brevetables: Mr. Fuchs, étant un porteur d'un gène de résistance au virus HIV, ont intenté le procès à l'encontre du laboratoire qui a découvert et

breveté ce gène et a l'utilisé pour inventer un test pour identifier les personnes atteintes du gène de résistance au VIH¹. Selon lui, il a contribué dans ce travail: il a offert son sang et il a attiré l'attention des chercheurs sur son immunité énigmatique, c'est pourquoi il doit être rémunéré et il obtient les mêmes droits sur cette invention comme les autres chercheurs. C'est évident que Mr. Fuchs n'a pas apporté de contribution intellectuelle à la création du test et n'a pas conclu contrat avec les chercheurs, il ne peut donc avoir aucun rapport avec le brevet. Néanmoins, sans la possibilité d'obtenir un brevet sur les gènes, cette situation n'aurait pas été.

Deuxièmement, l'opportunité de breveter les gènes entre dans la contradiction avec les principes de bioéthique. Selon l'article L611-17 du Code de la Propriété intellectuelle, «ne sont pas brevetables les inventions dont l'exploitation commerciale serait contraire à la dignité de la personne humaine, à l'ordre public ou aux bonnes mœurs». Ce principe est classique pour le droit des brevets. Selon l'article 16-1 et 16-3 du Code Civil, «chacun a droit au respect de son corps. Il ne peut être porté atteinte à l'intégrité du corps humain qu'en cas de nécessité médicale pour la personne ou à titre exceptionnel dans l'intérêt thérapeutique d'autrui. Le consentement de l'intéressé doit être recueilli préalablement hors le cas où son état rend nécessaire une intervention thérapeutique à laquelle il n'est pas à même de consentir». Mais la Directive No. 98/44/CE, ainsi que l'article L611-18 du Code de la Propriété intellectuelle français, ne contient pas la partie relative au consentement du donneur ou du receveur de produits biotechnologiques. Cet inconvénient était critiqué par les Pays-Bas devant La Cour de Justice des Communautés Européennes, mais ECJ a rejeté leur plainte. Cependant, il est évident que avec les articles dans la Directive et dans le Code de la Propriété intellectuelle français tel qu'ils sont maintenant, il y aura un risque accru de crimes contre la santé humaine (en particulier, le trafic non seulement d'organes humains, mais aussi des chaînes de gènes).

Finalement, l'obtention d'un brevet sur la séquence d'un gène comprend le monopole d'une entreprise particulière qui a découvert ou créé ce gène sur son utilisation. Dans une telle situation, il y a une confrontation entre les intérêts du titulaire du brevet et la société qui s'intéresse au développement continu du génie génétique pour traiter les maladies. Ce problème est visible dans une controverse entre l'Institut Curie et la société américaine Myriad Genetics concernant le brevet délivré par l'Office européen des brevets pour un test de dépistage de la prédisposition au cancer du sein (comprenant la séquence du gène BRCA1). L'obtention des brevets dans ce domaine a laissé Myriad Genetics occuper au maximum les marchés de

¹ Maurice Cassier. Brevets et éthique: les controverses sur la brevetabilité des gènes humains // Revue française des affaires sociales. 2002. № 3. P. 253.

niche du diagnostic génétique. L'Institut Curie a insisté sur le fait que le test de Myriad Genetics a raté 10 à 20 % des mutations et a coûté Fr18000 (1 800\$; 2 500\$), contre Fr4900 pour un test développé en France¹, mais avec les brevets ils ne peuvent pas fabriquer leur tests sans contrat de licence. En dépit de l'existence de la licence obligatoire en France, qui peut aider en cas de refus de conclure un contrat de licence, de tels brevets constituent toujours un défi pour le développement de la société.

Alors, tous ces exemples montrent les inconvénients de la possibilité de l'obtention un brevet sur les gènes. Cependant, la désire des inventors de protéger les resultats de leurs recherches est tout à fait comprehensible. Quoi faire dans cette situation? Comment protéger une chaîne génétique créée en l'absence de possibilité de la breveter?

La reponse la plus simple sur cette question est mise en place d'un régime du secret des affaires en cours de la recherche scientifique. Selon l'article L151-1 du Code de Commerce, «est protégée au titre du secret des affaires toute information répondant aux critères suivants: 1. Elle n'est pas, en elle-même ou dans la configuration et l'assemblage exacts de ses éléments, généralement connue ou aisément accessible pour les personnes familières de ce type d'informations en raison de leur secteur d'activité; 2. Elle revêt une valeur commerciale, effective ou potentielle, du fait de son caractère secret; 3. Elle fait l'objet de la part de son détenteur légitime de mesures de protection raisonnables, compte tenu des circonstances, pour en conserver le caractère secret».

L'information sur les gènes créés artificiellement mais qui n'ont pas encore l'application dans l'invention convient à tous ces critères. De plus, selon l'article L151-3 du Code de Commerce, «constituent des modes d'obtention licite d'un secret des affaires: 1. une découverte ou une création indépendante»

Une séquence génétique représente une découverte si elle existe dans la réalité objective ou une création indépendante si elle est créé artificiellement, c'est pourquoi elle peut être un objet du secret des affaires.

La protection des gènes comme un secret des affaires a beacoup de côtés positives:

- la protection se produit indépendamment de l'enregistrement et des décisions des autorités publiques, tandis que la brevetabilité prend beaucoup de temps;
- pas besoin d'ouvrir / publier des informations, au contraire, des mesures sont prises pour le garder secret, le brevetage révèle l'essence de l'invention, et des tiers peuvent utiliser ces informations sans consentement;

¹ Alexandre Dorozynski. France challenges patent for genetic screening of breast cancer. The BMJ. 2001. P. 323.

- durée illimitée de la protection, coûts éventuellement moindres pour obtenir une protection;
- il n'y a aucun risque que le titulaire du droit soit contraint de délivrer une licence obligatoire¹.

En guise de conclusion, il faut mentionner que l'instauration de la possibilité de breveter des gènes pose à l'humanité de nombreuses questions qui n'ont pas encore été résolues. Dans une telle situation, il semble beaucoup plus logique de chercher d'autres moyens de tirer un avantage supplémentaire de l'utilisation et de la protection de l'invention. L'une de ces méthodes est mise en place d'un régime de savoir-faire. Comprendre les raisons de l'impossibilité de breveter des gènes, ainsi que les solutions proposées, aidera à maintenir un équilibre entre les intérêts des inventeurs, la bioéthique et les besoins de la société.

Закирова С. Р.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Aspects juridiques et sociaux du don d'organes en France

Annotation. En raison du développement rapide des technologies médicales et de la pénurie aiguë d'organes donateurs, il est devenu nécessaire de réglementer par la loi non seulement le processus de transplantation d'organes, mais aussi le côté moral et éthique de cette question. L'article examine la réglementation législative de la transplantation d'organes et de tissus en France, ainsi que l'attitude de la population à l'égard du don d'organes et de tissus.

Mot clés: bioéthique; coordination des prélèvements d'organes; don d'organes; greffes d'organes; présomption de consentement.

La France a apporté une contribution pionnière à la transplantation d'organes. Elle est actuellement l'un des premiers pays pour le nombre de greffes réalisées, après des champions comme les États-Unis et l'Espagne. La base éthico-juridique de la greffe d'organes se développe dans la législation européenne depuis 1970. Le développement accéléré de la technologie médicale dans ce domaine a conduit à de nombreuses modifications des lois adoptées à l'époque dans les années qui ont suivi, également liées à la réglementation morale et éthique de la question. En Ré-

¹ Л. А. Новоселова, М. А. Кольздорф. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 41. С. 295.

publique française, depuis 1976, il existe une présomption, inscrite dans la loi Cailavet¹, selon laquelle tous les citoyens français ont la possibilité de faire don de leurs organes après leur mort, à moins qu'ils n'aient expressément exprimé leur opposition de son vivant. D'autres principes fondamentaux du don d'organes qui se refléteront ultérieurement dans les lois sur la bioéthique ont été énoncés dans cette loi. En 1983, la France a créé le Comité consultatif national d'éthique pour les sciences de la vie et de la santé (CCNE) en devenant le premier pays à le faire. Les lois de bioéthique, révisées en 2004, ont défini les règles et a formulé trois grands principes concernant le don et la transplantation d'organes: le consentement présumé (tout citoyen français est un donneur potentiel d'organes et de tissus, sauf s'il a déclaré son refus de donner de son vivant (en informant oralement les proches, en exprimant son refus par écrit, daté et signé ou en s'inscrivant dans le registre national des refus sur le site registrenationaldesrefus.fr)), la gratuité (le don d'organes est considéré par la loi comme un acte de générosité et de solidarité qui n'implique aucune rémunération en contrepartie) et l'anonymat du donneur et du receveur (la loi ne permet pas de communiquer le nom du donneur au receveur et vice versa; à la demande du donneur, la famille peut être informée des organes prélevés en vue d'une transplantation et des résultats de la procédure). Dans le cadre de la révision des lois de bioéthique en France, agence de la biomédecine (ABM) a été créée avec pour mission, entre autres, de tenir à jour une liste de patients ayant besoin d'une greffe d'organe et une liste de réfractaires à la greffe qui s'opposent au don de parties du corps après la mort. Son rôle est également d'informer le public sur le don et la transplantation d'organes. Cela se traduit par des webinaires, des conférences, des événements publics en faveur de la transplantation d'organes et de tissus, et même des projections de films sur des sujets pertinents.

Le 26 janvier 2016, la France a adopté une loi de santé² renforçant le principe du consentement. Selon cette loi, à partir du 1er janvier 2017, les citoyens français âgés d'au moins 18 ans au moment de leur décès deviennent automatiquement des donneurs potentiels. Auparavant, la législation française sur le don d'organes obligeait les médecins à demander à la famille du défunt si celui-ci avait l'intention de devenir un donneur. Le code de la santé publique (CSP) consacre désormais le droit des médecins à prélever des organes sans le consentement des proches ou des conjoints. En outre, la loi prévoit le refus de la transplantation de certains organes ou tissus. Dans ce cas, le donneur doit inscrire les organes et tissus dont il ne souhaite

¹ Loi n°76-1181 du 22 décembre 1976 relative aux prélèvements d'organes. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/texte_jo/JORFTEXT000044472224.

² Loi No. 2016-41 du 26 janvier 2016 de modernisation de notre système de santé (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000031912641>.

pas être prélevé sur le registre national des refus. Ainsi, avant d'envisager la possibilité de prélever les organes et tissus d'une personne décédée, l'algorithme d'actions de l'équipe médicale se présentera comme suit: la première étape consiste à vérifier si le donneur potentiel est inscrit sur le registre national des refus. L'inscription au registre établit une interdiction de prélèvement d'organes sur une telle personne. S'il est établi à la deuxième étape que la personne n'a pas enregistré son refus, les proches de la personne décédée devront notifier aux professionnels de la santé que la personne n'a pas exprimé son opposition par écrit ou verbalement de son vivant. En fonction de cela, au cours de la troisième étape, le prélèvement d'organes sera effectué ou non.

En ce qui concerne l'aspect social, il convient de noter qu'à partir de 2019, les attitudes à l'égard du don et de l'intégrité du corps pour le prélèvement d'organes changeront considérablement. Selon les statistiques formés sur la base d'un sondage téléphonique et des enquêtes sur différents groupes d'âge par institut d'études indépendant ViaVoice¹ prêts à faire un don (75 %), don pour ses proches (62 %), contre (17 %), ne savent pas (8 %). Ces indicateurs sont tout à fait optimistes par rapport aux indicateurs des années précédentes, parmi la population, il y a une normalisation du don d'organes, une couche beaucoup plus grande de la population est positive à l'idée de don d'organes et la greffe. L'inscription au registre des refus via Internet permet d'exprimer plus facilement sa position sur le prélèvement d'organes et la transplantation de tissus. L'approche informatique a également permis d'augmenter le nombre de personnes se familiarisant avec la législation en matière de dons. Néanmoins, cette «nationalisation» des corps peut susciter une certaine méfiance de la part de la population, puisque les proches du défunt n'auront pas la possibilité de disposer eux-mêmes des organes et des tissus. D'autres questions éthiques se posent: est-il correct, d'un point de vue moral, que les médecins contactent les proches du défunt immédiatement après la constatation du décès, en d'autres termes, au moment le moins opportun pour résoudre les problèmes de transplantation? Dans quelle mesure est-il légal au niveau législatif de faire de tous les citoyens des donateurs possibles? De telles actions de la part de l'État sont causées par la nécessité de prendre des mesures rapides pour lutter contre le nombre croissant de personnes qui ont besoin d'une greffe d'organes, parce que malgré le grand potentiel de dons d'organes, le fossé entre les receveurs en attente et les patients transplantés ne cesse de se creuser. D'autre part, le fait que les parents et les conjoints n'aient pas le droit de décider de ne pas accepter le don d'organes et de

¹ Don d'organes : d'un sondage à l'autre, d'une enquête à l'autre // URL: https://blog.france-adot.org/don-dorganes-dun-sondage-a-lautre-dune-enquete-a-lautre_20220413/.

tissus à la place de la personne décédée peut les mettre dans une situation extrêmement désagréable si la personne décédée n'a pas expressément exprimé son désaccord. Bien que l'État se réserve le droit aux citoyens de décider eux-mêmes de la position qu'ils ont en ce qui concerne la transplantation d'organes et de tissus, il est indéniable que plusieurs questions urgentes restent non résolues.

Князева А. С.

Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева

Студент

Les technologies numériques en droit du travail français: questions d'actualité de la jurisprudence

Annotation. L'article traite de certains aspects de l'utilisation des technologies électroniques par l'employeur dans la pratique française, justifie la pertinence de leur application sur la base du droit du travail français et de la pratique de son application judiciaire.

Mots-clés: technologies numériques, la forme de l'avis de licenciement, divulgation d'informations par e-mail, droit français, droit du travail.

Les technologies numériques prennent de plus en plus d'importance et font partie intégrante des différentes catégories de relations de travail. Ces tendances sont fréquentes dans les pays européens et en particulier en France, où le droit du travail est au cœur du système juridique.

Conformément aux articles L1232-2 et L1232-6 du Code du travail français¹, le licenciement dépend de la convocation du salarié à un entretien préalable avec l'employeur. En outre, le licenciement dépend de la notification écrite des motifs du licenciement. Les tribunaux reconnaissent généralement la possibilité de notifier un employé par mail. Le licenciement illicite ne découle pas du format de notification, mais des raisons du licenciement.

Lorsqu'un employé conteste le licenciement, les tribunaux notent que la notification par mail doit démontrer clairement et sans équivoque l'intention de l'employeur de résilier le contrat de travail «sans cause réelle et sérieuse»². En l'espèce,

¹ Code du travail // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LE-GITEXT000006072050/2023-02-13.

² Décision de la Cour d'appel de Nîmes, Chambre sociale, 8 Mars 2016. No. 14/02168.

la charge de la preuve incombe à l'employé. En outre, le courriel doit refléter l'information certaine d'une rupture du contrat de travail décidé par l'employeur à l'encontre du salarié¹.

Les tribunaux indiquent que le licenciement lui-même, délivré par mail, mais pas dans le cadre de la procédure de licenciement prévue par la loi et en l'absence d'explication des raisons, n'a pas de «cause réelle et sérieuse». Cette violation du contrat de travail donne droit à l'employé à des dommages-intérêts en raison du licenciement sans «cause réelle et sérieuse». Le licenciement ne peut pas être régularisé par l'engagement ultérieure de la procédure de licenciement².

De nombreux tribunaux partent du principe que le non-respect de la formalité de lettre recommandée avec avis de réception n'invalide pas le licenciement³. Par conséquent, la notification par mail des motifs du licenciement peut être considérée comme légale si la procédure d'entretien préalable avec le salarié est suivie au sens de l'article L232-2 du Code du travail français.

Une question importante dans la pratique judiciaire est la preuve du temps réel passé par un employé au moyen de la technologie numérique. Conformément à l'article L3171-4 du Code du travail, en cas de litige relatif à l'existence ou au nombre d'heures de travail accomplies, l'employeur fournit au juge les éléments de nature à justifier les horaires effectivement réalisés par le salarié.

Dans une affaire, le système de géolocalisation, reconnu par le tribunal comme faisant en réalité partie intégrante des tachygraphes intelligents utilisés par les véhicules de l'entreprise employeur, a été contesté⁴. Ces tachygraphes ont été introduits par le Règlement UE No. 165/2014 du Parlement Européen et du Conseil du 4 février 2014 relatif aux tachygraphes dans les transports⁵. Suivant les dispositions

¹ Décision de la Cour d'appel d' Aix-en-Provence, 9e chambre A, 16 Novembre 2018. No. 16/07978.

² Décision de la Cour d'appel de Versailles, 11e chambre, 29 Octobre 2015. No. 14/00739.

³ Décision de la Cour d'appel, Bordeaux, Chambre sociale, section A, 20 Novembre 2019. No. 17/01881.

⁴ Décision de la Cour d'appel de Bordeaux, 6 octobre 2022. No. 20/03199.

⁵ Règlement (UE) No. 165/2014 du Parlement Européen Et Du Conseil du 4 février 2014 relatif aux tachygraphes dans les transports routiers, abrogeant le règlement (CEE) No. 3821/85 du Conseil concernant l'appareil de contrôle dans le domaine des transports par route et modifiant le règlement (CE) No. 561/2006 du Parlement européen et du Conseil relatif à l'harmonisation de certaines dispositions de la législation sociale dans le domaine des transports par route // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0165&from=DE>.

de l'article 4 de la délibération No. 2014-235 du 27 mai 2014¹, l'employeur doit conserver les feuilles d'enregistrement et les données imprimées pendant au moins un an après leur utilisation et peut les archiver pendant la durée de prescription légale pour pouvoir faire face à d'éventuelles contestations sur le nombre d'heures effectuées par le salarié. La Cour d'appel de Bordeaux a estimé que les arguments de l'employeur, fondés sur le témoignage des tachygraphes et des données comptables, étaient fondés. L'employé s'est vu refuser le recouvrement des salaires et la réintégration à la poste.

En plus des catégories d'affaires ci-dessus, dans la pratique judiciaire, les affaires liées au transfert d'informations officielles (d'entreprise) par mail personnel ou d'entreprise sont d'une grande importance. La Cour d'appel de Paris dans la décision n°21/05011² a établi, que la divulgation par l'employé d'informations par mail personnel est légitime pour plusieurs raisons: 1) le salarié a transféré vers son adresse personnelle une soixantaine de mails professionnels dont il avait eu connaissance dans le cadre de son activité professionnelle, ces mails étant destinés à être produits dans le cadre de la procédure auprès du conseil de Prud'hommes pour faire reconnaître le bien-fondé de sa prise d'acte; 2) les documents redirigés attestent d'abus de l'employeur; 3) le tribunal n'a pas établi que les documents litigieux avaient été divulgués publiquement, ni que des employés de la société ou des tiers avaient porté plainte pour violation de leurs droits en raison de la divulgation présumée par mail; 4) l'employeur n'a pas fourni de preuve de l'existence d'un «dommage imminent» ou d'un «trouble manifestement illicite».

Ainsi, les tribunaux français tiennent compte de l'ensemble des circonstances en cas de différend entre l'employé et l'employeur, en accordant une attention particulière aux moyens numériques.

Милованова Л. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

La lutte contre la cybercriminalité en France

Annotation. La cybercriminalité est un problème grave en France et dans l'ensemble de l'Union européenne (UE) et, chaque année, il devient de plus en plus nécessaire de s'y attaquer. Conformément aux dernières initiatives législatives, seront présentées les

¹ Délibération No. 2014-235 du 27 mai 2014 portant dispense de déclaration pour les traitements de données à caractère personnel issues des tachygraphes installés dans les véhicules de transport routier (DI-019) // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/cnil/id/CNILTEXT000029124832/>.

² Décision de la Cour d'appel de Paris, 9 juin 2022. n°21/05011.

principales mesures visant à lutter contre ce type de criminalité et à renforcer la cybersécurité.

Mots-clés: cybercriminalité, certification, cyber-résilience, cybersécurité.

Introduction

La cybercriminalité, représentant une gamme étendue d'activités illégales effectuées en ligne, est un défi croissant tant pour les individus que pour les institutions. La France, en tant que membre de l'UE, est activement engagée dans la lutte contre la cybercriminalité en adhérant aux réglementations et initiatives européennes, tout en formulant des lois nationales pour garantir une sécurité numérique renforcée.

I partie: Initiatives législatives de l'UE

En 2020, la cybercriminalité mondiale a coûté environ 5,5 billions d'euros, et d'ici 2025, elle devrait coûter 10,5 billions de dollars. Pour faire face à l'augmentation des coûts de la cybersécurité et remédier aux vulnérabilités, il est nécessaire de mettre en place une réglementation juridique cohérente dans ce domaine. En outre, la cybercriminalité dépasse les frontières nationales, ce qui nécessite une action coordonnée à l'échelle européenne. L'Union Européenne (UE) a pris des mesures proactives pour établir un cadre réglementaire solide visant à combattre la cybercriminalité et à renforcer la cybersécurité parmi ses États membres.

La loi européenne sur la cybersécurité (Le Cybersecurity Act), entrée en vigueur le 27 juin 2019, est un acte fondamental visant à renforcer la sécurité des technologies de l'information et de la communication (TIC) dans l'UE. Il convient de noter qu'il a été préparé en collaboration avec des agences nationales de cybersécurité telles que l'ANSSI (Agence nationale de la sécurité des systèmes d'information) en France. Elle vise à établir un système de certification de la cybersécurité pour les produits, les services et les processus liés aux TIC en donnant plus d'autorité et de ressources à l'Agence européenne de cybersécurité, anciennement connue sous le nom d'ENISA. Le système est conçu pour harmoniser les critères d'évaluation et les exigences en matière de cybersécurité sur les marchés nationaux et dans les différents secteurs de l'UE. La certification est obligatoire pour les États, mais reste volontaire pour les entreprises et autres organisations. Ces derniers bénéficient de l'avantage de ne certifier qu'une seule fois leurs produits, processus et services TIC et d'utiliser les Certificats obtenus dans l'ensemble de l'Union européenne.

Une autre loi dans ce domaine est la loi sur la cyber-résilience (CRA). Elle vise à établir des normes de cybersécurité uniformes pour les produits et les logiciels qui comprennent des éléments numériques. Cette nouvelle réglementation européenne viserait l'ensemble des produits comportant des éléments numériques, qu'il s'agisse de dispositifs matériels (smartphones, jouets, ordinateurs, etc.) ou de logi-

ciels (antivirus, systèmes d'exploitation, etc.). Elle ne concernerait toutefois pas certains produits connectés qui sont déjà encadrés par des législations spécifiques, comme c'est le cas des appareils utilisés dans les secteurs de l'aéronautique ou de la médecine. CRA vise à protéger les consommateurs et les entreprises contre les cyberincidents en exigeant des entités qu'elles informent l'ENISA et les utilisateurs ultérieurs dans les 24 heures en cas de découverte de vulnérabilités ou d'incidents de cybersécurité.

La directive sur la Sécurité des Réseaux et des Systèmes d'Information (NIS 2), qui est une mise à jour de la directive NIS de 2016 et qui vise à améliorer la clarté et la mise en œuvre des réglementations en matière de cybersécurité dans l'UE, est considérée comme importante. Elle introduit de nouvelles règles pour avancer vers un niveau élevé commun de cybersécurité, tant pour les entreprises que pour les pays. En particulier, cette directive renforce les exigences de cybersécurité pour les entités moyennes et grandes qui opèrent et fournissent des services dans des secteurs-clés tels que l'énergie, les transports, la banque, la santé, l'infrastructure numérique, et l'administration publique. La directive NIS 2 couvre désormais plus de secteurs et d'activités qu'auparavant, rationalise les obligations de reporting et aborde la sécurité de la chaîne d'approvisionnement. Suite à l'approbation par le Parlement et les pays de l'UE lors du Conseil en novembre 2022, les États membres ont eu 21 mois pour la mettre en œuvre.

Il convient de comprendre que les actes cités constituent une liste non-exhaustive de la législation contre la cybercriminalité. Cependant, ils jouent un rôle clé dans ce domaine pour établir des normes uniformes en matière de cybersécurité et promouvoir une solution coordonnée à ce problème.

II partie: Législation française et Certification Cyberscore

À l'instar de la loi sur la cybersécurité adoptée dans l'Union européenne, le législateur français a adopté des modifications de la législation nationale. La loi n°2022-309 du 3 mars 2022 introduit dans le code de la consommation un nouvel article L.111-7-3¹. Cet article impose désormais à certaines plateformes en ligne de faire réaliser un audit de cybersécurité et de faire apparaître le résultat «de façon lisible, claire et compréhensible» sur leurs plateformes, sous forme de Cyberscore.

Ce Cyberscore est inspiré du célèbre Nutriscore qui informe les consommateurs sur la valeur nutritionnelle des produits alimentaires. En l'espèce, il s'agira d'auditer et de noter la plateforme, et d'informer les utilisateurs de ce score notamment sur:

- le niveau de protection des données personnelles (conformité en matière d'hébergement et de traitement des données, revente ou partage des données à des tiers),

¹ Version en vigueur depuis le 1 octobre 2023 // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000045295074.

— le niveau d'externalisation (plus l'hébergement sera réalisé dans l'UE, et plus les sous-traitants seront de nationalité UE, meilleure sera le score),

— le niveau de sécurité (sécurité de la connexion utilisateur, gestion de l'identification/authentification, sécurisation de la messagerie, dispositif de traitement des incidents de sécurité, sensibilisation aux risques cyber et lutte anti fraude, etc.).

Les résultats de l'audit devront également être présentés aux consommateurs sous la forme d'un dispositif visuel en couleurs, mais contrairement au Nutriscore, la nouvelle certification de cybersécurité est obligatoire pour certains acteurs. Cette obligation s'impose précisément à deux catégories d'opérateurs:

1. Les opérateurs de plateformes en ligne: selon l'article L.111-7 du Code de la consommation¹, est visée toute personne physique ou morale proposant, à titre professionnel, un service de communication au public en ligne reposant sur un référencement au moyen d'algorithmes informatiques (moteurs de recherche, réseaux sociaux, etc.);

2. Les fournisseurs de service de communication au public en ligne, soumis au respect du secret des correspondances. Cela concerne les services de visioconférence (de type Zoom) et les messageries (de type Messenger ou WhatsApp).

Pour chacune de ces deux catégories d'opérateurs, la fourniture d'un audit de cybersécurité s'imposera lorsque l'activité exercée dépasse un ou plusieurs seuils définis par décret qui listera les plateformes concernées en fonction de l'importance de leur activité.

En pratique, il s'agit d'auditer une entreprise pour identifier le processus et le niveau de sécurité encadrant son activité, puis de lui assigner une note relative à la conformité de son activité aux règlements européens et nationaux.

Les parlementaires ont prévu que cet audit soit effectué par des prestataires qualifiés par l'Agence nationale de la sécurité des systèmes d'information (ANSSI) et ces engagements s'appliquent à compter du 1er octobre 2023.

En cas de manquement aux obligations visées au nouvel article L.111-7-3, l'opérateur s'expose aux sanctions prévues par l'article L.131-4 du code de la consommation², à savoir une amende administrative dont le montant est plafonné à 75 000 € pour une personne physique et 375 000 € pour une personne morale.

Cette loi permettra non seulement d'améliorer le niveau de sécurité des plateformes numériques, mais également de rassurer les utilisateurs quant à l'utilisation encadrée qui est faite de leurs données. Il est donc particulièrement essentiel que le droit intervienne et continue à codifier les pratiques numériques des plateformes.

¹ Partie législative nouvelle (Articles liminaire à L.823-2) // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033219601/.

² Article L131-4 — Code de la consommation // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000039248234/.

Conclusion

Bien que la cybercriminalité soit un problème croissant, sa réglementation juridique n'est pas figée. La coopération entre les États membres de l'UE et l'adoption d'une législation nationale est des éléments clé pour lutter efficacement contre ce problème. Ces efforts conjoints permettent de mettre en place un cadre juridique solide et des mécanismes de réaction rapide aux cybermenaces. En définissant des normes communes, l'UE contribue de manière significative à la lutte contre la cybercriminalité en France et fournit une plateforme pour une action coordonnée contre les menaces transfrontalières.

Мирхазова А. Р.

Всероссийская академия внешней торговли (ВABT)

Студент

Les droits de l'homme confrontés à la crise du covid-19: évaluation des normes juridiques en termes de la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et libertés fondamentales

Annotation. La pandémie de coronavirus a posé une question difficile: «La protection de la santé, est-elle le devoir ou le droit?» Selon des données de l'Organisation Mondiale de la Santé, la menace d'urgence mondiale a pris place en janvier 2020 et a duré jusqu'en mai 2023. Au fil de ces années, les gouvernements des pays différents ont fait face à la tâche de freiner la formation de nouveaux foyers de contagion et le déploiement de l'épidémie. C'était un confinement qui est devenu le moyen le plus fréquemment utilisé comme une réponse à la pandémie. Le terme, auparavant peu connu du grand public, signifie un auto-isolement de la population ou des personnes concrètes, en cas de suspicion de maladies, pour empêcher sa propagation. Le but de cet article est d'examiner les mesures prises en France pendant la pandémie et d'analyser leur concordance au droit international des droits de l'homme. Le travail aborde les problèmes de compatibilité des restrictions avec certains clauses de la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et libertés fondamentales.

Mots-clés: droits de l'homme, pandémie du COVID-19, État d'urgence, restrictions des droits, Cour européenne des droits de l'homme (CEDH)

Perspective sur la lutte contre des épidémies. Au fil de l'histoire humaine des gens contractaient des maladies différentes. Des villes trop peuplées étaient des foyers de maladies transportées par commerçants, pèlerins et fonctionnaires. Plus qu'un quart¹ de la population eurasiatique est mort à cause d'«une peste noire» apparue en Asie centrale dans les années 1330. Les gouvernements ont fait face à

¹ Wade, Nicholas. Europe's Plagues Came From China, Study Finds (англ.), The New York Times (31 octobre 2010). Date de référence : 27.09.2023.

la bactérie *Yersinia pestis* sans armes. A cause de l'absence des connaissances des bactéries et des virus les gens ne faisaient qu'accuser les démons. Ils ont essayé d'adoucir un mal en allumant des herbes parfumées, mais l'incération des morts infectés était la prévention la plus facile et effective.

Le XXème siècle est la période de développement technologique, médical et d'augmentation de la longévité. Néanmoins, ce siècle a été commencé par l'épidémie de grippe espagnole qui a tué presque 5 % de la population. En 1918, les soldats français ont commencé à mourir en masse. Le virus a diffusé rapidement. Selon les Centres pour le contrôle et la prévention des maladies¹ les gens réagissaient déjà le virus avec telles méthodes que l'auto-isolement, le confinement, la quarantaine, la propre hygiène personnelle et les autres restrictions. Les citoyens étaient conseillés d'éviter des foules.

Des mesures prises pour limiter la propagation de l'épidémie de COVID-19. Les recommandations de OMS² et la réaction française. De fin 2019 à début 2020 l'humanité a fait face au nouveau type de virus: SRAS-CoV-2. Le 31 décembre 2019³ le Bureau de l'OMS a pris la connaissance de cas de «pneumonie virale» à Wuhan (République populaire de Chine). Le 24 janvier 2020 la France informe l'OMS de trois cas d'infection par le nouveau coronavirus. Un mois et demi plus tard le nombre de gens infectés dépasse 100 000. Le 11 mars, s'inquiétée par «le niveau alarmant de la COVID-19 et d'inaction ainsi que par la gravité de la maladie», l'OMS la caractérise comme une pandémie. L'Organisation appelle activement les gouvernements à prendre les mesures nécessaires⁴ pour freiner la propagation du virus.

Le 12 mars 2020 le Président français Emmanuel Macron annonce la fermeture de tous les établissements d'enseignement. En quelques jours la fermeture des restaurants, cafés, cinémas, ainsi que l'interdiction des rassemblements de plus de 100 personnes est aussi annoncé. Le 16 mars le Président fait savoir d'instauration d'une «quarantaine dure»⁵, de renforcement des mesures de restriction des déplacements. Dans sa parole Emmanuel Macron constate que la France est en état de guerre. La guerre contre un «ennemi invisible, insaisissable, et qui progresse». Le Président souligne également le caractère exceptionnel de cette situation et admit le fait qu'elle ne doit pas conduire au déni des libertés fondamentales. Emmanuel

¹ The 1918 Flu Pandemic: Why It Matters 100 Years Later, Centers for Disease Control and Prevention (14 mai 2018). Date de référence: 27.09.2023.

² Abréviation: Organisation Mondiale de la Santé.

³ Organisation Mondiale de la Santé. URL: <https://www.who.int/fr>. Date de référence: 27.09.2023.

⁴ Les recommandations de l'ONS. URL: <https://www.who.int/emergencies>. Date de référence: 28.09.2023.

⁵ «Emmanuel Macron annonce l'interdiction des déplacements non-essentiels dès mardi midi». Marianne. 17 Mars 2020. Date de référence : 28.09.2023.

Macron alerte la vigilance des citoyens et demande de prendre sous leur garde la légitimité des mesures. En effet, on voit la croissance des contestations pendant la pandémie en France. Les manifestants se sont réunis pour dire leur refus du port des masques, la règle obligatoire qui a été mise en œuvre en juillet 2020¹, pour mettre en question la vaccination obligatoire et les sanctions contre les résistants. En outre, sur les réseaux sociaux les désaccords ont rappelé à la mobilisation nationale des forains, restaurateurs et autres métiers menacés par le COVID-19 et les restrictions sanitaires. Tous les manifestations anti-couvre-feu, anti-masque, antivaccins confirment les doutes des Français de respect des droits de l'homme.

Dans ce cas on croit qu'il faut vérifier si ces mesures prises correspondent à la loi européenne, plus précisément, à la Convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales.

Dispositions de la Convention européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales. Il n'y a que quelques droits de l'homme et libertés qui ne peuvent pas être soumis aux restrictions. La Cour européenne des droits de l'homme inclut le droit de ne pas être soumis à la torture ni à des peines ou des traitements inhumains ou dégradants², le droit de ne pas être tenu en esclavage ou en servitude³, le droit de ne pas être condamné pour une action ou une omission qui, au moment où elle a été commise, ne constituait pas une infraction d'après le droit national ou international (de même il n'est infligé aucune peine plus forte que celle qui était applicable au moment où l'infraction a été commise)⁴. L'exercice de tous les autres droits peut être restreinte. La Cour européenne reconnaît que la démocratie et le pluralisme sont fondés aux compromis qui exigent des concessions de la liberté de la part de gens pour que l'État puisse garantir la stabilité sociale. De plus, la Haute-Commissaire des Nations Unies aux droits de l'homme Michelle Bachelet admit que «les États sont en mesure de restreindre certains droits pour protéger la santé publique en vertu du droit international des droits de

¹ «Masque obligatoire dans les lieux clos depuis le 20 juillet». Le portail de la Direction générale des Entreprises. 22 juillet 2020. URL: <https://www.entreprises.gouv.fr/>. Date de référence : 29.09.2023.

² L'article 3 de La Convention européenne de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales (ci-après — la Convention).

³ L'article 4 paragraphe 1 de La Convention.

⁴ L'article 7 paragraphe 1 de La Convention.

l'homme et disposent de certains pouvoirs supplémentaires dans le cas où un danger public exceptionnel menaçant l'existence de la nation est invoqué¹. Elle s'appuie sur l'article 15 de la Convention qui permet aux États membres peuvent déroger aux règles en cas d'état d'urgence.

Il faut noter que chaque restriction doit passer un «test» de légalité. Cela veut dire qu'il doit correspondre au principe de proportionnalité qu'il s'agit d'un équilibre entre le but et les moyens utilisés. Il faut que la restriction poursuive un objectif légitime, contribue à la réalisation de cet objectif, soit nécessaire pour la société et proportionné. De plus, il part de l'article 15 de la Convention que la restriction doit être temporaire, puisqu'elle vise à normaliser la situation. Selon la même article la Cour européenne oblige les États membres du Conseil de l'Europe à faire prendre de tous les dérogations aux obligations de respecter les droits et libertés à cause de circonstances d'urgence.

Il est mis en évidence que les mesures prises en France ne peuvent pas être classifiées comme non-légitimes. Le «danger public», annoncé par le Gouvernement français et l'État, a constaté le régime d'urgence le 23 mars 2020². Cette loi permet de déclarer un état d'urgence sanitaire «en cas de catastrophe sanitaire mettant en péril, par sa nature et sa gravité, la santé de la population», ce qui poursuit la nécessité de la loi pour la société. Dans cette loi toutes les limitations ne touchent que les droits qui peuvent être soumis aux restrictions qui constituent des mesures nécessaires à la protection de la santé publique. Dans ce cas on parle du droit à la liberté, à la sûreté, au respect de la vie privée, à la liberté de réunion etc. Par exemple, on voit que le confinement (Art. L.3131-15) remplit à l'objectif légitime et sert aux besoins de la société. Le port des masques et la vaccination contribuent à la diminution de la propagation du virus³ et conforment au principe de proportionnalité. Les paragraphes de l'article L.3131-15 qui parlent de «restreindre ou interdire la circulation des personnes et des véhicules dans les lieux et aux heures fixés par décret», d'«interdire aux personnes de sortir de leur domicile, sous réserve des déplacements strictement indispensables aux besoins familiaux ou de santé» ne servent qu'à la normalisation de la vie de la société.

La loi d'urgence a autorisé le Premier ministre à limiter les droits et libertés par de nombreuses mesures pour «seules fins de garantir la santé publique». Mais ce

¹ COVID-19 : les mesures exceptionnelles ne doivent pas servir à couvrir les abus et les violations des droits de l'homme. Nations Unies, 27 avril 2020. URL: <https://www.ohchr.org>. Date de référence: 28.09.2023.

² Loi No. 2020-290 du 23 mars 2020 d'urgence pour faire face à l'épidémie de covid-19 (1), art. 2.

³ «Effectiveness of public health measures in reducing the incidence of covid-19, SARS-CoV-2 transmission, and covid-19 mortality: systematic review and meta-analysis». BMJ 2021;375 DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj-2021-068302> (Published 18 November 2021).

qui est le plus important c'est un arrêt de toutes les mesures «lorsqu'elles ne sont plus nécessaires». Ce paragraphe remplit la dernière exigence du «test» de légalité.

On peut voir que les restrictions sanitaires correspondent au «test» de légalité mentionné ci-dessus.

Михалюк А. Н.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Студент

La préservation des droits fondamentaux à l'ère du numérique

Annotation. Les technologies ont le potentiel de générer des progrès et des innovations positifs, mais elles provoquent également d'importants bouleversements dans tous les aspects de la vie économique et sociale, tels que la vie privée, les relations de travail, la santé. Pour mettre technologies au service d'une nouvelle civilisation mondiale, il est crucial de les réguler, à la fois par les autorités publiques et les acteurs privés. Cette régulation doit s'accompagner d'une réforme juridique profonde visant à équilibrer les intérêts en jeu tout en préservant les droits et les libertés fondamentaux qui sous-tendent la France. Les mots-clés: révolution numérique, l'ère du numérique, réglementation, droits fondamentaux, préservation.

La révolution numérique a un impact contradictoire sur les droits fondamentaux, en particulier la liberté d'expression, la liberté de communication et l'accès à l'information. Contrairement aux médias traditionnels, Internet permet à quiconque de publier du contenu sans contrôle préalable, favorisant ainsi une «conversation mondiale sans fin»¹. Cela renforce la liberté d'expression et la liberté de recevoir des informations, des droits fondamentaux protégés par la Déclaration française des droits de l'homme et du citoyen. La liberté d'expression est considérée comme essentielle dans une société démocratique et garantit l'exercice d'autres libertés fondamentales.

La révolution numérique stimule positivement l'exercice des droits et libertés, y compris la liberté d'entreprendre protégée par le Conseil constitutionnel (article 4 de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen). Internet perturbe les réglementations obsolètes, favorisant l'émergence de nouveaux acteurs économiques. Les plateformes numériques créent un nouvel écosystème en mettant en relation

¹ «The Internet may fairly be regarded as a never-ending worldwide conversation», cité par B. Stirn dans *Les libertés en question*, Montchrestien, 2010, 7ème édition. P. 119.

directe demandeurs et producteurs, souvent des individus non professionnels, renforçant la confiance et réduisant les coûts grâce à la technologie. Cela encourage l'innovation économique¹.

De plus, l'essor du financement participatif, tel que le «crowdfunding», facilite le soutien financier de projets en mettant en relation des particuliers désireux de contribuer avec des entrepreneurs en quête de financement. Par ailleurs, le développement des réseaux numériques, malgré son impact potentiel sur le lien social, renforce la transparence dans la sphère administrative et politique. Il favorise également la participation du public à l'élaboration des politiques qui le concernent en encourageant de nouvelles formes d'engagement civique. Internet facilite la tenue de consultations citoyennes sur des questions politiques, la création de pétitions en ligne et de groupes de mobilisation autour d'intérêts ou d'idéaux communs². De plus, la politique d'open data, en rendant les données gouvernementales plus accessibles, contribue à accroître la transparence politique et à renforcer la confiance des citoyens dans l'État et la démocratie.

Le développement d'Internet amplifie les risques pour le droit au respect de la vie privée et familiale. Internet permet la diffusion facile d'informations, ce qui peut nuire à la réputation individuelle. De plus, la collecte, le stockage et le traitement de données facilitent la combinaison d'informations, ce qui était autrefois difficile. Ces données peuvent être incorrectes, collectées de manière injustifiée ou disproportionnée, et révéler des aspects personnels, pouvant être utilisés contre les individus dans leur vie professionnelle ou pour accéder à des services financiers ou d'assurance.

Les informations relatives aux origines raciales ou ethniques, aux opinions politiques, philosophiques ou religieuses, à l'appartenance syndicale, ainsi que les données liées à la santé ou à la vie sexuelle d'une personne sont particulièrement délicates à traiter³. Leur utilisation peut ouvrir la voie à une surveillance ou un contrôle généralisé des individus, ou encore servir des intérêts privés, professionnels, commerciaux, voire malveillants. Le traitement et la diffusion des données personnelles, qui jouent un rôle central dans l'économie numérique, représentent donc un risque significatif pour la préservation de la vie privée des personnes concernées

¹ CC, 6 octobre 2010, M. Mathieu P. [Noms de domaine internet], No. 2010-45 QPC, pt. 6 : le Conseil constitutionnel juge que l'encadrement des conditions dans lesquelles les noms de domaine sont attribués ou peuvent être renouvelés, refusés ou retirés est susceptible de porter atteinte à la liberté d'entreprendre. La fourniture de services via les réseaux numériques n'est ainsi soumise à aucune autorisation et peut s'exercer librement.

² Etude annuelle 2017 du Conseil d'État, Puissance publique et plateformes numériques : accompagner «l'ubérisation», La Documentation française, 2017. P. 91.

³ Loi No. 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés.

L'expansion des technologies numériques a des implications sur la préservation de l'ordre public et de la sécurité de diverses manières. Pour commencer, ces technologies augmentent le risque de propagation de contenus illégaux, tels que ceux qui encouragent la haine raciale, la discrimination, la violence ou la criminalité. En outre, l'exercice de la liberté d'expression en ligne peut également exposer certaines catégories vulnérables, notamment les jeunes enfants et les adolescents, à des contenus sensibles qui peuvent avoir des répercussions négatives sur leur santé, leur sécurité ou leur développement personnel¹.

La cybercriminalité se développe également rapidement avec l'essor du numérique, transformant et renouvelant la délinquance traditionnelle à l'échelle mondiale. Les autorités françaises, par exemple, cherchent à réprimer la consultation habituelle de sites terroristes sur Internet en vue de lutter contre la radicalisation en ligne. Cependant, des préoccupations concernant la liberté de communication ont été soulevées, et le Conseil constitutionnel français a estimé que certaines dispositions de la loi n'étaient pas suffisamment précises.

En outre, le développement du numérique présente de nouveaux risques pour la sûreté et la sécurité, notamment en ce qui concerne la vulnérabilité des bases de données face aux attaques extérieures. Enfin, il convient de noter que l'expansion d'Internet, qui facilite l'expression d'opinions diverses, accroît également les risques de violation involontaire des obligations de réserve, de discrétion ou de secret qui incombent à certaines professions.

L'avènement du numérique remet en question l'équilibre établi par les dispositifs constitutionnels, législatifs et jurisprudentiels existants, car il amplifie l'exercice de certains droits fondamentaux tout en introduisant de nouveaux risques. Il est important de noter que le numérique n'a pas le même impact sur tous les droits fondamentaux: le droit à la vie privée et à la protection des données personnelles est particulièrement exposé, tandis que la liberté d'expression et la liberté d'entreprendre sont encouragées, bien qu'elles puissent parfois être exploitées pour diffuser des discours diffamatoires, fallacieux ou trompeurs. En résumé, Internet représente à la fois un défi et une opportunité pour les droits fondamentaux, reflétant ainsi la dualité des enseignements de la fable d'Ésope.

Il est essentiel de garantir un exercice effectif des libertés fondamentales dans le contexte numérique. Les États doivent assurer un accès équitable à Internet et aux technologies numériques pour tous, sans discrimination, afin de permettre la

¹ CEDH, gr. ch., 13 juillet 2012, *Affaire Mouvement Raëlien Suisse c. Suisse*, aff. No. 16354/06, pt. 72 : l'interdiction d'une campagne d'affichage du mouvement raëlien ne constitue pas une ingérence disproportionnée dans sa liberté d'expression compte tenu de «dérives sexuelles possibles à l'égard d'enfants mineurs».

liberté d'expression, le droit d'accéder à des contenus de choix (qui en est une composante), ainsi que la liberté d'entreprendre. La jurisprudence européenne et constitutionnelle protège le droit d'accès à l'information, empêchant par exemple d'imposer à un fournisseur d'accès Internet un système de filtrage généralisé pour lutter contre le téléchargement illégal.

Lorsque des données personnelles sont utilisées dans le cadre d'initiatives privées ou publiques, il est essentiel de maintenir un équilibre entre la protection de ces données et la poursuite de l'intérêt général, ainsi que le respect de la liberté d'entreprendre et de la liberté de commerce et d'industrie. Certaines données sensibles, telles que les informations médicales, peuvent revêtir une importance significative pour des domaines tels que la surveillance de la santé, la santé publique, la maîtrise des coûts de santé et l'innovation médicale. Elles présentent donc des enjeux économiques et sociaux importants.

L'essor des plateformes numériques à des fins commerciales ou économiques ne doit pas être condamné uniquement en raison des risques pour la vie privée qu'il pourrait entraîner.

Pour concilier ces intérêts, il est nécessaire de définir un cadre juridique stable et adapté aux particularités du numérique. La protection des données personnelles repose sur des principes tels que la collecte loyale et licite, la finalité déterminée et légitime, la pertinence des données collectées, leur exactitude, leur conservation pour une durée définie, et le consentement des personnes lorsque requis. Cependant, il peut y avoir des exceptions au consentement lorsque des objectifs légitimes le justifient¹. En ce qui concerne la liberté d'expression sur Internet, elle est basée sur le modèle de la presse, permettant une grande liberté, tout en autorisant des limitations justifiées et proportionnées.

Il est essentiel de reconnaître que la protection des libertés fondamentales ne peut être absolue et doit être équilibrée avec d'autres préoccupations telles que le respect de la vie privée, la liberté d'expression et le maintien de l'ordre public dans le contexte numérique. Par exemple, le Conseil d'État a récemment saisi la Cour de justice de l'Union européenne pour clarifier la portée de la jurisprudence Google Spain. Cette jurisprudence soulève des questions sur la possibilité d'interdire tout traitement de données sensibles par les moteurs de recherche, ce qui pourrait considérablement restreindre leur action légale, ou s'il faut plutôt encadrer strictement les obligations de référencement pour concilier ces dispositions avec la liberté d'expression.

De plus, la Cour de justice de l'Union européenne a émis des décisions contraignantes sur la conciliation entre la sauvegarde de l'ordre public et le respect des

¹ Article 6 de la loi No. 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés.

données personnelles, en faveur de ces dernières. Par exemple, elle a jugé que les États membres ne pouvaient pas imposer une obligation générale de conservation de données aux fournisseurs de services de communications électroniques, même pour des motifs de sauvegarde de l'ordre public¹.

Il est donc nécessaire de continuer à réfléchir à ces questions et à développer un cadre juridique régional souple et adaptable qui permette aux technologies numériques de soutenir les libertés tout en évitant de porter atteinte à l'ordre public ou aux droits d'autrui. Cela nécessite une action résolue à l'échelle européenne, car les enjeux sont continentaux, voire planétaires, et la régulation doit être gérée à cette échelle pour être efficace. L'Europe, en construisant progressivement cette régulation depuis plus de deux décennies, pourrait devenir un modèle pour le reste du monde en matière de protection des droits fondamentaux dans l'ère numérique.

Наседкин Н. А.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАБТ)

Студент

Les problèmes liés à la constitutionnalité de l'article 49, alinéa 3 de la constitution de la cinquième république française sur l'exemple de la réforme des retraites de 2023

Annotation. Ce travail scientifique est consacré à l'analyse de l'alinéa 3 de l'article 49 de la Constitution de la Cinquième République qui est considéré inconstitutionnel par les plusieurs juristes et qui vise à faire face à l'opinion du peuple français. L'auteur examinera en détail la constitutionnalité de cet article sur un des exemples les plus importants de son application pour statuer définitivement sur cette question.

Mots clés: France, constitution de la France, constitution de 1958, constitutionnalité, démocratie, Cinquième République française, article 49 alinéa 3

Dès son apparition, en faisant partie du titre V, l'article 49 est un des articles, qui jouent un rôle clef dans la régulation des relations entre les pouvoirs exécutif et législatif². L'article concerne les mécanismes de l'adoption des lois et de l'engagement de la responsabilité du Gouvernement par l'Assemblée Nationale ou par le Premier-Ministre. L'alinéa 3 de cet article porte sur l'instrument, qui permet le Premier-Ministre d'influencer l'adoption de la loi.

¹ CJUE gr.ch., 21 décembre 2016, Tele2 Sverige AB et Secretary of State for the Home Department c. Tom Watson, aff. C-203/15 et C-698/15.

² Constitution de la République française du 4 octobre 1958.

En conformité avec le texte originel de la Constitution de 1958 le Premier Ministre était autorisé d'engager la responsabilité du Gouvernement devant l'Assemblée Nationale sur le vote d'un texte. Le texte de l'article en question a été soumis aux amendements en 2008, ce qui a précisé les projets de loi qui peuvent être accompagnés de la motion de censure¹. Or, l'article 49 alinéa 3 ne peut être appliqué que vis-à-vis du vote sur le projet de loi de finances ou de financement de la sécurité sociale.

C'est le Premier-Ministre qui a le droit de l'initier, mais d'abord il est obligé d'assister à la délibération du Conseil des Ministres. Qu'elle qu'en soit le résultat de la délibération, il ne peut pas limiter les actions du Premier-Ministre. Ensuite le Premier-Ministre peut engager la responsabilité du Gouvernement sur le vote. Si l'Assemblée Nationale ne veut pas adopter la loi, elle est forcée de déposer une motion de censure. Sinon, le projet de loi est considéré adopté.

Une fois la responsabilité du Gouvernement engagée, ni les débats, ni les amendements, ni la navette entre deux chambres du Parlement ne peuvent plus avoir lieu. Un instrument absolu pour faire taire l'Assemblée Nationale.

La réforme des retraites de 2023 a été étudiée à titre d'exemple. Le 23 janvier le Gouvernement, en personne du Premier-Ministre Élisabeth Borne et du Ministre du travail, a déposé le projet de loi qui porte l'âge du départ à la retraite à 64 ans². Son dépôt a frappé la société et entraîné des manifestations nombreuses. Quand le Gouvernement s'est douté que son projet soit adopté par l'Assemblée Nationale, le 16 mars Élisabeth Borne a appliqué l'article 49, alinéa 3 de la Constitution pour faire passer le projet de loi. En revanche, les députés de l'Assemblée Nationale ont mis en question le dépôt de la motion de censure, et en résultat du vote 239 députés se sont prononcés pour le dépôt, ce qui était insuffisant pour renverser le Gouvernement³. Inévitablement, la loi a été adoptée, approuvée, promulguée, et enfin elle est entrée en vigueur le 1 septembre.

L'article en question est ambigu. D'un côté, le Gouvernement peut accélérer l'adoption de la loi, en faisant passer son projet sans vote. Mais d'un autre côté, en cas de la cohabitation entre le Gouvernement et l'Assemblée Nationale, le premier risque beaucoup d'être renversé, c'est pourquoi l'application de l'article ne garantit

¹ Loi constitutionnelle No. 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République.

² Loi No. 2023-270 du 14 avril 2023 de financement rectificative de la sécurité sociale pour 2023.

³ Analyse de la première séance du scrutin de l'Assemblée Nationale No. 1240 du 20.03.2023.

pas l'adoption de la loi. Exigeant la moitié des votes pour la motion de censure, l'article vise à assurer le principe de la démocratie, bien qu'elle prive les députés de leurs droits législatifs, notamment le droit d'amendement.

En outre, il faut aussi mentionner le rôle du Président de la République qui a le droit de dissoudre l'Assemblée Nationale et en menacer les députés, de la même façon que le 25-ème Président Emmanuel Macron l'a fait après l'application de l'article 49, alinéa 3 pendant l'adoption de la réforme des retraites.

En effet, l'exercice du droit fourni par l'article 49, alinéa 3 est très risquée pour son titulaire, ce qui doit le faire hésiter d'appliquer l'article, mais quand même cet instrument ne cesse pas d'être un moyen de faire taire son peuple. Le moyen antidémocratique doit être justifié par l'extrême nécessité, ce qui manque à l'alinéa en question. De plus, l'alinéa ne permet d'exercer ce droit que vis-à-vis des finances ou de la sécurité sociale, et le besoin d'un tel règle stricte dans ce domaine est douteux. Bien que la loi avec les changements indésirables pour le peuple français sera adoptée, le Gouvernement et le Président perdront la confiance de son peuple.

À cet égard, l'auteur considère l'article 49, alinéa 3 de la Constitution de la Cinquième République française inconstitutionnel, en prenant en considération la possibilité du Gouvernement de contraindre l'Assemblée Nationale à adopter la loi sous la menace de sa dissolution, nonobstant le principe fondamental de la séparation des pouvoirs, et en considérant l'absence de la moindre justification pour le droit de prendre des décisions en dépit de l'opinion du peuple français, ce qui contredit le principe «gouvernement du peuple, par le peuple et pour le peuple», proclamé par l'article 2 de la Constitution.

Хисамутдинова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Les droits des migrants en France: de la théorie à la pratique

Annotation. Les législations internationale et nationale française consacrent les droits fondamentaux des migrants, assurant le niveau de vie suffisant dans le pays nouveau. Pourtant, la liste des droits si vaste ne détermine pas clairement le limite d'exercice de ses droits et la limite des engagements d'État sur les migrants. Néanmoins, l'analyse de jurisprudence n'aide pas beaucoup à déterminer cette limite, car la justice est du côté des migrants.

Mots-clés: migrants, libertés fondamentaux, les personnes en situation de vulnérabilité, jurisprudence du Conseil d'État, Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme.

I. Introduction

Avec l'augmentation de mobilité dans le monde, de plus en plus de gens changent leur lieu de résidence, déménagent dans les autres pays, notamment dans les pays européens comme la France. De la part de l'individu moyen, le déménagement apparaît comme la chance de jouir de la vie sans souci dans la beauté française. Néanmoins, les difficultés juridiques peuvent se faire jour pour les migrants. Tout d'abord, ce n'est pas toujours claire qui est le migrant. La réponse sur cette question n'est pas si claire non plus, parce qu'il n'y a pas de définition juridique reconnue de «migrant». Pourtant, les Nations Unies le définit comme «toute personne qui a résidé dans un pays étranger pendant plus d'une année, quelles que soient les causes, volontaires ou involontaires, du mouvement, et quels que soient les moyens, réguliers ou irréguliers, utilisés pour migrer»¹. Dans le cadre de cet article le migrant est compris selon la définition des Nation Unies.

Même si les principes et les règles du droit international engagent les États de défendre des personnes sur leur territoire et dans leur juridiction², parfois les migrants en tout cas font face à une confusion juridique: quels sont les droits des migrants en situation irrégulière, quelle juridiction peuvent-ils saisir si ses droits et libertés fondamentaux ne sont pas respectés, etc.? De plus, les migrants se heurtent aux obstacles sociaux pour intégrer dans la société d'un nouveau pays à cause du manque des liens sociaux, la barrière de la langue, etc.

II. La base législative

Comme déjà dit, les droits des migrants et leur condition sont premièrement régi au niveau international. Parmi les actes les plus généraux comme la Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen de 1789³, Convention de sauvegarde des Droits de l'Homme et des Libertés fondamentales de 1950⁴ et les autres, cette réglementation inclut la Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille de 1990⁵, la Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants de 2016⁶, le Pacte mondial pour des migrations

¹ URL: <https://refugeesmigrants.un.org/fr/d%C3%A9finitions>.

² URL: <https://www.un.org/fr/chronicle/article/la-protection-des-droits>.

³ URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789>.

⁴ URL: <https://rm.coe.int/1680a2353e>.

⁵ Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille adoptée par l'Assemblée générale le 18 décembre 1990 // URL: <https://www.ohchr.org/fr/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers>.

⁶ Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants adoptée par l'Assemblée générale le 19 septembre 2016 (A/RES/71/1) // URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/our_work/ODG/GCM/NY_Declaration_FR.pdf.

sûres, ordonnées et régulières de 2018¹ (qui est remarquable pour être le premier accord intergouvernemental qui constitue le règlement complet de condition des migrants²). En outre, il existe plusieurs actes thématiques, élaborés par le Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme (HCDH), notamment, la publication sur les Droits économiques, sociaux et culturels des migrants en situation irrégulière³, sur les Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité⁴.

En analysant ces sources du droit international, nous pouvons distinguer les droits principaux des migrants. Tout d'abord, parmi les droits des migrants est l'égalité et l'inadmissibilité de discrimination pour exécuter les libertés fondamentales⁵. Après, les États s'engagent à éviter le traitement inhumain ou dégradant⁶. Un autre droit des migrants fondamental est l'accès aux soins de la santé⁷. Par ailleurs, l'accès

¹ Pacte mondial pour des migrations sûres, ordonnées et régulières adopté par l'Assemblée générale le 19 décembre 2018 (A/RES/73/195) // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/452/00/PDF/N1845200.pdf?OpenElement>.

² URL: <https://www.ohchr.org/fr/migration/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration-gcm>.

³ Droits économiques, sociaux et culturels des migrants en situation irrégulière, 2014 // URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/HR-PUB-14-1_fr.pdf.

⁴ Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2023-08/PrinciplesAndGuidelines-FR.pdf>.

⁵ Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants. Al. 13 ; Pacte mondial pour des migrations sûres, ordonnées et régulières. Al. 33 ; Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille. Art. 1 ; Droits économiques, sociaux et culturels des migrants en situation irrégulière. P. 25–39. ; Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité. P. 21, al. 1.

⁶ Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants. Al. 10 ; Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille. Art. 10 ; Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité. P. 34, al. 1. P. 38, al. 1.

⁷ Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants. Al. 39–40 ; Pacte mondial pour des migrations sûres, ordonnées et régulières. Al. 31, para. «e».; Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille. Art. 25, al. 1, para. «a».; Droits économiques, sociaux et culturels des migrants en situation irrégulière. P. 40–63 ; Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité. P. 51–53.

aux besoins essentiels et le droit à un niveau de vie suffisant sont garantis¹. Ce sont seulement quelques exemples des droits des migrants fondamentaux, assurés par les instruments internationaux.

Concernant le niveau national français, la source du droit principal régissant les droits des migrants est le Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile². Le Code, premièrement, autorise les étrangers, notamment, les migrants, d'acquérir la nationalité française suivant les règles de titre Ier bis du Code civil (l'art. L111-5). Le Code aussi consacre les conditions et les documents autorisant les étrangers de séjourner à long temps sur le territoire français selon le pays de citoyenneté et la raison de leur arrivée (l'art. L121-1; l'art. L311-1; l'art. L411-1). Ce qui est important, c'est la réglementation détaillée du contrôle de légalité de séjour des étrangers. Cette procédure garantit le respect des droits de l'homme et l'inadmission du traitement dégradant. En particulier, pris en local de police ou de gendarmerie, les étrangers sont en droit d'être assisté par un interprète, par un avocat, d'être examiné par un médecin, de prévenir à tout moment sa famille, etc. (l'art. L611-1-1). La condition des réfugiés, qui sont les migrants avec le statut spécial, est régit par le livre VII du Code.

III. De la théorie à la pratique

La législation oblige l'État de réserver assez beaucoup de droit aux migrants. Il semble que cela crée les conditions pour l'abus du droit et, en conséquence, peut faire face à non-volonté de particulières personnes d'office ou d'autorité de mettre en œuvre les droits des migrants demandés. Autrement dit, la question se pose s'il y a une limite stricte pour permettre les migrants à réclamer l'assurance de leurs droits.

La jurisprudence récente montre que les juridictions judiciaires sont plutôt du côté des migrants. L'exemple frappant est la décision du Conseil d'État de

¹ Déclaration de New York pour les réfugiés et les migrants. Al. 80 ; Pacte mondial pour des migrations sûres, ordonnées et régulières. Al. 31 ; Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille. Art. 43. Art. 45 ; Droits économiques, sociaux et culturels des migrants en situation irrégulière. P. 65–83 ; Principes et lignes directrices concernant la protection des droits humains des migrants en situation de vulnérabilité. P. 54–56.

² Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile. En vigueur depuis le 19 janvier 2005. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LE-GITEXT000006070158/LEGISCTA000006163263/2020-08-01?dateVersion=01%2F08%2F2020&nomCode=KQbirA%3D%3D&page=1&query=lib%C3%A9rt%C3%A9+fondamentale&searchField=ALL&tab_selection=code&typeRecherche=date&anchor=LE-GIARTI000038189355#LEGIARTI000038189355.

03.07.2023¹. Dans le différend résolu, les migrants d'origine soudanaise qui ont voulu rejoindre l'outre-Manche, habitaient dans un campement sur le territoire boisé près de la commune Ouistreham au Caen environ trois ans. Il faut dire que ce campement n'a pas trouvé la faveur, parce que déjà, le syndicat des ports de Normandie a fait une tentative désespérée de les expulser de ce territoire. Pourtant, les migrants ont saisi le juge de référés pour enjoindre l'autorité municipale d'installer les points d'eau, de douches et de sanitaires, la manque desquels constitue une atteinte grave et les interdit une liberté fondamentale, à leur avis. Le juge de référés a satisfait la demande dans cette partie. La commune et le Ministre de l'Intérieur et des outre-mer ont porté une plainte au Conseil d'État pour annuler l'ordonnance du juge de référés. Les requérants soutenaient qu'il n'y avait pas de violation d'une liberté fondamentale, que le campement n'a pas le caractère permanent, que l'accès à l'eau et sanitaires public organisés par la commune se trouvent à une distance accessible du campement et, de plus, il y a des difficultés techniques et matérielles.

Néanmoins, le Conseil d'État a rejeté les conclusions des requérants et laissé l'ordonnance du juge de référés en vigueur. Le Conseil a conclu que le campement est un lieu de vie permanent, mais pas juste le point de passage, que l'absence d'accès à l'eau et aux autres facilités sanitaires les avait mis dans une condition dénuée et épuisée. Le Conseil a constaté que les sanitaires publics situés à un kilomètre du campement ne sont pas suffisants. Alors, le Conseil a fait la conclusion que la situation décrite constitue «le traitement inhumain et dégradant, porte une atteinte grave et manifestement illégale à une liberté fondamentale».

IV. Conclusion

Pour conclure, les migrants ont assez un grande nombre de droits en France, qui est garanti par les législations internationale et nationale. La jurisprudence confirme que les droits manifestés sont réalisables et les migrants ont sous la forte garde de l'État français. Sans doute, d'un côté, ce fait est vraiment positif, comme le principe d'égalité et l'interdiction de discrimination est bien suivi. Pourtant, de l'autre côté, il semble important d'établir les limites pour ne pas créer les conditions pour un abus de droit du côté des migrants.

¹ Décision rendue par le Conseil d'État, 03.07.2023, 475136. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000047799244?dateDecision=01%2F07%2F2023+%3E+31%2F07%2F2023&dateVersement=&isAdvancedResult=&page=4&pageSize=10&pdSearchArbo=&pdSearchArbold=&query=police+du+maire&searchField=ALL&searchProximity=&searchType=ALL&sortByValue=DATE_DESC&tab_selection=cetat.

Шахджан А. М.

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
Студент

Législation de l'utilisation de l'énergie nucléaire en France aujourd'hui

Annotation. La France est un leader mondial dans le développement de l'énergie nucléaire. Le développement de ce type d'énergie nécessite non seulement des matériaux et des bases techniques, mais aussi juridiques. Cette base juridique est analysée dans cet article.

Mots clés: L'énergie nucléaire, le droit français contemporain, la législation sur l'énergie nucléaire, les centrales nucléaires, l'énergie de France (EDF).

Aujourd'hui, l'énergie nucléaire a atteint un haut niveau de développement. Il est non seulement utilisé à des fins militaires pour fabriquer des armes nucléaires, mais est également activement introduit comme source d'énergie respectueuse de l'environnement et alternative aux hydrocarbures. C'est pourquoi les pays développés construisent des centrales nucléaires, et la France est un producteur principal d'énergie nucléaire.

Selon Le Figaro, en 2022, l'énergie nucléaire représentait 62,7 % de l'énergie utilisée en France¹. Selon Le Figaro, ce chiffre est «le plus bas depuis trente ans»², et la «suppression progressive» des centrales nucléaires est associée à la pandémie de COVID-19 et à la récession économique qui s'ensuit. Donc la France devrait non seulement rétablir l'utilisation des centrales nucléaires, mais aussi accroître-la.

Dans ce but la «Loi No. 2023-491 du 22 juin 2023»³ (ci-après appelée la Loi de 2023) a été adopté. En fait, elle est complétée par la «Loi No. 2005-781 du 13 juillet 2005 de programme fixant les orientations de la politique énergétique» (ci-après appelée la Loi de 2005). En quoi est-elle différente de la loi précédente? Dans cet ouvrage, il faut répondre à ces questions.

Toutefois, la Loi de 2005 devrait être examinée avant de répondre à ces questions.

¹ Le Figaro En 2022, la production d'électricité en France a atteint son plus bas niveau depuis trente ans // URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/la-production-d-electricite-de-la-france-s-est-effondree-en-2022-20230216> (date d'accès : 09.09.2023).

² Ibid.

³ Dossier Législatif : Loi No. 2005-781 du 13 juillet 2005 de programme fixant les orientations de la politique énergétique // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000813253> (date d'accès : 09.09.2023).

Le Titre Ier nomme «Stratégie énergétique nationale» est consacré à l'importance de la souveraineté énergétique de l'Etat et la coopération avec les pays d'Union Européenne. Il y a quatre axes de développement énergétique¹. Le premier est réduction des émissions la réduction des émissions, qui passe par une fiscalité appropriée, l'information du public sur l'importance de l'énergie nucléaire, l'orientation de l'opinion publique en faveur des centrales nucléaires, l'élaboration d'une législation sur la gestion des déchets nucléaires, etc. Le deuxième axe est la diversification parce que l'énergie nucléaire n'est pas universelle à cette époque. Le troisième axe est la recherche scientifique dans ce champ, et le quatrième axe est l'utilisation de stockage avec les déchets nucléaires.

Les autres titres de la Loi de 2005 ont dédiées l'énergie en général comme le pétrole ou le gaz, c'est pourquoi on s'intéresse la première partie seulement. Évidemment, ce titre établit la base de l'application de l'énergie nucléaire en France.

Mais la vie change et les recherches scientifiques progressent, de sorte que le droit doit s'adapter aux réalités sociales. C'est la raison pour laquelle certaines dispositions de la Loi de 2005 ont été changées par des ordonnances et décrets ultérieurs.

En 2023, la France, après une récession provoquée par le COVID-19, a tracé une nouvelle voie pour la construction de centrales nucléaires. À cette fin, la Loi de 2023² a été adoptée.

La Loi de 2023 régleme tout ce qui concerne les centrales nucléaires: création, exploitation, entretien, etc. Par exemple, l'attention est portée sur la construction de nouveaux réacteurs nucléaires à côté de ceux existants. À notre avis, c'est l'une des dispositions clés de cette loi, parce que la sécurité est extrêmement importante, surtout dans le cas de l'énergie nucléaire et les exemples des désastres de Fukushima et de Tchernobyl ont appris à l'humanité à traiter l'énergie atomique de manière responsable.

En résumé, le droit nucléaire français actuel est flexible et progressif et répond aux exigences de l'époque.

¹ Cany C. Interactions entre énergie nucléaire et énergies renouvelables variables dans la transition énergétique en France: adaptations du parc électrique vers plus de flexibilité. Université Paris Saclay (COMUE), 2017. P. 22.

² Dossier Législatif : Loi No. 2023-491 du 22 juin 2023 relative à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047715784/> (date d'accès : 09.09.2023).

XXX. SUSTAINABLE DEVELOPMENT PARADIGM IN RUSSIA: FROM THEORY TO PRACTICE

Абрашин Р. П.
НИУ ВШЭ
Студент

Analysis of the initiatives aimed at achieving SDG 10.3 in an educational sphere in the Russian Federation

Abstract. The article examines several steps for achievement of SDG 10.3 by considering and analyzing social projects and initiatives in an educational field in the Russian Federation. Notwithstanding the Constitution of the Russian Federation and other laws grant to disabled persons equal rights and freedoms, children with disabilities still need additional support to integration into society and receive inclusive education.

Keywords: SDG 10.3, inequality, social projects, children with disabilities, education.

Introduction

The birthday of term «sustainability» refers to the United Nations Conference on the Human Environment in Stockholm in 1972¹. Increasing public awareness of emerging threats under systematic economic growth and limited natural resources prompted the idea of sustainable development². Currently, sustainable development system is governed by the UN General Assembly document, namely «Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development», including 17 global goals ranging from struggle against poverty and hunger to reduction of inequalities and responsible consumption and production³. Each UN member State is encouraged to make efforts for achieving such goals. One of them is reduction of inequalities that is of importance in the contemporary world where anyone can face social or economic inequality anywhere.

For its part, the Russian Federation is trying to eliminate discrimination that is one the reasons of social inequality⁴. Nevertheless, the issue is still unsolved and it

¹ United Nations Conference on the Human Environment, 5–16 June 1972, Stockholm. URL: <https://www.un.org/en/conferences/environment/stockholm1972> (accessed 20.09.2023).

² Ogrzyzek, Marek. The Sustainable Development Paradigm. Geomatics and Environmental Engineering. 2022. 17. P. 6.

³ Resolution 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development adopted by the General Assembly on 25 September 2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 20.09.2023).

⁴ Leaving no one behind: the imperative of inclusive development: Report on the World Social Situation 2016 Executive Summary. URL:

is highly significant to keep developing initiatives and mechanisms devoting to reduction of inequality all over the world. There are various forms of inequality such as income inequality, exclusion in an educational or healthcare sphere or even discrimination towards migrants who are deprived of those opportunities that nationals have. This article will examine the initiatives aimed at achieving SDG 10.3 in the sphere of education in the Russian Federation.

The characteristics and indicator of SDG 10

Sustainable development goal (*hereinafter* — SDG) 10 is called «reduced inequalities» devoting to alleviating inequalities within and among countries. The concept contains several separate targets the achievement of which contributes to the accomplishment of a common goal. Hence, SDG 10 is composed of 7 targets ranging from sustain income growth of the bottom 40 % to facilitation of orderly, safe, regular and responsible migration and mobility of people¹. The author will focus on SDG 10.3, namely «ensuring equal opportunity and reduce inequalities of outcome, including by eliminating discriminatory laws, policies and practices and promoting appropriate legislation, policies and action in this regard».

Within such a goal discrimination is a cornerstone that has a broad connotation. In this regard, discrimination means «any distinction, exclusion, restriction or preference or other differential treatment that is directly or indirectly based on prohibited grounds of discrimination, and which has the intention or effect of nullifying or impairing the recognition, enjoyment or exercise, on an equal footing, of human rights and fundamental freedoms in the political, economic, social, cultural or any other field of public life»². Accordingly, the crucial indicator to achieve SDG 10.3 is elimination of discriminatory laws, policies and practices and reduction of the discriminatory share of the population under international human rights law.

The current situation in Russia

The solution of any problem depends on the current environment of a particular country. Among statistical indicators, Gini index is commonly used to measure deviations in income distribution within an economy from perfectly equal distributions. Under the index, the percentage of the Russian Federation was 36 % in 2020. In fact, it was lower than in the USA (39.7 %). In our opinion, the main reason is discrimination implying «violation of the rights, freedoms and legitimate interests of

<https://www.un.org//esa/socdev/documents/2016/RWSS2016ExecutiveSummary.pdf> (accessed 20.09.2023).

¹ Сокращение неравенства внутри стран и между ними. URL:

https://sdg.openshkola.org/goal10_2017#%21/tab/31150486-3 (accessed 20.09.2023).

² Art. 1 of the UN International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination adopted in New York, 21, December, 1965, and entered into force in 4, January, 1969 // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-elimination-all-forms-racial> (accessed 20.09.2023).

a person and citizen, depending on their gender, race, nationality, language, origin, property and official status, place of residence, attitude to religion, beliefs, membership in public associations or any social groups». Notwithstanding it is prohibited pursuant to Article 19 of the Constitution of the Russian Federation, which ensures equality of rights and freedoms regardless of any grounds. The prohibition of discrimination is also regulated by treaties, including International Covenant on Civil and Political Rights¹, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights², Discrimination (Employment and Occupation) Convention (No. 111)³, etc. Needless to say, struggle against inequality and particularly discrimination must be carried out not only at the normative level (domestic laws, international mechanisms) but also at the level of social projects and initiatives. Further the author will consider the legislation and social projects aimed at protecting disabled persons' rights in an educational area.

Legal framework for protection of disabled persons' rights

Presently, legal framework relating to rights of disabled persons in an educational sphere is rested on three levels: international and domestic. There is a plenty of treaties concerning protection of disabled persons' rights, for instance, UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities recognizing their entitlement to education and ensuring it in an inclusive manner at all levels and lifelong learning principles⁴. Moreover, there is a special law regulating opportunities of persons with disabilities that is called federal law «On social protection of disabled persons in the Russian Federation». Pursuant to Article 19 of the law, State supports the education of disabled persons and ensures the creation of necessary conditions for them to

¹ International Covenant on Civil and Political Rights adopted in 16, December, 1966, and entered into force in 23, March, 1976 // URL: <https://www.coe.int/en/web/compass/the-international-covenant-on-civil-and-political-rights#:~:text=This%20Covenant%20was%20adopted%20by,Universal%20Declaration%20of%20Human%20Rights> (accessed 20.09.2023).

² International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights adopted in 16, December, 1966, and entered into 3, January, 1976 // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (accessed 20.09.2023).

³ Discrimination (Employment and Occupation) Convention (No. 111) adopted in 25, June, 1958, and entered into force in 15, June, 1960 // URL: [https://gspub.eu/conventions/Discrimination%20\(Employment%20and%20Occupation\)%20Convention,%201958%20\(No.%20111\)#:~:text=The%20Discrimination%20Convention%20\(No.,national%20extraction%2C%20or%20social%20origin](https://gspub.eu/conventions/Discrimination%20(Employment%20and%20Occupation)%20Convention,%201958%20(No.%20111)#:~:text=The%20Discrimination%20Convention%20(No.,national%20extraction%2C%20or%20social%20origin) (accessed 20.09.2023).

⁴ Art. 24 United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities adopted in 13, December, 2006, and entered into force in 30, May, 2008 // URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities> (accessed 20.09.2023).

receive it. Such support is focused on general and professional education and reflected in guarantees for ensuring equal human rights, developing personality and individual characteristics and integrating them into society¹.

The initiatives and social projects

Social projects and initiatives are of great importance in solving social issues, in particular human rights protection. There are a lot of non-profit organizations the main aim of which is to promote human rights of disabled persons, raise funds and provide equal opportunities for everyone.

Naked heart foundation is a non-profit organization set up by Natalia Vodionova in 2004 to help children in Russia and overseas. The mission is to create an inclusive society that is open for people with disabilities and special needs through encourage play and the creation of free support services for affected families. The team helps children and youth with special educational needs, mental disabilities whereby sustained parent/carer training programmes, knowledge exchange programmes and individual specialist support on case-by-case basis². In our opinion, such an initiative is rather efficient because it is not only a fundraiser but also a training center helping parents and their children to receive equal opportunities in an educational area.

The next captivating social project is a charity foundation «love syndrome» the activity of which is directed to aid to children with down syndrome. It must be noted that such an organization carries out diverse activities starting from inclusive sports events and ending with organizing preorientation and training classes³. Furthermore, charity foundations «Love Syndrome» and «Downside Up» have created a «Declaration of Ethical Principles for providing services to people with mental disabilities»⁴. Thus, the initiative facilitates children with mental disabilities to gain knowledge, as well as develop social skills for further integration into society. Besides, the charity foundation is making soft law that can be an example for other non-profit organizations.

In addition, there is a State initiative encompassing the modernization of infrastructure for children with special educational needs. The project is called «contem-

¹ Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Naked heart foundation // URL: <https://nakedheart.org/about> (accessed 20.09.2023).

³ Синдром любви // URL: <https://sindromlubvi.ru/> (accessed 20.09.2023).

⁴ Декларация этических принципов оказания услуг людям с ментальными особенностями // URL: <https://downsideup.org/Deklaratsiya.pdf> (accessed 20.09.2023).

porary school» devoting to updating correction schools, using information technologies and comprehensive support for respective families¹. Thus, by 2024 even more children will have the access to education.

In conclusion, it should be emphasized that several examples of solid projects and initiatives were considered both at the level of state programmes and at the level of activities of non-profit organizations in Russia. They are helping people with disabilities to receive educational opportunities on an equal basis with ordinary people. Thus, the analysis demonstrated that all of them correspond to the achievement of SDG 10.3 by adopting anti-discrimination laws and providing the necessary conditions for children with disabilities in the field of education.

Алиева Д. Т.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Russia's path to sustainable development as a solution to the problem of resources allocation

Abstract. This article examines the history and background of creation and implementation of the concept of sustainable development in Russia, analyzes the legal documents containing the necessary information to understand the problem of maximal satisfaction of the needs of society through the use of minimum costs and defines the solution to this problem.

Keywords: sustainable development in Russia; globalisation; resources allocation; the concept of sustainable development

Nowadays, the problem of transition to the concept of sustainable development is becoming more and more urgent in the context of globalization, overcoming the growth of global instability and depletion of natural resources. Of course, the community of all the nations of the world must strive to meet the needs of society to the maximum extent possible by using the minimum cost. Joint efforts by international actors can lead to positive and long-term results, but problems must also be addressed from within, so each State at the national level must itself implement the necessary measures to address them.

The official term «sustainable development» was defined in 1987 by the World Commission on Environment and Development (WCED) in the report «Our Common

¹ ПАСПОРТ федерального проекта «Современная школа» // URL: https://s3512015.gosuslugi.ru/netcat_files/68/980/Pasport_proekta_Sovremennaya_shkola.pdf (accessed 20.09.2023).

Future» — «meeting the needs of the present generation without prejudice to the ability of future generations to meet their own needs»¹.

In 1992, within the framework of the United Nations Conference on Environment and Development, the world community officially adopted the concept of sustainable development as an alternative and most effective model of global development. The Russian Federation had also developed its own strategy for the transition to sustainable development in various areas.

The first legal instrument on sustainable development was B.N. Yeltsin's decree of February 4, 1994 № 236 «About the state of the Russian Federation on environmental protection and sustainable development»².

The rapid globalization processes of the late 20th and early 21st centuries have contributed to the emergence of new social, economic and political contradictions in the world. Previous world development plans and strategies required in-depth analysis and modernization. Thus, in New York in 2000, the first global development goals up to 2015 — the Millennium Development Goals (MDGs) — were adopted to address eight of the world's most important challenges: combating extreme poverty and hunger, universal access to primary education, achieving gender equality, reducing child mortality, maternal health, disease control (especially HIV/AIDS and malaria), sustainable ecosystems and a global partnership to achieve the MDG³. In 2015. The Millennium Development Goals were transformed into the Sustainable Development Goals (SDGs). SDGs now address most of the global challenges of our time: the widespread eradication of poverty in all its forms; the reduction of inequalities within and between countries; the conservation and management of the oceans; and marine resources for sustainable development, etc.

At the national level, according to the Decree of the President of the Russian Federation 474 of July 21, 2020. [Decree 2020], Russia has five development goals: Preservation of the population, health and well-being of people; opportunities for

¹ Report of the World Commission on Environment and Development: «Our common future» (1987) // United Nations: official site. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/139811#record-files-collapse-header> (дата обращения: 30.10.2021).

² Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 04.02.1994 № 236 «O gosudarstvennoj strategii Rossijskoj Federacii po ohrane okruzhayushchej sredy i obespecheniyu ustojchivogo razvitiya» [Decree of the President of the Russian Federation dated 04.02.1994 № 236 «On the State Strategy of the Russian Federation for Environmental Protection and Sustainable Development»]. Konsul'tant plius [Consultant plus]: legal server. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3079/ (дата обращения: 30.10.2021).

³ Millennium Development Goals (MDGs) (2018) // World Health Organization: official site. URL: [https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/millennium-development-goals-\(mdgs\)](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/millennium-development-goals-(mdgs)) (дата обращения: 30.10.2021).

self-fulfillment and development of talents; comfortable and safe living environment; decent, efficient work and successful entrepreneurship; digital transformation. Targets have also been set, such as raising the life expectancy of the population to 78 years. However, the development strategies themselves are not codified in one

Strategy, but are separate legal documents. For example, the Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025¹ is now in force; Decree of the President of the Russian Federation on the National Security Strategy²; Presidential Decree «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030»³, etc.

An important place in the decree is given to ecology. Russia is a country with a huge resourceful potential. According to Rosstat, it ranks first in the world in proven reserves of natural gas, iron ore, coal, asbestos, zinc and other minerals⁴. Russia provides almost 10 % of global biosphere sustainability. But, unfortunately, the amount of resources is gradually decreasing. Annual continuous logging in the territory of Russia is carried out on an area of more than 1.1 million hectares, and from the impact of fires, harmful organisms, soil-climatic and other factors dies on average 0,1 million hectares, 2 million hectares of forest, which leads to the need to assess environmental damage and create conditions for the preservation of the ecosystem, minimizing the cost of resources.

In order to preserve nature, the state must make certain economic sacrifices, limiting its economic activity in the field of environmental exploitation and polluting

¹ Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r) [The strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025 (approved by the Decree of the Government of the Russian Federation on February 13, 2019. № 207-r)] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (дата обращения: 31.10.2021).

² Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 440 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 440 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 31.10.2021).

³ Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.05.2017 g. № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017. № 208 «On the Strategy of the Economic Security of the Russian Federation until 2030»] // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921/page/1> (дата обращения: 31.10.2021).

⁴ Российский статистический ежегодник. 2011 г. / Федеральная служба государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/lssWWW.exe/Stg/d1/03-0-2.htm# (дата обращения: 30.10.2021).

industries, which make up the majority of the Russian economy. On the example of the countries of Europe and the USA we can consider the payment for ecosystem services system (PES). It is a type of market-based instrument that is increasingly used to finance nature conservation. Payment of ecosystem services programmes allow for the translation of the ecosystem services that ecosystems provide for free into financial incentives for their conservation, targeted at the local actors who own or manage the natural resources. PES is a tool that is used to help environmental conservation while preserving people's livelihoods. It's designed to change the practice who carry out damaging activities recognizing that if they do so they contribute to providing services that are valuable to others. In other words, PES schemes offer opportunities to create or support employment related to the delivery of ecosystem services. A similar ecological and economic compensation mechanism should be introduced in Russia. In addition, sustainable development indicators need to be modernized. For a long time, the development processes of the State have been assessed on the basis of the level of gross domestic product. However, in the context of globalization, for the normal existence of a social State, providing the population with the necessary conditions for a good life, it is necessary to rely not on the monetary factor, but on the growth of the well-being of the population. Sustainable development in the Russian Federation should also be developed and scaled up. It is necessary to define at the legislative level the concept of «sustainable development» and, taking into account national priorities, to elaborate Russia's own Sustainable Development Strategy, which would cover all spheres of society adapting the UN Sustainable Development Goals.

Бардин Г. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Sustainable development of the modern Russian banking system

Annotation. Sustainable development involves reducing impacts on the environment and protecting future generations from the negative impacts of such impacts. This paper examines the features of sustainable development in the banking sector of Russia and the EU.

Keywords: sustainable development, ESG, banking, UN, Bank of Russia, ECB.

At the present stage of development, humanity has come to the conclusion that the anthropogenic impact on the environment is harmful and the world needs to develop a more or less general strategy for the struggle for sustainable development. One of the key documents in this matter are UN documents. In 2015, land-

mark international agreements were concluded: the UN Agenda and the 2030 Sustainable Development Goals, as well as the Paris Climate Agreement, were adopted. The Paris Agreement, in particular, includes a commitment to align financial flows with a path to low-carbon and climate-resilient development¹. To achieve, for example, the EU's 2030 targets agreed in Paris, including a 40 % reduction in greenhouse gas emissions, we need to fill an investment gap estimated at € 180 billion a year.

One of the key areas of finance is banking, therefore, for the purposes of the study, it is important how, first of all, the national regulator Bank of Russia, as well as some individual banks, react to the global situation.

The main role of the Bank of Russia in the field of sustainable development is to create conditions for its financing. The global trend towards decarbonization, the development of environmental production standards and increasing the social responsibility of business creates an understanding that participants who do not take these factors into account will create increased risks for the financial sector.

One of the key areas in the development of regulatory regulation of the Bank of Russia is taking into account the sustainable development agenda. Thus, at the end of 2020, the Bank of Russia created a Working Group on Financing Sustainable Development², which determines the strategic agenda in this area and monitors its implementation. The group includes five thematic expert subgroups with the participation of representatives of federal executive authorities, development institutions, financial market participants, self-regulatory organizations and science. It is necessary to clarify the concept of ESG.

Environmental, social, and corporate governance (ESG)³, is a set of aspects considered when investing in companies, that recommends taking environmental issues, social issues and corporate governance issues into account. Since 2020, there have been accelerating incentives from the United Nations (UN) to overlay ESG data with the Sustainable Development Goals (SDGs), based on their work, which began in the 1980s.

As for sustainable development in commercial banks, one of the leaders in the market is Alfa-Bank, which year after year expands and deepens the application of sustainable development standards in its activities: interacts with charitable organizations, improves working conditions, introduces advanced technologies, including to

¹ The Paris Agreement. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement> (дата обращения: 27.09.2023).

² Ключевые тактические цели Рабочей группы по финансированию устойчивого развития. URL: https://www.cbr.ru/develop/ur/key_tact/ (дата обращения: 27.09.2023).

³ Gelles, David. How Environmentally Conscious Investing Became a Target of Conservatives. The New York Times. ISSN 0362-4331.

save resources, etc. We have the bank's social report for 2019, the information was presented according to the data in the report, approved by the decision of Alfa Bank¹.

As for banking in the European Union, sustainable development standards are also being implemented both at the level of the European Central Bank and individual commercial banks on an initiative basis.

The European Commission has approved an Action Plan, which correlates with the goals the UN sets for the world. The European Commission has taken steps to implement its action plan on sustainable finance. These include the adoption of:

- a proposal for a regulation on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment. The proposed regulation sets out uniform criteria for determining whether an economic activity is environmentally sustainable, thus puts forward a process to establish a unified EU classification system ('taxonomy').

- a proposal for a regulation on disclosures relating to sustainable investments and sustainability risks and amending Directive (EU)2016/2341. The proposed regulation intends to establish a concise disclosure framework for institutional investors and asset managers in relation to the integration of ESG factors in risk processes in the financial services sector.

- a proposal for a regulation amending the benchmark regulation. The proposed amendment aims to address the risk of 'greenwashing' and to assist market players in the selection of benchmarks for their investment strategy. It establishes two categories of benchmarks, as follows: (i) 'low-carbon' and (ii) 'positive carbon impact'².

The area under consideration is not without problems, to which we would include the following: insufficient financing of the global agenda by banks, rather low investments in sustainable development, inequality of regions of the planet in this matter, passivity of national governments.

In conclusion, it should be noted that despite the existing problems, the sustainable development agenda in the financial sector is actively developing in the world, which, with a faster response to global challenges, will lead to the creation of a basis for the long-term development of humanity without harming the environment.

¹ Социальный отчет за 2019 г. Альфа Банк. URL: https://alfabank.servicecdn.ru/media/about/annual_report/Alfa-Bank_social_report_2019.pdf (дата обращения: 27.09.2023).

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018PC0353> (дата обращения: 27.09.2023).

Магомедов Р. М.

Северо-Кавказский Институт (филиал)

ВГУЮ РПА (Минюста России)

Студент

Influence of geopolitics on the Russian stock market

Abstract. In the modern world, the stock market is an important component of any healthy market economy. The stock market situation seriously affects the state of the economic system of the Russian Federation and the dynamics of the gross domestic product. This topic is also most relevant in connection with the recent deep decline in the Russian stock market due to sudden changes in the geopolitical situation. The work provides an analysis of the current situation on the stock market, examines the reasons for its sharp decline and the actions taken by the authorities to stabilize it. The tools and industries that entrepreneurs can invest in for long-term growth were also given.

Keywords: stock market, share market, economy, state, money, securities, geopolitics.

As many people know, one of the main functions of the stock market in a state with a progressively developing economy is the distribution of resources between various subjects of economic life (states, industries, individual companies). The very procedure of issuing shares by the issuer for the subsequent raising of funds through investors who invest them, counting on receiving profits in the form of dividends or interest on sales subsequently, carries a structure that is beneficial for all participants in the process, which is why the practice of enterprises entering the market securities has gained great popularity in recent years around the world. Over a short period of 2 years (from 2020 to January 2022), the number of clients of the Moscow Exchange increased from 4.1 to 17.5 million private domestic investors.

The question of the influence of the stock market on the economic growth of the country has been carefully studied in recent years. Thus, in his scientific work E.A. Fedorova, S.O. Musienko and D.O. Afanasiev put forward and confirm the hypothesis about the direct impact of stock market dynamics (in the form of the RTS index) on real gross domestic product (GDP)¹. V.A. Damirov, having built a multifactor model, reveals the dependence not only of GDP dynamics on stock market conditions, but also the inflation rate². Scientific work of L.P. Badilina and

¹ Fedorova E. A. The influence of the Russian stock market on economic growth / E. A. Fedorova, S. O. Musienko, D. O. Afanasiev. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-3-161-173 // Finance: theory and practice. 2020. V. 24, No. 3. P. 161–173.

² Damirov V. A. Assessing the influence of macroeconomic factors on the Russian stock market. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-2-1-61-65 // Economics and business: theory and practice. 2021. No. 2-1 (72). P. 61–65.

N.A. Zvyagintseva also contains a rationale for the influence of the stock market on economic growth¹.

From August 2021 to January 2022, the turnover of foreign capital in exchange trading consistently amounted to almost 50 %. Non-residents played an important role in the national stock market. It is not surprising that after the aggravation of the geopolitical situation and the introduction of extensive packages of economic sanctions against Russia, foreign investors actively sold their shares at any price. Taking into account the share of non-residents in the Russian stock market and the total volume of exchange trading, we can conclude that in January 2022, foreign investors entered into transactions with shares worth almost 2 trillion rubles, and most of the volumes were put up for sale. In February 2022, sales intensified, and the volume of exchange trading amounted to a record 4.5 trillion rubles².

The state must find a balance between the necessary liquidity of the domestic market and its dependence on foreign capital. The excessive number of foreign individuals and legal entities trading on the Russian market has led to excessive market volatility in our time, which is why the Bank of Russia has taken a number of emergency measures to stabilize the stock market, including:

- the ban on short selling on the over-the-counter and exchange markets from 02.24.2022 was canceled on 06.01.2022, while the amount of «leverage» was reduced to 12.31.2022;

- ban on brokerage execution of transactions for the sale of securities carried out on behalf of non-residents from 02.28.2022, this measure was canceled on 03.01.2022;

- stopped trading on the Moscow Stock Exchange in the «Stock Market» section from 02.28.2022, starting from 03.09.2022 auctions were opened exclusively in the «Buyback: targeted bids» mode with settlements in rubles, from 03.21.2022 — OFZ auctions, and full the recovery of the securities market for a limited period of time took place on 03.23.2022.

Such measures, coupled with many others introduced by the Bank of Russia, were aimed, of course, at reducing the exchange rate of the ruble, at attempting to curb excessive market volatility and at ensuring its reserves. However, even taking into account the already stable tensions in the international arena, the situation on the domestic stock market is gradually changing for the better.

¹ Badilina L. P. Activation of investment processes in the Russian Federation using the securities market / L. P. Badilina, N. A. Zvyagintseva. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).5-14 // News of the Irkutsk State Economic Academy. 2016. V. 26, No. 1. P. 5–14.

² Trading volume statistics // Moscow Exchange. URL: <https://www.moex.com/ru/ir/interactiveanalysis.aspx#> (дата обращения: 30.09.2023).

In general, the Russian stock market is undervalued and extremely cheap. The main indicator of undervaluation for individual companies and industries is the P/E (price/earnings) multiplier, which is calculated both for individual companies, by industry, and for the market as a whole.

The 1 trillion rubles allocated by the National Security Fund for the purchase of shares if necessary has not yet been spent by the Ministry of Finance, which indicates that the Government has some kind of «safety cushion»

Starting in 2021, experts predicted a long-term supercycle — a multi-year increase in prices for raw materials, promising to last all 10 years. Increasing the key rate to 20 % was a necessary action on the part of the Central Bank during the crisis in order to stabilize inflation. By increasing it, banks also need to increase interest rates on loans; as a rule, in proportion to the year, the size of the discount rate will increase even more.

The overall damage caused to the economy as a result of the sanctions (almost a blockade) cannot be denied. Over time, resident shareholders will become less susceptible to the current geopolitical situation. The growth of the domestic securities market will also be facilitated by both a decrease in the number of sellers in general and low market liquidity coupled with a decrease in free circulation funds. Due to a decrease in deposit income, citizens will naturally begin to withdraw their capital into stock market instruments, leaving medium-term deposits behind. All this, in addition to accelerated inflation, will inevitably lead investors to the securities market in order, if not to increase their capital, then at least to preserve it. Most likely, the anti-inflationary function of the stock market will begin to manifest itself in the coming years.

During a fall in the securities market and at times when rates rise, investors have the prospect of buying blocks of shares in rapidly developing companies at a very favorable price or purchasing bonds, thereby securing significant income for themselves, since it is precisely at times when rates rise that the benefits and, accordingly, income from bonds grow. As many believe, the domestic market is currently doing little to attract new investors, but it is worth paying attention to some indicators, including conclusions about the undervaluation of the Russian market — P/E (price/earnings).

In addition, the risks of this situation are to some extent associated with an impressive decline in exports due to relevant external restrictions, the end of the cycle associated with the turnover of goods and, of course, with a large drop in energy prices. Thus, despite the obvious problems of the Russian stock market in modern realities, it has ways of development and growth.

Хатефов М. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Neurotechnologies in Law: current state and development prospects

Abstract. The next stage of the technological revolution is associated with neurotechnologies, as they help to expand human capabilities, integrate a person into the emerging «smart» environment. At the same time, the law cannot stand aside, it is forced to react to the changes taking place in society.

Keywords: neurotechnology, neurolaw, artificial intelligence, neurorights, cognitive freedom.

Nowadays, technology is transforming the world as quickly as ever. Advanced directions of science and technology have a decisive influence on the development of markets and are gradually becoming the backbone of the world economy, affecting almost all its sectors. Among such directions are neurotechnology, artificial intelligence, technologies of virtual and augmented reality, etc.

Consider the concept of «neurotechnology» in more detail. According to the definition given by the Analytical Center under the Government of the Russian Federation, this is a technology that uses or helps to understand brain work, thought processes, higher neural activity, including technologies to strengthen, improve brain work and mental activity¹. Concerning the level of development of neurotechnology, the Road Map published in 2019 on the website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation notes the directions assigned to neurotechnology². A year earlier, in the United States, Defense Daily published the Roadmap for the Development of Unmanned Systems to 2042³. Neurotechnology, along with artificial intelligence, can become key technologies of the Fourth Industrial Revolution. Their value lies in the ability to enhance natural intelligence and connect it to the artificial one.

¹ Neurotechnology and artificial intelligence // URL: https://digitech.ac.gov.ru/technologies/neurotechnology_and_artificial_intelligence/ (date of the application: 09.03.2023).

² Road map of the development of «through» digital technology «Neurotechnology and artificial intelligence» // URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658> (date of the application: 09.03.2023).

³ «Unmanned systems integrated roadmap 2017–2042» // The Office of the Secretary of Defense (OSD) and the Armed Services. URL: https://www.defensedaily.com/wp-content/uploads/post_attachment/206477.pdf (date of the application: 09.03.2023).

Of course, it is possible to predict a fairly rapid spread of neurotechnologies in the field of labor (for example, through the use of devices to monitor the condition of a driver or employee at a dangerous object), in medicine, in education, etc.

At the same time, such innovations will not leave law without attention.

However, the state of the legal regulation of neurotechnology is highly controversial and resembles a closed circle now. On the one hand, there are active attempts around the world to bring neurotechnology into the sphere of legal regulation, as the lack of appropriate legislation is a serious obstacle to its further development. On the other hand, the uncertainty of the further development of neurotechnology and the unpredictable consequences of this development make it impossible to close the legal gap in practice.

There are several possible options for how the law will react to neurotechnology:

- 1) the imposition of a moratorium on the use of neurotechnology;
- 2) allowing the free use of neurotechnology with virtually no external control;
- 3) establishment of a limited-use regime for neurotechnology.

France was the first country to introduce a special section of legislation on neurotechnology regulation. In particular, the commercial application of neuroimaging technology (technology imaging the structure, function, and biochemical characteristics of the brain) has been limited. In addition, in 2012, the Centre for Strategic Analysis under the Government of France conducted a detailed review of ethical and legal issues, which was published in the report «Brain and Law: Analysis of the Neuro-law Emergence»¹.

«In fact, the foundations of the new field of law — cyborg law aimed at regulation of technologies related to the human body — are already being laid in the countries of common law. In the case of «Riley v. California»², in which the United States Supreme Court unanimously ruled that the police could not search the detainee's cell phone without a warrant: «[Since] mobile phones... are now a common and obligatory part of everyday life», one can conclude that they are part of a person. Thus, the Supreme Court of the United States recognized the concept of human's technological expansion in modern society»³.

At this point, it is necessary to define the meaning of the term «neurolaw», which was introduced in 1991 by Sherrod Taylor and denoted «a growing area of

¹ Le cerveau et la loi: analyse de l'émergence du neurodroit. Document du travail. Paris : Centre d'analyse stratégique, 2012 г. // Premier Ministre. URL: http://archives.strategie.gouv.fr/cas/system/files/cas-dqs_dt-neurodroit_11septembrereduit_0.pdf (date of the application: 08.30.2023).

² Riley v. California, 573 U. S. (2014). No. 13-132 // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/13-132> (date of the application: 08.25.2023).

³ Filipova, Irina A. 2021. «Neurotechnology: development, application in practice and legal regulation». Gazette of Saint-Petersburg University. Right 3: P. 513.

cooperation between neuropsychologists and lawyers in the field of criminal justice»¹. Thus, the concept of *neurolaw* indicated only the simultaneous legal use of the achievements of neurosciences (the sciences studying nerve cells) and psychology. As an example of such use, Noel Shafi cites a polygraph, colloquially referred to as a lie detector, designed with the use of neurotechnology². Such a polygraph cannot be replaced by a qualified psychologist and cannot be deceived.

A quarter of a century later, in 2016, the aforesaid definition of the term «*neurolaw*» was extended by Francis Shen to the entire field of neuroscience and law intersection³. Thus, the concept of *neurolaw* began to indicate not only the use of the relevant sciences' achievements but also the legal regulation of a certain area of social relations. This change

was caused by the emergence and development of the term «*neurorights*». The first step in this direction was taken by Wrye Sententia, who introduced the term «*cognitive freedom*» and defined it as «the right and freedom to control one's consciousness and electrochemical thought process»⁴. Later, in 2017, Marcello Ienca and Roberto Andorno directly coined the term «*neurorights*» and identified 4 the most fundamental of them:

1. the right to cognitive liberty in agreement with Sententia;
2. the right to mental privacy, placing the brain data and its confidentiality into the sphere of legal regulation;
3. the right to mental integrity, i.e., the inadmissibility of unauthorized intervention in brain activity;
4. the right to psychological continuity as the right to stable, uninterrupted brain function.

These rights should be regulated at the constitutional level and stated in the respective normative legal acts. The right to psychological inviolability and integrity should become a guarantee of the reliability of information entering the brain. If third parties gain access to a neuroimplant connected to a person's brain, the result may be, for example, the placement of pop-up advertising or other information in the person's mind to induce them to take some action, and the person will perceive this information as to their thoughts.

¹ Taylor J. S., Harp J. A., Elliott T. Neuropsychologists and neurolawyers // *Neuropsychology*. 1991. № 5. P. 293–305.

² Shafi N. Neuroscience and Law: The Evidentiary Value of BrainImaging // *Graduate Student Journal of Psychology*. 2009. № 11. P. 22–39.

³ Shen F. X. The overlooked history of *neurolaw* // *Fordham Law Review*. 2016. № 85. P. 667–695.

⁴ Sententia W. Neuroethical considerations: cognitive liberty and converging technologies for improving human cognition // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2004. № 1013. P. 221–228.

There are several international political initiatives connected with neurolaw. For example, in 2019 the Council of the Organization of Economic Development and Cooperation (OECD) adopted a «Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology»¹, which set the first international standard in neurotechnology governance. In the same year, the Council of Europe has launched a 5-year Strategic

Action Plan focused on Human Rights and Technologies in Biomedicine (2020–2025)², which contains a module on the assessment of the relevance and sufficiency of the existing human rights framework to address the issues raised by the applications of neurotechnology. At the level of national politics, there are also some neurolaw initiatives. Among them the Chilean Constitutional Amendment of 2021³ deserves attention. As Rafael Yuste notes, Chile has become «the only country with a proposed law and constitutional amendment mandating neuroprotection and explicitly protecting neurorights»⁴.

Nowadays, with all the scientific study and research, leading experts in the field of neuroscience conclude that humanity has no idea how the brain supports consciousness and contains the mind. Neurotechnology may unlock these mysteries, cause a profound revolution in our understanding of ourselves and enable extraordinary interventions in people's lives, ranging from genuine mind reading to mind control. In this situation law has to protect human rights and establish a prudent, limited-use regime for neurotechnology to reduce the degree of uncertainty of its further development, thereby reducing the likelihood of adverse consequences for humanity by managing both technogenic and social risks.

¹ Organisation for Economic Co-operation and Development Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology : Adopted by the OECD Council on 11 December 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457> (date of the application: 09.02.2023).

² Strategic Action Plan on Human Rights and Technologies in Biomedicine (2020–2025) : Adopted by the Committee on Bioethics (DH-BIO) at its 16th meeting (on 19–21 November 2019). URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/strategic-action-plan#:~:text=Designed%20to%20protect%20human%20dignity, challenges%20raised%20by%20technological%20developments> (date of the application: 09.02.2023).

³ Chile becomes the first country to pass neuro-rights law // URL: <https://www.jurist.org/news/2021/10/chile-becomes-first-country-to-pass-neuro-rights-law/#> (date of the application: 09.02.2023).

⁴ Yuste R., Genser J., Herrmann S. It's Time for Neuro-Rights // Horizons. Journal of International Relations and Sustainable Development. 2021. № 18. P. 154–165.

At the constitutional level, we are talking about the inclusion in the texts of constitutions of a new group of rights (neurorights) that protect against unauthorized «reading» of the brain — the creation of elements of constitutional protection in a new era of direct access to the human mind.

Цветова М. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Determining the legal nature of summary under the formation conditions of a new concept of sustainable development of Russia

Abstract. This article analyses the issue of determining the legal nature of summary. The criteria and judicial practice according to which summary can be recognized as an independent object of copyright or as a derivative work are given. The article reveals the importance of solving this issue due to the global changes in the world and the implementation of the concept of sustainable development of Russia.

Keywords: summary, the legal nature, an independent object of copyright, a derivative work, expertise.

Today, the world is undergoing serious transformation. Modern society is faced with the fact that, whereas in the past authors of works prioritized the idea of full disclosure and accessibility of their creations, nowadays, for a number of reasons, authors or right holders may prevent others from using the result of intellectual creation. Thus, the aspect of accessibility of works that do not affect state security and are interesting to a public audience becomes challenging. For example, the publishing house Penguin Random House, which owns the rights to Prince Harry's memoirs «The Spare» (published on January 10, 2023), stopped dealing with the Russian market in 2022. Russian readers cannot read the translation of this book yet. But a summary of this book has appeared on the Russian market.

A summary is a brief narrative or synthesis of information designed to quickly introduce the reader to the author's main ideas¹. The format of the summary is a retelling without direct quotation. Currently, the issue of the original work usage in the preparation of the summary becomes relevant, that is why it is necessary to obtain permission from the author or the copyright holder of the original work for the creation and distribution of the summary. To answer this question, it is necessary to consider the legal nature of the summary: whether the summary is an independent object of copyright or whether it is a derivative work.

¹ Wikipedia. Smart Reading // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Smart_Reading (дата обращения: 15.09.2023).

The main conditions of copyrightability are the creative nature of the author's work and its expression in an objective form, including an electronic form. Russian legislation is based on the requirement of creativity, which applies to any work of the author «regardless of its novelty, uniqueness and (or) originality of the result of intellectual activity»¹. Copyright protects the form of work expression (sequence of words and sentences, paragraphs and punctuation marks), the author's style and artistic images. Copyright extends to a part of a work, to its title, and to a character of the work (subparagraphs 3, 7 of Art. 1259 of the Civil Code of the Russian Federation). At the same time, copyright does not cover ideas, concepts, principles, methods, processes (paragraph 5 of Art. 1259 of the Civil Code of the Russian Federation).

Therefore, if the summary is not an abridged translation or derivative work, but it is an original result where only unprotected elements of the original work are borrowed, then the summary is an independent object of copyright.

Today, there is no common approach in Russian judicial practice regarding the legal nature of the summary.

On March 17, 2017, the Arbitration Court of Moscow issued an award from LLC «Alpina Publisher» to LLC «Smart Reading» to protect the exclusive right to the work «Eat, Move, Sleep», Tom Rath. The copyright holder assigned to the licensee the exclusive right to translate, reproduce, publish and sell paper and electronic books. The licensee Alpina Publishers commissioned Marina Shalunova to translate the book. Then the book's summary is freely available on smartreading.ru. The defendant claims that he commissioned the summary from a professional translator who used the original English text of the book, not Shalunova's translation. In order to determine whether the defendant's work was the result of processing or an independent work, the court appointed an expert examination.

The expert answered 2 questions:

- is the defendant's text the result of a conversion, and if so, what is the quantitative extent of the conversion?
- what specific elements of the publisher's original work have been converted?

After responding to the questions, the court found that «the summary is an excerpt of the main ideas of the original book. It is possible to quote (in this case 13 %) some excerpts from the original book while creating the summary»². Intellectual Property Rights Court upheld the decision of the court of first instance.

¹ P. 28 Resolution of the plenum Supreme Court of Russia № 5, Resolution of the Supreme Commercial Court of Russia № 29 dated 26.03.2009.

² The Court Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 17.03.2017 in case № A40-48760/16-5-410 // URL: <http://msk.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.09.2023).

In the other case from December 21, 2022, the arbitration court considered the claim of ST ILYAKHOV to LLC «Smart Reading» on the obligation to stop the illegal use of literary works «Write, reduce» and «New rules of business correspondence». Ilyakhov's book summaries were published on the Smart Reading website. The parties in this case waived expertise. The court concluded that «summaries of books cannot be independent works of authorship because they could not have been created without the original book.» The ninth Arbitration Court of Appeal concluded «Conversion of a work implies the creation of a new (derivative) work on the basis of an existing one»¹. Conclusion: The summary is a derivative work.

At the moment, we can conclude that it is possible to freely use the summary without notification of the author or right holder and without payment of royalties only for informational, scientific, educational or cultural purposes with the obligatory indication of the name of the author whose work is used and the source of borrowing for the summary (Article 1274 of the Civil Code of the Russian Federation). Using the summary for commercial purposes, it is recommended to get the permission of the copyright holder of the original work, or in the case of impossibility of this, firstly, strictly follow the minimum amount of quotation, and secondly (most importantly) it is necessary to create an independent, not derivative work in which to reflect the idea, but in a completely different form.

In conclusion, for the sustainable development of Russia, it is necessary to develop a comprehensive approach, that will include systematic and integral measures, including those of a legal nature, in order to realize the right of every person to «freely search, receive, communicate, produce and distribute information by any lawful means»².

¹ The Court Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 21.12.2022 in case № А40-145258/22-27-993 // URL: <http://msk.arbitr.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

² Constitution of the Russian Federation (12.12.1993) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

Антропова П. Э.

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Студент

Xenotransplantation. Medical and legal issues

Abstract. The article covers the development of xenotransplantation matters for the last few decades. The lack of donor organs and the increasing number of people waiting for transplants remain a serious issue. Xenotransplantation helps to solve this problem, but the method causes medical and legal issues, which need to be addressed.

Keywords: xenotransplantation, biolaw, transplantation, organ transplantation, donor organs

Transplantology allows to save lives of patients in critical condition. Unfortunately, this great achievement of human progress has a problematic side — a shortage of donor organs. The use of animal organs could solve it. Currently, the issues of xenotransplantation have become relevant again after the experimental xenotransplantation of the kidney of a genetically modified pig in 2021, and xenotransplantation of the heart in 2022. Despite technological breakthroughs in this field, the world community remains skeptical about the non-experimental use of xenotransplantation and the widespread use of this technology. This policy is based on a number of issues in the field of bioethics. These are biological (e.g., immune barriers, risk of viral transmission from animal to human, risk of transmission of pathogenic organisms), ethical, religious and legal (regulation of research and development of xenotransplant technology) issues.

Xenotransplantation is defined as the transplantation of cellular organs, tissues, organs or their parts from one species to another.

R. Karni highlighted two types of xenotransplantation, determined by the biological kinship of organisms and the severity of transplant rejection.

Concordant xenotransplantation is conducted between phylogenetically close or closely related species such as mouse and rat, Javanese macaque and monkey, primate and human. In such cases, organ rejection occurs within a few days.

Discordant xenotransplantation includes transplants between different species (e.g., pig and monkey, pig and human). This type of transplants cause hyperacute rejection, which lasts from minutes to hours. Clinical experience with discordant xenotransplants in humans is very limited, because humoral rejection was observed despite any treatment and organ function could not be maintained for more than 34 hours. Compared to transplantation of incompatible organs, the immune barrier

in concordant xenotransplantation is more easily overcome and relative tolerance is achieved. The low circulating antibody titer in compatible organ combinations prevents almost immediate organ rejection in hyperacute rejection compared to rejection of incompatible organs. The main obstacle to the success of concordant xenotransplantation is cellular immunity.

Medical issues. One of the main obstacles to the development of xenotransplantation is the selection of the most suitable donor for the procedure. Initially, primates were chosen as an evolutionarily close animal species to humans. However, since primates were listed as endangered animals in the 1960s, their use for medical purposes has stopped rapidly. Baboons are also poor breeders in captivity. For example, they have long gestation periods and small offspring. Negative attitudes towards xenotransplantation intensified after 1990, when retroviruses were discovered and it became clear that they could infect recipients during xenotransplantation. Moreover, a patient with animal organs will be vulnerable to some infections of these animals. The possibility of integration of a viral genome into the human genetic apparatus can lead to interaction between the genomes of human and animal viruses and the possible spontaneous formation of new infectious agents. So, for ethical reasons, in particular the risk of transmission of dangerous viruses, organ transplantation from chimpanzees and other apes to humans was banned.

Another animal that could be a potential donor for organ transplantation into humans is a pig. Immunologically, pigs are less suitable as organ donors than primates. It is also known that it is possible to produce transgenic pigs carrying the galactose- α -1,3-galactosyltransferase (GTCO) gene, that human and pig organs are comparable in size, and that pigs are good candidates as organ, tissue and cell donors for xenotransplantation. Also due to the large phylogenetic distance between pigs and humans, the risk of transmission of viral infections is low. Besides, careful control and proper animal raising can help minimize the risk of zoonotic disease transmission. Advances in understanding the barriers to xenobiology of pigs and primates and overcoming them with the help of genetic engineering have raised the hope of obtaining an unlimited number of organs and cells for transplantation.

Ethical issues. Since xenorecipient poses an increased risk to others due to the possibility of the formation of new infectious threats in his body, it is assumed that this patient will receive unbreakable obligations before transplantation. Such obligations are called the Odyssey pact — the hero of Homer's poem told the sailors to tie himself to the mast and not untie when he would ask for it, hearing the sirens singing. The patient must agree to be examined regularly, limit contacts with people and visits to rural areas and regions endemic to animal infection. If the patient refuses to follow his obligations, quarantine measures up to detention should probably await him. Undoubtedly, the person with the xenotransplant will save his life at the cost of his freedoms and civil rights. The ethical side of this question is open to discussion.

Another serious ethical problem is presumable discrimination of xenorecipients. Apparently, humanity will not get rid of the principles of discrimination on racial, national, and sexual grounds for a long time. Will xenotransplantation create a problem when people with xenotransplants become the object of discrimination due to fear of infection, prejudice, disgust? Will the xenorecipient be discriminated in religious groups if the donor animal is considered unclean? The historical joke about the transplantation of the bones of the dog's skull to a Russian soldier, performed by surgeon Van Meegeren, ends with the recipient asking him to remove this bone, since they refuse to commune him with it in church. Many people from different social groups could be against the marriage of their daughter or son and a xenorecipient.

A possible future increase in the population of xenorecipients may lead to the formation of genetic changes in them due to the transfer of genome fragments by common viruses. Thus, the alleged descendants of xenorecipients may have new traits that they will pass on by inheritance, which will lead to a change in the identity of a person. That's why it can be dangerous to manipulate in such areas.

Xeno-organs are unlikely to have advantages over human organs for many reasons. Most likely, their life span will also be shorter than human ones, there will be increased requirements for the management of patients in the post-transplant period, new risks. Who will receive such organs? More severe patients? Higher-risk patients? Will xenotransplantation become «bad treatment for bad patients and bad doctors»?

Legal issues. To examine in more detail the issues related to the legal regulation of xenotransplantation, it is necessary to consider the legal norms in each country.

In the United States, the Food and Drug Administration (FDA) is responsible for the regulation of xenotransplantation. The FDA regularly guides sponsors and investigators wishing to conduct xenotransplant clinical trials via documents which include specific instructions for xenotransplant clinical trials. This includes eligibility for animal selection, manufacturing and testing of xenotransplant drugs, preclinical studies, planning clinical trials, post-transplant monitoring and monitoring of xenograft recipients. Detailed and appropriate advice should be included.

In Canada, for example, there is currently no explicit ban on xenotransplantation. To conduct a clinical trial, the sponsor or research organization must obtain approval from Health Canada. However, Health Canada has not approved any full-scale clinical trials of xenotransplantation yet.

In Belarus the legal status of xenotransplantation is not regulated. Nevertheless, clinical trials of xenotransplantation are being conducted in Belarus, but this procedure is not regulated by law.

There is no clear legal regulation of xenotransplantation in Russia. There is neither a ban on xenotransplantation nor permission. Although xenotransplantation is

not directly banned, attempts are being made to ban xenotransplantation at the legal level in Russia. Indeed, the government intended to prohibit xenotransplantation in the Article 12 of the draft Federal Law on «Organ Donation and Transplantation».

At present, the most appropriate solution for legal regulation in the field of xenotransplantation is the US position, i.e., the policy of developing recommendations and guidelines for scientific research rather than prohibiting or blocking xenotransplantation research.

Thus, xenotransplantation remains a broad area of research and involves a number of complex pending questions. Finding ways to ensure that donor organs derived from animals function safely and efficiently will enable us to better understand the mechanisms of organ rejection in xenotransplantation and develop strategies to improve outcomes for transplant recipients. The fundamental aspects of molecular biology, cytology, immunology, ethics and law are important for the further growth and development of clinical and experimental xenotransplantation.

Аршакуни Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Legal aspects of cryonics in national and international law

Abstract. This article explores the issues of legal regulation of cryonics in the Russian Federation. The author analyzes the current national and international legislation and its applicability to cryonics, especially with regard to the preservation of the body after death and subsequent resurrection.

Keywords: cryonics, cryostorage, transhumanism, legislation, cryofreezing.

Cryonics is a scientific research field that studies the possibility of restoring the viability of organisms after keeping them at abnormally low temperatures. Issues of legal regulation of cryonics are relevant, as they relate to the preservation of the viability of various organisms. However, such a scientific field as cryonics is the ground for various discussions. Therefore it is almost impossible to unambiguously assess the cryo-freezing of living beings from an ethical and social point of view.

In modern world there are several companies providing cryopreservation services and having their own cryostorages. There are several organizations that deal with the regulation and supervision of cryonics. World Cryonics Association (Cryonics Institute) is one of the leading organizations involved in cryonics. They provide services for the cryopreservation of organisms and have their own standards and guidelines for the treatment and preservation of the body after death. American Cryonics Society (Alcor): It is also one of the largest cryonics organizations. They provide cryopreservation services and have their own standards and procedures for

their members. Moreover, KrioRus is Russian cryonics company founded in 2005 as a project by a non-governmental organization Russian Transhumanist Movement that promotes transhumanism and immortalism, studies the perspectives of developing innovative technologies, and develops them. This is the only company that possesses a cryostorage and offers full range of cryonic services. According to official KrioRus site, by 2023 they have 94 cryopatients. About 200 people have already signed cryopreservation contracts. Today, KrioRus stores 27 foreign citizens of Ukraine, Italy, USA, Australia, India, France, Republic of Belarus, Georgia, Estonia, Israel, Netherlands, Switzerland and Japan¹.

In the Russian Federation, legislation regarding cryonics is still ambiguous and highly limited. Moreover, there are no legal regulations, making cryonics a legally unsupported field. This leads to numerous problems and unpredictable consequences. One of the important issues is the status of the deceased organism that is undergoing the cryopreservation process. In Russia, the right to death of a person is the right to be recognized as dead and the right to funeral and burial. Therefore, cryopreservation of the body, instead of traditional funeral and burial rituals, causes difficulties, since special permission is required to carry out this procedure.

The next issue that arises in the field of cryonics is the right to preserve and dispose the property of the deceased. In a situation where an organism is subject to cryopreservation, but remains a legal entity, problems arise with its property. It is unclear how property under the care of a cryopreservation agency should be treated, especially if it is likely to be restored in the future.

Also, questions arise in the context of inheritance. If a person who has undergone cryopreservation died without a will, then Russian legislation provides for inheritance in the order of relatives. However, if the deceased resumes his life in the future, inheritance may become problematic and cause legal disputes.

Finally, cryonics raises ethical and moral issues that may be controversial for society. What right does a person have to prolong his life, even after death? What impact might this have on society and interpersonal relationships? What ethical standards should apply to cryopreserved organisms?

It is necessary to consider how foreign legal systems, as well as the international community as a whole, relate to cryofreezing. One of the most influential and authoritative documents in the field of medicine and biotechnology is the World Declaration on Bioethics and Human Rights, adopted by UNESCO in 2005. This declaration notes that «attention to patients who are unconscious or dying should include measures to preserve life and health and to promote biological regeneration». Thus,

¹ List of patients of «KrioRuse». URL: <https://kriorus.ru/Krionirovannye-lyudi> (date of application: 13.09.2023).

the International Council of Medical Science (CIOMS), in its Declaration on Biomedical animal research, calls for the development of research aimed at developing new methods for preserving tissues and organisms, including cryonics. The World Association of Scientific Academies of Medicine (TWAS) also emphasizes the importance of the research in the field of cryonics and life preservation. These examples indicate the increasing importance Cryonics is receiving internationally; scientific and ethical recognition, with people increasingly realizing that this science can be a powerful tool in the fight against death and provide people with the opportunity to continue living in the future.

Another aspect of cryonics in international law is the right to appropriate medical care. Cryonics requires modern medical technology for successful freezing and future resurrection. However, not all countries have access to such advanced technology and can legally provide the necessary medical care for a cryonics procedure. This creates problems in how access to cryonics technology is decided and who is responsible for providing this medical care.

A related issue is the right to bodily integrity. The cryonics procedure requires the removal and replacement of blood and other body fluids with protective anti-freeze agents, which violates the integrity of the body. Many legal systems recognize the right to bodily integrity as a fundamental human right, and the question is to what extent violations of this right are permissible and justified in order to achieve the goals of cryonics.

However, despite growing support, cryonics still causes a lot of discussion and debate in society. Some consider it unethical and unrealistic, citing limited scientific evidence and technological capabilities. Others see cryonics as hope for the future and overcoming death. To conclude, cryonics raises many legal issues in international law. It is important to develop generally accepted standards and regulations for the cryonics industry to ensure legal protection of the rights and interests of individuals undergoing cryonics procedures, as well as the possible consequences of this practice for society.

Блем Э. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Permissibility of using neuro technologies in the field of jurisprudence

Abstract. At the present stage, the development of an interdependent bond between law and advanced medical achievements is a kind of catalyst for the forthcoming of such concepts as «bio law» («biological law»), «neuro law» («neurological law»). The article scrutinizes a range of issues directly connected with advanced methods of studying the

human brain capabilities, obtaining the required data via specially designed, rapidly developing neuro technologies. The implementation and application of modernized neuro instruments is a consequence of the urgent need to improve the work of diversified lawyers. As a result, the legislators of the Russian Federation single out neuro technologies as one of the most priority and promising areas, in connection with which legal lawyers predict the renewal of the legal system, the emergence of new educational trajectories, professions, which raise a number of debatable issues in scientific communities.

Keywords: neuro law, neuro technologies, artificial intelligence, neuroimaging, functional magnetic resonance imaging, neuro jurist, right to mental integrity.

The 21st century is implicitly recognized as the century of information transformations and revolutions in many branches of modern science. Breakthroughs in the field of medicine have given mankind the opportunity to study the complex mechanism of the human body in more depth and detail, to try to discover previously unknown facts that can change the nature of the person himself, his worldview, and behavioral habits. Touching upon the sphere of law and biomedicine, it is worth underlying such field as neuro law, which studies the influence of neurobiological processes and achievements on the legal nature of regulations and standards, which is reflected in the definition of the relatively recent concept called 'neuro law', that was first introduced by J. Sherrod Taylor in 1991 in an article in the journal «Neuropsychology», devoted to the analysis of the role of psychologists and lawyers in the criminal justice system¹. The essence of the scientific direction under consideration is conducted to interdisciplinary field which links the brain to law, facilitates the pathway to better understanding of human behavior in order to regulate it accurately through incorporating neuroscience achievements in legal studies. The existing progressive knowledge of neurosciences finds its application in the field of jurisprudence, especially in the criminal profile, forensics, allowing a detailed analysis of the behavior and motives of offenders.

Approximately all neurosciences are connected in one way or another with modernized nanotechnologies, called neuro technologies, through which it is possible to comprehend the structure of the brain and cultivate the functioning of the biological neural network. To date, neuro technologies have already reached a sufficiently high level that permits spreading neuro communications between people and robots, promoting and strengthening artificial intelligence, which in various

¹ Taylor J. Sherrod; J. Anderson Harp; Tyrone Elliott (October 1991). Neuropsychologists and neurolegalists. *Neuropsychology*. 5 (4): 293-305. DOI: 10.1037/0894-4105.5.4.293. SSRN1472245.

forms and types participates in the activities of not only advanced medical specialists, but also professional legal advisers¹. A crucial aspect to consider was the Decree of the Government of the Russian Federation of October 28, 2020 № 1750 «On approval of the list of technologies used within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovations», providing the formation and rooting of an updated legal framework in order to more progressive amplification of jurisprudence². Returning to the content of the aforementioned legal act, it is complex not to take cognizance of the selection of neuro technologies and their types as a priority area for potential experiments. In this regard, it seems conceivable to assume that with the help of neural interfaces — devices that transmit brain signals to external devices — people with disabilities, using a specially developed algorithm for transmitting feelings and thoughts, will be able to independently make transactions, participate in civil circulation, sending signals on specially designed electronic tools. Needless to say that the functionality of neuro technologies will not only increase the amount of information received about a person's life, but will also expand the possibilities for supervision, control over a person's behavior and his or her movements. Therefore, legislative and executive authorities represented by ministries, services, agencies and even banks are popularizing digital platforms with electronic databases, while encouraging the population to enter biometric data into a single biometric system to obtain more complete and detailed information. Definitely, such scientific and technological achievements catalyze the pace of development of jurisprudence, bringing it to the world's leading positions, however, considering the implementation of invasive neuro interfaces from the point of view of potential shortcomings and threats, the following questions arise: do such brain «reading» technologies endanger constitutional human rights to freedom of thought, privacy? Do the current legal acts that regulate and consolidate the inalienable human rights and freedoms meet the needs of the time? In connection with such controversial, problematic, not fully understood aspects, a significant number of legal analysts tend to doubt the suitability of neurotechnologies in the field of jurisprudence.

However, the implementation and adaptation of neurotechnologies is qualitatively and quantitatively extrapolated, as evidenced by the ever-increasing development of neuroimaging. Neuroimaging or brain imaging is the use of various methods

¹ Filipova I. A. Neurotechnologies in law and law enforcement: past, present and future // Law enforcement. 2022. T. 6, No. 2. P. 32–49. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49.

² Decree of the Government of the Russian Federation of October 28, 2020 No. 1750 «On approval of the list of technologies used within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020 No. 44 Art. 7003.

to directly or indirectly depict the structure and function of the nervous system¹. A significant part of the legally aware audience tends to implement advanced neuroimaging methods in the work of investigators and forensic scientists, arguing their position with the possibility of obtaining the required, sometimes indispensable information when solving crimes by dint of neurodetectors. Conducting a comparison line with the classic polygraph, the results of neurodetection are obvious. The first method of reliable information is based solely on investigative indicators, emotional reactions of the subject, while a more advanced type of detector allows you to record changes in blood volume and blood oxygen saturation levels and, seems to be a reliable tool for decent practice².

One of the most widespread practical methods of studying brain activity and tracking deception is a type of neuroimaging technology called functional magnetic resonance imaging (fMRI). There is a potential to use fMRI evidence as a more headmost form of lie detection because it allows to complete more detailed functional mapping of the human brain. FMRI measures contrast, which is dependent on blood oxygen level, making possible the most active areas of the brain to be viewed based on blood flow. This imaging technique permits researchers to identify and understand complex neural pathways and mechanisms, such as deception circuits³.

Nevertheless, it must be borne in mind that neurology is still not fully revealed and discovered, the database of structural evidence and the apparent relationship is not enough to confidently associate brain features with criminal behavior or a problem. This uncertainty is the reason why fMRI data is not used in detection methods, which is why they are not included in the list of admissible evidence in criminal proceedings, as they are serious technical flaws and, possibly, the risky lack of detection of brain signals. Legislators exercise caution in drawing conclusions about the effectiveness of the neurotechnologies, so before making decisions about how to regulate and use neuroscience research in court, judges should consider the implications of proposed changes⁴.

¹ Pyatin V. F., Maslova O. A., Romanchuk N. P., Volobuev A. N., Bulgakova S. V., Romanov D. V., Sirotko I. I. Neuroimaging: Structural, functional, pharmacological, bio-elementology and nutrisciology // Bulletin of Science and Practice. 2021. No. 10.

² Polubinskaya S. V. Neurolic detector // Union of criminologists and criminologists. 2021. No. 1. P. 7–14. DOI: 10.31085/2310-8681-2021-1-204-7-14.

³ Kovalchuk M. V. Some theoretical aspects of research technology using a polygraph (article three) / M. V. Kovalchuk, Yu. I. Kholodny // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2021. No. 3(33). P. 85–90. DOI: 10.54217/2411-1627.2021.33.3.013.

⁴ Jenca, Marcello and Roberto Andorno (2017). «Towards new human rights in the era of neuroscience and neurotechnology.» 13(5). Life Sciences, Society and Politics. DOI: 10.1186/s40504-017-0050-1.

In theory, such a widespread dissemination and use of neurotechnologies, digitalization of almost all spheres of human activity creates a number of prerequisites for serious changes in law enforcement, provides opportunities for promoting the activities of narrowly specialized practicing lawyers, and the emergence of a new profession — a neuro lawyer. The demand for his services (for example, giving legal force to received and recorded brain impulses or deciphering existing data from a more professional, legal point of view) will certainly grow and require appropriate knowledge in the field of neuro law, bio law, and new qualifications and professional skills. To develop such interdisciplinary profiles, as well as improve Russian science, the younger generation of potential lawyers is recommended to study all the intricacies and details of the chosen educational trajectories from the beginning of their educational path.

Брагина Д. Г.

ВАВТ Минэкономразвития России

Студент

Human cloning and its legal regulation

Abstract. Cloning of a human becomes more and more scientifically possible with every year of research, and now it seems quite real, although its scientific history spans more than a decade, starting with single cells and going on to living organisms such as sheep and primates. Lawyers and bioethics specialists, scientists and the general public are worried about the application of cloning and its influence on people's lives and their safety. The question of defining a human being also arises, since there is a possibility of obtaining it in an unconventional, laboratory way. This article will discuss the scientific and legal foundations, as well as the ethical and legislative regulation of human cloning.

Key words. Cloning, human cloning, legal regulation, ethical aspects, SCNT, somatic cells, embryo, SCNT, ESCs.

The prospect of human cloning became a serious topic of discussions of scientists and J. B. S. Haldane had first introduced governors in 1969, after this idea and the term¹. Back then he predicted clones to «be made from people aged at least fifty, except for athletes and dancers, who would be cloned younger. They would be made from people who were held to have excelled in a socially acceptable accomplishment...»².

¹ Thomas, Isabel (2013). Should scientists pursue cloning?. London : Raintree. P. 5. ISBN 978-1-4062-3391-9.

² Haldane J. B. S. (1963). «Biological Possibilities for the Human Species in the Next Ten Thousand Years». In Wolstenholme, Gordon (ed.). Man and his future. Novartis Foundation

The greatest break-through of early cloning was Dolly — the first mammal created by SCNT (somatic cell nuclear transfer) from an adult sheep's mammary gland cell and an enucleated egg. This experiment was successful because, although embryonic cells are ready for activation and genotyping, differentiated adult cells have disabled genes not necessary for their specific functions. When using a mature cell, its genetic information must be returned to the embryonic state, which often does not occur completely and leads to the fact that embryos do not develop. After 277 attempts to conduct an experiment, only one of which led to the birth of a child, Ian Wilmut and Keith Campbell drew attention to cloning and began an impassioned debate about the importance of cloning and stem cell research for humans¹. In terms of Dolly, she lived at the Roslin Institute and gave birth to several lambs². She was euthanized at the age of six due to a progressive lung disease, the appearance of which was not related to her origin³.

The first human clone was created in 1998. It was made with SCNT: a nucleus from man's leg was inserted into enucleated cow's egg where the new cell was cultured and developed into an embryo destroyed 12 days after⁴.

The latest and most human cloning-related experiment that led to the birth of living beings was conducted in 2018 in China. With the use of SCNT only two female genetically identical crab-eating macaques were born from more than 60 surrogate mothers⁵. Generation of genetically uniform non-human primates may help to establish animal models for primate biology and biomedical research⁶.

Moving from the history to the more practical aspects of the issue, it is necessary to define the basic term. Cloning constitutes the process of generating a copy of a cell or an organism that will be identical to the original one⁷. Cloning, in fact, is a natural process,

Symposia. London : J. & A. Churchill. P. 337–361. DOI: 10.1002/9780470715291.ch22. ISBN 978-0-470-71479-9.

¹ Park, Alice (17 April 2014). Researchers Clone Cells From Two Adult Men. Time. Retrieved 18 April 2014.

² «Dolly the sheep clone dies young» Archived 12 May 2011 at the Wayback Machine. BBC News. 14 February 2003.

³ Dolly's final illness Archived 27 February 2008 at the Wayback Machine Roslin Institute, Accessed 21 February 2008.

⁴ Details of hybrid clone revealed. BBC News. 18 June 1999.

⁵ Normile, Dennis (24 January 2018). These monkey twins are the first primate clones made by the method that developed Dolly. Science. DOI: 10.1126/science.aat1066. Retrieved 24 January 2018.

⁶ Liu, Zhen; et al. (24 January 2018). Cloning of Macaque Monkeys by Somatic Cell Nuclear Transfer. Cell. 172 (4): 881–887.e7. DOI: 10.1016/j.cell.2018.01.020. PMID 29395327. S2CID 206567964.

⁷ 40/141 Law & Just. Christian L. Rev. 26 (1999) The Legal and Ethical Aspects of Human Cloning. Part One Legal Aspects.

that is, cell replication, mitosis and meiosis. Human cloning at the same time is the creation of a genetically identical copy of a human being. In this context, the term constitutes the reproduction of human tissues and cells, which is considered artificial.

There are now several types of cloning, including:

1. Reproductive cloning is carried out using the SCNT method for growing an embryo. The somatic cell mixes with the enucleated egg using electricity, which leads to the formation of an embryo.

2. Therapeutic cloning is aimed at obtaining stem cells that could be used in medicine for the treatment and implementation of organ replacement therapy.

3. Molecular cloning is a group of molecular biology techniques used to combine and reproduce recombinant DNA in host organisms. In this method replication of a single molecule results in production of a population of cells with identical DNA¹.

Human cloning clearly has aspects that could positively influence medicine and give much needed treatment or help to those who do not have other options, but it is still a matter of many concerns from moral, ethical and legal perspectives. Bioethics has its own view on the issue paying attention to different aspects of cloning. One of these regards is human dignity, which is highly protected by national legislation of most countries and international conventions. From an ethical point of view it is impossible to have an identical copy in the form of a clone. If we imagine a case, where nevertheless a clone that in real is no lesser than an ordinary human being, they would enjoy equal rights under the UN declaration of Human rights or any other national or International document attributed to that individual. Moreover, they also link the problem of infringement of human dignity due to cloning with social and ethical norms stating that if there is a common human dignity in society, then in this case the dignity of the cloned individual will also be equally present in society and legal documents². On the other hand, there are arguments that reproductive cloning may lead to consideration of children as designed products, which goes against human dignity and lowers the status of a child as an individual with personal features³. Little scientific experience and low success rate of cloning make it important to bear in mind safety issues as well. Critics state that human cloning can be significantly dangerous for all the parties involved including the state, families and the clone to be⁴.

In terms of legal regulation of human cloning, it is of significant value to distinguish national and international law positions on that matter. Each state has devel-

¹ Human cloning and its legal aspects. URL: https://blog.ipleaders.in/human-cloning-legal-aspects/#What_is_Human_Cloning (date of application: 14.09.2023).

² Cherfas, 1 985:61.

³ Spar, & Fattore, 2006.

⁴ Rafter, 1997.

oped its own legislation in accordance with moral, ethical and religious norms. Although prohibitions vary from state to state and depend on the type of cloning, the vast majority of countries have banned such scientific experiments.

Since 1997, human cloning is considered illegal in Argentina¹ as well as in Colombia since 2000². South Africa's Human Tissue Act 65 of 1983 strictly prohibits any form of genetic manipulation with human gametes and zygotes outside of the body³. In the Russian Federation, human cloning is considered to be an illegal act in accordance with The Federal Law № 54-FZ «On the temporary ban on human cloning» from 19 April 2002, which was revised without time limitation⁴. Poland and Serbia also forbid human cloning.

Partial ban on certain types of cloning may be found in many states, such as Australia, India and the UK. In Australia, only therapeutic cloning and the creation of human embryos for the purpose of stem cell research are legalized⁵. In the UK, any research in this sphere is not allowed without a license issued by the authorities⁶.

In the United States, legislation on the matter of human cloning differs on federal and state levels. The US Congress has voted 6 times on whether to allow any form of human cloning, which resulted in the introduction of a law banning federal funding for human cloning, but the act have not been passed⁷. 10 states (Connecticut, Iowa, Illinois, California, Maryland, Missouri and other) have «clone and kill» laws, which do not allow cloned embryos to be implanted for childbirth but allow them to be destroyed⁸.

¹ Decree 200/97 (in Spanish). InfoLEG. Archived from the original on 16 October 2017. Retrieved 15 October 2017.

² Ley 599 de 2000 (Julio 24) Por la cual se expide el Código Penal [Law 599 of 2000 (July 24) which issued the Penal Code]. alcaldiabogota.gov.co (in Spanish). Bogota, Colombia: Bogota Mayoral Office. 24 July 2000. Archived from the original on 18 October 2020. Retrieved 15 September 2016.

³ URL: <http://www.kznhealth.gov.za/humantissueact.pdf> Archived 29 March 2018 at the Wayback Machine.

⁴ Гарант. ivo.garant.ru. Archived from the original on 9 February 2022. Retrieved 29 March 2023.

⁵ Research cloning — Legal Aspects. Deutsches Referenzzentrum für Ethik in den Biowissenschaften. April 2014. Archived from the original on 20 April 2014. Retrieved 19 April 2014.

⁶ MPs support embryology proposals. BBC News. London. 23 October 2008. Archived from the original on 9 October 2009. Retrieved 9 December 2009.

⁷ «H.R.4808 — Stem Cell Research Advancement Act of 2009». congress.gov. 10 March 2010. Archived from the original on 22 February 2017. Retrieved 21 February 2017.

⁸ Pai, Knobbe Martens-Raj D.; PhD; Jardine, Jason J. (11 June 2018). «The Law and Human Cloning». Lexology. Archived from the original on 22 March 2023. Retrieved 29 March 2023.

On the international level, both the Council of Europe and The United Nations, consider human cloning illegal. Since 2001, the issue of human cloning has been a matter of debate in the UN General Assembly. Some states, such as the Holy See and Italy, sought to extend debate to ban all forms of human cloning, noting that even therapeutic cloning may endanger human dignity. Four years of debate had passed without consensus on that question and a non-binding UN Declaration on Human Cloning was adopted. It forbids all forms of cloning of a human aiming to protect their dignity¹. At the same time, the European Union only bans reproductive cloning by the Charter on Fundamental Rights of the European Union².

In conclusion, it is imperative to note that there are no harmonized laws on human cloning yet, although the overall tendency is to prohibit it. Though human cloning may be practically applicable and could make a significant impact on medicine, society sees danger in it. There are still many questions regarding regulation of hypothetical clones and their protection, as well as that of donors of biomaterial. Ethical concerns are also not groundless and until all these questions are solved, human cloning does not seem to be possible.

Дорош Е. А.

ВАБТ Минэкономразвития России

Студент

Analysis of the development of bioethics on the basis of Oviedo Convention

Abstract. Bioethics is the new area of law that provides rules and principles of public health care, scientific research and patient care. The Oviedo Convention is an international agreement that provides a legal framework for protection of the human rights and it acts as a principle source of biolaw.

Keywords: bioethics, biolaw, law ethics, scientific research, medicine, health care law.

For a long time the relations of ethics and law have been controversial. Most of people's occupations include certain rules of ethics and moral principles. This issue is especially relevant these days with the development of cutting edge technologies that make it possible to choose a sex of child, alter genes and extend human lifespan by a few decades.

¹ «United Nations Declaration on Human Cloning» Archived 15 December 2013 at the Wayback Machine. Bio Etica Web. 16 March 2005.

² EU Charter of Fundamental Rights. Europa (web portal). Archived from the original on 15 October 2017. Retrieved 7 May 2015.

From these issues a need to regulate such processes has arisen. In the second half of the 20th century a new field of ethics- «bioethics» appeared¹. Its development is closely associated with the need to regulate national healthcare and ensure safe and effective delivery of healthcare services. These days bioethics is a rapidly developing interdisciplinary field of science that has many branches, including environmental ethics, medical bioethics, clinical bioethics, etc.

Bioethics combines in itself moral, ethical, social and legal issues. Although there is no clear definition, in the legal aspect bioethics is a combination of moral and legal obligations of medical practitioners, researchers and scientists. It can be defined as a set of rules and principles that determine the use of certain practices and technologies in the field of science and biology, as well as matters of animal ethics, the use of technology in medicine, the well-being of the patients and ethical education of the healthcare providers².

Originally the sources of bioethics law consisted of the legal documents and soft-law instruments developed by national biomedical institutions. Nowadays there are a few bodies regulating the legal field of bioethics in different countries, e.g., the President's Council on Bioethics (USA), Council of Ethics (Denmark), National consultative Bioethics Committee (France), the Nuffield Council on Bioethics (UK)³. Most of them create non-mandatory programs and instructions that are used as a base for future law-making processes. However, there are a number of international agreements that are open to acceptance and ratification. One of them is The Convention on Human Rights and Biomedicine (also known as the Oviedo Convention) that was developed by the Council of Europe in 1997. It is one of the most important documents that provide a framework for regulating bioethics. It is considered to be the first legal document devoted fully to bioethics and biolaw. The Convention went into force in 1999 and since then it has been ratified more than twenty times.

The Convention's main goals are to uphold human dignity and identity while also protecting the rights and wellbeing of the patients. It provides fundamental principles of bioethics, including equitable access to healthcare, primacy of the human being and professional standards. According to the Oviedo Convention, the interests of a human being are always more important than the interests of science, so it is to be protected under any circumstances. Equitable access to health care means that every person has the right to be medically treated by qualified specialists regardless of their age, gender or nationality. In addition to this, any research should

¹ Scher S, Kozłowska K. Rethinking Health Care Ethics // Singapore: Palgrave Pivot, 2018. P. 116.

² Pellegrino E. D. The origins and evolution of bioethics // Kennedy Inst Ethics J. 1999.

³ Michael H. Shapiro, Roy G. Spece Cases, Materials and Problems on Bioethics and Law. Eagan: West Group, 1981. P. 35–38.

be conducted in accordance with the current professional standards, including confidentiality, maintaining professionalism and protecting children from harm.

One of the Convention's most important provisions concerns obtaining a patient's full and clear consent before medical procedures. It also prohibits any medical interventions without consent of a patient. Convention states that because human embryos are unable to give consent, it is illegal to artificially generate embryos for scientific studies. The third chapter focuses on private life and the right to information. Both individuals and medical professionals are entitled to full information about their health, including the results of genetic tests.

Although the Oviedo Convention does not prohibit research on humans and embryos *in vitro*, it establishes the basic rules of patient's protection¹, paying attention to the fact that the results of such research can potentially produce benefits to health and prolong people's lives. Furthermore, removal of organs or tissues for transplantation is also permitted, making it possible to develop new therapeutic practices and biomechanical devices to replace organ functions.

However, the Convention stipulates that financial gain from obtaining or disposing of the human tissues is strictly forbidden. It also places restrictions on modification of the human genome and genetic testing. Four additional protocols were developed to set further standards in the field of biomedicine. They include full prohibition of human cloning, access to equitable transplantation services and the proper conduct of scientific research.

Overall, bioethics is a wide area of law that has only recently started forming legally binding and mandatory instruments and laws for nations. With the active development of science it is important to regulate the field of medical ethics in order to make sure that scientific progress does not affect the rights and interests of people.

Ерошина А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Presumption of consent to the removal of organs from a deceased donor in the Russian Federation

Abstract. This article examines the legal regulation of the procedure of removal of organs from a deceased donor in Russian Federation. The analysis of the presumption of

¹ Medical Ethics // URL: <https://medlineplus.gov/medicalethics.html> (дата обращения: 28.09.2023).

consent reveals both shortcomings and positive features of the existing system in the Russian legal order.

Keywords: organ and tissue transplantation, citizens' health, deceased donor, presumption of consent, medical organizations.

Scientific progress does not stand still, therefore, in the course of the development of society in general and medicine in particular, the state needs strict regulation of the use of biomedical achievements. The procedure of organ and tissue transplantation is not an exception. At the moment, there are two normative legal acts in the Russian Federation regulating the previously mentioned sphere. Firstly, this is Federal Law № 323-FZ «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation.» This law defines the legal basis for the protection of citizens' health; the rights and obligations of subjects in the field of health protection; powers and responsibilities of state authorities¹. Secondly, it is Law № 4180-1 «On Transplantation of human organs and (or) tissues» (hereinafter — Law № 4180-1). This regulatory legal act imposes conditions and procedure for transplantation of human organs and (or) tissues, based on modern achievements of science and medical practice. The preamble of the law states that the transplantation of human organs and tissues is a means of saving lives and restoring the health of citizens. The legislator also emphasizes that organ and tissue transplantation should be carried out on the basis of compliance with the legislation of the Russian Federation and human rights in accordance with humane principles proclaimed by the international community, while human interests should prevail over the interests of society or science². The debating question is article 8 of Law № 4180-1. The legislator in this provision establishes the so-called presumption of consent to the removal of organs and tissues from a deceased donor. Thus, article 8 stipulates the impossibility of removing organs and tissues from a corpse under two conditions: firstly, if a medical institution is notified of the disagreement of an adult capable person (or spouse, and in their absence other close relatives) during life for such an extraction; secondly, if a medical organization has not received consent of one of the parents to such withdrawal in the event of the death of a minor or a person recognized as legally incompetent. The presumption of consent implies that if a person has not notified a medical institution during his lifetime of his disagreement with the removal of organs from his body, then, if necessary, employees of a medical organization are authorized to remove organs and tissues, even without notifying the next of kin. Relatives

¹ Federal Law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 24.07.2023) «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2023).

² The Law of the Russian Federation «On transplantation of human organs and (or) tissues» dated 22.12.1992 № 4180-1.

or legal representatives can express their disagreement on the removal of organs, but they must do this only until the moment of the patient's death, otherwise their disagreement after the death of the donor will have no legal force¹. Is this presumption humane? What is the probability that a person during his lifetime thinks about what will happen to his body after death?

On the one hand, we can agree with the Constitutional Court of the Russian Federation, which in its ruling № 459-O indicated that the model of presumed consent chosen by the legislator is based «on the recognition that it is inhumane to ask relatives almost simultaneously with the notification of the death of a loved one or immediately before surgery or other therapeutic measures the question of the removal of his organs» and «on the assumption based on the actual state of medicine in the country, that at the present stage of development of transplantology, it is impossible to clarify the will of these persons after the death of a person in a time that ensures the safety of the transplant»². However, on the other hand, judicial practice shows that the chosen model traumatizes the relatives of the deceased. For example, in the practice of the European Court of Human Rights in the case «Elberte v. Latvia» dated 13.04.2015, informing a spouse about the removal of her husband's organs 2 years after the funeral was recognized as degrading treatment. Another disadvantage of the presumption of consent is the presence of a black market and, unfortunately, organs and tissues seized from the deceased do not always go to the real saving of another person's life. We also need to mention, that the Russian legal order does not regulate the procedure for giving consent/disagreement to organ and tissue transplantation after a person's death. So, in our opinion, it is necessary to implement a system of mandatory regular consent request for post-mortem removal of organs and tissues when visiting medical organizations. This procedure should be fixed at the legislative level. We believe that this will help to achieve a proper level of respect for human rights and freedoms.

Thus, the transplantation of organs and tissues of the deceased has the goal of saving the lives of other people, but the current legal consolidation of this procedure is defective and may entail unpleasant ethical consequences. It is necessary to introduce a clear regulatory procedure for the exercise of the right to decide the fate of the organs of the deceased. Also, the law should define with sufficient clarity the

¹ Goncharov V. A. «Legal regulation of human organ and tissue transplantation in the Russian Federation». Skif. Questions of student science. 2020.

² Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.12.2003 № 459-O «On refusal to accept for consideration the request of the Saratov Regional Court to verify the constitutionality of Article 8 of the Law of the Russian Federation «On transplantation of human organs and (or) tissues».

duties and the degree of discretion granted in this regard to the staff of health care institutions.

Коротков А. Д.

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
Студент

Sex reassignment surgery: medical and legal consequences in Russia and abroad

Abstract. In the period of modern times, sex reassignment surgery has ceased to be an extraordinary phenomenon. Now people suffering from gender nonconformity can obtain a body that corresponds to their inner world. This article examines the legal framework in Russia related to sex reassignment surgery and compares it with international standards and practices.

Keywords: gender, biolaw, transgender, reassignment, intersex-people.

The essence of the concept of surgical sex correction is an operation during which an individual suffering from gender nonconformity changes his primary sexual characteristics to similar ones corresponding to another gender.

The history of sex reassignment operations begins in the middle of the XX century. In the 1930s, the German sexologist and psychiatrist Magnus Hirschfeld coined the term «transsexuality» and founded the Institute for the Science of Sex in Berlin. Hirschfeld performed several sex reassignment surgeries, but due to the Nazis coming to power in Germany in 1933, his research was discontinued and the institute was destroyed.

In the post-war period, sex reassignment surgeries were carried out from time to time in different countries, such as the USA or even the USSR, where such operations were called «a method of surgical treatment of hermaphroditism. «

Over time, medicine and biotechnology have evolved. In recent times, surgical intervention to correct sexual characteristics no longer causes the same difficulties and is actively practiced by various countries, such as Denmark, Germany or the UK, as an opportunity for gender self-determination for transgender people.

However, some countries have a conservative view of sex reassignment surgeries and treat them with distrust or even deny their existence. Countries such as Russia, China, and Iran may restrict access to sex reassignment surgery, require psychiatric evaluation, or refuse to recognize the gender identity of transgender people.

What is the gender discrepancy? Gender nonconformity or gender dysphoria is a medical diagnosis that implies a person's feeling of non-belonging to the gender to which he belonged from birth.

It is worth saying that at the moment there is no such concept in Russia, since it is taken into account in the ICD-11, which, at the moment, is not accepted by the Russian Ministry of Health. In many other countries where the ICD-11 system has already been adopted, this deviation is recognized and is actively treated, being an indication for sex reassignment surgery.

Sex reassignment surgery can include both surgical effects on the genitals, as well as hormone therapy, cosmetic plastic surgery. However, the social and mental aspects of gender transformation are no less important. So, a person needs to adapt to a new social role, to a new attitude for himself.

Society tends to perceive transsexuals differently. Apparently, even in civilized countries they are stigmatized and discriminated against. Religion often does not accept such changes in one's own body, as well as conservative people. Transsexuals are suppressed, devaluing their painful feeling of inconsistency with their body.

That is why it is so important to ensure the legal security of trans people. The law should prevent stigmatization, put them on a par with other people, and prevent discrimination.

Thailand is an example of a country where the rights of transsexuals are legally protected. In 2002, Thailand became the first country in the world to allow transgender people to change their legal field in their passports without surgery. The law also allows them to choose a male or female version of their civil status. Transgender people in Thailand are eligible for hormone therapy procedures and sex reassignment surgery, and these procedures can be covered by insurance. However, although laws in Thailand stipulate some aspects of the rights of transgender people, there are still some social and cultural issues, such as discrimination in the workplace and in society.

In Russia, the situation for transgender people is divergent. Gender reassignment surgery was banned by law in 2023. In addition, transgender people are partly exposed to strained relations with society, face discrimination, lack of recognition and access to a range of social rights, such as gender change in documents, marriage and the possibility of adopting children. Prerequisites for carrying out such an operation, in accordance with the law (Article 45.1. The prohibition of changing the sex of a person) can only be a severe congenital anomaly of the reproductive organs, or a disease of the endocrine system associated with a violation of the development of the genitals in children, and even in this case everything should be carefully checked by a special medical commission.

Considering the consequences of such a legitimate initiative, it is possible to analyze the possible consequences for people's lives. Lack of access to medical sex reassignment procedures can cause mental suffering, depression, and even suicide. Banning surgery may increase stigma and violence against transgender people. The

lack of legal protection and access to medical procedures can push people to illegal and dangerous methods of changing their gender.

Speaking of sex reassignment surgery, it is impossible not to mention the so-called intersex people. These are people born with sexual characteristics belonging to both sexes. The attitude towards such individuals varies from country to country.

In Russia, according to Bill No. 369814-8 [«On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»], surgical intervention will be unavailable for adult intersex people if the latter want to stop being «variable». This can have significant consequences for intersex people who wish to adopt a certain one gender or bring their appearance in line with their inner sense of gender.

In conclusion, it is worth summarizing the collected information. Considering the medical aspect of sex reassignment surgery, it can be argued that the availability and range of services provided varies greatly depending on the country. So, in Russia, such operations are prohibited by law and cannot be performed legally. In other countries, such as Sweden, Denmark or Thailand, similar medical services can be provided in accordance with medical organizations and specialists who require psychological assessment procedures and confirmation of gender identity for clients. From a legal point of view, everything is still very different in Russia and abroad. In European powers, people have the right to change their gender in official documents after fulfilling various legal requirements, such as medical procedures, psychological assessment and court consent, when, as in Russia, in accordance with the traditional course of development of the state, this is impossible.

Назмутдинова А. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Ethical and legal aspects of posthumous reproduction

Abstract. The article covers the data on cryopreservation development technologies which provide the opportunities to conceive a child after the death of one or both parents. Posthumous reproduction incurs a large number of legal and ethical problems, inaccuracies, including the intentions of the deceased; the status of the partner of the deceased in determining the interests of the deceased; and whether posthumous reproduction is against the interests of children. The article studies the practice of posthumous reproduction in the world, its implementation features in Russia and ethical aspects of its use.

Keywords: posthumous reproduction, cryopreservation technologies, prior consent, assisted reproductive technologies (ART).

With the development of cryopreservation technologies, human capabilities in the field of reproduction have increased. For centuries, fathers have died before their children were born or women have died in childbirth or shortly thereafter. However, reproduction in conditions of early parental death is not posthumous reproduction because the birth of child occurs before the person reproducing has died. Posthumous reproduction includes the possibility of child's conception after the death of his parent or parents using genetic material that was taken in advance.

Now achievements in medicine allow to carry out several options of posthumous reproduction: the use of cryopreserved genetic materials obtained during a lifetime, transfer of a previously frozen embryo, extraction of genetic materials from a deceased person and its cryopreservation.

The story of Gaby Vernoff is considered to be fundamental in the development of posthumous reproduction. It happened in 1980. Having suddenly lost her husband, she asked artificial insemination specialist Dr. Cappy Rothman to collect her spouse's gametes. This was the first successful case of a child being born from the use of material from a man who was already dead. In the following years, many uses of this method occurred throughout the world.

Despite the fact that postmortal reproduction is hardly the most important issue of bioethics and bio law, questions of it nevertheless have something to teach about the role of personal autonomy in resolving bioethical debates. Many aspects of it remain controversial, despite the large number of cases of using this method of reproduction.

As for the regulation of posthumous reproduction in other countries nowadays there is no precise legal regulation of postmortal reproduction in the world. In some countries such as the UK, the USA, Australia implementation issues of this way of reproduction are legally defined. In other countries, for example, in Germany and France, it is banned. Although each country has its own distinguishing features, there are three recurrent elements¹. The first one is legal ambiguity. It appears because of absence of clear legal principles governing posthumous reproduction. The second element is a requirement for prior consent of the deceased. And the third element implies that permission to use the deceased gametes is granted only to the partner or spouse.

Posthumous reproduction is usually characterized by ambiguity. There are no laws that directly regulate both the retrieval and the use of the genetic materials of the deceased. And even if some countries have guidelines about it, those are not

¹ Shelly Simana. Creating life after death: should posthumous reproduction be legally permissible without the deceased's prior consent? Oxford University Press. 2018. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6121062/> (data of application: 23.09.2023).

legally binding. Also judges prefer to distinguish gamete retrieval and gamete use. This division can be explained by the urgency of the retrieval procedure meaning that prolonging the proceedings is not possible in such cases. But it results in unclear outcomes when the court might permit the retrieval but prohibit the use.

In countries like the United Kingdom, USA and Australia posthumous reproduction includes permission for the partner, but not for parents, to retrieve and use the genetic materials of the deceased. It is believed that parents have no interests in the reproduction decisions of their children and such choices should be made by the potential parents.

However, in some cases, courts have granted parents a permission to retrieve and use the gametes of the deceased. In the case of Nikolas Evans's¹ his mother applied for an emergency court order to authorize the retrieval of Nikolas's gametes and its use. She stated she had many conversations with her son about his desire to have children. The judge approved her request.

Nowadays legal regulation of posthumous reproduction is insufficient all over the world. Issues of consent of the deceased and the possibility of retrieval and use of gametes remain problematic.

Considering the legal aspects of posthumous reproduction in Russia the situation is not unambiguous. Despite the fact that assisted reproductive technologies have been available to Russian citizens since 1986, the sphere of postmortal reproduction is not legally regulated and, as a consequence, gives rise to a number of ethical and legal challenges.

One of the first posthumous reproductive occasions in our country was the case of Natalia Klimova. When her son was diagnosed with leukemia, she persuaded him to retrieve his gametes. After her son's death she concluded an agreement with the surrogate mother. Then her grandson was born, but the registry office refused to register him. She had to defend her right to raise the child through the court. By the judge's decision Natalya Klimova was registered as the child's mother, although biologically she is his grandmother.

Federal Law «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation» is one of the main laws in the field of health care. It defines assisted reproductive technologies (ART) as medical technologies for the treatment of infertility. Article 68 states that the body, organs and tissues of a deceased person can be used in medical purposes if there is a written expression of the will of the person made during his lifetime and notarized. However, this article does not contain any rules governing the use of gametes.

¹ ABC News. Sperm Retrieval: Mother Creates Life After Death. 2010 URL: <https://abcnews.go.com/Health/Wellness/mother-murdered-son-hopes-create-grandchild-post-mortem/story?id=9913939> (data of application: 13.09.2023).

The order of the Ministry of Health of the Russian Federation (№ 803Н) «On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use» also does not regulate the death of a person participating in the ART program. What is progressive in this law is that such ART can be used by both married couples and people in de facto marital relationships, as well as single women with informed voluntary consent, but it remains unrealized reproductive rights of unmarried men.

Paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation states: «Persons who are married and have given their written consent to the use of artificial insemination or embryo implantation, in the event of the birth of a child as a result of the use of these methods, are recorded as his parents in the birth register».

Thus, it means that if the ordering parents have already begun their reproductive program by signing informed voluntary consent, they will in any case be recorded as the child's parents in the birth register. So it does not take into account at what point the conception or embryo transfer took place and whether the birth occurred before or after the death of the parents.

The current family legislation leaves the birth of children as a result of postmortal reproduction outside of legal regulation.

According to V.V. Bogdan, judicial practice is replete with examples of such particular issues as posthumous reproduction, which is beyond the sphere of legal regulation. In his opinion, it only confirms the need to create a conceptually and qualitatively new approach to the legal regulation of the use of new medical technologies¹.

The family legislation in our country does not have a clear legal framework in establishing the legal status of children born as a result of postmortal reproduction; the issues of protecting their property rights have not been resolved; the terms and rules for storage, use, and destruction of the recipient's genetic materials have not been established.

There are ethical aspects of posthumous reproduction such as the interests of the child: the implementation of posthumous reproduction directly affects physical and mental health, self-identity of the child. From a social point of view, these children are orphans from the moment of conception. The fact that the child knows that he was born after the death of one or both parents may not have the best effect on his psyche. Also children may have doubts about the legitimacy of their origin.

¹ Bogdan V. V. New medical technologies: concept effectiveness and legal forecast (private law aspect). Civil law 2021. № 4.

Besides, a unilateral decision on the posthumous use of the deceased's genetic material may have some selfish goals. For example, avoiding loneliness and obtaining financial benefits. In each specific case of postmortal reproduction, there is a need to establish the true intention of the person who donated the genetic material.

The issue of prior consent is also an important aspect of posthumous reproduction. The problem is that retrieving and using the gametes of the deceased when there is no consent is morally wrong and represents a breach of the ethical principle or respect for autonomy. Without prior consent, it is impossible to know with certainty what the deceased would have wished in such situation. Even if the deceased wanted a child during his lifetime, this does not mean that he would want one after his death.

In conclusion, it should be noted that posthumous reproduction needs legal regulation. The law must establish specific situations when the implementation of postmortal reproduction will be permissible, with clear limits and conditions for the implementation of this right. The development of standards should begin with the legislative definition of the legal status of genetic material. A person must have the right to express consent to the use of his genetic material both during life and after death.

Овсянникова С. Г.

ВАВТ Минэкономразвития России

Студент

Legal Challenges of Human Gene Editing

Abstract. Mentioning human gene editing people tend to suppose science has no boundaries. Gene editing includes studying of genes, modifications of organisms and researching variety of genes. Most countries ban human gene editing on purpose, however, violations of laws still happen all over the world. The aim of this article is to represent the legal means to regulate human gene editing.

Keywords: gene editing, gene engineering, international law.

The twenty first century is an era of new technologies and stunning scientific discoveries. One of the most relevant topics for scientific research is the genetic modification of humankind. Scientists, social networks' influencers, and even average citizens tend to question each other if it is possible to create new life from «nothing» or whether the mankind will be able to replace one human genes with others. Continuous research in genetic engineering leads to the expansion of the boundaries of possibilities. Thus, developing of genetic engineering could possibly give a chance to create cures for diseases that kill thousands of people, to increase the standards of living, and to put science several steps ahead. However, there are questions that cannot be answered yet. Firstly, what will regulate the change of people's genes?

Will law, rules of morality and ethics be adapted to regulate gene editing? Secondly, there is no information about how far gene modification could possibly go. Will it bring more advantages than drawbacks? Thirdly, how sanctions should be entitled to one using the gene editing for non-medical reasons?

This article is devoted to questions concerning general influence of gene engineering on our every-day life, genetic modification of babies and the legal regulation of actions connected to gene editing.

Gene engineering connected with babies seems to be an element of science fiction. However, on December 30, 2019 Jiankui He, a Chinese researcher, was sentenced to 3 years of imprisonment with a fine of 3 million RMB Yuan for committing the «Illegal Medical Practice» crime¹. Other two defendants of the case were sentenced either. He made an attempt to create HIV resistance by forcing the mutations in *CCR5* to occur (a gene to infect healthy cells with HIV). The eggs were extracted from bodies of two HIV-negative mothers and the twin pregnancy gestated after the genome-edited embryos were transferred via CRISPR technology (Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats). It is crucial to mention that the whole CRISPR technology is a highly risky procedure and attempts to transform human embryos and produce babies using that method includes unbearable risks. According to the Court, none of the three defendants possessed a doctor's practice license, which is necessary for applying genome-editing technologies. Moreover, such research violates international and domestic law.

Human gene editing is forbidden in several countries. China, India, Ireland, and Japan forbid gene editing on the basis of guidelines which are enforceable². Under FDA (Food and Drug Administration) and NIH (National Institutes of Health) the laws of USA impose a moratorium on human gene editing³. The main reason why a preventive mechanism should be developed in a proper way is that crimes connected with gene editing are still likely to occur. According to Article 9 of the Declaration of Helsinki-Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects (The Declaration of Helsinki), the responsibility for the protection of research subjects must always rest with the physicians or other health care professionals and never with the

¹ «基因编辑婴儿»案一审宣判：贺建奎被判有期徒刑3年 // 新浪财经 URL:

https://finance.sina.com.cn/china/gncj/2019-12-30/doc-iihn-zhfz9255859.shtml?cre=tianyi&m%20od=pccpager_fin&loc=33&r=9&rfunc=100&tj=none&tr=9. Accessed %2022%20Jan%202020 (data of application: 14.09.2023).

² Motoko A, Tetsuya I. International regulatory landscape and integration of corrective genome editing into in vitro fertilization. *Reprod Biol Endocrinol*.

³ NIH. NIH Guidelines for Research Involving Recombinant or Synthetic Nucleic Acid Molecules. 2013.

research subjects, even though they have given consent¹. Moreover, gene edited babies have to face various risks including uncertainty, health problems, blurred future etc. In the Chinese case mentioned before scientists violated not only the Declaration of Helsinki, but also the domestic law.

The Declaration of Helsinki has not only set a ban on gene editing. Across the international community, the Council for International Organizations of Medical Sciences (CIOMS) has a great influence on creating global standards for conducting research on human subjects². Discussing the topic of gene editing it referred to the Nuremberg protocols and mentioned that it has an ability to be more restrictive than domestic law.

Both domestic and international law bans gene editing. In Russia the legal regulation is still under development, thus, the legal basis exists. Article 6 of the Federal Law «On state regulation in the field of genetic engineering activity» of 05.07.1996 № 86-FZ states the genetic-engineering activity could be divided into special risks levels. The III and IV risk levels could be carried out only if a researcher possesses a special license. Similar rules are in China. As we saw in the above case, the group of researchers did not have a right to use CRISPR technology without a license.

Consequently, there are two sides of the same problem. On the one hand, development of gene editing will undoubtedly provide the humanity with benefits. This could include defeating death, curing diseases, saving millions of people and finding new ways to enhance the level of science. On the other hand, legislation is not developing as fast as the science, and it needs to keep up with it to avoid risks. If the legal system is not keeping up with science and human gene editing practice, there will certainly be issues connected with violation of law, ethics and morality. Despite the fact no country has properly developed methods for the regulation of human gene editing, the basis for the new sphere of law exists.

¹ WMA Declaration of Helsinki — Ethical principles for medical research involving human subjects // World Medical Association. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (data of application: 14.09.2023).

² Charo R. Alta. «The Legal and Regulatory Context for Human Gene Editing.» Issues in Science and Technology 32, No. 3 (Spring 2016).

Поталов А. С.

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Студент

Cell Therapy and Gene Therapy Products: Historical Insight and Regulations

Abstract. The article encloses information on gene and cell therapy as the most progressive area of pharmacology along with the issues related to the necessity of legal, financial and other controls through certified organizations providing for historical experience.

Keywords: FDA, biomedical cell products, state registration, EMA, drugs, cell therapy, gene, production, licensing activity.

Pharmaceuticals is one of the fastest growing industries combining chemistry and medicine. For centuries, the fight against diseases was carried out exclusively with the help of folk remedies, more often selected on the basis of false ideas, because the treatment was often very dubious. However, everything began to change at the beginning of the 20th century. Eventually, the development of chemical methods (especially organic synthesis) began. This allowed humanity to create the first synthesized drugs, it gave a new round of development in drug therapy. Subsequently, the world was able to treat various diseases through the industrial production of substances. This has certainly taken medical care to a new level. As in any industry, there are various control mechanisms, including in the pharmaceutical sector. They differ in many ways in each country or block of countries, but they are similar in basic features. From the point of view of the peculiarities of state regulation of drugs for gene therapy, all countries and unions are divided into several parts. The main powers are: USA, EU and Russia.

Concerning the USA, the mechanisms for reviewing gene therapy drugs are as follows:

1. Priority review designation (BLA) for the treatment of orphan diseases (reduction of procedure time from 12 to 6 months);
2. Accelerated registration of drugs for the treatment of life-threatening conditions, orphan and oncological diseases;
3. Fast track designation in 1997 and Breakthrough Therapy designation in 2012, for example for advanced regenerative medicine products (RMAT, 2016).

However, in accordance with 351 Code of Federal Regulations 21CFR1271.10, if there is an investigational new drug (IND) application (clinical significance of a new drug based on quality data and DCT), there should be an application for BLA (considered from 10 to 12 months from the date of submission). If a drug is unsuitable

for use or has not passed the DCT, it is included in the FDA Safety and Innovation Act (FDASIA) as a result of fast track review process (Fast Track designation) for products aimed at addressing unmet medical needs, treating serious and life-threatening diseases, and «breakthrough products».

Referring to the issue of drug regulation for the treatment of orphan diseases countries of the European Union are practically no different from the United States. The only difference is that in the eurozone countries there is an organization called Priority Medicine (PRIME), which can consider assigning drug status to a substance. According to the EMA (European Medicines Agency), drugs in this area are divided into: Advanced therapy medicinal products (ATMP) and Gene therapy medicinal products (GTMP). The regulatory body is the Committee for Advanced Therapies (CAT). On the terms set out in Directive (EC) No. 1394/2007 «All advanced therapy products (except for use in hospitals) must be approved by the EMA to be placed on the EU market.» Corresponding to PPT certification mechanism «the certification procedure is independent of the procedure for filing an application for obtaining a registry certificate and can be carried out for medicines at any stage of their development.»

As it pertains to three basic laws of the Russian Federation:

1. Federal Law of July 5, 1996 № 86-FZ «On state regulation in the field of genetic engineering activities»;
2. Federal Law of April 12, 2010 № 61-FZ «On the circulation of medicines» with additions made by Federal Law of December 22, 2014 № 429-FZ, Federal Law of July 13, 2015 № 241-FZ;
3. Federal Law of June 23, 2016 № 180-FZ «About biomedical cell products».

Federal Law 180 defines the criteria for including certain medical devices as BCP. BCP are complexes consisting of a cell line (cell lines), excipients, as well as registered drugs and medical devices. In fact, the main feature of classifying a drug as a BCP is the accumulation of cells included in its composition, or their modification (including for the purposes of ex vivo gene therapy).

Talking about any country the key issue for business is state registration. If a businessman does not pass this stage, consequences are to follow. First of all, it is necessary to understand all stages of examination during state registration: drug expertise and biomedical cell product expertise diverge at some points.

Based on Federal Law 61 of the Russian Federation «On Drug Circulation», an examination of documents is carried out to obtain permission to conduct a clinical trial. Following this, a clinical trial is carried out, based on the results of which the quality of samples and control methods are examined, as well as an examination of benefits and risks, after which the drug receives state registration.

As for the BCP, at first glance, it seems the procedure is the same, but in terms of quality assessment and examination of documents for obtaining permission to

conduct a clinical trial, the procedures are based on the 180th Federal Law of the Russian Federation «On Biomedical Cell Products». No country has such a unit except for Russia. Elaboration of medicines, pharmaceuticals and biomedical cell products is developing slowly in our country due to the prolonged testing procedure.

After the state registration of drugs the process moves to the stage of production and licensing. Due to the separate type of examination, different organizations manage different types of pharmaceutical products. Drugs are managed by the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation, while biomedical cell products are under the control of the Federal Service for Surveillance in Healthcare (Government Decree No. 114 from January 31st, 2017).

Ultimately pharmaceuticals is one of the fastest growing industries, combining chemistry and medicine and enabling the world to defeat orphan diseases. However, despite a fairly powerful legislative and testing base, the development of cell and gene therapy is still only at an early stage. Russia's legislative machine at the current stage is preventing the due process of drug registration. Gene and cell therapy still make a small contribution to the overall therapeutic arsenal. However, this is the case when the long-term history of the project is much more important and in the future much more profitable. The field of pharmacology is actively developing and, hopefully one day, there will be no incurable, so-called orphan diseases left in the world. Foreign regulators are already actively supporting the developing industry, simplifying the bureaucratic machine for business people. In essence, the actions of regulators are aimed at systematizing development strategies taking into account the individual characteristics of new drugs, and also actively offering scientific recommendations, helping companies choose the best possible development path. The FDA and EMA also have specific designations for gene therapy and cell-based products, such as the FDA's RMAT (Regenerative Medicine Advanced Therapies), which allow faster product development and assist communication with agencies. In Russia, some improvement in the regulatory situation in the field of drug development is only expected in connection with the transition to the legislation of the Eurasian Economic Union, which largely copies the legislation of the European Union. In particular, there is hope that cell therapy will be regulated by Law 180-FZ not as «biomedical cell products», but as medicines. Summarizing all of the above, our country has two paths of development. The first is to follow the industry in trying to catch up with the countries of the European Union and the United States. The second is to judge by content, and not by form, simplifying the procedure of research and registration.

Репина А. С.

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Студент

Genomic research and criminal liability in Russia and Abroad

Abstract. This article delves into discussion about genomic research and the potential for criminal charges arising from its execution, both in Russia and around the world, classifies key genomic research techniques and analyses types of legal regulation in genetic research.

Key words. genomic technology, genetic information, criminal liability, biosafety.

The rapid advancements in genomic technologies lead to consequences, where the use of genetic information carries the potential for criminal liability. This scientific field not only expands our knowledge of human genetics but also raises questions regarding legal responsibility, privacy, and the ethical aspects.

Currently, foreign and Russian legislation is designed to define the protection and regulation of researches related to methods where advanced treatment tactics and research of genetic information are used. But due to the rapid pace of the creation of new technologies, this intersectoral legal institution is only at the stage of development.

It is necessary to understand the techniques applied in works on human's genome since genomic research covers a broad array of patterns and methodologies aimed at deciphering the genetic information contained within the DNA. These techniques have evolved significantly over the years, and they are essential for understanding the subtleties of genetic composition, variations, and their potential implications. Below are some key genomic research techniques:

1. DNA Sequencing: This is the fundamental technique in genomic research. It involves determining the order of nucleotides (adenine, cytosine, guanine, and thymine) in a DNA molecule. Next-generation sequencing (NGS) technologies have revolutionized this field, allowing for rapid and effective sequencing of entire genomes.

2. Genome Mapping: Genome mapping techniques help researchers identify the locations of specific genes and genetic variations within an individual's genome.

3. Genome-Wide Association Studies (GWAS): GWAS is a powerful technique for identifying genetic variants associated with diseases or traits. Researchers analyze the genomes of large populations to find common genetic markers linked to specific conditions.

4. Functional Genomics: This approach focuses on understanding how genes function and interact with each other. Techniques such as transcriptomics (studying

gene expression) and proteomics (studying proteins) provide insights into the biological processes regulated by genes.

5. CRISPR-Cas9 Gene Editing: CRISPR-Cas9 technology allows for precise modification of specific genes within an organism's genome. It has potential applications in both research and therapeutic contexts.

Concerning the legal framework in this field in Russia, currently, the system of application and implementation of biomedical sciences is underdeveloped, and medical law in Russia is not singled out as a separate branch at all.

At the moment, the regulatory framework for conducting research in the field of genomic technologies in the Russian Federation consists of the following normative legal acts: The Federal Law «On Biological Safety in the Russian Federation» from December 30, 2020; the Federal Law «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Improve State Regulation of Genetic Engineering Activity» from July 3, 2016; RF Government Decree «On Approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027» from April 22, 2019; Federal Law «On State Genomic Registration in the Russian Federation» from December the 2nd, 2008. However, it concerns exclusively voluntary genomic registration for the purpose of identification.

Most of the regulatory legal acts focus on the IVF procedure, cloning, genetic engineering and organ and tissue transplantation.

One of the significant examples of a loophole in this area in Russian law can be Article 4 of Federal Law «On a temporary ban on human cloning» from May 20, 2002, which states that individual is responsible for violating the ban in accordance with the legislation of the Russian Federation. However, in the legislation, there were no norms establishing the responsibility.

Another example is the Federal Law «On State Regulation in the field of genetic Engineering» from July the 5th, 1996. Gene therapy includes such methods as variation procedure to the cell's DNA to treat diseases. But this law requires to be clarified: not just for the treatment of diseases, but deliberately severe hereditary diseases. It is also necessary to distinguish the consequences of actions for the researchers who might change the human genome intentionally.

But the burning issue of today is ensuring the data protection of the Russian Federation citizens when collecting genetic information. Therefore, it is necessary to prevent data «leakage» and strengthen the information protection system.

Concerning the legal framework abroad, namely the foreign legislation regulating genomic research and technology, it can be conditionally divided into two groups: permissive legislation and restrictive. The UK, Sweden, and China belong to first one: researchers' activity is licensed and conducting research, experiments, data collection are under control of the authorities, such as the Ministry of Health

and the Ministry of Science. These countries support studies that have a positive impact on the quality of life of the population.

The second group includes: Azerbaijan, Kazakhstan, Armenia, Georgia, Estonia, Belgium, Germany, Spain, France, Canada, Australia. They, on the contrary, limit the conduct of these studies to strict boundaries, for violation of which criminal liability is provided. The norms on genomic research and biotechnology in Spain (5 sections in the Criminal Code) and France (11 sections in the Criminal Code) have received the most attention and detailed elaboration. These laws support the interests of their citizens and protect their freedom and rights.

One of the examples of the European Union is the law on General Data Protection Regulation (GDPR): «It is one of the most comprehensive data protection regulations globally and applies to all EU member states. It covers the processing of personal data, including genetic data. Under GDPR explicit consent is required for the processing of genetic data. Data breaches must be reported to the relevant authorities and affected individuals within a specific timeframe. Non-compliance with GDPR can result in significant fines, which can be substantial percentages of a company's global turnover. «

Regarding the cases of medical ethics violated there is a case of Jan Karbaat, reproductologist from the Netherlands, the founder of the Bidjorp clinic, which provided services of assisted reproductive technologies. The women who were patients in this clinic, without their own consent and warning in advance, carried embryos conceived from the doctor Jan Karbaat sperm. He explained his motive, that was a desire to reduce the costs of the clinic for the storage and search of biological material. The Law «On Embryos» of the Netherlands from June 20, 2002 contains norms regulating scientific research on embryos, the procedure for conducting such procedures, the grounds for their conduct, the procedure for requesting permission from the genetic «parents» of the embryo and obtaining the conclusion of the medical commission, the violation of which leads to criminal liability. While there are no norms on the substitution of biological material. Thus, legislators do not specify such elements of crimes, and therefore a person may commit acts with specific intention, and they will not be held responsible for them. Jan Karbaat abused the provision of the Law on Donor Anonymity, knowing that no one has the right to request the personal file of male sperm donors. He violated the rules in the provision of medical services and reproductive technologies; and fraud can also be included in the crime, since he appropriated all the money and never fulfilled his part of the contract, where he had to pay a certain amount to donors of biological material.

In 2004, in the Netherlands, the Law on the Anonymity of sperm donors who provided their biological material was abolished. This decision will protect the rights of the child to know about the identity of his biological parents, which is confirmed by Article 7 of the UN Convention on the Rights of the Child, approved by the UN

General Assembly on November 20, 1989. It should be noted that in Russia, until now, embryos can be considered as objects of transplantation, medical waste, etc., but not as subjects of separate legal relations, which also allows researchers and doctors to avoid legal (primarily criminal) liability. Consequently, there is a question of ethics and responsibility of these people. In a number of countries, from a certain age of gestation, the embryo becomes a separate subject, and its viability is protected. But there is a difficulty in regulating the ethical side of genetic research, since it is at the initial stage of development.

Despite the fact that genomic research is one of the main priorities of scientific development, it is still not regulated by the Criminal Code. The suggestion is to develop an institution of criminal responsibility in the field of conducting and using genomic research in order to protect the rights of citizens and ensure biosafety, and human genomic information should be endowed with a special legal status. Another option is to create a separate branch of law — biomedical. It will be possible to combine the existing legal norms into a separate code that would regulate the field of biotechnology.

But it is necessary to remember the fact that such legislation should stay ahead and not create obstacles to scientific experiments and the implementation of their results in practice, otherwise progress in such conditions is simply not possible.

Ризаева Д. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

The problem of humane handling of laboratory animals in preclinical studies in Russia

Abstract. The article reveals the problem of the lack of a legal framework concerning the ethical treatment of laboratory animals and suggests the ways to solve it through the prism of foreign experience and «3R» principles.

Keywords: preclinical studies, laboratory animals, ethical treatment, legal regulation.

Preclinical studies play a crucial role in the development of new medications and treatments. These studies all over the world involve the use of laboratory animals to test the safety and effectiveness of potential medicines before they can be tested on humans. However, the lack of a legal framework for the ethical treatment of animals and ensuring their well-being during such research raises a concern. This article aims to shed light on this problem in Russia and offer possible solutions.

To start with, it seems obvious that in the Russian Federation the issue of the humane treatment of laboratory animals remains relevant. Analysis of current regulatory documents has shown that there are no documents that establish comprehensive requirements for the handling of laboratory animals.

First of all, reviewing international acts the author concluded that the Russian Federation has not ratified or officially implemented any international treaty specifically concerning this problem.

Speaking about federal legislation, it is necessary to start with the Federal Law of the Russian Federation of April 12, 2010, № 61-FL «On Circulation of Medicines»¹, which sets the legal regulation for the life cycle of medicines. This law, unfortunately, does not contain any direct provisions aimed at protecting animals used in preclinical trials. The Law of the Russian Federation of May 14, 1991, № 4979-1 «On Veterinary Medicine»² does not contain information about laboratory animals either.

Still on the subject of federal laws, let us pay attention to the Federal Law of December 27, 2018, № 498-FL «On Responsible Treatment of Animals and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Based on the title it may seem that it applies to all animals. However, that is not correct. Article 1, paragraph 2, which defines the scope of this law, states: «The provisions of this Federal Law do not apply to <...> relations in the field of keeping and using laboratory animals»³.

Nevertheless, mentions of laboratory animals and the requirements for testing laboratories can be found in the bylaws: the Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of January 28, 2021, № 4 «About approval of sanitary rules and regulations of SanPIN 3.3686-21 «Sanitary and epidemiologic requirements for prevention of infectious diseases»⁴ and several State Standards (for ex-

¹ Federal law № 61-FL «On Circulation of Medicines» as of April 12 // «ConsultantPlus».

² Law № 4979-1 as of 14.05.1993 «On Veterinary Medicine» // «ConsultantPlus».

³ Federal Law of December 27. 2018. № 498-FL «On Responsible Treatment of Animals and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // «ConsultantPlus».

⁴ the Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of January 28. 2021. № 4 «About approval of sanitary rules and regulations of SanPIN 3.3686-21 «Sanitary and epidemiologic requirements for prevention of infectious diseases» // «ConsultantPlus».

ample, State Standard (GOST) № 33044-2014 «Principles of good laboratory practice»¹). These documents indirectly regulate the use of animals for scientific purposes, the design, construction, and operation of vivariums², as well as the planning of experiments and breeding of laboratory animals. Scientists and lawyers point out that neither the scope nor the content of these documents adequately addresses the goals of legal regulation concerning all aspects of the use of laboratory animals³.

Based on the above, national legislation on the legal protection of animals used for scientific purposes requires revision and modernization.

In Europe, the permissibility of animal testing is contingent upon the ethical evaluation of whether the potential knowledge acquired through such experimentation justifies the suffering inflicted on animals⁴.

For instance, Germany is considered as the country that places great importance on animal welfare. It has developed comprehensive legislation aimed at protecting animals in various contexts, including scientific research.

In 2002, the German Constitution was amended to include the protection of animals as a state goal (Article 20a)⁵. In addition, there is an «Animal Protection Act» («Tierschutzgesetz»). According to it, all animals, without exception, should be protected from pain, suffering, or physical harm. Paragraphs 7-9 of this law regulate experiments on animals. The main provisions of the law can be summarized as follows: animals should be subjected to the minimum amount of stress necessary for scientific purposes; testing on animals should be planned and conducted only by individuals having the necessary knowledge and skills; it is necessary to check whether there is another method or procedure of testing that does not require the

¹ State Standard (GOST) № 33044-2014 «Principles of good laboratory practice» as of 01.08.2015 // «Garant».

² A vivarium is a building or separate facility within a medical or biological institution (scientific research institute, laboratory) designed for keeping laboratory animals.

³ Mokhov A. A., Murashev A. N., Krasilshikova M. S., Khokhlova O. N., Semushina S. G., Rasskazova E. A., Rzhavskiy D. I., Popov V. S., Yavorskiy A. N. On the necessity to improve legislation in the field of the use of laboratory animals // *Vedomosti Nauchnogo tsentra expertizy sredstv meditsinskogo primeneniya*. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obshchih-merakh-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-v-sfere-ispolzovaniya-laboratornykh-zhivotnykh> (access date: 20.09.2023).

⁴ The Ethics of Animal Models in Preclinical Testing // URL: <https://www.news-medical.net/life-sciences/The-Ethics-of-Animal-Models-in-Preclinical-Testing.aspx> (date of access: 19.09.2023).

⁵ Official website of Animal Protection Index. URL: <https://api.worldanimalprotection.org/country/germany#:~:text=In%202002%2C%20the%20German%20Constitution,has%20been%20passed%20and%20implemented> (date of access: 19.09.2023).

use of a live animal; animals must not be used in experiments to save labor force, time, or expenses¹.

The experience of Japan is of importance too. Japan's legislation also regulates the protection of laboratory animals in detail, but the most interesting thing is the existence of independent committees (called Animal Experiments Committees) for the use of laboratory animals for scientific purposes within each research institution². They review planned preclinical studies on the use of laboratory animals and their welfare. There are also similar committees in the USA³, Great Britain⁴, Canada⁵ and other countries. In Russia, however, ethical committees (under the Ministry of Health) apply to giving permission for clinical trials (conducted on humans) only.

The content of the provisions of reviewed German law was apparently influenced by «3R» principles first described by W. M. S. Russell and R. L. Burch in 1959 in the book called «The Principles of Humane Experimental Technique». «3R» stands for Reduction, Replacement, and Refinement. Reduction is «minimizing the number of animals used consistent with scientific aims», Replacement stands for «avoiding or replacing the use of animals in areas where they otherwise would have been used» and Refinement means, «minimizing the pain, suffering, and distress or lasting harm that research animals might experience»⁶.

The highest degree of compliance with these principles is conducting research by using and advancing the latest *in vivo* (outside a living organism) and *in silico* (computer modeling) technologies instead of *in vitro* ones (within living organisms). In the context of digitalization, it seems possible and necessary to minimize the use of living organisms for preclinical studies and to begin the global transition to the *in silico* format as much as it is possible for the safe entry of medicines into circulation.

¹ Animal Protection Act // Official website of the Federal Ministry of Justice. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/BJNR012770972.html> (date of access: 19.09.2023).

² Official website of the Osaka University Animal Experiments Committee. URL: <https://www.osaka-u.ac.jp/en/research/lifescience/animal/> (date of access: 21.09.2023).

³ Official website of the Washington State University Animal Care and Use Committee. URL: <https://iacuc.ucsf.edu> (date of access: 21.09.2023).

⁴ Official website of the Institutional Animal Care and Use Committee (IACUC) at Monmouth University. URL: <https://www.monmouth.edu/iacuc/> (date of access: 21.09.2023).

⁵ Official website of the University of Toronto Animal Care Committee. URL: <https://www.utoronto.ca/research-innovation/animals/oversight> (date of access: 21.09.2023).

⁶ Official website of the National Centre for the Replacement, Refinement, and Reduction of Animals in Research (NC3Rs). URL: <https://www.nc3rs.org.uk/who-we-are/3rs> (date of access: 21.09.2023).

In conclusion, taking into account the scope of the problems that need to be solved, it is crucial to raise the question of drafting and adopting a legislative act regulating legal relations connected with the humane handling of laboratory animals in Russia. This can be done on the basis of foreign experience, as well as the fundamental «3R» principles.

In general, the ethical treatment and well-being of laboratory animals can be ensured by promoting alternatives to animal testing, reducing animal usage in research, creating a legal framework, and raising awareness. The scientific community, regulatory bodies, and society as a whole must work together towards finding innovative solutions to protect animal welfare while advancing medical knowledge and improving human health.

Савченкова Д. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Normative regulation of the legal status of the unborn child

Abstract. The article covers disputable matter of legal status of various objects and subjects considering different opinions of scholars-civilists. Special attention is drawn to the legal status of an unborn child. Lawyers around the globe have not agreed on the status applied to this category so it needs further analysis.

Keywords: cryopreservation, legal personality, legal status of the embryo, unborn child, fetus.

Legal status is a complex of various legal elements of a person, including rights, freedoms, duties, legal personality, and legal guarantees. Today, a lot of opinions and disagreements can be found in the question of the legal status of an embryo and an unborn child. I would like to consider an example of such disagreement.

There is a phenomenon in medical science that has caused much controversy in different countries. This phenomenon is called cryopreservation («freezing») of embryos. This procedure is one of the methods to solve the problem of infertility. It is the placing of the embryo in liquid nitrogen, i.e., in a medium where the temperature is so high that it allows «preserving» the vital signs of the embryo's body, but at the same time not causing crystallisation process in the embryo's body that could harm the embryo. Usually, several embryos are frozen at once, respectively, those that will not be further «used for the intended purpose» are eliminated. The practice of embryo storage has shown that in some countries clinics have started to give the remaining embryos to needy families instead of destroying them. Therefore, the following question arises: how can we categorise this action: as a medical donorship or as a gift transaction?

This example is very important because depending on the answer it is possible to determine the legal status the embryo given in practice. If called a medical donorship, then the embryo is a part of the mother's body, is equated with her organs, and therefore cannot be legally protected as a full-fledged person. And if we stick to the second option — a gift transaction, then the embryo should be equated to an object of law, therefore, they can be given, sold, etc.

Both attempts of determination are insufficient to certain extent. One of the possible solutions is the introduction of the legal terms as follows together with special legal status confirmation: «from the moment of conception», «unborn child», «the child not separated from the mother's body by crossing the umbilical cord», etc.

However, the issue of conferring legal personality on the embryo is also completely ambiguous and gives rise to many contradictions. If we turn to international law of nowadays there are no documents (law, convention, declaration) to define the legal status of fetus. Article 1 of The Universal Declaration of Human Rights promulgates that «all human beings are born free and equal in dignity and rights». Article 2 of the declaration establishes that «everyone is entitled to all the rights and freedoms set forth in this Declaration». However, there is no precise information about fetus. Even in English language we use the pronoun «it» which is the evidence of the impersonality of the noun «fetus». The Convention on the Rights of the Child protects the legal status of children and even defines the term «child» from a legal perspective. Article 1 defines the child «as a human being who is below the age of 18 years». The question then arises as to whether a newborn who has not yet been separated from the mother's body by cutting the umbilical cord is a child endowed with rights and freedoms, and therefore whether the obstetrician who delivers the baby is responsible for causing harm to the health of the fetus in the process of removing it from the mother's body.

Russian legislation reveals some answers to these questions. In Russian legislation, a child's legal personality arises only from the live birth moment. In this case, the term «live birth» has its own medical criteria. Firstly, «live birth» refers to the separation of the fetus from the mother's body through childbirth. In other words, an infant can be considered a legally capable citizen not at the moment of birth, but only after the umbilical cord has been cut. Secondly, the basic vital signs must be present: breathing, heartbeat, pulsation of the umbilical cord or voluntary muscle movements, and so on. Thirdly, the mother must be at least 22 weeks pregnant, and the baby must weigh 500 grams. If birth criteria do not meet, the child is considered unborn. Consequently, a fetus from 21 weeks of pregnancy of supposedly 498 grams weigh does not have legal personality.

The question of the embryo's status has is very important. Legal lacuna in Russian legislation related to this topic is evident.

In Russia, inflicting fatal injuries on an unborn child, i.e., the moment when the fetus passes through the fetal tract, cannot be considered a crime. So, if a doctor causes harm to a child, even if that harm subsequently results in the child's death, he or she is not subject to criminal responsibility. The child may meet all the medical criteria, but as it is not separated from its mother's body, it cannot be considered a legally capable citizen. If the doctor causes harm to the mother, he will be held liable to the full extent by the law, because she is a subject of law in her own right.

Thus, we can conclude that today in Russia and in many other countries the embryo is perceived from the civil law point of view as a part of the mother's body. That is, the child at this stage of formation from the legal point of view is not quite protected, which has certain negative consequences. That is why it is necessary to regulate this issue legislatively by introducing into legal norms protecting a certain legal status of the embryo, or to consider the issue of postponing the terms of the emergence of legal personality of the child.

Старцева Д. А., Щербакова С. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

Peculiarities of the legal regulation of objects ensuring human life activity

Abstract. The article focuses on the research of the legal nature of the objects supporting human life activity — prostheses, organs, human biomaterials such as cells, tissues, etc. In modern legal science there are different approaches to the definition of the legal status of the considered items. At the end of this research, it is concluded that the legal regime of the objects under discussion needs to be defined.

Keywords: organs, biomaterials, cells, tissues, implants, medical devices, personal non-property benefits, civil law, legal regulation, items ensuring human life activity, objects of civil rights.

Currently, there is no system of legal regulation of objects that supports human life activity. Such items may include organs, human biomaterials (cells, tissues), prostheses, etc. At the same time, the modern development of medical science and technology makes it possible to introduce more and more complex mechanisms into human body. They are able not only compensate for the activity of damaged organs but also to improve the functioning of healthy ones. All this significantly improves the quality of human life and affects fundamental human rights. In this regard, there is a necessity to precisely define the legal status of such objects.

In civil law science there is no unified approach to the definition of human biomaterials. Some authors believe that organs and tissues are the part of an organism, formed as a result of a natural biological process. Therefore, they do not fall under

the concept of things which are part of objects of civil rights. Furthermore, they do not have a market equivalent and cannot be subject of the civil law transaction¹. Other authors consider that organs and tissues are personal non-property benefits. Additionally, donation and transplantation relationships are formed about them. It also should be mentioned that after separation of organs and tissues from human organism they lose their individual-personal definiteness². There is also another point of view in science, expressed by M.N. Maleina, that human organs and tissues from the moment of separation from the organism are objects of the material world. This confirms, for instance, the use of blood as a raw material for production of medicines. Thus, the author admits that organs and tissues after their separation can be recognised as things but limited in circulation³.

Consequently, human biomaterials are considered in the science of civil law: firstly, as a part of human organism, not falling under the concept of thing; secondly, as intangible benefits; thirdly, as things but limited in turnover.

At the present time there are certain prohibitions aimed at limiting the circulation of human organs and tissues. It is explained by the presence of ethical and social problems, including the inadmissibility of activities directed at the selling human organs. According to Article 1 of the Law of the Russian Federation «On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues» (hereinafter — the Law on Organ Transplantation), human organs and tissues cannot be the subject of purchase and sale. If you fail to do so, it leads to criminal liability⁴. The above-mentioned rule is enshrined in Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter — Criminal

¹ Krasnovsky G. N. Bioeticheskie i ugovolno-pravovye problemy v zakone Rossijskoj Federacii o transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka [Bioethical and criminal problems in the law of the Russian Federation on transplantation of human organs and (or) tissues] // Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 1993. № 12. P. 74–75.

² Krasavchikova L. O. Ponyatie i sistema lichyh, ne svyazannyh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [The concept and system of personal, not related to property rights of citizens (individuals) in civil law of the Russian Federation]: dissertation... Doctor of juridical sciences: 12.00.03. Ekaterinburg. 1994. P. 101.

³ Maleina M. N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection] / M. N. Maleina. 2 ed., revised and supplemented. M.: MZ-Press. 2001. P. 87.

⁴ Zakon RF «O transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka» [The Law of the Russian Federation «On transplantation of human organs and (or) tissues»] from 22.12.1992 № 4180-1 // SPS ConsultantPlus.

Code)¹. The introduction of this article in the Criminal Code is explained by the intensification of transplantology in Russia and the adoption of the Law on Organ Transplantation which regulates the issues of lifetime donation. However, the use of organs of a deceased person is mainly not regulated by Russian legislation. The draft law «On the donation of organs, parts of human organs and their transplantation» which was prepared on the basis of the Council of Europe Convention on Combating Trafficking in Human Organs, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 9 July 2014, has not yet been adopted². At the same time, many issues of transplantology, also relating to lifetime donation, are not regulated by the Law on Organ Transplantation. The existing legal loopholes and conflicts are being exploited by criminals, including those involved in the transplant business. Meanwhile, there are few criminal cases under Article 120 of Criminal Code. The latency of such crimes is associated with many factors, including imperfect legislation, a highly organised sphere of criminal business associated with win-win conditions, and the cross-border nature of illegal transactions which makes them difficult to trace.

In addition, according to the content of Articles 454, 455 of Civil Code of the Russian Federation³, it is possible to determine the legal purpose of the contract of sale — the establishment of the right in rem. Then the subject of the transaction may be things that can establish the right of ownership. The category «thing», in the opinion of civil scientists, is characterized by the attributes of materiality and availability for possession. There is an idea in the scientific community that the moment of actual objectification of biomaterials is their removal from the human body as a result of surgical intervention, accident or natural processes. On this basis, human biomaterials possess the above-mentioned features and meet the criteria for their conferment of proprietary status. Thus, the legislator indirectly recognises not only the possibility of including human organs and tissues in civil turnover, but also their granting a real-law status, the specifics of which are not reflected in the civil legislation⁴.

¹ Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Criminal Code of the Russian Federation] from 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.

² Council of Europe Convention against Trafficking in Human Organs (CETS № 216) [Russian, English] (Concluded in Santiago de Compostela 25.03.2015) // SPS ConsultantPlus.

³ Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two)] from 26.01.1996 № 14-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 29.01.1996. № 5. Art. 410.

⁴ Myzrov S. N., Nagornyy V. A. K voprosu o veshchno-pravovom statuse organov i tkanej cheloveka: differencirovannyj podhod k razresheniyu problemy [To the issue of the real-law status of human organs and tissues: a differentiated approach to resolving the problem] // Medicinskoe pravo [Medical Law]. 2014. № 3. P. 35–40.

Also, the prohibition on the sale and purchase of human organs and tissues may be considered in a narrow sense as a prohibition on concluding a contract of sale, and in a broad sense as a prohibition on concluding any transactions aimed at making profit. But in that case, the question remains open as to the types of gratuitous transactions, the subject of which may be human anatomical materials (e.g., gift contract, bailment for hire, etc.).

As for the legal regulation of implants, modern Russian legislation does not contain the terms «implantation» and «implant». However, the definition of «medical products», contained in Article 38 of the Federal Law «On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation», includes medical implants. According to this Article, medical products are any instruments, devices, instruments, equipment, materials and other products that are used for medical purposes separately or in combination with each other, including special software intended for the prevention, diagnosis, treatment and medical rehabilitation of diseases, monitoring the condition of the human body, conducting medical research, restoration, replacement, changing the anatomical structure or physiological functions of the body¹.

The difficulty in determining the legal regime of implants lies in the fact that an implant is a material, a technical device, a thing. However, as emphasised by A.V. Anisimov, after being introduced into the human body, the implant retains its physical properties of a thing — an object of the material world. At the same time, it becomes an integral part of the body and cannot be removed without special medical intervention. Consequently, the connection between the implant and the human body make it necessary to compare the implant with tissues and organs. Nevertheless, this approach disputable, since recognizing an implant as an organ and not a thing will lead to a loss of rights. Firstly, in this case, the only mechanism for protecting rights is a claim related to the improper provision of medical services (implantation). Secondly, it will be impossible for the patient to contact the implant manufacturer to protect the rights². Accordingly, it is necessary to legally establish the mixed nature of the implant, i.e., consider it simultaneously both as an organ and as a thing limited in circulation.

In the field of legal regulation of objects that support human life activity there are legal gaps. In the conditions of medical development and for effective protection

¹ Federal'nyj zakon «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v. Rossijskoj Federacii» [Federal Law «On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation»] from 21.11.2011 № 323-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 28.11.2011. № 48. Art. 6724.

² Anisimov A. V. Grazhdansko-pravovoj status kiberfizicheskikh sistem do i posle implantacii v telo cheloveka [Civil-legal status of cyber-physical systems before and after implantation in the human body] // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina [Bulletin of O.E. Kutafin University]. 2021. № 11. P. 144–150.

of human rights, there is a need to define the legal status of such objects as human organs, tissues and cells, implants, etc. Accordingly, it is important to improve the legislative framework by specifying the conceptual basis, as well as by introducing rules on liability for violation of the rules ensuring the protection of the objects in question.

Хилько А. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Legal Regulation of Biobanking in Russia

Abstract. In recent years the impact of biobanking has increased. The article highlights the legal aspect of biobanking functioning. Today the legislation in the sphere of biobanking needs to be updated.

Keywords: biobank, medical secrecy, personal data, biolaw, donor.

It is difficult to deny that the field of medicine is an inevitable and inalienable part of our life. In recent years it has changed our views on the whole world and on ourselves. Nowadays medical research has developed in all directions: new diseases are being studied, research and tests are being conducted, and new medicines are being invented.

To conduct high-quality medical research, it is necessary to use a large amount of biological materials collected from different groups of people. Therefore, it is very important to ask the question of how to ensure the high-quality collection of biological materials and their storage. This article will consider the legal aspects of the storage of biological materials in the modern world.

To begin with, it is important to outline the concept of biobank. Biobank is an organized collection of human biological material and information associated with this material. From this definition it follows that information is no less important part of the biobank than the actual biological material point.

In accordance with the definition of the International Society for Biological and Ecological Repositories, Biobank is an officially formed physical existing or virtual institution that can accept, process, store and distribute bio samples, as well as associated data for current or future use. Biobank is a structure created for the purpose of long-term responsible storage of biological samples of various origins.

It is worth mentioning, that biobanking is developing in Russia in the absence of the necessary legal framework in this area. This means that the norms that regulate the activities of biobanks are not narrowly focused, but only regulate related areas that are close to biobanking. These norms include: Federal law No. 4180-1 of December 22, 1992 «On human tissue organ transplantation», as well as Federal law

No. 86 of July 5, 1996 «On state regulation in the field of genetic engineering activities», Federal law of December 3, 2008 «On state genomic registration in the Russian Federation», Federal Law No. 323-FZ of 21 November 2011 «On Basics of Health Protection of the Citizens in the Russian Federation», Federal law of June 23, 2016 «On cell material for the preparation of cell lines».

The main disadvantage of such legal regulation is that the laws do not reflect the specifics of the legal regime of biobanks, in particular, they do not establish the procedure for their creation, the procedure for terminating the activities of the rights and obligations of the biobanks creators and do not resolve issues of personalization and donor data. The solution for such issues is very important, first of all, for the individual rights and donors' protection (who donated their biological material) and, accordingly, a large range of personal information to the bank.

In order to establish legal relations in the matter of biological materials, it is necessary to determine which category they belong to, there are two main opinions that biological materials are a «thing» (item of property) in civil law, or a database.

In accordance with the norms of Russian legislation, biomaterials refer to the objects of rights as «thing». In the legislation of the European Union, the issues of qualification of biomaterials are determined by the importance of information as part of the biomaterial. That is why the European Union defines biomaterials as information. The European Union argues that the use of biomaterial should not lead to financial gain as stated in the commentary to the Committee of Ministers of the European Union in 2016.

There are also examples of world practice in relation to biobanks and biological materials. In France cells and tissues are not recognized as the object of property rights, in Spain they are the property of the biobank that stores them, Portugal defines it as a property of a donor, in Germany, Austria and Switzerland a donor owns of the rights and can transfer this right to any person. In the United States of America and in Canada, the biomaterial is recognized as the property of a person, while the person is the owner of the biomaterial until it is separated from him/her. After separation, the question of who the owner is depends on various circumstances, most often on the agreement between the person and the organization that transferred the material.

A feature of biomaterials is that they are used by medical organizations and scientific laboratories as sources of information, since they carry various kinds of information important to them. An example of such information can be of two types. The first is clinical data about a patient or a donor, demographic information, characteristics of samples of biological material and other information. The first two types contain personal information, which should be subject to the requirements of privacy and personal data as well as medical secrecy. For this reason, the use of

storage of such data should be allowed only with the consent from the owners of the information, that is, the donor who provided the material.

The European Court of Human Rights comes to the same conclusion, which drew attention to the fact that fingerprints, DNA documents and cell samples are personal data. The interference without the consent of the person is illegal. The Recommendations of the EU Committee of Ministers 2016 indicate that biological materials should be subject to the legal regime of personal secrecy.

The most important role of biobanks is to improve the biosecurity of the country. Concept biological safety involves the prevention of potential and real biological threats at different levels of biorisk. The blood serum bank is essential in the population immunity assessment system to determine the risk and the degree of epidemiological danger of the spread of socially significant and dangerous infectious diseases in certain areas of the country with the help of an informative passportized collection of blood serum.

An important aspect of building an effective biological protection system is creation of a global system for monitoring infectious morbidity, control and forecast of the development of the epidemic process. To solve this problem, adequate information support is required, the level of which is largely determined by the presence of a certified collection of blood serum of the country's population, which makes it possible to obtain data on population immunity, the prevalence of individual infections, the protection of the population throughout the country. In most countries of the world, National Serum Banks have been established in recent years, which operate within a single international network.

The sizes of biobanks, the composition and volume of their collections are different. There are several dozens of large national scale biobanks and several hundred smaller ones in the world. For example, the National Biobank of Korea (NBK), integrated with 17 regional Korean biobanks, contains more than 525,000 biosamples. The percentage of storage units of this biobank is blood serum — 40 %; blood plasma — 37 %; DNA — 15 %; all other samples — 8 %.

Issues of bioethics take a significant place in biobanking. Professor Bernice Elger (University of Geneva) stated on May 13, 2015 during the conference on biobanking in relation to the Ebola epidemic that «being ethically correct and acceptable is not only absolutely necessary, based on human rights and the goal of public health, but it is also the most effective strategy in the long run». He believes that samples infected with the Ebola virus should not belong to either a donor or a particular researcher — this is a common property that should serve the interests of humanity. It was stated that the development of biobanks is impossible without voluntary donors. Their presence is the cornerstone stone of this system. The doctor is obliged to ask the donor patient for permission to use his data, the patient signs the document of the so-called «informed consent», confirming the consent to data transfer.

Russian legislation today is rather concise in regulating biobanks functioning. No special federal law on this has been adopted in Russia. According to Art. 37 of the Federal Law «On Biomedical Cellular Products», the requirements for the organization and operation of biobanks, as well as the rules for biological material storage, are established by the authorized federal executive body. In pursuance of this norm, the order of the Ministry of Health of the Russian Federation, October 20, 2017, No. 842 approved the requirements for the organization and operation of biobanks and the rules for biological material storage, cells for the preparation of cell lines. Thus, in the order, biobanks are understood as objects — collections, storages. The properties of the subject are assigned to developers of biomedical cell products, manufacturers, organizations that organize and conduct clinical trials of a biomedical cell product, sale, use, storage of biomedical cell products.

In conclusion, legislation in the field of biobanking still needs a lot of time to develop to a high level. Russian legislation in the field of biobanking is currently developing along the usage of already existing norms. It is much more important to change the approach — from implementing previous norms to forming the new ones. It means that special legislation on the regulation of biobanks needs to be created taking into account that biomaterials are not only material objects. They are closely connected with information. Biobanking needs developing as it serves social mission, so it is important that people volunteer to contribute to biobanks and donate materials for our future.

Цыганкова М. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Surrogate Mother as a Subject of Biological Law

Abstract. This article delves into the intricate legal aspects surrounding surrogate motherhood and explores the surrogate mother as a subject within the realm of biological law, highlights the challenges and complexities of this practice, emphasizing the need for a balanced legal and ethical framework that respects the rights and interests of all parties involved.

Key words. Surrogate motherhood, biological law, reproductive technology, parental rights, surrogacy contracts, preferential rights.

Surrogate motherhood, practice in which a woman (a surrogate mother) bears a child for a couple unable to produce children in the usual way, usually because a wife (or a husband) is infertile or otherwise unable to undergo pregnancy. In so-called traditional surrogacy, the surrogate mother is impregnated through artificial insemination with the sperm of the husband. In gestational surrogacy, the wife's ova

and the husband's sperm are subjected to in vitro fertilization, and the resulting embryo is implanted in the surrogate mother. Normally, in either procedure, the surrogate gives up all parental rights, but this has been subject to legal challenge¹.

The practice of surrogate motherhood, though not unknown in previous times, came to international attention in the mid-1970s when a reduction in the number of children available for adoption and the increasing specialization of techniques in human embryology made such methods a viable alternative to lengthy and uncertain adoption procedures or childlessness. Surrogate motherhood has raised a number of issues, such as the matter of payment for services (which, taken to the extreme, has implications of making children a commodity) and the rights of all of the individuals involved should any aspect of the procedure go awry.

The practice of surrogacy has gained significant attention and controversy in recent years. As science and technology advance, legal systems around the world are grappling with the complexities surrounding surrogacy arrangements. One of the central issues is determining the legal status of the surrogate mother within the realm of biological law. This article seeks to explore the evolving role of the surrogate mother as a subject of biological law, examining the legal rights, responsibilities, and challenges she faces in this unique and delicate context.

The legal landscape surrounding surrogacy in Russia, as outlined in Article 55 of Federal Law No. 323, «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation»², highlights several key provisions and issues related to surrogacy. This article will further explore these provisions and the challenges associated with surrogate motherhood in Russia.

Article 55 of Federal Law No. 323 provides a clear definition of surrogate motherhood in Russia. It states that surrogate motherhood involves the bearing and birth of a child under a contract concluded between a surrogate mother and potential parents whose germ cells were used for fertilization. Additionally, it acknowledges the situation of single women for whom carrying and giving birth to a child is impossible for medical reasons.

One notable aspect of Russian surrogacy law is the recognition of a preferential right for surrogate mothers to acquire parental rights. This preferential right grants the surrogate mother the option to keep the child if she decides to do so. While this provision respects the surrogate mother's autonomy and her connection to the child she carries, it can also lead to complications.

¹ «Surrogate motherhood». Encyclopedia Britannica, 15 Aug. 2023, URL: <https://www.britannica.com/topic/surrogate-motherhood>. Accessed 29 September 2023.

² RF Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation // ConsultantPlus.

The situation where surrogate mothers choose to keep the child, thus nullifying their obligations under the surrogacy contract, can indeed pose significant challenges. This situation can have several implications:

Legal Complexity: The termination of the surrogacy contract and the transfer of parental rights to the surrogate mother can be legally complex and may require court intervention.

Impact on Intended Parents: Intended parents, who have often invested significant emotional and financial resources in the surrogacy process, may face distress and disappointment if the surrogate mother chooses to keep the child.

Mental and Emotional Impact: As mentioned, the emotional toll on intended parents can be substantial, potentially negatively affecting their mental state.

Need for Legal Clarity: The preferential right of surrogate mothers highlights the need for clear legal provisions and contracts that address potential contingencies and disputes, thus protecting the interests and emotional well-being of all parties involved.

Legal Rights of the Surrogate Mother

Autonomy and Consent: One of the fundamental principles of biological law is informed consent. The surrogate mother has the right to make decisions about her own body and reproductive choices. She must provide her informed consent to participate in the surrogacy arrangement, including agreeing to undergo the medical procedures and pregnancy involved.

Parental Rights: The legal status of the surrogate mother as a parent varies significantly across jurisdictions. In many cases, she is not considered the legal mother of the child she carries, especially in gestational surrogacy arrangements where her genetic material is not involved. However, some countries and states recognize her as the legal mother until she relinquishes her rights, making it essential to have clear legal agreements in place.

Compensation and Financial Rights: Surrogate mothers are often compensated for their time, effort, and any potential risks associated with pregnancy. These financial arrangements should be legally binding and transparent to protect the surrogate's rights and ensure fair compensation.

Challenges and Controversies

Legal Ambiguity: The legal status of the surrogate mother can be ambiguous, especially in international surrogacy cases. Differences in laws and regulations among countries can create complex legal challenges, potentially leaving surrogate mothers and intended parents in legal limbo.

Emotional and Psychological Well-being: Surrogate mothers may face emotional and psychological challenges during and after the pregnancy. Ensuring access to counseling and support services is essential to protect their mental health.

Exploitation and Regulation: There are concerns about the potential exploitation of surrogate mothers, particularly in economically disadvantaged regions. Ethical regulations must be in place to safeguard against the commodification of women's bodies.

In light of these challenges, it is essential for Russian lawmakers to consider the balance between the rights and interests of surrogate mothers and intended parents. Legal reforms that provide clearer guidelines for surrogacy contracts, dispute resolution mechanisms, and psychological support for all parties involved may help mitigate some of the complexities associated with surrogacy in Russia. Additionally, international best practices and conventions related to surrogacy could serve as valuable references in addressing these issues.

The surrogate mother's role within the framework of biological law is a complex and evolving issue. While she retains fundamental rights to autonomy, consent, and fair compensation, her legal status as a parent can vary widely depending on the jurisdiction and the type of surrogacy arrangement. As surrogacy continues to gain prominence in the realm of reproductive technology, it is essential for legal systems worldwide to adapt and establish clear and ethical guidelines that protect the rights and well-being of surrogate mothers, intended parents, and the children born through surrogacy. Achieving a balance between reproductive autonomy and legal protection for all parties involved remains a critical challenge for contemporary biological law.

Акбашева Д. Б.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Strengthening of environmental protection in the Arctic due to the intensification of its development

Abstract. The Russian Federation declares ambitious plans for the development of its Arctic zone, but they inevitably involve environmental risks, for which the Russian Arctic is not yet ready, given the unfavorable economic and foreign policy conjuncture.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, environmental requirements, use and protection of natural resources, federal target programs, national security

The Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) is a special region, which determines its allocation to an independent object of state policy. The role of the Russian Arctic is twofold and contradictory: on the one hand, its huge resource, transport, territorial and geopolitical potential is a reserve for complex development, on the other — extreme living conditions and production activities complicate social and economic processes. This circumstance necessitates the formation of a modern authentic Russian model of the development of the Russian Arctic, adequate to global and Russian challenges.

The issues of ecologization of the economy in modern conditions are of paramount importance. Environmental problems are directly related to social and economic, one of the most important principles of management in Arctic conditions is the introduction of environmental requirements in the activities of enterprises. At the same time, it is not enough just to establish environmental requirements, they must be met.

Taking into account the increasing role of the Arctic in the national policy and international relations of many states, it is possible to identify several areas for improving environmental and legal regulation in the region. First of all, the global environmental challenges are the problem of waste disposal and emissions into sea and river waters, control of greenhouse gas emissions, the problem of protecting particularly fragile ecosystems, the implementation of the principles and provisions enshrined at the UN Conference on Sustainable Development. At the same time, the situation is complicated by the ecological legacy of the Soviet period, when the polar territories were developed: only in the first year of work on the ecological rehabilitation of the Arctic, about 6 thousand tons of waste were collected. And the total waste of the past is about 90 thousand tons. About half a million empty barrels, 60 contaminated sites. The most significant sources of Arctic pollution on the territory of the Russian Federation are mining and

metallurgical plants in the cities of Norilsk, Monchegorsk and Nickel, as well as Arkhangelsk and Solombal pulp and paper mills, oil and gas complexes in the Nenets and Yamalo — Nenets Autonomous Districts, objects of the Northern Fleet, transport and fishing fleets, as well as untreated wastewater discharges in settlements. Emissions of industrial enterprises into the atmosphere in the Arctic can be traced on territories of thousands of square kilometers. When the soil emission of pollutants in the polar zone is practically zero, pollutants entering through the atmosphere quickly destroy the landscape cover (vegetation, moss) of polar and circumpolar territories. The consequences of this have a disastrous effect on reindeer husbandry. Sources located outside Russia make a significant contribution to the pollution of the AZR. Among them: nuclear fuel reprocessing in Europe, industrial enterprises in North America, Western and Central Europe, Central and Southeast Asia. Due to the peculiarities of the circulation of air masses in the Arctic, pollutants, gas and aerosol impurities accumulate in its atmosphere. The Arctic can be considered a special area, which means that the Arctic states bear a huge responsibility for the preservation and integrity of the environment. The creation of a system of program and forecast documents reflecting the features of modern socio-economic relations is a necessary condition for the formation of an effective regional management system.

The main purpose of programming socio-economic regulation of the territory is to improve the level and quality of life of the population of the region, modernization of production based on the introduction of high-tech technologies, restoration and preservation of the ecosystem for future generations. The improvement of public administration methods in the country is accompanied by an active systematic development of laws, standards, instructions aimed at introducing new types of documents into social circulation, modernizing previously used ones, improving the processes of their discussion, approval and further functioning. Currently, the use and protection of the natural resources of the Russian Arctic takes place on «general grounds» and «in a general manner», the legislator does not place special emphasis on the protection of polar natural resources. In turn, the improvement of Russian legislation in the field of environmental protection, taking into account national interests and the specifics of the Russian Arctic, is among the main mechanisms for the implementation of the state Arctic policy. It should be noted that the task of establishing special legal regimes regarding natural environments, resources, objects involves the activation of both comprehensive development and protection and even restoration of polar nature.

Currently, the use and protection of the natural resources of the Russian Arctic occurs on a «general basis» and «in a general manner», the legislator does not place special emphasis on the protection of polar natural resources. Unfortunately, the domestic natural resource and environmental law does not yet provide increased protection of the fragile polar nature. This circumstance leads to the country lagging behind other Arctic states in terms of legal regulation of economic and other activities in the

northern polar zone, despite the fact that most of the territories of the Arctic region belong to the Russian Federation.

Being a necessary tool in regulating state policy, federal targeted programs are still not a perfect tool for long-term budget planning. The practice of implementing the Federal Target Program shows that the actual financing of targeted programs rarely corresponds to the approved one. The reasons for this may be related to cost savings due to competitive procedures, as well as incomplete co-financing from the budgets of the constituent entities of the Russian Federation or extra-budgetary sources. Further legal regulation of environmental management should encourage economic entities to introduce resource-saving technologies in all ways (various benefits, public-private partnership). Various state targeted programs (federal, regional and territorial) will serve as preparation of the economic complex of the northern regions of Russia for development.

Attempts to adopt a system-forming legislative act that would unite disparate regulatory prescriptions on Arctic issues (including environmental content) have been made in our country repeatedly. Over the past almost 20 years, three draft laws on the Arctic zone of the Russian Federation have been prepared (1998, 1999 and 2013), each of which contained articles on the organization of rational nature management and environmental protection in the Arctic.

Analyzing the content of existing draft laws, it is impossible not to notice a certain similarity in the proposed legal approaches to the regulation of environmental management in the Arctic zone of the Russian Federation: fixing the priority of solving problems of preserving the Arctic environment, establishing a special procedure for making decisions on the implementation of planned activities, introducing stricter requirements for the implementation of economic and other activities in this region. However, in all the draft laws there were no legal mechanisms for the real, and not formal, solution of environmental problems in the Arctic zone of the Russian Federation. The developers of the draft laws were limited to fixing the general provisions 33 that «for the preservation of the environment... special standards, regulations and environmental requirements are being introduced in the implementation of economic activities» or that «compliance with environmental protection requirements, ensuring the preservation of the unique natural and climatic environment of the Arctic region when making all decisions» is one of the principles of state policy in the field of development of the Arctic zone of the Russian Federation. We believe that the adoption of the considered legislative initiatives would hardly increase the effectiveness of legal protection of vulnerable Arctic ecosystems.

However, the analysis shows that at the moment the Strategy adopted by Vladimir Putin in 2020 and designed for 15 years does not provide for proactive actions to expand the raw material base in the future, which is the main incentive for investment in the Arctic. There is no provision for macro-regional and interregional cooperation, the creation of large industrial areas that are economically stable for the long term. And

most importantly, the Strategy is not aimed at creating chains of a full cycle of processing of raw materials extracted in the Arctic on the Russian territory and the production of goods with high added value.

Summing up, the basis for solving the problems of environmental protection of the Arctic region must be solved in accordance with the requirements of the provisions of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035. Further prospects and Strategies for the development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2035, fixing the main goals and strategic priorities of the state policy of the Russian Federation in the Arctic in the field of environmental safety, but it is not fully provided with appropriate implementation mechanisms in practice. It is necessary to establish in the current legislation of the Russian Federation the establishment of key parameters of special environmental management and environmental protection regimes in the Arctic zone of the Russian Federation, which would reduce the likelihood of reaching the limit values of anthropogenic load on low-stability Arctic ecosystems. Moreover, there is an acute problem of legal regulation of compensation for environmental damage during the development of Arctic natural resources, as well as the elimination of accumulated damage as a result of past economic activity, it is necessary to carry out a set of measures to regulate economic activity in the Arctic region for each subject of the Russian Federation and eliminate accumulated damage. The implementation of environmental protection in the Arctic should be based on a system of comprehensive and effective programs that provide conditions for the active development of the Russian Arctic, including the creation of an attractive model of social development of the Russian Arctic territories. There is a need for a more complete, comprehensive solution to environmental protection problems in the concept of federal, regional and municipal regulation in this unique system of the Arctic region.

Алферьева Т. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

The necessity of legislative regulation regarding radiation hazard issues

Abstract. Currently, despite the benefits of scientific and technological progress, modern society remains highly vulnerable in terms of safety. Radiation is a means of development that people should use only within the safe framework of the law, otherwise it can lead to irreparable consequences.

Keywords: nuclear energy, radiation, ionizing radiation, mutations, contamination, ionizing effect.

At present, humans cause a lot of harm to the environment: air pollution, depletion of mineral resources, loss of biodiversity, waste generation, destruction of natural

objects and so on. We endlessly spoil our environment by using its resources in a very wrong way¹. Scientific and technological progress does not stand still, but it has a downside. Radioactive contamination plays a special role in this issue.

Since the 20th century, nuclear energy (power) has been actively developing. Radiation is the emission or transmission of energy in the form of waves or particles through space or through a material medium². Scientists distinguish 2 types of radiation. Firstly, there is a natural radioactivity like a form of impact. People, like everything on the Earth, are influenced by natural radioactivity, through cosmic rays, radioactive substances in the earth, food and air. The World Health Organization (WHO) estimates that 80 % — 2.4 millisieverts (mSv) of the annual dose that a person receives from all sources is due to radon, 19.7 % (0.6 mSv) is due to the medical use of radiation and the remaining 0.3 % (around 0.01 mSv) is due to other sources of human — made radiation³. Secondly, there is also an artificial radioactivity and it is formed by man-made radionuclides, which are spread solely by human actions. This form of radiation, created by humans, is usually more hazardous than natural radiation because artificial radiation sources can emit higher levels of radiation than those typically found in nature. The human body can acquire the highest dose of radiation from artificial sources such as nuclear explosions, radiation emissions or medical equipment (for example, x-ray) that uses radiation for treatment or diagnosis.

Radiation is a form of ionizing radiation that poses a significant threat to human life. The effects of ionizing particles are different. Small doses of atomic particles are catalysts for the development of cancer and the breakdown of genetic material. Large doses lead to the death of cells, tissues and the entire body. Radiation effects of human exposure have the following consequences: mutations, cancers, acute and chronic radiation sickness hereditary disorders, metabolic and hormonal imbalance, damage to the organs of vision, nerves, blood vessels, etc. Contaminated areas require long and costly rehabilitation for subsequent use. Plants exposed to radiation experience slowed growth and low crop yields. The habitation of wildlife in contaminated areas leads to increased illness and mortality, species extinction, and the development of genetic mutations. In that way, it is necessary to understand that even a small and short exposure of a person to radiation can lead to incurable consequences.

In Russia, there are numerous territories with natural and anthropogenic radiation contamination. For example, the city of Ozersk after the Kyshtym nuclear accident, disposal of nuclear waste in the city of Seversk, radiation waste leakage in Murmansk and

¹ Environmental issues: Local, regional and global environmental issues (P. 234–246) Jyoti Verma (University of Alahabad), Hemlata Pant C. M.P Degree College Affiliated.

² Weisstein Eric W. «Radiation». Eric Weisstein's World of physics. Wolfram Research. Retrieved 11 January 2014.

³ Communicating radiation risks in paediatric imaging. Information to support healthcare discussions about benefit and risk. WHO Press, World Health Organization, 20 Avenue Appia, 1211 Geneva 27, Switzerland.

so on. Here are the most significant causes of contamination: natural radiation background, radioactive fallout resulting from nuclear tests, radiation exposure from industrial facilities and military installations that utilize ionizing radiation in their practical activities.

Activities related to nuclear energy are very serious and require legislative regulation at the federal level. The potential risks and consequences associated with nuclear energy require reliable safeguards, regulations and supervision to ensure the safety of both the public and the environment. In Russia, the rules for the use of atomic energy are enshrined in the Federal Law «On the Use of Atomic Energy» dated 21.11.1995 № 170-FZ. Besides, there is subordinate legislation, that regulates using of nuclear energy: Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.12.1997 № 1511 «On approval of the Regulations on the Development and approval of Federal norms and Rules in the field of the use of atomic energy» and The Orders of The Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision (Rostekhnadzor).

The legislation applies to the following types of activities: placement, construction, operation and decommissioning of nuclear installations, handling of nuclear materials, ensuring safety in the use of atomic energy, conducting scientific research and other. Nuclear materials may be federally owned or owned by legal entities¹. (For example, Joint Stock Company «Atomic Energy Industrial Complex», Moscow). It is clear from these observations that only exceptional organizations can use and dispose of objects of radiation exposure, ordinary citizens (individuals) do not have the right to use radiation to meet their needs.

The utilization of nuclear energy is governed by federally norms and regulations, which are developed by the Government of the Russian Federation. The norms consider the recommendations provided by international organizations specializing in using nuclear energy. It is imperative to incorporate these recommendations into legislation and policy framework to ensure the safe and sustainable use of atomic energy. By aligning with international standards, countries can foster cooperation, share best practices, and promote the responsible and secure utilization of nuclear technologies.

The norms and regulations are enshrined in the Orders of Rostekhnadzor. For example, it is not allowed to place radiation waste on the territory exposed to active volcanoes and on the territory of active mud volcanism². In addition, the site for the disposal of radiation waste should be located on a relief with a low groundwater level, it should not be flooded, it should not be located in the coastal zone, in floodplains of rivers and in swampy areas. There are also norms that regulate the actions of services during an accident at a nuclear facility. Primary emergency rescue operations in case

¹ The Federal Law «On the Use of Atomic Energy» dated 21.11.1995 № 170-FZ // LRS «Consultant Plus».

² The Order of Rostekhnadzor dated 08.22.2014 № 379 «Disposal of radioactive waste. Principles, criteria and basic safety requirements».

of accidents are carried out by employees of internal affairs, fire and rescue units, services of local self-government bodies¹. Thus, there is a huge number of these regulations containing the most important provisions that must be observed to prevent radiation accidents and radiation releases.

To sum up, the ionizing effect of radiation has a detrimental effect on the environment, therefore, relations concerning the use of atomic energy should be regulated by law. The legislative consolidation of radiation regulations is necessary to protect society from the potentially harmful effects of radiation and to regulate radiation activities in order to ensure the safe use of radiation sources.

Архипкин Е. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Legal aspects of poaching

Abstract. The article examines some aspects of legislation development in the field of illegal hunting (poaching) regulation, provides the analysis of this sphere related to legal regulation in the countries of the Roman-Germanic legal family, the United Kingdom, Russia, also international legal acts are considered.

Keywords: Poaching, The Charter of the Forest of 1217, the Criminal Code of the RSFSR of 1960, CITES

The problem of poaching is widespread all over the globe. The actions of poachers cause great damage to the ecological, biological and economic security on all continents. Statistics reports that in the Russian Federation 4.5–5 thousand animals die annually as a result of poachers' actions, including animals in the Red Book list. Thus, according to the Ministry of Nature of the Russian Federation, over the last couple of hundred years, 9 species of animals have completely disappeared, 11 species have been recognized as probably extinct, 13 species are on the verge of extinction, including the bison, polar bear, snow leopard, and others. The economic value of illegal killing of animals is estimated at an average of 20 billion rubles annually. However, along with this, irreparable damage is done to forests and nature reserves. Centuries-old natural interrelationships are destroyed, the balance of the ecosystem is disturbed, which leads to the hidden consequences of poaching: the invasion of pests that destroy crops, the death of animals from lack of food, soil erosion, losses in the field of economic tourism in Russia. If we try to calculate the total economic damage, we will get the sum multiple times exceeding only the volume of killing of animals. These and other consequences of poaching, such as crime rate growth, disease outbreaks, require most effective ways of legal regulation development to fight poaching.

¹ The Rostekhnadzor Order № 388 dated 09.15.2016 «Safety Rules for the transportation of Radioactive Materials».

It is also worth noting that the fundamental document that addresses the most important areas of human development, The United Nations' Sustainable Development Goals, enshrines the sustainable use of all wildlife in paragraph 15. Thus, it targets the taking of action on dealing with poaching to protect flora and fauna to ensure their availability for present and future generations.

The legal fight against poaching has a long history. In continental Europe, particularly in Germany, poaching is defined not as theft but as intrusion into third-party hunting rights. Although enforcement was comparatively weak until the 16th century, poaching was historically deemed a serious crime punishable by imprisonment.

According to legal scholars, the development of modern hunting rights is closely connected to the modern idea of exclusive private ownership of land. However, this development was not smooth. For example, armed conflicts between poachers and representatives of the police and armed forces that took place in Bavaria and Austrian lands in the late 19th and early 20th centuries can be noted.

In the United Kingdom, poaching also has a long history. It is worth noting William the Conqueror, who established and enforced a system of forest law, thereby laying the foundation for the whole of Anglo-Norman forest law. The main purpose of the legal rules that were introduced by William the Conqueror was to provide protection for game animals and their forest habitat from hunting by the common people of England and reserved hunting rights for the new French-speaking Anglo-Norman aristocracy. The punishment for this type of poaching was the most severe — the death penalty, carried out by hanging. The Charter of the Forest from 1217, which was the beginning of a long evolution of legal acts up to the Wild Creatures and Forest Laws Act of 1971, should be singled out. Turning to those legal acts that were adopted in the United Kingdom closer to our time, we can note The Night Poaching Act, which was adopted in 1828 with the main purpose to forbid night poaching, especially entering lands at night to take or destroy game. The legislature introduced the term «game» to include hares, pheasants, partridges, grouse, heath or moor game, black game, and bustards. In 1831 The game act was adopted, which regulated the procedure of hunting birds by establishing a close season during which they could not be legally taken. It also introduced the institution of licensing of game birds hunters.

The first attempts in Russian history to establish legal regulation in the field of hunting were made in the «Russkaia Pravda», according to the provisions of which the responsibility for illegal extraction of animals was imposed, the punishment was in the form of a fine. In the norms of the «Sobornoe ulozhenie» from 1649 the fines for committing this category of offenses sought the application of corporal punishment. Imperial decrees of 1769–1775 already provided for imprisonment as a punishment for illegal hunting.

As throughout Europe, in the late 19th and early 20th centuries, Russia began to develop new measures to combat illegal hunting, the order of hunting activities.

In the Russian Empire at the beginning of the 20th century, the document in which the responsibility for illegal hunting was prescribed was the Criminal Code of 1903.

In the legislation of the post-revolutionary period it is possible to distinguish the decree «On Hunting».

The 1922 version of the Criminal Code of the RSFSR contained Article 99, which criminalized hunting at a prohibited time and place.

In accordance with part 1 of article 166 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960, illegal hunting was recognized as hunting without proper authorization or in prohibited places, at prohibited times, with prohibited tools and techniques. In accordance with part 2 of article 166 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960, criminal punishment was imposed for hunting prohibited animals and birds or hunting on the territory of a state reserve, or with the use of motor vehicles, or for illegal hunting with the infliction of major damage. The sanction of part 2 of article 166 of the Criminal Code of the RSFSR provided for punishment in the form of imprisonment for up to three years with or without confiscation of the extracted goods, guns and other hunting tools.

The Criminal Code of the Russian Federation, which was adopted in 1996, establishes criminal liability for illegal hunting in article 256.

The situation with environmental crimes required the development of more effective ways of legal regulation, and therefore the initial responsibility for the crime under Article 256 was tightened: the fine was tightened from 200 000 to 500 000 rubles. The punishment in the form of imprisonment was stipulated from three to five years (in the previous version of this provision imprisonment was set for up to two years) with deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities for a period of three to five years or without such deprivation.

The Convention on the Conservation of Migratory Species of Wild Animals, also known as the Convention on Migratory Species (CMS) or the Bonn Convention, is an international agreement that aims to conserve migratory species throughout their ranges. The CMS is the only global and United Nations-based, intergovernmental organization established for the conservation of aquatic, terrestrial and avian migratory species. Parties to this convention are 130 states and the European Union.

Also the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, also known as the Washington Convention is very significant. The convention was opened for signature in 1973. The convention aims to ensure the conservation of wild animals and plants that are subject to international trade. The convention provides various degrees of protection for more than 33,000 species of animals and plants. The convention has been ratified by 184 countries. CITES works by subjecting international trade in specimens of listed taxa to controls as they move across international borders. Each country must enact their own legislation to bring the provisions of CITES into effect in their territories in order to provide the most effective protection for animals and plants from poaching.

The examples from the legal practice of different legal families and organizations of international law in the field of regulation of the issue of poaching presented in the article show that this sphere is developing, however, there are still big problems in order to eradicate such a dangerous and harmful phenomenon as poaching. The socio-economic situation of the population, insufficient financing of inspections, and other reasons negatively affect the persistence of a high level of poaching. In this regard, the development of new ways of combating this phenomenon should be considered legislatively, while relying on the rich experience of the past.

Бородина О. О.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Modern regulation of environmental issues in China

Abstract. China's rapid industrialization resulted in severe environmental degradation, making China a major contributor to climate change. To address this issue various regulations have been introduced recently by the Chinese government.

Keywords: environment protection, environmental issues, China, national emissions trading system, environmental governance.

China is a country with one of world's largest economies. Its economic supremacy is a result of about 40 years of rapid industrialization. But with economic growth, caused by a quick shift from agriculture to manufacturing, there came a problem of severe environmental degradation. Nowadays China is among the biggest contributors to climate change, producing a challenging amount of air and water pollution. This makes China's ecological state a global issue. To address China's significant contribution to climate change, the Chinese government has implemented various regulations aimed at managing country's environmental issues. An overview of the most important regulations that have recently been published for this purpose by the Chinese government is presented below.

In January 2021 the Ministry of Ecology and Environment of China published The National Measures for the Administration of Carbon Emission Trading¹. This document put a start to China's national emissions trading system (ETS). The launch of ETS is a highly anticipated step towards addressing China's environmental issues because the implementation of similar emission trading systems in other countries showed impressive results and even proved that ETS can be a key tool for combating climate change.

China's ETS currently covers only one sector: power generation. However, the 2,162 companies included in this sector produce an estimated 4.5 billion tons of CO₂

¹ National Measures for the Administration of Carbon Emission Trading (Trial) // URL: https://www.cet.net.cn/uploads/soft/202102/1_05152659.pdf (date of access: 20.09.2023).

emissions annually, so a significant number of emitters are now under governmental control.

The primary objective of China's ETS is to eventually cover the majority of energy-related emissions and provide cost-effective, market-driven support for the country's greenhouse gas (GHG) emission reduction targets.

The ETS builds upon regional pilots that have been established since 2013 and is designed to incentivize businesses, investors, and other market participants to contribute to China's decarbonization and clean energy transition¹.

While the current scope of the Chinese ETS is limited to the power generation sector, there are plans to expand it to include other industries such as iron and steel, chemicals, and cement. This expansion would significantly increase the coverage of the ETS and drive further emissions reduction.

By putting a price on carbon and creating a market for emissions allowances, China aims to encourage companies to invest in cleaner technologies and practices while providing a mechanism for the transfer of funds from higher-emitting companies to those that are able to reduce their emissions. This approach promotes a more equitable transition to a low-carbon economy and helps China achieve its emission reduction goals.

There is as yet no absolute emission cap in China's ETS. Instead, each company gets an emission allowance that is equal to its average verified emission free of charge. Nonetheless, those companies that are able to reduce the carbon intensity of their production can generate a surplus of allowances to sell.

As the Chinese ETS continues to develop and incorporate more sectors, it is expected to evolve into a robust and effective tool in China's efforts to mitigate greenhouse gas emissions and combat climate change.

Administrative Measures for the Legal Disclosure of Enterprise Environmental Information² is a document that the Ministry of Ecology and Environment of China released in 2021 seen as crucial to the future environmental situation in China. This document came into effect in February 2022. But this not the first document of this kind. The 2022 version is an updated version of 2015 regulations. The 2015 version of the rules applied to companies and non-governmental public institutions whereas the recent one applies to companies only.

In accordance with the 2022 update companies must upload that information to a portal run by local environmental authorities, by an annual deadline. The aim here is

¹ Carbon trading the Chinese way // URL: <https://www.energymonitor.ai/carbon-markets/carbon-trading-the-chinese-way/?cf-view&cf-closed> (date of access: 20.09.2023).

² Measures for the Administration of Legal Disclosure of Enterprise Environmental Information // URL: https://www.mee.gov.cn/xgk02/202112/t20211221_964837.html?mc_cid=45e6a7ad33&mc_eid=627c47469b (date of access: 20.09.2023).

to standardize the process, as well as clarify oversight responsibilities. This helps ensure that companies are transparent about their environmental management practices¹.

Previously, companies had to make disclosures on their own websites or in local media or press. Even if companies complied, information was scattered and hard to supervise or track. The new rules imply that companies disclose environmental information through a dedicated platform set up by the local environmental authorities, which both government and the public can view.

The information that needs to be disclosed now includes not only environmental administrative licenses but also details on environmental taxes and environmental credit ratings. This expansion connects environmental disclosures with corporate credit ratings, reflecting different aspects of a company's environmental practices. This should lead to a more transparent and effective performance of companies in regard to the environment. Cross-verification will also become possible, making greenwashing tougher.

In addition, the new rules also mandate provisional disclosures of significant market and time-sensitive data. This includes information about breaches of environmental law or compensation payments. This provision ensures that relevant stakeholders are quickly informed about any environmental violations or financial implications that may arise due to environmental non-compliance.

Overall, the adoption of this new disclosure format and the obligation to upload information to a central portal serve to enhance transparency and accountability in environmental management practices, foster responsible investing, and support the efforts to combat climate change.

In January 2022, China's Ministry of Environment and Ecology (MEE) together with the Ministry of Commerce (MOFCOM) issued the new Guidelines for Ecological Environmental Protection of Foreign Investment Cooperation and Construction Projects². The 2022 Guidelines emphasize how Chinese companies operating abroad are encouraged to follow international or Chinese best practices for environmental protection and sustainable development. It is the most comprehensive document by any country regulator to guide non-domestic environmental management of enterprises.

The 2022 Guidelines aim to promote the green and high-quality development of projects conducted by both private and state-owned enterprises, including overseas

¹ China ESG Reporting — New Measures on Disclosure of Enterprise Environmental Information // URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-esg-reporting-disclosing-enterprise-environmental-information/> (date of access: 20.09.2023).

² Guidelines for Ecological Environmental Protection of Foreign Investment Cooperation and Construction Projects // URL: https://www.mee.gov.cn/xgk2018/xgk/xgk05/202201/t20220110_966571.html (date of access: 20.09.2023).

new projects, reconstruction projects, expansion projects, and mergers¹. Chinese companies are encouraged to adopt international or stricter Chinese standards for environmental protection if they operate in countries with weak environmental governance. They should also improve their internal environmental management systems, appoint personnel responsible for ecological protection, and seek consulting services with expertise in domestic and international environmental laws. The guidelines emphasize reducing environmental risks in three key dimensions: pollution, climate, and biodiversity. Companies should control and minimize pollution, make positive contributions to addressing climate change by favoring low-carbon projects and implementing green supply chain management, and conduct biodiversity surveys before construction, potentially relocating projects if high biodiversity risks are identified.

Therefore, the 2022 Guidelines provide a comprehensive framework for promoting green and high-quality development in projects undertaken by Chinese companies, both domestically and overseas. The guidelines emphasize the importance of adopting international or stricter Chinese environmental standards and improving internal environmental management systems.

In conclusion, in recent years China has implemented various regulations to manage its environmental issues. Such measures demonstrate China's commitment to combating climate change and improving its ecological state. However, ongoing efforts are needed to effectively enforce these regulations and ensure long-term environmental sustainability.

Вепринцева М. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Judicial Protection of Environmental Rights in the Russian Federation: Constitutional and Legal Basis

Abstract. The article deals with the review of protection of environmental rights in the Russian Federation. Constitutional and legal grounds of judicial safeguarding the environmental rights of citizens are explained, different ways of enforcing the environmental laws and protection the rights to a favorable environment are described. The role of prosecutorial supervision in ecological field is considered.

Keywords: environmental rights, the violation of the environmental rights, judicial protection, prosecutorial supervision

¹ Interpretation of the 2022 «Guidelines for Ecological Environmental Protection of Foreign Investment Cooperation and Construction Projects» // URL: <https://greenfdc.org/interpretation-2022-guidelines-ecological-environmental-protection-of-foreign-investment-cooperation-and-construction-projects/> (date of access: 20.09.2023).

Environmental rights have become a paramount facet of human rights across the globe, underpinning the urgent demand for sustainable development and preservation of ecological balance. Russia, as a participant in a multitude of international treaties and accords, has made substantial advancements integrating environmental rights into its national legal framework. This article explores the constitutional and legislative roots of ecological rights protection within the Russian Federation's judicial system.

Constitutional Infrastructure: Reinforcing Ecological Rights and State Accountability.

The Russian Constitution, adopted in 1993, lays the groundwork for protecting ecological rights and promoting sustainable growth throughout the country. Article 42 emphasizes the government's commitment to ensuring a protection of wholesome environment for both present and future generations of citizens.

The constitutional safeguarding of the right to a favorable environment highlights the crucial importance of ecological preservation for human well-being. This constitutional recognition validates the fundamental nature of environmental rights while simultaneously requiring the State to manage the environment cautiously and efficiently.

Environmental rights in Russia are subjects of judicial safeguarding and prosecutorial supervision. In compliance with Federal Law of 17.01.1992 № 2202-1 «On Prosecutor's Office of the Russian Federation», a prosecutor exercises supervision of implementation of the Constitution and laws of the Russian Federation. Numerous federal laws govern environmental rights in Russia and the compliance with them is therefore a subject to a prosecutorial supervision. Among these federal laws we can highlight the following ones:

a. Federal Law «On Environmental Safeguarding» (2002)¹

This legislation outlines the tenets of ecological protection, conservation, and prudent utilization of resources. It delineates the obligations of government bodies, organizations, and individuals in preserving the environment, preventing ecological harm, and offering compensation for damages incurred.

b. Federal Law «On Environmental Assessment» (1995)²

This legislation mandates eco-friendly appraisals of particular activities and endeavors that could harm the environment. The goal is to prevent potential environmental challenges, thereby fortifying ecological rights and advocating for sustainable growth.

c. Federal Law «On Distinctly Preserved Natural Zones» (1995)³

¹ Federal Law «On Environmental Protection» of 10.01.2002 № 7-FZ // LRS «Consultant Plus».

² Federal Law «On Environmental Assessment» of 23.11.1995 № 174-FZ // LRS «Consultant Plus».

³ Federal Law «On Distinctly Preserved Natural Zones» of 14.03.1995 № 33-FZ // LRS «Consultant Plus».

This legislation offers legal protection to diverse categories of conserved natural territories, ensuring the maintenance of their ecosystems, biodiversity, and cultural landforms.

Judicial Safeguarding.

The Russian judiciary plays a critical role in upholding and enforcing environmental rights. Principal legal remedies consist of:

a. Civil Adjudication

Individuals and organizations can pursue compensation for environmental offences through civil courts. In this case, a prosecutor is entitled to apply to a court with a statement in defense of freedoms, rights and legal interests of citizens or undetermined circle of persons whose ecological rights have been violated.

b. Criminal Prosecution

Criminal courts can impose penalties on those found culpable of breaching federal and regional environmental statutes, with sanctions ranging from monetary fines and incarceration to both. In this case, a prosecutor exercises criminal prosecution in court and acts as an attorney general.

c. Administrative Proceedings

Administrative courts adjudicate conflicts between individuals or organizations and government bodies in relation to alleged breaches of environmental norms. In such cases a prosecutor issues a ruling to initiate an administrative proceeding.

d. Constitutional Court

The Constitutional Court of the Russian Federation functions as a vital forum for challenging the validity of laws and norms pertaining to environmental safeguarding. It ensures a balance between ecological rights and other constitutional rights and principles. It is an exclusive right of the Prosecutor General to apply to the Constitutional Court in cases of violations of environmental rights of the citizens.

Conclusion.

The Russian Federation's judicial protection of environmental rights finds its origins in an extensive constitutional and legal base. The synergistic effect of the Constitution and federal laws creates a comprehensive framework for managing environmental concerns.

The judiciary guarantees the effective enforcement of these rights. Despite the significant progress made, there still is a space for amplifying collaboration among separate government branches and heightening public awareness on environmental conservation's importance. Though the prosecutorial supervision in ecological field has proved to be efficient, the main objective remains for it to be further adjusted to emerging challenges of modern world.

Граф Д. В.

Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО)

Студент

Combatting plastic pollution: foreign experience and ideas for implementation in the Russian Federation

Annotation: The article touches upon the measures used abroad to combat plastic pollution and suggests ways to solve the problem of plastic pollution in Russia.

Keywords: plastic waste, laws, packaging, recycling.

Today, the problem of plastic pollution in the world is very acute. According to the United Nations Environment Programme (— UNEP), approximately 7 billion tons of plastic produced between 1950 and 2017 were turned into plastic waste, ending up in landfills¹. This way of plastic management has a serious impact on ecosystems, harming both animals and humans. The solution to this problem is a global transition to a circular economy, wherein waste is recycled and reused, but this is not possible only through voluntary actions of the population: a legal framework is needed that will allow such a transition to be accelerated and carried out in the most correct way.

First of all, there are international rules established by the UN Convention on the Law of the Sea, the Basel Convention, the Paris Agreement, UNEP resolutions, etc. However, these acts lack specificity which is a serious disadvantage that is addressed at other levels of regulation.

At the supranational level, the European Union, which has harmonized or unified the legislation of its members on plastic, has been particularly successful in this regard, having issued numerous Directives. For instance, the Directive 2008/98/EC² establishes the legal framework for waste management and includes, in particular, the definitions of waste, recycling and recovery; establishes the Polluter Pays Principle and the concept of Extended Producer Responsibility (hereinafter — EPR).

Another important act, the Directive 2019/904 of the 5th of June 2019, obliges the Member States «to take the necessary measures to achieve an ambitious and sustained reduction in the consumption of the single-use plastic products.» It implies, inter alia, setting of national consumption reduction targets, creation of sustainable alternatives to plastic, imposition of marketing restrictions, ban of certain products.

¹ Plastic pollution // UNEP website. URL: <https://www.unep.org/ru/plastikovoe-zagryaznenie> (access date: 09.20.2023).

² Directive (EU) 2019/904 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the reduction of the impact of certain plastic products on the environment // Official Journal of the European Union № L 155. 12.06.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/904/oj> (date of access: 20.09.2023).

Finally, it is worth referring to the acts adopted at national level. Among the European countries special attention should be given to France. Since 2016, several significant reforms have been carried out there, which imposed ban on single-use plastic bags¹, disposable plastic cups and plates², cosmetics containing microplastics³. In addition, one of the most important measures was the adoption of Decree No. 2023-478⁴, prohibiting the use of plastic packaging in relation to several types of fruits and vegetables.

As for Nordic countries, in Norway the Government levies a tax on all manufacturers of plastic bottles: the more they recycle, the more this tax is reduced. If they collectively recycle more than 95 % of their waste — they don't have to pay for it⁵. In Sweden⁶ and Denmark⁷ there is a tax imposed on plastic bags.

Speaking of Asian countries, it is worth mentioning China, since there it is prohibited to give out free plastic bags⁸, produce household and personal care products

¹ Décret No. 2016-379 du 30 mars 2016 relatif aux modalités de mise en œuvre de la limitation des sacs en matières plastiques à usage unique // JORF n°0076 du 31 mars 2016. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000032319878/> (date of access: 20.09.2023).

² Décret No. 2016-1170 du 30 août 2016 relatif aux modalités de mise en œuvre de la limitation des gobelets, verres et assiettes jetables en matière plastique // JORF n°0202 du 31 août 2016. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033076240> (date of access: 20.09.2023).

³ Décret No. 2017-291 du 6 mars 2017 relatif aux conditions de mise en œuvre de l'interdiction de mise sur le marché des produits cosmétiques rincés... // JORF n°0057 du 8 mars 2017. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000034154540> (date of access: 20.09.2023).

⁴ Décret No. 2023-478 du 20 juin 2023 relatif à l'obligation de présentation à la vente des fruits et légumes frais non transformés sans conditionnement composé pour tout ou partie de matière plastique // JORF n°0142 du 21 juin 2023. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047704315> (date of access: 20.09.2023).

⁵ Beverage packaging // The Norwegian Tax Administration website. URL: <https://www.skatteetaten.no/en/business-and-organisation/vat-and-duties/excise-duties/about-the-excise-duties/beverage-packaging/> (date of access: 20.09.2023).

⁶ Skatt på plastbärkassar // Sveriges Riksdag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/arende/betankande/skatt-pa-plastbarkassar_H701SkU13 (date of access: 23.03.2023).

⁷ Villum Fonden. «Fact sheet: Tax on plastic bags» // URL: https://green-budget.eu/wp-content/uploads/Tax-on-plastic-bags_FINAL.pdf (date of access: 20.09.2023).

⁸ Notice of the General Office of the State Council on Restrictionson on the use of plastic shopping bags for production and sales // Website of the State Council of the People's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/zwgg/2008-01/08/content_852879.htm (date of access 20.09.2023).

containing microplastics¹ and use plastic packaging bags, dishes and straws on domestic flights². Some incentive measures have also been introduced there: for example, since 2015 taxpayers who sell products made out of renewable resources can be entitled to a 50 % VAT discount³.

As for India, in 2022 a ban on the sale, production and import of 19 types of single-use plastic products came into force⁴. Violation results in fines up to 100,000 rupees and imprisonment up to five years⁵.

Uzbekistan has prohibited to give out plastic bags for free, as well as banned their import into the country, with the exception of their import by individuals and legal entities for their own needs, as well as for humanitarian aid, advertising, and testing⁶.

As far as American countries are concerned, Canada and the United States have a rather soft approach to solving this problem: in the United States, less than 10 states have introduced measures aimed at reducing the amount of plastic, while Canada in 2022 issued a law banning a very limited number of items made of single-use plastic⁷. On the other hand, South American countries take the issue more seriously: for example, in the year 2018 Chile adopted a law which prohibits the use of plastic bags

¹ Decree of the National Development and Reform Commission of the People's Republic of China № 29 // Website of the State Council of the People's Republic of China. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-11/06/content_5449193.htm (date of access: 20.09.2023).

² Plastic pollution control work plan for the Civil aviation Industry (2021-2025) // Website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztlz/slwzrlzxd/202105/t20210528_1318998.html (date of access: 20.09.2023).

³ Dr. Falk Lichtenstein. Plastics and packaging laws in China. URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/plastics-and-packaging-laws/china> (date of access: 20.09.2023).

⁴ Ban on identified Single Use Plastic Items from 1st July 2022 // Website of Ministry of Environment of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1837518> (date of access: 20.09.2023).

⁵ The environment protection act № 9. 1986 // The Official Website of Ministry of Environment of India. URL: https://www.indiacode.nic.in/bit-stream/123456789/4316/1/ep_act_1986.pdf (date of access: 20.09.2023).

⁶ Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 18, 2018 No. PP-3730 «On measures to further improve the household waste management system» // KMMB. 2018. Art. 1.

⁷ Single-use Plastics Prohibition Regulations SOR/2022-138 // Website of Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2022-138/page-1.html#h-1354004> (date of access: 20.09.2023).

in stores¹. In 2021, the ban also extended to single-use products used in the food and beverage industry².

Countries of Africa have also taken a number of measures in this area. For example, in 2017, Kenya banned the use, production and import of all plastic bags used for trade and household packaging³. The violation results in imprisonment or a fine of up to \$ 40,000, one of the most severe penalties in the world⁴. They have also taken a number of incentive measures: VAT exemption is provided for all services offered to plastic recycling plants, as well as for the supply of machinery and equipment for the construction of these plants; corporate tax is reduced from 30 % to 15 % for the first five years for any investor operating a plastic recycling plant⁵. Tanzania⁶ and Rwanda⁷ have also introduced bans on the use of plastic bags, with penalties including fines and imprisonment.

To improve the environmental situation in the Russian Federation, in our opinion, a number of measures, which are partly inspired by the experience of the countries mentioned above, should be introduced.

First of all, it is necessary to ban certain types of plastic, in particular, those that are designated by the numbers 3 and 7 in the Resin Identification Coding System, since they are not recyclable, to ban colored and mixed-material plastics, which are very

¹ Ley 21100 prohíbe la entrega de bolsas plásticas de comercio en todo el territorio nacional // Biblioteca del Congreso Nacional. URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1121380>. (date of access: 20.09.2023).

² Ley 21368 regula la entrega de plásticos de un solo uso y las botellas plásticas, y modifica los cuerpos legales que indica // Biblioteca del Congreso Nacional. URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1163603>. (date of access: 20.09.2023).

³ Kenya Plastic Bag Ban Notice No. 2356. 28th February 2017 // The Kenya Gazette. Vol. CXIX-No. 31. 14 March 2017. Page 1077. URL: http://kenyalaw.org/kenya_gazette/gazette/notice/181293 (date of access: 20.09.2023).

⁴ Kenya Plastic Bag Ban Notice No. 2356 — The Environmental Management and Co-ordination Act // Global Plastics Policy Centre, University of Portsmouth. URL: <https://plasticspolicy.port.ac.uk/policy-reviews/kenya-plastic-bag-ban/> (date of access: 20.09.2023).

⁵ Action plan: implementation plan for the ban of single use plastics in protected areas // Official website of Ministry of Environment and Forestry of Republic of Kenya. URL: <https://www.tourism.go.ke/wp-content/uploads/2020/05/Action-Plan-Single-Use-Plastics-Ban-in-Protected-Areas-February2020.pdf> (date of access: 20.09.2023).

⁶ The Environment Management (Prohibition Of Plastic Carrier Bags) Regulations, 17 May 2019 // Gazette of the United Republic of Tanzania No. 20. Vol. 100 dated 17th May, 2019. URL: <https://fbattorneys.co.tz/wp-content/uploads/2019/05/GN-394-of-2019-The-Prohibition-Of-Plastic-Carries-Bags-Regulations-2019.pdf> (date of access: 20.09.2023).

⁷ Law № 17/2019 Of 10.08.2019 Relating to The Prohibition Of Manufacturing, Importation, Use And Sale Of Plastic Carry Bags And Single-Use Plastic Items // Official Gazette № 37 bis of 23.09.2019. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/112325/140353/F-848157954/RWA-112325.pdf> (date of access: 20.09.2023).

problematic or impossible to recycle, and standardize production procedures. To do this, it is necessary to conduct a study of the morphology of waste at the regional level and establish various transition periods within the framework of plastic ban. At the same time, it is worth introducing deposit systems following the example of European countries. It is also worth borrowing the experience of France in terms of banning the use of plastic packaging for fruits and vegetables. The introduction of sanction for violation of the ban in the form of a fine would also be productive.

Secondly, it is crucial to continue taking the following measures within the waste management reform:

1) since incineration as a method of waste management will not allow the transition to a circular economy, it is necessary to introduce taxes for incineration plants and subsidize the transition of businesses to more environmentally friendly options, following the example of Nordic countries (for example, in Sweden, where the tax rate is SEK 125 per ton of waste¹).

2) it is worth considering the possibility of introducing a multi-stream waste collection system, instead of the current two-stream system, since the latter results in insufficiently high percentages of waste processing. This system will also preserve the quality of secondary raw materials.

Thirdly, softening sanitary measures should be considered: this can be manifested in allowing more products to be sold without packaging, subsidizing so-called «zero waste» stores.

Fourthly, it is necessary to strengthen the EPR system, including by repeated increase of the environmental fee.

While such measures may cause some short-term problems (such as rise of unemployment² and increased amount of food waste³), addressing the issue of plastic pollution, as we see it, should become a priority.

¹ Regeringens proposition 2019/20:32. 24 October 2019 // Website of Swedish Parliament. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/B008D5B9-4829-4B08-931D-D7A942CE2CD7> (date of access: 09.20.2023).

² Putintseva N. A. Review of measures to organize waste management in Russia as a factor in increasing its energy efficiency // Izvestia of St. Petersburg State Economic University. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-mer-po-organizatsii-upravleniya-otходami-v-Rossii-kak-faktora-povysheniya-ee-energoeffektivnosti> (date of access: 09.20.2023).

³ Food waste will help strengthen the country's food security // URL: <https://news.solid-waste.ru/2023/03/pishhevye-othody-pomogut-usilit-prodovolstvennyu-bezopasnost-strany/> (access date: 09.20.2023).

Дощечникова С. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Animal preservation: international regulation in German domestic law

Abstract. Nowadays more and more animals are becoming an endangered species. International community tries to prevent their extinction by adopting conventions and states willingly join them and enact their own domestic laws to suit the international standards. Especially, it can be seen in German legislation regarding animal protection and preservation.

Keywords: animals, legislation, international conventions, domestic laws, Germany.

Animal was and always will be a huge problem even in modern society. Animals have undergone a cruel distinction in the past 70 years, which resulted in the decrease of certain populations such as blue whales, tigers, even gray wolves. The cause of such a tragic circumstance was (and still is in most countries) the lack of legal regulation of hunting and animal preservation that quickly turned into massive animal killing. Therefore, considering these statements, the research has been done to find out how international community and national laws make sure that hunting would not affect the numbers of endangered species to go constantly up nowadays.

The most famous agreement regarding animal welfare is Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES). This act was adopted by the United Nations in 1973 and establishes the rules that should be implemented to prevent the risk of damage or death of endangered species during international trade.

Articles proclaim that the export of any specimen of a species from the list contained in Appendix to the CITES shall require the prior grant and presentation of an export permit. Furthermore, this act contains the conditions that the candidate should meet to be granted with the permission. They are:

1) (a) a Management Authority of the State of export is satisfied that the specimen was not obtained in contravention of the laws of that State for the protection of fauna and flora; and

2) (b) a Management Authority of the State of export is satisfied that any living specimen will be so prepared and shipped as to minimize the risk of injury, damage to health or cruel treatment¹.

The main purpose is to minimize the illegal trade in endangered animal species that appeared to be a profitable business.

¹ Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. URL: <https://cites.org/eng/disc/text.php> (date of access: 09.20.2023).

Another significant act is The Convention on Biological Diversity (CBD) that was also adopted by the United Nations, but in 1992. CBD aims to encourage States to preserve the biological diversity — the variety and variability of life on Earth. Since animals are part of the ecosystem, parties undertake the duty to preserve them as well.

This act offer 2 approaches of reaching the goal:

1) Ex-situ conservation means preserving the components of biological diversity outside their natural habitats; this method involves zoos and labs

2) In-situ conservation means the preservation of ecosystems and natural habitats, as well as the maintenance and restoration of viable populations of species in their natural environment, and in the case of domesticated or cultivated species — in the environment in which they have acquired their distinctive features; this method involves nature reserves, national parks and etc.¹

These two conventions, in the author's opinion the most important ones, and the Ramsar Convention and the World Heritage Convention collectively make up an international wildlife law as it is common to say.

Apart from the international effort, States have adopted numerous acts individually in their own national legislation systems. Mostly, they regulate animal hunting and other aspects considering animal welfare that have the primer aim to maintain as many endangered species alive as possible.

In Germany, such an act is called Federal Hunting Law. It states the main purpose of the need in regulation as to maintain a species-rich and healthy wild population adapted to the landscape and country-cultural conditions, as well as to maintain and secure its Life bases². These provisions resemble CBD a lot since Germany agreed to follow its terms.

Needless to say that Germany has one of the strictest animal welfare laws worldwide. There is no other country in the EU, which integrated animal welfare into its constitution — in Germany animal welfare was made a national objective in 2002 (Grundgesetz, article 20a). Germany's Animal Welfare Act creates an offense of willfully or negligently inflicting substantial pain, suffering, or injury to an animal without reasonable cause and fines of up to EUR 50.000 may be imposed³. The Federal Nature Protection Act sets a maximum penalty of 5 years, but this has never been imposed.

Also, CITES reports that came from German CITES authorities prove that German domestic laws are stricter than EU legislation. For example, the removal and disturbance of all native wild species is prohibited, or the keeping of vertebrates of specially protected species must be notified to the competent

¹ Convention on Biological Diversity // URL: <https://www.cbd.int/convention/articles/?a=cbd-08> (date of access: 09.20.2023).

² Federal Hunting Law // URL: <https://www.global-regulation.com/translation/germany/385510/federal-hunting-law.html> (date of access: 09.20.2023).

³ Animal Welfare Act // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/index.html> (date of access: 09.20.2023).

Länder authority, the supervisor in the field of data protection.

The enforcement is based on the protection status of the animal. In case that the customs authority detects an illegal import, the first decision regards the protection status. In case of higher protection, customs take over the investigation, but if the protection status will be lower and there is no suspicion of crime the case is forwarded to the police to pursue under administrative penal law. Only if a criminal offense is suspected, a criminal investigation initiated.

To conclude, there is a lot that has been done on the international level to preserve animals as a part of environmental heritage. Germany in its domestic legislation takes a more serious step not only to follow the agreements that make up an international wildlife law, but to create a legal regulation that would work and guard animals. International community and other countries party to the agreements should lead by the example of Germany.

Жукова Ю. И.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

«The Common Land» under International Protection

Abstract. The Arctic is an actively developed territory of bioreservation and mineral sources. The legal protection of the Arctic is provided by international and state legal institutions and acts.

Keywords: legal regulation, Arctic, habitat.

The Arctic is the northern polar area of the Earth, a single physical-geographical region adjacent to the North Pole. This region is a biosphere with various plant and animal species. It is an ecosystem that covers a large territory. This area is so spectacular that Arctic peoples' customs, languages, traditions and crafts are recognized by UNESCO as World Heritage Sites. UNESCO continues to work on expanding the list of sites recognized as unique in the Arctic to preserve and study them for future generations.

Furthermore, one of the characteristics of the Arctic is its diversity of natural resources. Mining of Arctic minerals is extremely difficult and dangerous. Each day the Arctic environmental problems are becoming more and more clearly visible, one of the main of which is climate change, precisely, the melting of glaciers. The temperature in regions rarely drops below 40, because there is a constant influx of warm air from the ocean. But today the Arctic territory is under threat, its climate is considered the most vulnerable one on the planet due to constant warming. In recent years, the boundaries of the ice cap have changed fatally. Many plants and animals will not tolerate overheating with further warming. Moreover, some glaciers might keep a secret up to several million years old. There may be not only rare fossils, but also unknown bacteria and

frozen gases. All these components might get into the atmosphere, which could pose a great threat to humanity.

The next environmental problem requiring immediate solution is oil pollution. Five states, including Russia, claim political rights to the Arctic at once. But the interest is caused not so much by the North Pole, but rather by the presence of the richest oil shelf. The most powerful oil and gas developments are underway in the Arctic regions, which affect the state of the natural environment.

Reducing the diversity and abundance of flora and fauna is also one of the global Arctic environmental problems. Intensive shipping constantly disturbs land animals. The activities of poachers are even scarier.

To solve all these environmental problems, international organizations with diverse functions and powers were created. The most famous of them are three: Arctic Council (AS), Barents Council/Euro-Arctic Region (BEAC), European Union. The Russian Federation is only a member of the Arctic Council.

The Arctic Council is a leading Intergovernmental forum promoting cooperation in the Arctic. It was established in September 1996 in Ottawa (Canada). Its priorities are protecting the Arctic environment, ensuring sustainable development as a means of improving the economic, social and cultural well-being of the peoples of the North. The Council meets at the ministerial level annually. It includes 8 states: Russia, Canada, the Kingdom of Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden and the USA. They claim that they own the Arctic sector. The 1982 UN Convention on the Law of the Sea does not regulate the status of the Arctic. The legal regime of the Arctic is enshrined in international agreements on the Arctic. All land, inland waters, territorial seas and EEZs in the Arctic are under the jurisdiction of one of the eight Arctic coastal states (which includes Russia). International law regulates this area, as well as other parts of the Earth.

The coastal State has the right to take measures to ensure non-discriminatory laws and regulations issued by it for the prevention, reduction and control of marine pollution from ships. By granting coastal States a number of powers in special areas of the exclusive economic zone, the 1982 Convention emphasizes that these powers, in particular inspections of foreign vessels by representatives of the authorities of a given coastal country, can be implemented only if «such an inspection is justified by the circumstances of the case».

The straits of the Arctic Ocean adjacent to the territories of Russia are not subject to the provisions of the 1982 Convention on Transit or Free Passage, since they are not straits used for international navigation.

A significant component of the legal status of the Arctic is the legal regime of the national transport communication of Russia — the Northern Sea Route. The status is similar to the status of the Norwegian shipping coastal highway — Inderlee. In both cases, the route passes through the internal and territorial waters of the countries (although it is possible to travel further to the exclusive economic zone and even the high

seas). However, unlike Inderlee, the Northern Sea Route has an essential feature — it does not have a single and fixed route.

1993 — the Arctic states approved the Declaration on the Environment and Development in the Arctic; 1973 — the Agreement on the Conservation of Polar Bears; 1984 — the Soviet-Canadian Record on Scientific and Technical Cooperation in the Arctic.

According to all these documents, it should be concluded that the Arctic needs to be explored as a key component of the global climate system. The seriousness of environmental problems requires States to pay due attention to their solution.

The successful solution of the problem of integrated environmental management will allow for many years to preserve the fragile ecosystem of the Arctic, which is designed to become a guarantee of energy security for humanity for many decades. It is obvious that the solution of this issue is impossible without effective international cooperation and worldwide consolidation of political and economic resources. Currently, there is a number of international legal instruments related to oil and gas production at sea, including:

- International Convention on Civil Liability for Damage from Oil Pollution of the Sea (1969);

- International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Damage from Oil Pollution (1971);

- Records on the Amendment of the International Convention on Civil Liability for Damage from Oil Pollution of the Sea of 1969 and on the Amendment of the International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation of Damage from Oil Pollution in 1971 (1992);

- London Convention for the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Waste and Other Materials (1972);

- International Convention for the Prevention of Marine Pollution from Ships MARPOL 73/78;

- Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage resulting from the Exploration and Development of Seabed Mineral Resources (1976);

- UN Convention on the Law of the Sea (1982);

- International Convention on Oil Pollution Preparedness, Control and Cooperation (1990).

Злыдова А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Biological safety in the national safety system

Abstract. The article is devoted the system of biological safety and its legal regulation. The author also presents examples of how governments control biological risks.

Keywords: safety, biological safety, biological risks, biological threat.

Biological safety, together with ecological, economic, demographic, sanitary-epidemiological, information safety and other types of safety, is, by and large, deemed to be the part of the system of national safety of the Russian Federation. In this classification every type of safety, including biological safety, is considered as the part of the whole safety system for the following reasons. Firstly, approach to the terminology in laws and in the doctrine is similar. Secondly, legal acts on every type of safety always pay attention to the risks. Besides, legal acts also point out possible measures that can help to avoid or prevent risks. In this article the analysis of biological safety will be given.

Today there is no legal definition for the term «safety», nevertheless, it was defined in The Law of the Russian Federation «On security»¹ which was expired after a new Federal Law «On Security»² was adopted. According to this expired act, safety is the state of protection of vital interests of the individual, society and the state from internal and external threats. Current Federal Law «On Biological Safety in the Russian Federation»³ does not have definition for safety. The reason is that nowadays there is a tendency to regulate each type of safety by adopting laws and President's decree that regulate certain type of safety. That is why the legal definition for biological safety is given in the Federal Law «On Biological Safety in the Russian Federation». Biological safety is the state of protection of the population and the environment from the effects of dangerous biological factors, which ensures an acceptable level of biological risk. It is clearly that this definition has much in common with the general definition for safety because the approach to what safety is has not changed a lot. Before Federal Law «On Biological Safety in the Russian Federation» was adopted, biological safety was a part of sanitary-epidemiological and was regulated by Federal Law «On sanitary and epidemiological welfare of the population»⁴.

Scientists have a lot of opinions on how biological safety relates to ecological safety. Some of them are sure that biological safety is a part of ecological safety⁵. Others claim that biological and ecological safety should be distinguished because they have different objects of regulation: social relations in the process of nature management and environmental protection, and social relations on the preservation and restoration of normal microbiota of humans, farm animals, the formation of collections of

¹ The Law of the Russian Federation of 05.03.1992 № 2446-1 «On security» // Rossiyskaya Gazeta. 1992. No. 103. (expired).

² Federal Law of 28.12.2010 No. 390-FZ «On Security» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 2.

³ Federal Law of 30.12.2020 No. 492-FZ «On Biological Safety in the Russian Federation» Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (p. I). Article 31.

⁴ Federal Law of 30.03.1999 No. 52-FZ «On sanitary and epidemiological welfare of the population» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 14. Article 1650.

⁵ Krasnova I. O. Environmental safety as a legal category // Lex russica (Russian Law). 2014. Vol. 96, No. 5. P. 552.

pathogenic microorganisms and viruses, creation of a unified network for monitoring biological risks and some others¹.

National legal regulation of biological safety mainly consists of the Federal Law «On Biological Safety in the Russian Federation», Decree of the President of the Russian Federation «On the Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of chemical and biological safety for the period up to 2025 and beyond»², Decree of the President of the Russian Federation «On the development of genetic technologies in the Russian Federation»³ and Resolution of the Government of the Russian Federation «On the delimitation of powers of federal executive authorities in the field of biological and chemical safety of the Russian Federation»⁴.

Ensuring biological safety requires establishment of state bodies (system of state bodies) authorized to protect population from biological risks. The practice has demonstrated that bodies can be classified into two groups. The first group includes state organs that are specially established for solving problems when the risks to biological safety appear. Ensuring biological safety is their main activity. The other group is presented by organs that existed and functioned before threat to the biosafety had arisen. Implementation of powers in the field of biosafety is not the main purpose for such bodies. However, when a biosafety hazard arises, they are given additional powers to minimize risks and prevent possible harm. Countries react to the emergence of a biological threat in different ways. A striking example of what actions governments take when a threat to the population arises was demonstrated by coronavirus pandemic. For instance, on 27 January 2020 Prime Minister of the Russian Federation Mikhail Mishustin instructed to create an operational headquarters to prevent the import and spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation. However, as it has been mentioned before, there is an opposing way of reorganizing state bodies system in order to control possible risks caused by a threat to biological safety. Resolution of the Government of the Russian Federation «On the delimitation of powers of Federal executive authorities in the field of biological and chemical safety of the

¹ Kuznetsova N. I. Biological safety: theoretical and legal aspects // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. Vol. 58. No. 3. P. 67–68.

² Decree of the President of the Russian Federation of 11.03.2019 No. 97 «On the Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of chemical and biological safety for the period up to 2025 and beyond» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 11. Article 1106.

³ Decree of the President of the Russian Federation of 28.11.2018 No. 680 «On the development of genetic technologies in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49 (p. VI). Article 7586.

⁴ Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.05.2005 № 303 «On the delimitation of powers of federal executive authorities in the field of biological and chemical safety of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 21. Article 2023.

Russian Federation» proves that Russia also uses this approach. This act authorizes some executive bodies to take additional measures to control biosafety. Despite the fact that such executive bodies as Ministry of Health of the Russian Federation, Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Well-Being, Ministry of Emergency Situations perform their own functions, during the coronavirus pandemic they exercised their specialized powers in the area of biological safety.

A similar situation can be noticed in the USA. When a coronavirus pandemic has emerged, White House Coronavirus Task Force was established in the USA in 2020¹. In 2021 it was replaced by White House COVID-19 Response Team established by Joe Biden's Executive Order². These state structures are profiled bodied aimed at combat-ing coronavirus.

Besides, development of innovative technologies (products or methods) is an integral part of the system of biological safety because they help to control dangerous risks and minimize them. For instance, during the coronavirus pandemic Russian scientists developed an innovative medical product «Sputnik V».

Biological safety issues have come to the fore due to the development of a pandemic of a new coronavirus infection³. The system of biological safety in the Russian Federation is only on the way of forming as a large system of knowledge and practical skills. Though this fact does not prevent Russia from rapid development in this direction. One of the arguments is that the Russian Federation organized the IV international conference «Global threats to biological security. Problems and solutions», which was held in Sochi in 2023, 75 countries and international organizations participated in this conference⁴. It contributed a lot to the development of biological safety: the participants discussed issues of improving international law in the field of pandemic prevention, cooperation under Article X of the Biological and Toxin Weapons Convention and other issues⁵. Such a conference was also held in 2017, 2019 and 2021.

¹ The President's News Conference, 2020 WL 12861799 // Public Papers of the Presidents of the United States. URL: [https://www.westlaw.com/Document/lfcd3b07e700d11ec9f24ec7b211d8087/View/FullText.html?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&VR=3.0&RS=cblt1.0](https://www.westlaw.com/Document/lfcd3b07e700d11ec9f24ec7b211d8087/View/FullText.html?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&VR=3.0&RS=cblt1.0) (date of access: 20.09.2023).

² Exec. Order No. 13987. Organizing and Mobilizing the United States Government To Provide a Unified and Effective Response To Combat COVID-19 and To Provide United States Leadership on Global Health and Security, 86 FR 7019. URL: [https://www.westlaw.com/Document/l1744B3505ED711EB9A118D7C04D41836/View/FullText.html?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&VR=3.0&RS=cblt1.0](https://www.westlaw.com/Document/l1744B3505ED711EB9A118D7C04D41836/View/FullText.html?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&VR=3.0&RS=cblt1.0) (date of access: 20.09.2023).

³ Mokhov A. A. Biolaw and its Development Strategy in the Russian Federation // Current issues of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 203.

⁴ Глобальные угрозы биологической безопасности. Проблемы и решения // URL: <https://icb2023.org> (date of access: 20.09.2023).

⁵ Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека // URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=25250 (date of access: 20.09.2023).

In conclusion, there are a lot of gaps in Russian biosafety legislation (somatic human rights, mechanisms for the protection of human rights in the field of biomedicine and the definition of the boundaries of permissible interventions in the implementation of biopolitics by the state)¹. Biological safety as a new area of knowledge should be developed by a doctrine as it can have a strong impact on future legislation on biosafety. The control of biological risks is essential nowadays because if the government does not prevent biological threats, the concept of safety will collapse and a threat will result in unfavorable consequences (demographic losses, social and economic problems) and influence other types of safety and national safety generally because they all form a unified system of national safety.

Карась А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

The devastating impact of fast fashion on people and on the environment

Abstract. Nowadays everyone is interested in finding and purchasing fashion clothes as a rule. So supply and demand for fashion items have grown dramatically, causing overproduction, inhuman relationships to workers and extremely harmful pollution in all forms. Today we face the negative impact of this tendency on our planet as well as the need to stop it.

Keywords: fast fashion, pollution, rights of workers, clothing, environment, law, punishment, global business.

It's a common knowledge that people can hardly resist following fashion trends. It sounds reasonable that consumers become keen on clothes, as they find wearing them an important act of self-expression. Color, shape and combination of apparel can be a truthful story of a man. As a matter of a fact, some people may be crazy about clothes and addictive to it.

According to the Cambridge Dictionary, fast fashion means clothes that is made and sold cheaply, so that people can often purchase new items. It is a relatively new phenomenon in the industry that causes extensive damage to the planet, exploits workers, and harms animals. Fast fashion can be defined as cheap, trendy clothing that samples ideas from celebrity culture and turns them into garments in high street stores at breakneck speed to meet consumer demand. It forms a key part of global overproduction and consumption that has made fashion one of the world's largest polluters.

¹ Mokhov A. A. Biolaw and its Development Strategy in the Russian Federation // Current issues of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 204.

Taking into consideration the history of this problem, it is important to understand that until the XX century fashion industry knew only 4 seasons of clothing. The companies released 2 collections — Autumn / Winter and Spring / Summer. Fashion designers worked ahead of the curve and were limited by strict requirements that had to be observed.

In the 1960s a famous marketing campaign promoted paper clothing (composition: 93 % paper, 7 % viscose) and today, fast fashion brands release 51 «micro-seasons» a year, or one «collection» a week and companies are creating new acceptable styles weekly, if not daily. The result is an overproduction of clothes available to customers, and the variety ensures that the goods are not outmoded and always relevant.

Ultimately, fashion industry is extremely fast spreading nowadays. It can be a serious problem that in 1980 one American citizen bought only 12 items of clothing a year but in 2020 his or her dressing room renews with nearly 68 dresses. It is worth mentioning that even pandemic and self-isolation were not able to stop this tendency.

Speaking in detail about which brands create the fast fashion industry, one should bear in mind that H&M is considered to be the oldest giant of fast fashion. Next comes Zara, which opened its first store in northern Spain in 1975. Other big participants of Fast Fashion are UNIQLO, GAP, Primark and TopShop. Today we are paying attention to cheaper and faster-to-manufacture alternatives such as Forever 21, Zaful, Boohoo and Fashion Nova, Bershka, Stradivarius, Pull & Bear, United Colors of Benetton.

In general, the result of this human activity is that nobody can take advantage, except businessmen. It means consumers get poor quality goods that do not fit well. Synthetic fabric is unpleasant to the body, becomes unusable after several washes, stretches or tears. It enables us to spend money on clothes again after a short time. In addition to this, brands fuel the desire to buy more and more through advertising campaigns. It turns out to be an endless fashion race resulting in our lockers being overfull, but offering nothing to wear. So, later worthless garments fill garbage dumps.

More than that, nature, ecology and the environment are ruined. It is caused by emissions of carbon dioxide gas which amount now is higher than from shipping and international transfer.

Moreover, a huge issue is cotton. It is known to be one of the main raw materials for the production of clothing, and its cultivation in large volumes cannot be called environmentally friendly. Firstly, to make enough cotton for one T-shirt, you need about three thousand liters of water. It can be compared with a supply for one person for a couple of years of life. Secondly, agricultural industry uses pesticides to preserve plants. If genetically modified cotton is grown, vermin will not be afraid of it. On the one hand, it is good — the harvest will be better, and less pesticides will be needed. On the other hand, there is a risk that other plants will become resistant to common chemicals and therefore need much more toxic substances for protections against diseases and pests. It is already becoming dangerous for livestock and humans.

Another popular material is polyester. It is produced from oil, its extraction itself is already harmful to the environment. Polyester decomposing takes 200 years and constantly pollutes water. When we wash things made of this material, the smallest fibers enter the wastewater and pollute them. Even the purifying systems don't help.

It is also worth mentioning that the fast fashion industry is harmful for its workers. They are exposed to influence of dangerous environments, work for low wages, and are deprived of protections of fundamental human rights. The farmers deal with toxic chemicals and brutal practices that can have devastating impacts on their physical and mental health.

Infamous accident terrified the whole world. On April 24, 2013, an 8-story building of the Rana Plaza complex, which housed five textile factories and outlets, collapsed in the city of Savar in Bangladesh. 1127 people died, more than 2 thousand were returned.

Another casualty occurred in Bangladesh where a clothing factory exploded in on July 03, 2017. Nine people were killed when a boiler exploded at a garment factory in the Gazipur City Corporation area. Fifty were injured. The incident resulted in the partial collapse of a four-story factory building of Multifabs Ltd. Fifty people were injured in the explosion of a hot water boiler in the capital of Bangladesh. They had shrapnel injuries and burns.

The current situation must be in the center of our attention and everyone should try their best to improve it. So, some ways to solve this problem can be suggested.

Firstly, we need to seek conscious consumption. In order to achieve that you first need to analyze your wardrobe and style: understand what suits you, whether a new thing will fit into existing images and into your lifestyle.

Secondly, it's better to support local manufacturers. This leads to a decrease in the number of goods and materials transported, and hence to a reduction in the carbon footprint.

Thirdly, wearing things neatly and selling them to other people can be beneficial. It will extend the life of the product and delay its entry into the scrap.

Fourth, we should give preference to natural materials. Always pay attention to the composition of the fabric — for example, organic cotton is grown with minimal use of pesticides, water and electricity.

Fifth, we need to invest in quality things. They will be more expensive, but they will also last longer and remain relevant for several seasons.

Speaking about the legal aspect of the worldwide problem of the Fast Fashion industry, it is worth mentioning a positive tendency is to be noticed. First of all, during the Assembly Regular Session 2021-2022 in the state of New York the Bill of «Fashion Sustainability and Social Accountability Act» was formed and introduced. Some amendments to general business law were made. They include requirements to «fashion retail

sellers and manufacturers to disclose environmental and social due diligence policies»¹. Also the state finance law, in relation to establishing a community benefit fund was amended. According to the Bill, large brands are bound to make information on wages, emissions, chemical waste disposal and the usage of water resources public. In addition, companies will be required to form and present their strategies of decarbonization and give forth at least 50 percent of their supply chain information and the volume of recycled materials they used must be opened. All this information, including the amount of production and processing data should be accessible on the Internet. This Bill generally applies to fashion industry companies represented in New York with annual profit of more than 100 million dollars. Among them are Armani, conglomerate LVMH, which hold Dior, Louis Vuitton, Givenchy, Guerlain, Nike, Zara and other global apparel companies. Violators of this law will be punished and face a fine of two percent of annual revenue — 450 million dollars or more. These fines will fill out a new public charitable foundation of maintenance of environmental justice projects. An anniversary list of insufficient companies will be published by the New York Attorney General.

Speaking about other measures of reducing fast fashion and its ruining effect, it must be noticed that the European Union offers an initiative to support a series of new rules to end fast fashion. Among them are policies aimed at making clothes more durable, easier to reuse, repairable and recyclable. Also, they call on textile products sold in the European Union to be produced in a manner that allows to provide respect for human, social and labor rights, the environment and animal welfare throughout the whole supply chain. To summarize, the European Union representatives are aimed to put an end to fast fashion.

In conclusion, it should be mentioned that fast fashion's devastating impact on people and on environment is undeniable. It is our duty to take care of our planet and protect it. So, let us hope that together we will overcome all the difficulties for the sake of a better future.

Кузнецов Г. Д., Пряхина Д. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

Студенты

Legal regulation of environmental damage compensation in the Russian Federation and in China

Abstract. In September 2021, the Office of the CPC Central Committee and the Office of the State Council of the People's Republic of China published a guideline on deepening the reform of the environmental compensation mechanism to accelerate the construction of ecological civilization, as well as a document detailing the country's measures to realize the

¹ Assembly Bill A8352, October 20, 2021, State of New York // URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2021/A8352> (date of access: 20.09.2023).

long-term goals of the reform of the environmental compensation mechanism in the field of environmental protection, established for the periods up to 2025 and 2035. In this regard, it became necessary to compare the mechanisms of legal regulation of compensation for damage caused to the environment in Russia and China.

Keywords: compensation for environmental damage, environmental damage, natural resources, legal regulation, China

The compensation system was introduced in China on January 1, 2018. This moment can be considered the beginning of the emergence of a unified mechanism for regulating compensation for environmental damage in this state.

Compensation for environmental damage is a complex and evolving legal issue in both the Russian Federation and China. Both countries continue to improve their legal systems to address the growing environmental challenges they face, reflecting the global imperative to protect the environment and mitigate environmental damage.

The definition of environmental harm can be found in the China's Eco Compensation Programme¹. In accordance with this Programme dated January 1, 2018, environmental harm is understood as a negative change in air, surface water, groundwater, soil, forests and other components of the environment and flora, fauna, microorganisms and other living beings, as well as degradation functions of the ecosystem consisting of these components due to environmental pollution and ecological disturbances.

In the legislation of the Russian Federation, the definition of environmental harm can be derived through Federal Law No. 7 of January 10, 2002. Thus, environmental harm is understood as harm caused to the health, property of citizens, legal entities in connection with violation of environmental legislation, and in the narrow sense — harm accumulated and caused to the environment and individual components².

The approach to determining harm by the legislator indicated above corresponds to the approach to compensation for harm that already exists in this area. Thus, many lawyers, led by V.V. Petrov separated economic damage from environmental and anthropological ones. The first, accordingly, includes an encroachment on the property interests of natural resource users, the second — on the environmental interests of society as a whole, and the third — on the health and condition of humans and future generations³.

In addition, it is important to note that the Constitutional Court of the Russian Federation also includes environmental damage to the environment, harm caused to

¹ China's Eco Compensation Programme // URL: <https://www.iied.org/sites/default/files/pdfs/migrate/G04270.pdf> (дата обращения: 17.09.2023).

² Federal Law № 7-FZ from 10.01.2002 «On Environmental Protection» // SPS Consultant-Plus (дата обращения: 17.09.2023).

³ E. S. Boltanova. Compensation of ecological damage: correlation of norms of ecological and civil legislation // URL: <https://core.ac.uk/reader/287428260> (дата обращения: 17.09.2023).

human health (social harm), and damage to property that is privately or publicly owned (economic harm)¹.

Turning to the issue of the subject of regulation of the branches of civil law and environmental law of both countries, it should be noted that there are noticeable intersections in the field of property relations (in the field of environmental management, which is subject to the influence of both environmental law and civil law).

By virtue of Article 79 of the Law on Environmental Protection, damage caused to the health and property of citizens by the negative impact of the environment as a result of economic and other activities of legal entities and individuals is subject to compensation in full. As stated in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 2017 No. 49 art. 4, a person who uses toxic chemicals in agriculture that do not decompose in the environment may be required to both compensate for the damage caused to the environment and for losses incurred by specific owners (users) land (forest) plots (in particular, due to the death of crops, animals, etc. belonging to these persons)².

China revised its environmental laws in 2015, introducing stricter environmental regulations.

China's legal framework for compensation for environmental damage has evolved over the years. The Environmental Protection Act introduced public interest litigation provisions, allowing environmental non-governmental organizations to sue polluters on behalf of affected communities. This has increased the efficiency of application of environmental legislation³.

Besides, like Russia, it adheres to the »polluter pays« principle. All of this relates to the burden of proof of environmental harm. In both countries it lies with the defendant⁴.

¹ Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from 02.06.2015 № 12-P «On the case of verification of constitutionality of part 2 of article 99, part 2 of article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and provisions of the Resolution of the Government of the Russian Federation «On calculation of the amount of damage caused to forests due to violation of forest legislation» in connection with the complaint of Limited Liability Company «Zapolyarneft» // SPS ConsultantPlus (дата обращения: 17.09.2023).

² Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 30.11.2017 № 49 «On some issues of application of the legislation on compensation for damage caused to the environment» // SPS ConsultantPlus (дата обращения: 20.06.2023).

³ Environmental Protection Law of the People's Republic of China // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383917.htm (дата обращения: 17.09.2023).

⁴ Environmental Protection Regulation in China: Overview // URL: <https://content.next.westlaw.com/practical-law/document/I958f4e0ca3c911e79bef99c0ee06c731/Environmental-Protection-Regulation-in-China-Overview?viewType=FullText&navigation-Path=Search%2Fv1%2Fresults%2Fnavigation%2Fi0ad74035000018aaccd639d231ff458%3Fpp->

Relations arising from the infliction of the above harm, harm caused to the property of legal entities, fall within the scope of civil law and are regulated by the relevant norms of civil law. For example, Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation establishes the general grounds for liability for causing harm, according to which harm caused to the person or property of a citizen, as well as harm caused to the property of a legal entity, is subject to compensation in full by the person who caused the harm¹.

In accordance with paragraph 34 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated of 2012 № 21² Damage caused to the environment, as well as to the health and property of citizens due to the negative impact of the environment as a result of economic and other activities of legal entities and individuals, is subject to compensation in full.

As for China, at the moment it is necessary to turn to the Civil Code of the People's Republic of China, which replaced the Law on Torts. Many lawyers note that it is not intended to resolve environmental disputes, but rather to establish general rules governing civil liability for damage caused by environmental pollution³.

The torts of environmental pollution and disturbance of the biosphere are special torts and include sections 1229 to 1235. The elements necessary to impose tortious liability on the polluter, and subsequently compensation, include (a) pollution, (b) damage, and (c) causation — investigative connection. The amount of compensation may be reduced or even the payment of compensation may be exempted on certain legal grounds.

cid%3Dfc5b0572486849d48689434c6fba1b97%26Nav%3DKNOWHOW_GLOBAL%26fragmentIdentifier%3D1958f4e0ca3c911e79bef99c0ee06c731%26parentRank%3D0%26startIndex%3D1%26contextData%3D%2528sc.Search%2529%26transitionType%3DSearchItem&listSource=Search&listPageSource=ddccb053bb5ad9a433959d3b01a85846&list=KNOWHOW_GLOBAL&rank=1&sessionScopeId=fe988b75302ee5e56c7384807410298365b0c9bad845eb8cdb3888b7cdb574ca&pcid=fc5b0572486849d48689434c6fba1b97&originationContext=Search%20Result&transitionType=SearchItem&contextData= (дата обращения: 17.09.2023).

¹ Civil Code of the Russian Federation (part two): federal law from 26.01.1996 № 14-FZ (ed. from 24.07.2023, with amendments and additions, effective from 12.09.2023) // SPS ConsultantPlus (дата обращения: 17.09.2023).

² Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 18.10.2012 № 21 (ed. from 15.12.2022) «On the application by courts of legislation on responsibility for offenses in the field of environmental protection and nature management» // JPS «ConsultantPlus» (дата обращения: 20.06.2023).

³ Zhang Wei. The Evolution of the Law of Torts in China: The Growth of a Liability System // Legal Studies Research Paper // URL: <https://www.iied.org/sites/default/files/pdfs/migrate/G04270.pdf>. URL: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php> (дата обращения: 17.09.2022).

Article 1229 of the Civil Code is based on Article 65 of the Law of torts, according to which pollution causing damage is in itself sufficient to subject the polluter to tort liability¹.

According to Article 1231 of the Civil Code of the People's Republic of China, when two or more polluters cause environmental pollution, the severity of the responsibility of each polluter is determined depending on the type of pollutant, the amount of emissions and other factors dividing the responsibility between the polluters according to each polluter's share in the pollution. The article is based on the presumption that polluters lack joint intent, and pollution is caused by independent behavior. Thus, pollutants are a joint source of pollution. The practical question, therefore, is how to allocate responsibility among polluters. Of course, all polluters are responsible. The question, however, is how much responsibility each polluter should bear.

In the Russian Federation, in accordance with clause 9, paragraph 9 persons who jointly caused harm to the environment are jointly liable (paragraph one of Article 1080 of the Civil Code of the Russian Federation). The joint nature of such actions can be evidenced by their consistency, coordination and focus on the implementation of a common intention for all actors. Thus, the customer who ordered the performance of work that causes harm to the environment and the contractor who actually performed it can be held jointly liable. The customer may be released from liability if he proves that the contractor, when performing work, went beyond the scope of the assignment given to him by the customer.

Clause 11 states that, within the meaning of Article 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, if several persons acted independently of each other and the actions of each of them led to harm to the environment, as a general rule such persons bear shared liability. The size of the share of each of the causers of harm may be influenced, in particular, by the danger of the activity of each of them, its intensity, etc. Thus, two persons independently storing solid household waste on a plot of land not intended for these purposes may be subject to responsibility is assigned in shares proportional to the volume of waste, determined, for example, by the number of vehicles used for waste removal, their capacity, the hazard class of waste generated from the activities of these persons, and other factors. When it is impossible to determine the share of damage caused by each of the named persons, they are liable in equal shares (Article 321 of the Civil Code of the Russian Federation).

The differences don't end there. More generally, Russia relies more heavily on environmental funds financed by fees paid by companies, while China increasingly emphasizes corporate social responsibility and encourages polluters to set up compensation funds.

¹ Civil Code of the People's Republic of China (Civil Code of the PRC) // URL: https://china.law.cornell.edu/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 17.09.2023).

Thus, taking into account all of the above, we can say that in both countries, awareness of the importance of public participation and environmental justice is growing, and legislation continues to evolve accordingly. At the same time in China the compensation mechanism at the level of legislation and use in practice is not as developed as in the Russian Federation. However, one can observe a positive trend regarding this issue, due to the fact that at present, as Xi Jinping has repeatedly pointed out, it is necessary to jointly build a planetary community of all life on Earth and a clean and beautiful world for all¹. Of course, China's and Russia's central governments have demonstrated strong political will to address environmental issues and is investing heavily in green technology and infrastructure.

Transboundary environmental problems such as transboundary pollution and climate change require international cooperation. Both Russia and China need to participate more actively in global environmental initiatives.

Пикалова Д. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Legal regulation of the treatment of industrial and domestic waste in Russia

Abstract. The article discusses legal issues involved in protecting environment from pollution by waste generated by production and consumption. The article is based on studies of the legal framework for managing waste in order to avert harmful effects on human health and environment, as well as to keep that waste circulating in the economy as an additional source of raw materials. The author analyzes effectiveness of administrative methods for preventing pollution and elucidate the differences in the powers of federal, regional and local authorities in these matters.

Keywords: production and consumption wastes, domestic waste management activities, administrative liability for breaches of environmental requirements in the management of production and consumption waste

The Constitution of the Russian Federation provides for the treatment of waste from production and consumption. Article 42 states that everyone has the right to a favorable environment and reliable information about its condition. It also establishes the right to compensation for any harm caused by environmental offenses. Additionally, everyone has a duty to preserve nature and respect natural resources, as stated in Article 58.

¹ CCTV+: Xi leads China in implementing greener development in solid steps // URL: <https://www.prnewswire.com/> (дата обращения: 17.09.2023).

The Federal Law «On Environmental Protection»¹ of 10.01.2002 further establishes provisions for the conservation of natural resources, which are essential for the sustainable development and well-being of the people residing in Russia. This law also defines the legal framework for the state's environmental policy, ensuring a balanced approach to socio-economic tasks, the preservation of biodiversity and natural resources, and the promotion of environmental security.

The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation has provided statistics which indicate that in the first half of 2019, a total of 857 cases falling within this category were brought before the courts of general jurisdiction. Out of these, 809 cases were successfully considered and dealt with accordingly².

Additionally, it is worth noting that in the year 2017, the number of such cases brought before the ordinary courts reached 2,034. Out of these, 2,038 cases were considered and addressed accordingly.

The total number of individuals prosecuted in these cases stood at 1,296, including 673 legal entities, 180 officials, 135 persons engaged in entrepreneurial activity without the formation of a legal entity, and 308 other natural persons. Penalties imposed on these individuals varied, with 46 receiving a warning, 1,014 being fined, and 236 facing suspension of their activities. The total fines imposed amounted to 37,731,200 rubles, out of which 9,811,836 rubles were recovered or paid voluntarily.

As can be seen, the number of administrative offences in this category is characterized by stability and dynamics, which indicates the lack of effectiveness of administrative and criminal regulation in this area of legal relations, the existence of administrative penalties, Having insufficient preventive or deterrent effect, the low percentage of execution of sentences, paid is collected voluntarily by 15–20 per cent, on average, and therefore requires a fundamental rethinking of the system of approaches to the administrative and criminal regulation of relations in this area, the development of new preventive measures.

For example, the draft of the new Code of Administrative Offences³ of the Russian Federation provides for administrative liability for violation of sanitary and epidemiological requirements in the management of waste of production and consumption.

In addition, it should be noted that there is a good differentiation of administrative liability for non-compliance with requirements and rules aimed at ensuring the safe

¹ On Environmental Protection : Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 (latest edition) // ConsultantPlus. 2019. Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 : approved. By the President of the Russian Federation 30.04.2012 // ConsultantPlus.

² Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of cases of administrative offenses»: Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.

³ On Amendments to Article 29.1 of the Federal Law «On Production and Consumption Waste». URL: <https://www.revistainclusiones.org/gallery/5%20VOL%207%20NUM%20Trabajo%20en%20Equipo%20Rev%20Inc.pdf> (accessed 01.12.2019).

management of wastes of production and consumption of classes I to IV of hazard, and on the other hand for similar violations, related to the handling of Hazard Class V waste.

In this connection, it should be noted that in 2018 the Government of the Russian Federation adopted Resolution of 29.06.2018 758 On the rates of payment for negative environmental impact when placing solid municipal waste of class IV (low-risk) and changes in some acts of the Government of the Russian Federation» which provides for rates of payment for negative environmental impact when placing solid municipal waste Category IV (low-risk) hazard, which on the one hand, contributes to the administrative and legal regulation of this sphere of legal relations, on the other, to the development of waste treatment technologies,

In the management of waste of production and consumption, it is necessary to establish a graded system of administrative liability that specifies the actions or omissions in violation of waste treatment requirements. This includes failing to comply with environmental protection requirements in collection, accumulation, transportation, processing, utilization, or decontamination of waste. Non-compliance with environmental protection requirements during the disposal of production and consumption waste, exceeding approved limits for the allocation of waste, and failure to conduct an inventory of waste production and consumption facilities should also be considered¹.

Furthermore, it is important to differentiate administrative liability for non-compliance with requirements and rules related to the safe management of hazardous waste classes I to IV, as well as for violations concerning Hazard Class V waste. The degree of negative environmental impact determines the classification of waste into five hazard classes as per Federal Law 89. Class I is extremely hazardous, Class II is highly hazardous, Class III is moderately hazardous, Class IV is low hazardous, and Class V is practically non-hazardous waste.

To effectively address the treatment of waste from classes IV and V, it is advisable to strengthen differentiation by separately regulating the responsibility for waste treatment from classes I to III, as they pose a real danger to the environment. In 2018, the Russian Government adopted a resolution on payment rates for negative environmental impact when placing solid municipal waste of Class IV. This resolution aims to regulate the legal aspects and promote the development of waste treatment technologies.

The gradual increase in payment rates for negative environmental impact is expected to incentivize entrepreneurs to prioritize waste recycling over landfilling. However, the lack of facilities to handle the entire waste volume might result in most waste still being deposited in landfills, leading to higher tariffs for municipal waste collection.

¹ Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030 : approved. by the President of the Russian Federation 30.04.2012 // ConsultantPlus. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (accessed 01.12.2019).

These measures contribute to the long-term goal of establishing a new and more efficient system for managing production and consumption waste in Russia, ensuring a more rational use of natural resources. Achieving this objective requires the implementation of a centralized system for separate waste collection nationwide.

Сибгатуллина Е. Р.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

International legal issues of environmental protection from plastic pollution

Abstract. In the modern world environmental problems have reached unprecedented proportions. Our civilization of today, as it develops, cause damage to the civilization in future. The article dwells on the current environmental situation that inevitably affects the health of the world's population.

Keywords: ecology, environmental policy, plastic, pollution, environmental law.

The 1972 Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment states: «Man has a special responsibility to safeguard and wisely manage the heritage of wildlife and its habitat, which are now gravely imperiled by a combination of adverse factors».

Currently, the climate is changing and global warming is underway. The reason for this is anthropogenic stress. People are careless about nature, for example, they do not properly dispose of plastic, which creates a greenhouse effect that has a detrimental effect on the environment. Recently, there has been a process of greening international relations and an increase in the number of environmentally oriented legal norms. The emergence of an environmental problem affecting all humanity predetermined the formation of such a branch of international law as international environmental law.

The significance of international environmental law for individual states and for the entire international community is indisputable, and therefore does not require proof. The expansion of environmental ties between all states, the growing environmental interdependence between them, the course towards restructuring international environmental relations on the basis of equality and mutual benefit — all these are the most important factors of modern social development, prerequisites for the development of friendly cooperation between different countries, the consolidation of peace, the creation of a system of international environmental security¹.

We use plastic every day in our daily lives because it is cheap, durable and versatile. Such properties determine the growth of its production. Since the early 1950s,

¹ International environmental law: Textbook / Rep. ed. R. M. Valeev. M.: Statut, 2012. P. 10.

plastic production has grown faster than any other material. However, this predetermined the emergence of new problems — its reuse and recycling. Most often, plastic waste is sent to landfills or incinerated, which negatively affects the environment due to the formation of carbon. In addition, most plastic is dangerous in itself, due to its chemical composition. It should also be said about microplastics, the amount of which has reached gigantic proportions. While large fragments of plastic are easier to notice and remove, microplastic can only be seen under microscopic magnification. This has led to the ubiquity of microplastics — wherever scientists look for plastic, they find it. Thus, German scientists discovered microplastics in the Arctic¹. If we turn to statistics, the scientific journal of the American Association for the Advancement of Science Advances in an article entitled «Production, use, and fate of all plastics ever made» provided the following data: as of 2015, about 6,300 tons of plastic waste were generated, about 9 % of which was recycled, 12 % was incinerated, and 79 % accumulated in landfills or the natural environment².

International organizations are actively involved in solving the problem of environmental pollution, where the main role is played by the UN and its specialized organizations. For example, since 2009, the UN has held annual conferences on climate change. In 1972, after the Stockholm Conference, which approved the need to create an environmental organization, the United Nations Environment Program (UNEP) was established. UNEP's mission is to lead and encourage partnerships to protect the environment by inspiring, informing and empowering countries and people to improve their quality of life without compromising the lives of future generations³. In 1992, the United Nations Framework Convention on Climate Change was adopted⁴. This is a document of a fairly general nature, which states the existence of the problem of climate change and calls for preventing anthropogenic interference in the ecological system.

The importance of environmental issues is now constantly emphasized. Thus, by resolution 55/2 of the General Assembly of September 8, 2000, the United Nations Millennium Declaration was adopted⁵. This document contains a section entitled «Protecting our common environment,» which outlines the need to change the international community's attitude towards nature to a more careful and responsible one. To

¹ Arctic sea ice is an important temporal sink and means of transport for microplastic. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-03825-5> (Date of access: 09.20.2023).

² Production, use, and fate of all plastics ever made. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.1700782> (Accessed: 09.23.2023).

³ UN Environment Programme. URL: <https://www.unep.org/ru/programma-oon-po-okru-zhayuschey-srede> (Date of access: 09.23.2023).

⁴ United Nations Framework Convention on Climate Change dated 05.09.1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (Date of access: 09.25.2023).

⁵ United Nations Millennium Declaration of 09.08.2000. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (Date of access: 09.27.2023).

achieve this goal, obligations arising from international environmental agreements must be fulfilled; to overcome the unsustainable exploitation of natural resources; to intensify cooperation between states in order to reduce the number and consequences of natural and man-made disasters.

As for Russia, our environmental policy is aimed at preventing, minimizing and eliminating negative human impacts on the environment. In the Russian Federation, on August 31, 2002, the Environmental Doctrine was adopted — a document containing the direction of state policy in the field of ecology¹. It was developed based on the recommendations of the 1992 UN Conference on Environment and Development, as well as other subsequent international forums on environmental issues and sustainable development. In fulfilling its environmental protection obligations, the Russian Federation participates in multilateral conventions and intergovernmental agreements. For example, the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Hungarian Republic on cooperation in the field of environmental protection dated December 20, 2002.

Interest in environmental protection is growing, the level of environmental awareness of the population is increasing, which has a positive effect on nature. In this regard, proposals have emerged to create «bioplastic», which may in the future solve the problem of plastic pollutants, since it will consist of biodegradable materials. To combat plastic waste and the causes of its creation, humanity must completely rethink the ways in which virgin and recycled plastics are produced and used, as well as increase legislative initiatives in this area. The introduction of certain standards with penalties can increase the consciousness of citizens and reduce the number of people with unconscious consumption.

Синицина А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Ecological code in Russia: is it necessary?

Abstract. The article raises the problem of legal regulation of environmental protection in Russia. The purpose of this work is to analyze existing instruments in this branch of law and to reflect the need for an environmental code in the Russian Federation.

Keywords: environmental legislation, ecological code, environment protection

Environmental agenda is the hottest topic for all countries over the world and Russia is not an exception. Being the UN member state, Russia implements the Sustainable Development Goals (SDGs), which were adopted by all United Nations Member States in

¹ Order of the Government of the Russian Federation dated August 31, 2002 No. 1225-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 36. Art. 3510.

2015 to end poverty, reduce inequality and build more peaceful, prosperous societies by 2030¹. Besides, The Russian Federation enforces the Agenda and its 17 sustainable development goals at the national and international levels². Also, since 2018 Russia implements national projects in accordance with the national objectives defined by the Decree The President of the Russian Federation from May 7, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation for the period up to 2024». Environment is one of the 12 key areas on which the Decree is spread.

Moreover, in the Russian Federation legal regulation of environmental protection is established in the Administrative Code of the Russian Federation (2001). There are a lot of regulations designed to environmental protection in Criminal Code of the Russian Federation (1996) It includes a chapter on Environmental Offences. Several branches of law established environmental regulations: constitutional law, labour law, international law, etc. The main regulations of environment are established in Land, Water, Forestry Codes of Russian Federation. In 31 August 2002 the Environmental Doctrine of the Russian Federation was approved by Decree of the Government of the Russian Federation. The adoption of the doctrine has made it possible to involve civil society institutions, local governments and business representatives in addressing environmental safety issues. In addition, the openness and accessibility of information on the environmental status of the country has attracted public attention. In the same year, the Federal Law No. 7-FZ «On Environmental Protection» was adopted. The Federal Act determines systematized united the rules of law governing public relations protection, improvement and improvement of the natural environment. Despite the fact that this law is considered to be the main source of environmental law, unfortunately, the adoption of the law did not bring significant results in changing the environmental situation. According to the reports of the Ministry of Nature «On the State and Protection of the Environment of the Russian Federation» from 2000s to 2020s the main environmental problems in Russia still include water pollution (Volga region, Ural, Kuzbass, North Caucasus); air pollution from industrial emissions (Norilsk, Nizhny Tagil, Magnitogorsk, Novokuznetsk, Cherepovets, etc.) There is an ever-increasing amount of production and consumption waste, including toxic waste (Moscow, Kemerovo, Tyumen Oblast); soil pollution, desertification and degradation of vegetation cover in several regions, reduction of species composition of flora and fauna. The state of the environment in the Volga basin is particularly precarious³.

In accordance with this information we can insure in the importance and relevance of supporting environmental protection. This fact leads us to consider the need to adopt a systematic set of rules governing environmental relations. Russian society

¹ The United Nations Website. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/sustainable-development-goals>.

² The United Nations sustainable development Website. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.

³ The website of the Ministry of Ecology and Natural Resources // URL: <https://www.mnr.gov.ru/> (Date of access: 09.27.2023).

needed a document that would ensure the protection of the natural environment and the order of rational consumption of natural resources. Many lawyers have long talked about the creation of a single document, which will be a figurative environmental «constitution» in Russian legislation. The concept of the Environmental Code is an adoption of a perfect new intersectoral act, which will be more legally valuable than sectoral nature codes (land, water, forest), nature conservation (conservation the environment, the protection of the air, the animal world, etc.)¹. On the basis of the principles and objectives of codification of the legislative branch, it is possible to understand that the development of this type of instrument is currently impossible, but Russian legislation needs to purposefully formulate criteria, on which a code could be based in the future. There is a need to develop environmental law enforcement and compliance federal environmental legislation system of the constituent entities of the Federation. It is known that, in foreign practice, there are successful examples of codification, for example, in France. The Environmental Code of France is a systematic set of rules governing environmental relations, but it is the result of incorporation².

In conclusion, it is not difficult to understand, that Russian legislative in the sphere of environment protection needs to be modernize. The problem of the united code aimed at supporting environmental situation is still relevant for Russian legislators. To find the solution Russian legislators need to make a review of existed political and strategic documents, withdraw duplication of provisions and create a new act. Besides, it is very important to attract attention of the society as well as local and federal authorities to the environmental problems primarily in the sphere of excess consumption and the generation of household waste to attract attention.

Шерстобитова М. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

Greenwashing

Abstract. The article addresses the issue of those companies neglecting basic moral principles and abusing marketing tools in the condition of insurmountable competition in the global manufacturing area. It also defines the phenomenon of greenwashing in all its manifestations, gives an explanation of the importance of the problem, such as resulting in distrust of companies and government agencies, undermining the authority of information resources and reduction of the concern about environmental problems. It is concluded that

¹ A. K. Golichenkov (2001). Concept of the Environmental Code of the Russian Federation: main provisions. *Modern Environmental Law in Russia and Abroad*, (2001), 19–28.

² The website Code de l'environnement. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074220/ (Date of access: 09.27.2023).

the problem affects not only the law on violation of consumer rights, but also other areas of law. That is why it is crucial in the initial circumstances.

Keywords: greenwashing, marketing, consumer rights, legal regulation

To begin with it is worth mentioning the definition of the phenomenon of Greenwashing. Greenwashing¹ is a special marketing move aimed at creating an environmentally friendly reputation of the company, which consists in increasing the company's expenses mainly on marketing rather than on environmentally friendly production and minimalizing affects to the environment. In modern times, many companies resort to this ploy due to the relative high cost of organizing technologically correct production and obtaining an official certificate of compliance with environmental standards. As a result, consumers mistakenly begin to believe that by using the products of companies that resort to greenwashing, they help the environment, although, in fact, this is just a misconception.

As a result of such actions, the most negative consequence, which is the emergence of an existential problem, happens. It is expressed in the masking of inaction in relation to solving environmental problems. Subsequently, climate terror grows.

Greenwashing can take many forms, such as depicting natural patterns on packaging, so that people had associations with ecological products, falsely certified marks and slogans, but the most popular is the packaging. It is the most catching and defining part of the product, providing the consumer with all the information about the product, including the place of the production, composition, instruction, etc. At the same time, the label is also almost the only thing that can be affected by the law, since it has a formal tangible fixation. For that reason most of the legal regulation of this issue is aimed at these aspects of products.

In Russia, the concept of greenwashing or green camouflage is not widespread, but there is the so-called eco-labeling, the unreliability of which infringes on the right of consumers to reliable information, the right of competitors to a fair competitive environment and the environment, which, although not directly reflected in the Russian legislation, refers to administrative offenses. In the Russian Federation, from a legal point of view, eco-labeling is regulated mainly by such a legal act as GOST. It is important to note that such labeling is a sign of environmental friendliness, not safety or quality. It is important to take this into account when further considering legal documents.

Thus, in Article 3 and subparagraphs of GOST² establishes only rules about the format of information on the product, as well as the accuracy and proof of wording. This

¹ Krotov K. Legal liability for false eco-marking in Russia and foreign countries. Humanities and law research. 2018;(1):159-164.

² GOST R 51074-2003. National standard of the Russian Federation. Food products. Information for the consumer. General requirements (approved by Decree of Gosstandart of Russia from 29.12.2003 № 401-st) (ed. from 29.11.2012).

information is of a recommendatory nature, except for some paragraphs with specified obligations like prohibition of applying the word combination «Ecologically clean» without the documents. In any case, the GOST does not express in any way the necessity of strict compliance with these norms, nor the options of punishment for non-compliance.

As for the CAO RF¹, it regulates the relations arising in the process of sale and purchase between the seller, consumer and goods, as well as producers. Although the Code of Administrative Offenses in Chapter 14 tries to assign the status of a violation of greenwashing as such through the fact that it is expressed in the misleading of the consumer and violation of the rules of fair competition, but there is no direct legislative fixation on this issue.

The problem of greenwashing and so-called «eco-labels» is widespread in many countries with high industrial development, so a comprehensive solution is required, with assistance from each country.

It would be right to draw a parallel, for example, with America, where greenwashing also receives considerable attention. Legal regulation there is carried out by the Federal Trade Commission (FTC)², which, in contrast to GOST, not only provides legal protection for consumers and the competitive environment, but also indicates the rules that can be followed to avoid getting into the greenwashing system. The Commission itself is an independent body based only on the Federal Trade Commission Act.

We can observe that in one of the states there is a partly theoretical component of legal regulation, and in the other — the body that implements this regulation.

One of the main conclusions on this topic is that, with all the measures already taken, this area requires even more attention and legal regulation in order to mitigate the damaging effects.

Concerning all the things said above, would be fair to mention accurate attributing greenwashing to offenses in a specific branch of law as one of the initial measures or more precisely categorizing greenwashing violations into a specific area of law. The creation of a separate structured instrument legally regulating the principles of marketing by competitive producers may also be considered. In addition to this, it would be fair to develop a stricter system for obtaining a certificate of compliance. From this follows the need for stricter sanctions for violation of consumer rights and a comfortable competitive environment. Considering all of the above, it would be logical to propose the formation of a body in charge of and controlling the whole system of supervision.

¹ Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. of 04.08.2023) (with amendments and additions, in force since 01.10.2023).

² Federal Trade Commission. Protecting America's Consumers // URL: <https://www.ftc.gov> (Date of access: 09.27.2023).